И 134/557

Особые оттиски изъ VII кн.

Записокъ И. Р. Г. Общества.

И 134/557

Mn/674

И 134/557

ДНЕВНИКЪ

ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛАТКИНА,

ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ПЕЧОРУ,

ВЪ 1840 И 1843 ГОДАХЪ.

17138-47

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1853.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 12 Мая, 1853 года.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

17138-44

2007043786

Особые оттиски изъ VII книжки Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ДНЕВНИКЪ

ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА

ЛАТКИНА,

ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ПЕЧОРУ,

въ 1840 и 1843 годахъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

—

Дневникъ этотъ представляется публикѣ почти въ томъ видѣ, какъ онъ веденъ, съ небольшими измѣненіями. Замѣтки и наблюденія автора о краѣ отдаленномъ, малоизвѣстномъ и пустынномъ весьма любопытны; онѣ сливаются съ его личными впечатлѣніями и разными путевыми обстоятельствами; отбросить ихъ и перемѣнить форму дневника на другую редакція Записокъ считала неудобнымъ: она полагала, что этимъ отниметъ у нихъ многія занимательныя подробности, которыя непримѣтно сливаются съ личностью путешественика и лишитъ ихъ интереса, живости и наглядности. Читателямъ, безъ сомнѣнія, пріятнѣе будетъ, въ безъискусственномъ разсказѣ слѣдовати за самимъ путешественникомъ, переносясь съ нимъ отъ одной любопытной мѣстности къ другой и какъ-бы обозрѣвая ихъ собственными глазами, чѣмъ читать предлагаемыя имъ свѣдѣнія къ сухомъ статистическомъ перечнѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Есть на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи край пустынный, мало-населенный, но таящій огромныя богатства всѣхъ трехъ царствъ природы, край, куда не проникала еще промышленная дѣятельность, гдѣ мощныя начала будущаго благоденствія тысячъ людей остаются пока въ бездѣйствіи. Это—край Печорскій, сопредѣльный къ востоку съ западными склонами Урала, къ югу и западу простирающійся до истоковъ рѣкъ: Камы, Вычегды, Выми и Чайчина, или Тиманскаго Камня, съ сѣвера омываемый Ледовитымъ Океаномъ. Онъ обнимаетъ, съ островами Вайгачемъ и Калгуевымъ, до $6^1/_2$ тысячъ кв. географическихъ миль *).

Вся эта площадь прорѣзана рѣкою Печорою, отъ которой

*) По исчисленію графа Кейзерлинга.

самый край получилъ названіе Печорскаго. Рѣка Печора, вытекая изъ Уральскаго Хребта въ Пермской Губерніи, на протяженіи своемъ около 2 т. верстъ, принимаетъ въ себя до 80 большихъ и малыхъ притоковъ.

Огромныя лѣсныя пространства этого края, богатыя рыбныя и звѣриныя ловли, море, обильное животными, обширныя тундры, питающія многочисленныя стада оленей, неизслѣдованныя минеральныя богатства Урала и, съ тѣмъ вмѣстѣ, малочисленность, бѣдность обитателей, почти совершенное отчужденіе этого обширнаго края отъ круга торговой дѣятельности государства— издавна привлекали мое любопытство. Я стремился туда съ цѣлью—изслѣдовать и описать его и, если возможно, учредить компанію, чтобъ, съ помощью ея капиталовъ, развить тамъ промышленость, воспользоваться природными богатствами края, досихъ-поръ какъ-будто бы забытыми и неприносящими никакой пользы. Съ этою цѣлью я былъ два раза въ этомъ краю; слушалъ разсказы разноплеменныхъ его обитателей, внимательно всматривался въ ихъ бытъ, нравы, обычаи, занятія, промыслы, собиралъ преданія, изучалъ мѣстность, вглядывался въ богатства этой страны, и такимъ образомъ собралъ много свѣдѣній, на которыхъ основалъ мои предположенія.

Повѣривши нѣкоторымъ лицамъ эти предположенія и ободренный ими, я утвердился въ своихъ убѣжденіяхъ. Такъ рѣшился я на поѣздку въ Печорскій Край въ 1840 году. Живя

тогда въ Пермской Губерніи, я черезъ Чердынъ перебрался на систему водъ Печоры; но, къ сожалѣнію, обстоятельства заставили меня оставить край прежде, чѣмъ я успѣлъ окончить его обозрѣніе.

Между тѣмъ, чтобъ новыми свѣдѣніями подкрѣпить прежнія соображенія, я снова отправился, въ 1843 году, изъ С. Петербурга на Печору, чрезъ Устьсысольскъ и Печорскій Волокъ. Обозрѣвъ страну по Усѣ до Урала, по Печорѣ до ея устья и по Ижмѣ до ея вершинъ, съ которыхъ перебрался на Вычегду, и сдѣлавши верхомъ, пѣшкомъ и лодкой по горамъ разнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, болѣе 8 т. верстъ, я возвратился, поздной осенью, въ октябрѣ, въ Устьсысольскъ, а оттуда въ С. Петербургъ,

Еще осенью 1843 года началъ я приводить въ порядокъ дневникъ поѣздокъ моихъ на Печору; но разныя обстоятельства лишили меня возможности кончить тогда начатый трудъ *). Представляя его нынѣ на судъ публики, прошу снисхожденія къ нескладному, можетъ быть, разсказу моему, составленному изъ путевыхъ замѣтокъ. На литературное его достоинство я не имѣю никакого притязанія: развлеченный съ самыхъ раннихъ лѣтъ разными трудами и заботами, я не могъ получить никакого образованія, а все пріобрѣтенное мною въ русскомъ словѣ есть плодъ необходимости, которая была очевидна при за-

*) Часть дневника была напечатана въ журналахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

нятии такимъ важнымъ дѣломъ, какъ учрежденіе Печорской Компаніи; но прошу читателей обратить благосклонное вниманіе на самую мысль, которая увлекала меня на трудъ и занимала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ моей жизни. Кто знаетъ? можетъ быть, этимъ положено начало одному изъ полезнѣйшихъ предпріятій; по-крайней-мѣрѣ утѣшаю себя этою мыслью, а потому не считаю совершенно безплодными труды мои и потраченное время.

I.

Предположенія. — Пермь. — Чердынъ: проѣздъ до этого города. — Дедюхинскій солеваренный заводъ; промышленость жителей Чердынскаго Края. — Село Ны́рыбъ. — Рѣка Вишерка. — Рыбакъ. — Чусовское Озеро. — Рѣчка Березовка. — Истребленіе кедровъ при сборѣ шишекъ. — Устьеловская Пристань. Рѣка Вогулка. — Пристань Пуповая. — Печорскій Волокъ. — Рѣка Волосяница. Печора. — Деревня Устьволосяница. — Якшинская Пристань. — Рѣка Безволосная.

Пермь. Мая 23-го **1840** *г.*

Наконецъ я рѣшился ѣхать на сѣверъ Россіи, исполняя давнишнее желаніе мое — обозрѣть пустынный край Печоры. Хорошо, если бы я успѣлъ доплыть до устьевъ Печоры, потомъ достигнуть вершинъ Усы и пробраться до Соби, притока въ Обь. Нелишнимъ было бы также подняться по нѣкоторымъ истокамъ Печоры, болѣе другихъ извѣстнымъ обиліемъ лиственничныхъ и сосновыхъ лѣсовъ, растущихъ по ихъ берегамъ. Путь мой труденъ; но еще труднѣе исполненіе предположеній моихъ. Нужно немало терпѣнія, чтобъ достигнуть цѣли. И достигну ли ее? Но надежда подкрѣпляетъ меня въ моемъ предпріятіи, когда подумаю, что обширное пространство, орошаемое Печорою и ея притоками, изобилуетъ вѣковыми лѣсами; что эти рѣки, богатыя рыбою, тундры, наполненныя многочисленными стадами оленей, Ледовитый Океанъ со множествомъ животныхъ, минералы Сѣвернаго Урала еще вовсе не изслѣдованы и что не даромъ ходитъ молва о возможности соединенія Оби съ Печорой. Можетъ быть, и я успѣю что-нибудь сдѣлать.

Чѣмъ чаще бываю я въ Перми, тѣмъ болѣе нравится мнѣ мѣстоположеніе этого города. Онъ расположенъ вдоль лѣваго возвышеннаго берега Камы. За рѣкой, здѣсь уже довольно-широкой, на большомъ пространствѣ зеленѣетъ темный лѣсъ; тамъ необитаемая пустыня.

Чердынъ, 8 *iюня*.

4-го iюня выѣхалъ я изъ Перми. На пути въ Чердынъ со станцiи Веретеи, я ѣздилъ въ лодкѣ по Камѣ на дедюхинскiй казенный соловаренный заводъ. Здѣсь Кама уже неширока. Берега покрыты приплавленными для соляныхъ заводовъ дровами, которыхъ потребляется въ казенномъ и частныхъ промыслахъ до 160 тысячъ саженъ, а соли вывaривается до 7 мил. пудъ. Въ первый разъ я видѣлъ, какъ вывaривается соль, которою такъ богатъ этотъ край. Въ Дедюхинѣ разсолы чрезвычайно добротны; нѣкоторые по солометру до 27%; при варкѣ мѣшаютъ ихъ съ слабыми разсолами. Мнѣ хотѣлось взять съ собой трубнаго мастера, чтобъ на Печорѣ и Вычегдѣ испытать извѣстные соляные ключи, но, къ сожалѣнiю, не нашелъ охотника. Къ вечеру я возвратился на станцiю, а въ 10 часовъ прiѣхалъ въ Солекамскъ. Проѣздъ изъ Солекамска до Чердына, въ 105 верстъ, очень неудобенъ: дороги неусроены, песчаны и вся страна кажется бѣдною, неплодною, а жители—бѣдными. Во многихъ мѣстахъ деревни изъ нѣсколькихъ дворовъ, да и то бóльшая часть ихъ, а иногда и всѣ пусты, будучи оставлены бѣдными обитателями, переселившимися въ другiе уѣзды губернiи, особенно въ Осинскiй и занявшими тамъ землю. Но переселенцы эти нерѣдко принуждены бываютъ оставлять и новыя жилища свои и вести полукочующую жизнь: перебираясь изъ починка въ починокъ*), они привыкаютъ къ неудобствамъ переѣздовъ и, къ сожалѣнiю, занимаютъ дурныя наклонности у Башкировъ, Чердакъ (Чердынецъ) считается тамъ нелучше Башкира. Я жилъ нѣсколько лѣтъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ туземцы — Башкиры, вѣроятно, остатки воинственныхъ Монголовъ, а новые обитатели — переселенцы изъ разныхъ губернiй.

Приближенiе къ сѣверу замѣтно на каждомъ шагу. Хлѣбъ въ другихъ мѣстахъ уже колосится, а здѣсь поднялся отъ земли только на двѣ четверти; яровые же едва взошли. Неблагодарная земля не вознаграждаетъ трудовъ; часто и удобриванiе не помогаетъ. По пути есть корабельныя рощи; онѣ окопаны и ограждены карауломъ.

Особеннаго вниманiя заслуживаетъ положенiе здѣшнихъ дровопоставщиковъ на частные соляные заводы. За небольшую плату

*) Новую деревню въ Осинскомъ Уѣздѣ называютъ «починокъ».

(отъ 3 руб. асс. за сажень) они рубятъ дрова, длиною въ 6 четвертей, въ 5-ти и даже 10-ти верстахъ отъ рѣкъ, свозятъ ихъ на берегъ и сплавляютъ иногда за 400 верстъ. Плоты ихъ нерѣдко разбиваются; тогда всѣ труды ихъ пропадаютъ и они остаются въ неоплатномъ долгу; а между-тѣмъ сдача дровъ, даже выгрузка ихъ на берегъ, особенно разсчетъ — сопряжены съ большими затрудненіями.

Чердынъ *) расположенъ на высокомъ правомъ берегу Колвы, которая, протекая съ сѣвера по обширной долинѣ, разрѣзываетъ ее во всѣхъ направленіяхъ, потомъ теряется вдали и впадаетъ въ Вишеру, текущую отъ самаго Уральскаго Хребта. Городъ довольно-хорошо обстроенъ; есть каменные домы и нѣсколько церквей. Здѣсь всегда сухо, потому-что грунтъ песчаный и порядочная покатость къ берегу. Въ соборѣ замѣчательна стѣнная живопись. Близъ него, какъ-бы на отдѣльномъ холмѣ, построена каменная часовня, надъ тѣлами 85 гражданъ, убитыхъ въ сраженіи съ Нагайскими Татарами, сдѣлавшими набѣгъ на здѣшній край въ 7,055 году. На берегу, близъ города, еще замѣтны слѣды земляныхъ укрѣпленій; но валъ, гдѣ теперь бываетъ гулянье, во многихъ мѣстахъ сравнялся съ долиной. Виды изъ города прелестны. За рѣкой, на огромномъ пространствѣ, луга́, усѣянные кустарниками, а вдали, за Вишерою, возвышаются исполины края — горы Уральскаго Хребта. Главная изъ этихъ горъ называется *Поманеной*. Онѣ тянутся къ сѣверу. Есть горы и ближе, на правомъ берегу Вишеры. Одна изъ нихъ отдѣлилась высокою скалой; ее зовутъ *Полидовой*; она, какъ барометръ, предсказываетъ измѣненія погоды: бѣлизна камня хорошую погоду, а синева — дурную.

Жители Чердына и ближайшихъ деревень, особенно села Починскаго, ведутъ торговлю на значительныя суммы; у нѣкоторыхъ полагаютъ капиталъ до 100 тысячъ руб. сер., даже болѣе. Главный торгъ ихъ пушными товарами въ Ирбитѣ и на нижегородской ярмаркѣ; многіе занимаются и торговлей хлѣбомъ, который везутъ изъ Сарапула и часть отправляютъ на низовье Печоры, а оттуда доставляютъ произведенія того края. Прежде многіе покупали то-

*) Названіе Чердына составлено изъ зырянскихъ словъ: Черъ (топоръ) и дынъ (устье рѣки) или комель дерева. Близъ Чердына есть рѣчка Черъ, слѣдовательно Чердынъ названъ по устью рѣки Черы. По-русски Усть-черскъ, что́ по-зырянски выходитъ Черъ-дынъ.

чила и брусья изъ Печорской Горы и сбывали ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Жители Чердынскаго Уѣзда занимаются звѣроловствомъ; въ иной годъ настрѣливаютъ не одну сотню тысячъ бѣлокъ; удачно выкармливаютъ въ особыхъ клѣткахъ лисицъ*). Но главное занятіе ихъ — поставка дровъ на солеваренные заводы. Многіе крестьяне занимаются также судостроеніемъ и работою на судахъ, зимой перевозками грузовъ въ Ирбитъ, прямо черезъ горы, мимо Верхотурья, равно и на Якшинскую Пристань на Печорѣ, и оттуда въ Чердынъ, и на Устьсловскую Пристань. Хлѣбопашество, по дурному грунту земли и холодному климату, мало вознаграждая труды, производится слабо. Собираемаго хлѣба никогда не достаетъ, а купцы привозятъ его изъ Сарапула. Употребляемыя здѣсь суда называются шитики, каюки, павозки и тихвинки. Шитики, длиною отъ 8 до 12 саженъ, поднимаютъ иногда отъ 10 до 12 тысячъ пудъ; каюки и павозки, длиною отъ 5 до 8 саженъ, поднимаютъ отъ 1,200 до 2,000 пудъ и больше. Построеніе судовъ обходится очень дешево, по чрезвычайному обилію въ лѣсѣ и по недорогой платѣ за работу. Суда строятъ преимущественно при селѣ Выльгортѣ и деревнѣ Волимѣ.

Въ Чердынѣ я купилъ себѣ лодку съ каютою; но, къ сожалѣнію, ее очень долго устроивали.

Въ лодкѣ по рѣкѣ Колвѣ 15 іюня.

Вчера въ полночь я простился съ Чердыномъ. Сегодня бѣжали мы немного парусомъ; вѣтеръ намъ благопріятствовалъ.

16 іюня.

Переночевавъ въ лодкѣ у перевоза, мы заплатили дань комарамъ, которыхъ ночью было чрезвычайно много. Утромъ съ однимъ изъ моихъ спутниковъ мы отправились пѣшкомъ по лѣвому берегу въ село Нырыбъ, а лодку рабочіе потянули по Колвѣ. Часа полтора

*) Шерсть выкормленной лисицы всегда бываетъ хуже, чѣмъ на дикой; но Чердынцы такъ искусны въ воспитаніи лисицъ, что очень трудно различить шкуры дикой лисицы отъ домашней; подъ конецъ выкормки, они морятъ лисицъ голодомъ, даже переламываютъ имъ ноги, чтобъ страданія отняли жиръ у бѣднаго звѣря, послѣ чего шерсть на нихъ дѣлается длиннѣе и пушистѣе.

мы шли лугами, усѣянными кустарниками; все цвѣло и благоухало; солнце, поднимаясь на горизонтъ, усиливало жаръ. На перевозѣ черезъ рѣчку Низьву мы выкупались; отъ нея часъ пути до села Изкара. Здѣсь названія рѣкъ и селеній напоминаютъ о Зырянахъ: Вильгортъ, Изкаръ, Нырыбъ, Колва, Низьва — все это зырянскія названія; теперь здѣсь живутъ Русскіе, или, можетъ быть, обрусѣвшіе Зыряне. Село Изкаръ, вѣроятно, было прежде городомъ, какъ можно заключить по остаткамъ вала, внѣ селенія, и по самому названію села (Изкаръ по-зырянски значитъ каменный городъ). Изкаръ съ каменною церковью расположенъ на косогорѣ довольно-значительной возвышенности. Былъ полдень, когда мы вышли изъ Изкара. Зной ужасный! Часа черезъ два мы завидѣли церкви въ Нырыбѣ и, утомленные, пришли туда, пройдя до 23 верстъ по сыпучимъ пескамъ въ полуденный жаръ. Отдохнули и начали обозрѣніе съ каменной часовни, построенной надъ ямою, гдѣ содержался невинный страдалецъ — юноша Михаилъ Никитичъ Романовъ. Со свѣчей спустились мы въ яму, гдѣ было сыро, какъ въ могилѣ. Яма внутри обложена камнями; въ одной стѣнѣ устроена маленькая печь, согрѣвавшая узника; вверху небольшое отверстіе, куда подавали ему пищу. На стѣнѣ часовни надпись, что въ 7109 году, лѣтомъ, привезенъ Романомъ Пушинымъ со стражею, въ темной кибиткѣ, Михаилъ Никитичъ Романовъ, и что чрезъ годъ онъ скончался и тѣло его предано землѣ на мѣстѣ нынѣшней теплой церкви Богоявленія, а потомъ увезено въ Москву, обрѣтенное нетлѣннымъ. Въ церкви мы видѣли гробницу, устроенную на мѣстѣ могилы страдальца; тамъ же хранятся тяжелыя цѣпи, которыми былъ скованъ узникъ. Извѣстно, что Михаилъ Никитичъ Романовъ былъ богатырь и по росту и по силѣ; но едва вѣришь, чтобъ эти наручники и наножники были на человѣкѣ: такъ они огромны; одинъ замокъ вѣситъ болѣе 10 фунтовъ. Церковь Николая Чудотворца древней архитектуры; внутри стѣнная живопись. Священниковъ не было: они уѣхали по своему обширному приходу. Въ Нырыбѣ всегда есть богомольцы; сюда приходятъ издалека поклониться образу Чудотворца. Въ 6 часовъ вечера мы отправились пѣшкомъ ночевать въ деревню Ветланъ, куда и пришли въ 8 часовъ; около насъ собрались крестьяне и мы долго разговаривали. Тамъ я встрѣтилъ печорскихъ Зырянъ; они работаютъ почти изъ одного хлѣба. Утромъ, въ ожиданіи лодки, я взобрался на громадную

скалу, отвѣсно возвышающуюся надъ Колвою. Чудесный видъ! Къ югу извивается Колва по долинѣ, усѣянной кустарниками; вдали синѣютъ и зеленѣютъ лѣса, подымаются холмы длинными грядами; къ сѣверу рѣка терятся между громадными горами и на нихъ, какъ гнѣзда, видны двѣ деревеньки; на востокѣ ярко сіяетъ солнце; въ пролѣскахъ едва виднѣются домы деревни Ветланъ; вездѣ море зелени.

Колва быстра. Вода прибываетъ, а потому мы медленно поднимались вверхъ; уже ночью проходили подлѣ горы, прямою скалою возвышающейся на правомъ берегу. Говорятъ, будто въ верстѣ отъ берега есть въ горѣ обширная пещера, а внутри ея озеро. Жители увѣряютъ, что въ три дня не обойти всю окружность этого подземнаго пространства. Есть преданіе, что тамъ когда-то жила дѣва-богатырь; она садилась на вершину скалы и пряла, а потому скала и носитъ названіе *Дивьей*. Теперь мы на ночлегѣ. Сегодня рабочіе перемокли, утомлены работой и уже спятъ около огня. И внутри и внѣ каюты тьма комаровъ. Сію минуту проплылъ мимо насъ плотъ; быстро несли его струи Колвы, и, странно, имъ никто не управлялъ; рабочіе спали подлѣ дымокура*); видно, и они устали, какъ мы, подумалъ я.

18 *іюня.*

Въ 10 часовъ утра вошли въ рѣку Вишерку, впадающую справа въ Колву. Колвой мы шли отъ Чердына до Вишерки 23 чемкоса. Чемкосъ содержитъ, примѣрно, 5 верстъ; но иногда эти чемкосы столь длинны, что едва дождешься урочнаго мѣста, откуда начинается другой чемкосъ. Эти урочныя мѣста означаются или устьемъ какой-либо рѣчки, или сосновою рощею, или холмомъ. Чемкосъ происходитъ отъ двухъ зырянскихъ словъ: чемъ (клѣтка) и костъ (промежутокъ); пространство между клѣтками составляетъ чемкостъ, или чемкосъ. Рѣка Вишерка течетъ изъ Чусовскаго Озера, имѣетъ ширины около 20 саж., глубока и потому неочень быстра; вода въ ней темнаго цвѣта, но чиста; берега большею частью лѣсисты; мѣстами луга покрыты сочною травою. На одинъ чемкосъ отъ устья находится такъ-называемый перекопъ, или каналъ, сдѣ-

*) Дымокуромъ называютъ зажженное гнилое дерево; оно горитъ медленно, а отъ него много дыму, который гонитъ комаровъ.

ланный бывшимъ арендаторомъ Брусяной Горы, чердынскимъ купцомъ Валуевымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вишерка заворачиваетъ къ сѣверу и дѣлаетъ кругъ около двухъ чемкосовъ; перекопомъ же надобно идти не болѣе 70 саженъ. Къ сожалѣнію, каналъ сдѣланъ неудачно въ томъ пунктѣ, гдѣ теченіе рѣки не имѣетъ уже направленія къ берегу, и потому до-сихъ-поръ, въ продолженіе, можетъ быть, 40 лѣтъ, только весною лодки могутъ проходить этимъ каналомъ. Сегодня много помогалъ намъ попутный вѣтеръ и мы прошли съ устья Вишерки $4^1/_2$ чемкоса. Слава Богу, воды пока достаточно: это даетъ надежду пройдти безъ затрудненія маленькими рѣчками. Теперь совершенно тихо; отъ комаровъ и въ накомарникѣ мало защиты. Я устроиваюсь въ моей каютѣ, гдѣ довольно-удобно.

19 *іюня.*

Сегодня съ утра мелкій дождь. Мы плыли на греблѣ и потому очень медленно; о бечевникѣ въ этой пустынѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, и думать нечего. Пройдя съ ночлега $3^1/_2$ чемкоса, мы остановились въ деревнѣ Ѳадиной, состоящей всего изъ 12 домовъ. Она расположена на косогорѣ праваго берега. Жители занимаются рыбною ловлею въ Вишеркѣ, иногда на Чусовскомъ Озерѣ; вообще они бѣдны; хлѣбопашество ничтожно; для скотоводства было бы приволье, но имъ занимаются мало. Отсюда начинается уже пустыня. Теперь мы на ночлегѣ. Рабочіе раскинули палатку и спятъ. Темно. Съ сѣверо-запада поднялась туча; молнія озаряетъ мрачную окрестность лѣсныхъ дебрей; громъ грохочетъ; ливмя льетъ дождь. Съ каждымъ переходомъ въ новый истокъ путь намъ становится тѣснѣе и тѣснѣе; трудность его увеличивается.

20 *іюня.*

Пройдя съ ночлега 4 чемкоса, мы достигли хижины стараго рыбака Филиппа. Онъ изъ деревни Ѳадиной, одинъ изъ потомковъ Ѳаддея, основателя деревни. Филиппъ зиму и лѣто живетъ большею частью здѣсь; хижина его, баня и амбаръ съ погребомъ построены на довольно-возвышенномъ и лѣсистомъ берегу Вишерки. Подлѣ избы двѣ могилы; на одной изъ нихъ большой крестъ; въ нихъ

погребены дочери прежняго рыбака. «Тебя уже мы давно ждемъ (сказалъ мнѣ рыбакъ); слухъ прошелъ, что ты ѣдешь, а все нѣтъ, да нѣтъ». Филиппу лѣтъ около 60-ти. Онъ настоящій житель лѣсовъ: загорѣлый, въ грязной рубахѣ и лузанѣ*). Онъ подчивалъ меня рыбьимъ жиромъ и удивлялся, что я отказываюсь отъ такого лакомства. Мѣсто жилья его называется Семь Сосенъ; но ихъ уже давно нѣтъ. Пройдя одинъ чемкосъ, мы миновали устье порядочной рѣчки Лариной, впадающей съ лѣвой стороны въ Вишерку. Здѣсь берега рѣки болѣе открыты и низменны; по сторонамъ вездѣ малыя озера и заливы; все это показывало близость большаго озера. Филиппъ, въ легкой набойницѣ (лодкѣ) настигъ насъ. Я поѣхалъ съ нимъ въ своемъ маленькомъ челнокѣ. Мы скоро ушли изъ виду большой лодки, и ловили рыбу изъ мордъ*). На мое счастіе попало до десятка язей. Наконецъ мы подплыли къ озеру; оно въ чемкосѣ отъ р. Лариной и въ двухъ отъ Семи Сосенъ. Довольно-сильный противный вѣтеръ дулъ съ запада и мы остановились на развалинахъ Филипповой хижины. Здѣсь онъ жилъ лѣтомъ, но весенняя вода разрушила пріютъ его. Филиппъ платитъ въ казну оброка 20 руб. сер. за право ловить рыбу отъ устья озера по рѣкѣ Вишеркѣ на 6 чемкосовъ. Въ прошлую зиму была ему большая удача: онъ наловилъ до 1,000 пудъ язей, щукъ, сиговъ и проч., но это невсегда случается; все-таки здѣшнія мѣста очень удобны для рыбной ловли. Въ ухѣ изъ ершей мы сварили крупную рыбу и поужинали порядочно. Наступила ночь; вѣтеръ затихъ, и въ 10 час. мы простились съ Филиппомъ; я далъ ему пороху, дроби и соли, и онъ былъ очень благодаренъ. Мы поплыли по гладкой поверхности озера, въ которомъ отражалось ясное небо и прибрежные лѣса. Чусовское Озеро длины до 10 верстъ, а ширины мѣстами до 5. Съ запада оно окружено горами, къ юго-востоку мѣстами низкими, а сѣверная сторона его, мимо которой мы плыли, покрыта лѣсомъ. Довольно далеко

*) Лузанъ — просто кусокъ сукна, съ дырою въ серединѣ, чтобъ надѣвать на плечи, съ ремнями у передняго конца и съ карманомъ въ другомъ, который приходится на спину; его надѣваютъ сверхъ платья и опоясываютъ ремнями, а въ карманѣ хранится дневный запасъ звѣролова.

**) Мордою называютъ сдѣланный изъ тонкаго ивняка вѣтель; она бываетъ разной длины, но не больше какъ около полутора аршина. Входъ въ морду окруженъ острыми спицами, торчащими внутрь морды, такъ-что рыбѣ пройдти въ нее удобно, а выйдти нельзя. Морды спускаются между кольями.

вдались въ озеро нѣсколько мысовъ, покрытыхъ сосновыми рощами. Озеро вообще неглубоко; мало мѣстъ, гдѣ воды было бы до 2 саж.; оно тинисто, а потому обильно рыбою. На немъ содержитъ теперь рыбную ловлю какой-то Пермякъ, за 120 руб. асс. У него 12 работниковъ: Неводы длиною до 200 саж. Рыболовы живутъ на западномъ берегу. Налавливаемую рыбу солятъ, а часть доставляютъ въ Пермь будто бы живою. Большею частью попадаются язи, щуки, судаки, а иногда и лини. Въ устьѣ озера протянутъ неводъ, чтобъ рыба не проходила въ рѣку. Каждый арендаторъ бережетъ рыбу въ своемъ владѣніи. Когда мы вышли въ озеро, слабый вѣтерокъ колыхалъ его поверхность, заря глядѣлась въ ней; въ туманѣ едва были видны отдаленные берега; часть горизонта на западѣ покрывалась опять темными облаками. Довольно быстро плыла наша лодка. Вотъ мы подошли къ мысу, потомъ къ другому; его называютъ «Серединнымъ»: онъ въ самой срединѣ озера. Въ полночь мы вошли въ устье Березовки, тутъ отдохнули часа три и поплыли дальше. Всего хода по Березовкѣ 9 чемкосовъ. Пройдя три, мы встрѣтились съ рыбакомъ Михайломъ, старшимъ братомъ Филиппа. Онъ держитъ на оброкѣ рыбныя ловли по Березовкѣ на 5 чемкосовъ, и платитъ 150 руб. асс. въ годъ. Не спрашивая кто я, Михайло ужь знаетъ куда я ѣду: вѣсть прошла въ этихъ пустыняхъ о моемъ странствованіи. Онъ подарилъ намъ нѣсколько крупныхъ язей и щукъ, а я далъ ему пороху, дроби и соли — это предметы первой необходимости въ пустынѣ.

Берега Березовки прекрасны, покрыты кустарниками, рощами; почти вездѣ высокая густая трава пырей, самая питательная для скота. Рѣка мѣстами неглубока, ширины около 10 саженъ и болѣе. Здѣсь уже есть теченіе, которое становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ дальше отплываемъ отъ озера. Мы иногда охотились, но дичи мало; зато, говорятъ, весною на рѣкахъ и озерахъ множество утокъ, гусей и лебедей: пролетая далѣе къ сѣверу, они отдыхаютъ и въ чусовскомъ бассейнѣ.

Полночь на ночлегѣ 21 іюня.

Мы не дошли только на одинъ чемкосъ до пристани Устьеловки, однакоже сегодня подвинулись на 7 чемкосовъ. Воды здѣсь пока еще довольно; что-то будетъ завтра въ Вогулкѣ? Вечеромъ плыли

между сосновыми рощами, гдѣ мѣстами есть кедры, и, по мѣстному обыкновенію, совершили преступленіе: срубили одинъ кедръ; впрочемъ, онъ и безъ насъ не избѣжалъ бы этой участи, потому-что на немъ было 54 шишки. Урожай орѣховъ—гибель для кедровыхъ лѣсовъ. Здѣсь, какъ и по Вычегдѣ, тотъ же невѣжественный обычай: шишекъ не снимаютъ какимъ-нибудь орудіемъ, а рубятъ дерево. Для этого промысла крестьяне отправляются, часто съ семействами, и рубятъ вѣковыя деревья; съ иного снимаютъ отъ 1,000 до 1,500 шишекъ. Во время урожая сколько этихъ деревъ истребляется въ одно лѣто, если вспомнить, что для пуда орѣховъ нужно отъ 800 до 1,000 шишекъ, и что орѣховъ въ иной годъ добываютъ тысячи пудъ. Когда станешь говорить крестьянамъ о сбереженіи кедровъ, они спокойно отвѣчаютъ: «Не вырубишь всѣхъ: есть ихъ много; на насъ достанетъ». И о томъ никто изъ нихъ не подумаетъ, что не каждый кедръ плодовитъ, и что оттого самые урожаи орѣховъ уменьшаются. А можно ли жаловаться на неурожай при такомъ варварскомъ сборѣ плода, составляющаго выгодный промыселъ!

На пристани Пуповой 24 іюня.

На другой день 22 іюня рано утромъ мы прошли послѣдній чемкосъ по Березовкѣ до Устьеловской Пристани. Здѣсь тоже нѣсколько амбаровъ. Сюда привозятъ зимой съ Якшинской Пристани печорскіе товары, доставляемые туда на судахъ, а отсюда сплавляютъ ихъ въ Чердынъ и далѣе. Товары состоятъ изъ точилъ, брусьевъ, ворваннаго сала и разной рыбы. Устьеловскую Пристань начинаютъ уже оставлять и провозятъ товары изъ Якши прямо до Чердына гужомъ. Провозы дешевы: извощики, доставляющіе муку на Якшинскую Пристань, за попутье везутъ около 7 коп. сер. съ пуда.

Войдя въ устье Еловки, мы какъ-будто своротили съ большой на проселочную дорогу. Низкіе берега ея покрыты болотной травой и ивнякомъ. Пройдя версты три, увидѣли устье Вогулки. Что это за рѣка? какъ идти по ней?—вотъ первыя мысли мои при видѣ русла рѣчки, едва замѣтной въ глуши кустарниковъ! Мы сбросили весь лишній грузъ, мачту и проч., и за всѣмъ тѣмъ съ трудомъ втянулись въ рѣчку; прошли съ версту, далѣе нѣтъ ходу. Въ ма-

ленькой лодкѣ я ѣздилъ нѣсколько верстъ, но вездѣ плохо: не пройдти намъ по Вогулкѣ.

Для облегченія лодки, я приказалъ сломать мою каюту. Къ вечеру мы пошли далѣе. Пройдя двѣ или три версты отъ устья, начинаются довольно-широкія озера и тянутся верстъ пять. Въ глуши дремучихъ сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ эти бассейны имѣютъ прекрасный видъ; въ зеркалѣ водъ, невозмущаемыхъ даже и тихимъ вѣяніемъ вѣтра, отражаются и ясное небо, и летучія облака, и темные прибрежные лѣса. Пройдя озера, опять вошли мы въ узкое русло Вогулки; тутъ начались новыя затрудненія. Мы ночевали на Боровомъ Мысу, поднявшись около 10 верстъ отъ устья. На другой день (23 іюня), при восходѣ солнца, мы были уже въ пути. Удобства каюты исчезли; весь багажъ нашъ въ грудѣ; отдыхъ только во время завтрака; обѣдъ и ночлеги въ тѣни ели или черемухи на разложенномъ коврѣ. Въ этотъ день затрудненія увеличились; мѣстами, тащили лодку по мелямъ. Было уже поздно, а мы все еще плыли къ такъ-называемому Пищальному Бору, и наконецъ увидѣли его. И точно чудный боръ! Сюда стараются добраться всѣ судовщики къ обѣду или на ночлегъ. Послѣ дремучихъ лѣсовъ, здѣсь такое приволье, такъ свѣтло, такъ бѣлъ мохъ, покрывающій боръ, такія крекрасныя сосны растутъ на немъ! Развели огонь. Рабочіе ужинали, я пилъ чай, и потомъ всѣ предались отрадному отдыху. Утромъ сегодня, на восходѣ солнца, опять пустились въ путь. Было ужь очень трудно тащиться по мелямъ; но все понемногу впередъ, да впередъ. Къ обѣду прибыли на пристань Вештомову, на лѣвомъ берегу Вогулки. Отъ нея недалеко уже до дороги, по которой зимой возятъ грузы съ Якши. Въ Вештомовой мы оставили часть багажа и одного рабочаго, и опять пустились по Вогулкѣ. Отъ Вештомовой Пристани до Пуповой сухимъ путемъ не болѣе 3 верстъ, а мы трудились цѣлый день, разбросали по берегамъ все, что́ было въ лодкѣ, и едва дотащились къ 9 часамъ вечера.

По Вогулкѣ, выше Пуповой Пристани, еще есть двѣ: Остожье и Свинка. Вогулка можетъ быть судоходною только весной и осенью, и то для судовъ съ грузомъ отъ 300 до 400 пудъ. Въ прежнее время, поднявшись по Вогулкѣ, перевозили суда на рѣку Волосяницу, а теперь на обѣихъ рѣкахъ есть особыя суда. Для перевозки грузовъ здѣсь живетъ подрядчикъ, который перевозитъ кладь по

20 коп. асс. съ пуда. Перешеекъ между Вогулкою и Волосяницею извѣстенъ подъ именемъ Печорскаго Волока; длина его между Пуповою Пристанью и Волосяницею 10 верстъ, а между Остожьемъ и Волосяницею только 4 версты.

На берегу Волосяницы, 26 *іюня*.

Вчера днемъ перетащили на телегахъ обѣ мои лодки, и въ 9 часовъ вечеромъ дождались обратно коней, сложили кладь на телеги и повезли. Мы сами шли пѣшкомъ по прекрасному бору. Вездѣ, какъ коверъ, разостланъ бѣлый мохъ. Въ сумракѣ ночи, въ этихъ лѣсахъ, такъ рѣдко посѣщаемыхъ людьми, царствовала совершенная тишина. Сосны, какъ великаны, высоко раскинули свои вѣтви. Изрѣдка испуганные тетерева слетали съ уединенныхъ ночлеговъ своихъ и быстро скрывались вдали. Вблизи послѣдней пристани (Свинокъ) открывается порядочная площадь болотъ; налѣво отъ дороги течетъ, едва замѣтнымъ ручьемъ, Вогулка; отсюда недалеко уже до ея вершины. На берегу поставлены до 20 паузковъ*); они поднимаютъ отъ 300 до 400, нѣкоторые до 500 пудъ; весной и осенью, когда отъ дождей рѣчка наполняется, въ нихъ доставляютъ грузы къ Волоку. Осмотрѣвши суда, я пошелъ далѣе. Вотъ и домы, все старые; инымъ, говорятъ, болѣе 80 лѣтъ, и только одинъ занятъ подрядчикомъ. Уже спали, когда мы пришли туда. Утромъ багажъ мой взвѣсили и перевезли на Свинку — такъ называется мостъ, который тянется черезъ топкое болото до канала, прорытаго отъ моста къ озерамъ, сквозь которыя течетъ рѣка Волосяница. На этотъ мостъ складываютъ товары и съ него же грузятъ ихъ въ суда. Каналъ длиною около 150 саженъ, и до того заплылъ тиною, что въ маленькой лодкѣ было трудно пробираться; здѣшніе промышленики и не думаютъ объ удобствѣ.

Съ пристани мы опять шли пѣшкомъ къ Волосяницѣ по прекрасному и высокому бору. Невдалекѣ отъ домовъ, на дорогѣ, стоитъ часовня, вѣроятно, уже давно построенная, во имя Николая Чудотворца, покровителя всѣхъ плавающихъ и путешествующихъ. Въ ней есть всѣ принадлежности служенія: свѣчи, ладанъ, куриль-

*) Такъ называются суда, которыми сплавляютъ кладь по Волосяницѣ и Вогулкѣ.

ница и проч. Путники съ душевнымъ умиленіемъ входятъ молиться въ это святилище, воздвигнутое въ пустынѣ.

Полдень, 27 іюня.

Вотъ мы и на берегу Волосяницы. Она извивается глубоко внизу, между камнями. Противоположный берегъ покрытъ густымъ сосновымъ лѣсомъ и березникомъ. На правомъ берегу стоитъ деревянный крестъ, поставленный 22 августа 1827 года чердынскими гражданами, и уже почернѣвшій отъ времени. Отсюда считается половина пути отъ Печоры до Волока. Лодку едва перетаскиваемъ черезъ каменистые переборы; бродимъ въ водѣ, ища фарватера; труда много.

Волосяница мѣстами очень быстра; берега чрезвычайно богаты лѣсами сосновыми и лиственничными; здѣсь мало или вовсе нѣтъ болотныхъ мѣстъ.

На ночлегѣ 10 ч. вечера.

Съ нетерпѣніемъ мы ждали доплыть до устья р. Чернавки (впадающей въ Волосяницу съ правой стороны), надѣясь, что она подкрѣпитъ водой Волосяницу; но не такъ случилось. Здѣсь рѣка стала шире, зато песчаныя мели длиннѣе. На Толокняномъ Бору отдохнули отъ тяжелаго труда при перетаскиваніи лодки и опять поплыли. Было уже темно, когда остановились на ночлегѣ.

Деревня Усть-Волосяница, 29 іюня.

Считаютъ отъ Волока до Печоры 90 верстъ; но я думаю, будетъ гораздо больше: здѣшнія версты что-то очень длинны. Отъ устья р. Чернавки до Печоры полагаютъ 10 вер., а мы плыли, съ часу на часъ ожидая выплыть въ Печору, цѣлый день; измучились на меляхъ, такъ-что путь по Вогулкѣ казался намъ легкимъ, въ сравненіи съ настоящимъ. Было уже темно, когда мы остановились на ночлегѣ, и все еще на берегу Волосяницы. Сильный сѣверный вѣтеръ вѣялъ холодомъ и насквозь пронималъ насъ, измокшихъ и усталыхъ; порой накрапывалъ дождикъ; но всего болѣе огорчало насъ, что мы тогда не могли доплыть до Печоры; а немного и

оставалось, только около 4 верстъ. На прибрежномъ пескѣ раскинули палатку, согрѣлись у огня, поужинали, что̀ Богъ послалъ, и спали до утра, какъ убитые. Сегодня утро было ясно и холодно; едва отогрѣлись работой. До устья Волосяницы я шелъ пѣшкомъ по высокому бору. Здѣсь, говорятъ, скрывались прежде разбойники; они жили въ глубокомъ оврагѣ; еще замѣтны слѣды, гдѣ былъ ихъ притонъ. Здѣсь многіе ищутъ кладовъ; много вырытыхъ ямъ свидѣтельствуютъ о неудачныхъ попыткахъ легковѣрныхъ искателей. Наконецъ я увидѣлъ цѣль нашего странствованія — русло Печоры. Радостно спустились мы на лоно этой пустынной, величественной рѣки. Направленіе ея здѣсь прямо на сѣверъ; берега крутые, покрытые лѣсомъ; русло до 70 саж. ширины и довольно глубоко. Послѣ узкихъ протоковъ Вогулки и Волосяницы, русло Печоры показаловь намъ широкимъ, какъ море *).

Мы теперь въ 4 верстахъ отъ устья Волосяницы, на правомъ берегу Печоры, въ деревнѣ Усть-Волосяницѣ, которая состоитъ изъ пяти дворовъ. Мы отдохнули, вышарились въ банѣ и съ полдня поплыли дальше.

За полдень 2 *часа.*

Проплыли мимо деревни Пожегъ, находящейся на лѣвомъ берегу Печоры. Жителей ея зовутъ Момылями; не отъ зырянскаго ли слова омыль (худой, дрянной) произошло это названіе? Въ деревнѣ до шести домовъ. Противъ нея впадаетъ въ Печору рѣчка Пожегъ, по берегамъ которой много лиственничныхъ лѣсовъ. Здѣсь же недалеко граница Вологодской Губерніи. Вездѣ пустыня, берега покрыты лѣсами; нигдѣ нѣтъ и слѣда человѣческой дѣятельности.

30 *іюня.*

Прошедшею ночью мы достигли Якшинской Пристани, съ которой грузы, привозимые зимой изъ Чердына, сплавляются на устье

*) Въ описаніи Печорскаго Края графа Кейзерлинга дано слишкомъ большое значеніе рѣкѣ Волосяницѣ, будто-бы отъ Волосяницы Печора дѣлается судоходною и значительною рѣкою; но Волосяница ни болѣе ни менѣе какъ небольшой притокъ Печоры, и не могла ни увеличить русла этой рѣки, ни углубить ее небольшою массою вливающейся изъ нея воды.

Печоры, а доставленные съ низовья, перевозятся въ Чердынъ. Здѣсь около сотни мелкихъ амбаровъ, большею частью принадлежащихъ чердынскимъ торговцамъ. Есть нѣсколько домовъ; особенно хорошъ домикъ купца Мичурина. Теперь здѣсь никто не живетъ, кромѣ караульщика съ семействомъ, и навремя прiѣхавшаго сидѣльца питейныхъ сборовъ. Главныя строенія на правомъ берегу; тамъ же находится и часовня.

Отъ деревни Пожега мѣстами помогалъ намъ попутный вѣтеръ. Плывемъ, кажется, довольно скоро; но и здѣшніе чемкосы такъ же длинны; съ 10 час. утра до солнечнаго заката едва проплыли 11 чемкосовъ, или 55 верстъ; а по моимъ соображеніямъ, будетъ 75 верстъ или больше. Выше деревни Пороги находятся два небольшіе порога на Печорѣ; но въ нихъ есть проходъ для судовъ; третій порогъ ниже деревни, и онъ небольше первыхъ. Въ деревнѣ Пороги всего два дома; изъ нихъ одинъ пустой, его топятъ во время зимы для проѣзжающихъ; слѣдовательно все поселеніе состоитъ изъ одной семьи. Ниже деревни Пороги на 12 чемкосовъ однообразная пустыня, высокіе берега покрыты лѣсомъ, большею частью еловымъ, но встрѣчаются и кедры. Отъ этой деревни въ 2 чемкосахъ впадаетъ въ Печору съ лѣвой стороны рѣчка Безволосная. Она вытекаетъ изъ однихъ болотъ съ Волосяницей. Прежде по ней доставляли товары съ Печоры и вывозили на Березовку.

При устью Безволосной на высокомъ берегу Печоры, замѣтны слѣды бывшей старинной пристани, которая давно уже оставлена, вслѣдствіе открытія болѣе удобнаго судоходнаго пути по Волосяницѣ и Вогулкѣ. Говорятъ еще, что прежде изъ Чердына шли суда въ систему Двины, поднимаясь по Березовкѣ до Бахонина Волока, и отъ него перевозились на одинъ изъ истоковъ Вычегды.

II.

Рѣка Илыдзь. — Преданія о разбойникахъ. — Торговля въ минувшемъ и пути черезъ этотъ край. — Троицкій Погостъ. — Поѣздка на Брусяную Гору. — Поѣздка въ Печорскій Край въ 1825 году. — Пожегодской Волокъ. — Ночлегъ въ зимовой избѣ. — Звѣроловы. — Промыселъ за бѣлкой. — Переходъ пѣшкомъ черезъ Печорскій Волокъ. — Путь съ Вычегды на Печору черезъ Переволокъ между мылвами. —

Утромъ 1 іюля мы плыли мимо деревни Усть-Илыдзь, состоящей изъ 13 домовъ, расположенныхъ на самомъ устьѣ рѣки Илыдзь, на правомъ высокомъ ея берегу. Илыдзь вливается въ Печору съ правой стороны; она едва ли здѣсь меньше этой рѣки; теченіе ея отъ самаго Урала полагаютъ больше 300 верстъ; въ нее вливается 14 притоковъ; по ея берегамъ много лиственничныхъ, сосновыхъ и кедровыхъ лѣсовъ. Говорятъ, что по этой рѣкѣ есть и золотоносные пески. Печора, по соединеніи съ Илыдземъ, принимаетъ наименованіе Большой Печоры; выше зовутъ ее Малою. Вчера, въ 11 часовъ вечера, проплыли мимо устья двухъ рѣчекъ, съ обѣихъ сторонъ впадающихъ въ Печору; онѣ называются Разбойничьими. Есть преданіе, что вблизи ихъ жили разбойники, и что, наконецъ, двѣ шайки, сойдясь, истребили одна другую. Полагаютъ, что на берегахъ этихъ рѣкъ схоронены клады; по крайней мѣрѣ есть охотники ихъ отыскивать. Удивительно, что въ такихъ пустыняхъ, при такой ничтожной промышлености, существовали шайки злодѣевъ и отнимали плоды тяжелыхъ трудовъ и дальнаго странствованія. Если эти преданія достовѣрны, то, основываясь на нихъ, должно полагать, что здѣсь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойниковъ не заведутся въ дикой, безлюдной пустынѣ; имъ нечего тамъ дѣлать. Вѣроятно, въ старину, во времена участія Великаго Новгорода въ торговлѣ ганзейской, по Су-

хонѣ, Вычегдѣ и черезъ переволокъ между Мылвами, шли на Печору и въ Сибирь европейскіе товары и по этому же пути вывозились произведенія Зауралья. Такимъ же образомъ черезъ Собь, Усу, по Печорѣ, Ижмѣ и Ухтѣ, черезъ переволокъ на Вымь тянулся торговый путь по Вычегдѣ и Сухонѣ къ Великому Новгороду. Есть еще преданіе о древнемъ торговомъ пути отъ Каспійскаго Моря къ Сѣверному Оксану; онъ будто бы тянулся по Волгѣ и Камѣ, черезъ городъ Чердынъ, на рѣку Вычегду, и оттуда къ устью Двины и даже Печоры; этимъ путемъ будто бы производили торговлю персидскіе и индійскіе купцы съ Швеціею и Норвегіею, или, говоря другими словами, произведенія Азіи этимъ путемъ доставлялись въ Европу. Мнѣ сказывали, впрочемъ, что съ Камы къ верховью рѣки Локчима, впадающей въ Вычегду, и гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, тоже къ истоку Вычегды, есть слѣды тележной дороги; но на ней выросли уже вѣковыя деревья и, можетъ быть, не первое поколѣніе лѣсовъ покрываетъ этотъ древній торговый путь. Полагаютъ, что Европейцы получали остиндскіе товары въ древности черезъ рѣки Каму, Двину и Печору. Если въ самомъ дѣлѣ здѣсь лежала древняя торговая дорога изъ Азіи къ сѣвернымъ народамъ Европы, то этотъ край тогда не былъ пустыней; можетъ быть, грозныя нашествія Монголовъ уничтожили мѣну произведеній юга на произведенія сѣвера, а потому и пути изъ цвѣтущихъ долинъ Кашмира, Багдада и Дамаска, чрезъ древній Самаркандъ и холодную Біармію, къ устьямъ Двины и Печоры, заросли вѣковыми деревьями; а о тогдашнемъ плаваніи по морямъ сѣвера не осталось даже никакихъ преданій.

Вечеромъ 1 іюля мы приплыли въ Мывдинскій или Троицкій Погостъ *), гдѣ я получилъ письма, разстроившія мои планы: я долженъ былъ воротиться съ Печоры. Но прежде все-таки я хотѣлъ побывать на Брусяной Горѣ.

Мы пустились внизъ по Печорѣ. Въ числѣ спутниковъ нашихъ находился священникъ Троицкаго Погоста; изрѣдка мы заѣзжали въ деревни.

Изъ деревни Усть-Сопласа мы пошли пѣшкомъ къ Брусяноточильной Горѣ; путь нашъ лежалъ по прекрасному бору. Переночевавъ у подошвы горы, мы на другой день поднялись на гору.

*) Отъ устья Волосяницы до Якши полагаютъ 12; отъ Якши до устья Илыдзя 20; отъ Илыдзя до Троицкаго Погоста 8 чемкосовъ.

Время было ясное, и передъ нами открылась великолѣпная картина: громадною грядою тянулся, отъ сѣвера къ югу, хребетъ Урала, а надъ нимъ возвышалась темная масса горы Сабли. Слабо шевелилъ вѣтеръ вершинами листвицъ; быстро и шумно, какъ горный потокъ, стремилась между скалъ рѣка Сопласъ. Внизу, подъ горой, по берегу рѣки, разбросаны хижины — временныя жилища рабочихъ*).

9 іюля я собрался въ обратный путь.

Печора и всѣ впадающія въ нее рѣки разлились, какъ весной; вода и теперь прибываетъ сильно; вѣроятно, были большіе дожди въ вершинахъ рѣкъ; поверхность Печоры покрыта пѣной.

Мы прошли мимо рѣки Вэлъ, впадающей съ лѣвой стороны въ Печору; по берегамъ Вэла, какъ всѣ увѣряютъ, чрезвычайно много лиственничныхъ лѣсовъ. Теперь мы въ виду деревни Скаляпа; она на правомъ берегу рѣки; въ ней есть старая часовня, воздвигнутая въ честь Чудотворца Николая.

14 іюля.

Мы прибыли обратно въ Троицкій Погостъ, на устьѣ Мылвы.

Отсюда собираюсь идти пѣшкомъ черезъ Печорскій Волокъ; меня увѣряютъ, что будетъ трудно перейти его: что болота наводнились отъ дождей; что и привыкшіе къ пѣшеходству, часто изнемогаютъ; но я рѣшился, и тѣмъ охотнѣе, что съ пустынями Печорскаго Волока я знакомъ съ 1825 года. Любопытство привлекло меня тогда въ этотъ край. Вотъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ моемъ путешествіи.

Октябрь 1825 года, съ своими ненастьями и холодомъ, уже приближался, когда я началъ просить отца моего отпустить меня на Печору. Непродолжительны были мои сборы. Трудно было проѣхать намъ до села Устьколома 170 верстъ; въ саняхъ, въ телегахъ, а иногда верхомъ, тащились мы порой по непроходимо-грязной дорогѣ, а иногда по замерзлымъ колотнямъ. Мы такъ спѣшили, что часто даже и ночью тряслись безъ сѣдла на зырянскихъ лошадкахъ; но зато часъ отдыха былъ невыразимо-отраденъ.

Однажды, послѣ трудной верховой ѣзды, одну станцію насъ везли на саняхъ; раза три опрокидывались сани, раза два поднимали

*) О промышлености брусяно-точильной я разскажу дальше.

меня съ дороги, я ничего не слыхалъ; товарищъ мой и ямщикъ удивлялись богатырскому сну молодого путника. Крѣпко замерзло когда мы поѣхали верхомъ изъ Устькулома, Пожегодскимъ Волокомъ; опасно было сидѣть на неподкованныхъ лошадяхъ: онѣ скользили, шаращились; того и гляди, что, вмѣстѣ съ лошадью, упадешь на твердую кору льда, а изъ веревчатыхъ стремянъ нескоро выпутаешься. Такъ мы проѣхали около 15 верстъ, и наконецъ рѣшились взять котомки, отослать обратно лошадей съ нашимъ ямщикомъ и идти пѣшкомъ. День былъ сумрачный; мы, вдвоемъ съ моимъ товарищемъ, дотащились до зимовки, или зимовой избушки*), и расположились въ ней ночевать, въ надеждѣ, что придетъ кто-нибудь изъ звѣролововъ провести съ нами длинную осеннюю ночь. Въ нашихъ лѣсахъ нетрудно и нестрѣлявши имѣть обѣдъ изъ дичи. Мы нашли близь зимовья пестерь**) съ рябчиками, взяли двѣ пары, положили за нихъ деньги; нашли также котелъ; приготовили себѣ славный обѣдъ и съ усталости сытно поѣли. День клонился уже къ вечеру; начало смеркаться, а никто не являлся къ намъ на ночлегъ; меня безпокоила мысль ночевать двоимъ среди дремучаго лѣса, въ самую позднюю пору осени. Спутникъ мой предложилъ мнѣ идти къ другому зимовью, верстъ пять дальше; по его мнѣнію, тамъ навѣрное должны быть лѣсовщики (звѣроловы), а намъ необходимо было нанять одного нести наши вещи. Съ радостью принялъ я предложеніе моего товарища. Недалекъ былъ переходъ; но съ тяжелой ношей въ темень, по неровной лѣсной дорогѣ, гдѣ на каждомъ шагу коренья, пни, ямы, показался мнѣ за нѣсколько десятковъ верстъ. Но вотъ достигъ до насъ запахъ дыма; потомъ мелькнулъ огонекъ; слава Богу, тамъ есть люди, подумалъ я, и мы пошли скорѣе. Вотъ мы и передъ зимовой избой; мигомъ долой котомки и я вошелъ, согнувшись, въ низкую дверь. Шесть человѣкъ звѣролововъ сидѣли передъ огнемъ и занимались обыкновенной работой: послѣ удачнаго промысла сдирали шкурки съ бѣлокъ, и весело разговаривали. До десятка собакъ лакомились мясомъ добычи и, уничтоживъ его, облизываясь, слѣдили глазами за дви-

*) Зимовками называются избы, построенныя въ лѣсу, гдѣ на большое пространство нѣтъ деревень, также избы въ лѣсахъ для промышлениковъ; въ нихъ помѣщается иногда нѣсколько человѣкъ.

**) Корзина, сплетенная изъ бересты, которую носятъ за спиной какъ котомку.

женіями рукъ своихъ хозяевъ, и нетерпѣливо ждали новой подачи. Въ печи, сбитой изъ глины—а это было уже большое удобство— варился ужинъ; огонь ярко пылалъ, обхвативъ смолистыя сосновыя дрова; дымъ чуть не до полу носился сѣрымъ облакомъ вплоть надъ головами собесѣдниковъ. Собаки, почуявъ чужихъ, заурчали и были готовы броситься на пришельцевъ «Видзя оланныдъ (здорово живете)», сказали мы, входя, или чуть не вползая въ избу. «Локтэ видзя (идите здорово)», отвѣчали, ласково взглянувъ на насъ, временные хозяева лѣснаго жилища. «Тэ мудзинъ, томъ-мортъ; пукси, шонтысь (ты усталъ, молодой человѣкъ; садись, согрѣйся)», заботливо сказалъ мнѣ старшій изъ звѣролововъ, и отодвинулся отъ огня, давая мѣсто нежданнымъ посѣтителямъ. Нѣкоторые изъ звѣролововъ знали меня, и потому были рады гостю. Изъ моей котомки вынули мѣдный чайникъ; одинъ молодой парень сбѣгалъ къ ручью за водою; вода скоро вскипѣла; я положилъ чай и, погодя немного, съ наслажденіемъ пилъ, съ домашними сухарями, отваръ китайской травы, весело разговаривая съ моими новыми знакомцами, съ которыми случайно столкнулись мы въ темномъ лѣсу, въ осеннюю ночь. А подлѣ огня уже было не только тепло, но и жарко. Всѣмъ собесѣдникамъ я подалъ по чашкѣ чая; не знаю нравился ли вкусъ его этимъ добрымъ людямъ; но они пили, да похваливали; иные вѣрно въ первый и послѣдній разъ, на всю жизнь, полакомились теплою водою съ кускомъ сахара. Они предложили мнѣ поужинать съ ними; мы подвинулись къ столу, т. е. доскѣ, шириной вершковъ семи, плохо прикрѣпленной на четырехъ палкахъ, и принялись дѣятельно за работу: восьмеро ужинали шестью ложками. Недолго продолжалась наша трапеза; скоро огонь въ печи погасъ; всѣ улеглись на голыхъ доскахъ; каждый окутался своимъ верхнимъ платьемъ. Мы встали рано, и опять закипѣла дѣятельность: мигомъ запылалъ огонь; дымъ опять плавалъ надъ нами облакомъ. Мнѣ надобно было напиться чаю, имъ—прибрать высохшія шкурки бѣлокъ, подкрѣпить себя на дневной трудъ завтракомъ и отправиться въ разныя стороны. Я нанялъ одного изъ ночныхъ товарищей, за рубль мѣдью, нести мою котомку до села Пожега, около 30 верстъ. Еще было темно, когда мы втроемъ оставили гостепріимный кровъ нашего ночлега и, радушно простившись съ другими звѣроловами, пошли по дорогѣ къ Пожегу. Двѣ собаки пустились въ чащу лѣса отыскивать добычу. Удивительное свойство зырян-

скихъ собакъ: онѣ издали попадаютъ по запаху на незамѣтный слѣдъ бѣлки — и тогда уже пропала она, бѣдняжка; какъ по знакомой тропѣ, бѣжитъ ея неутомимый преслѣдователь и останавливается только у того дерева, въ вѣтвяхъ котораго скрылась бѣглянка; нетерпѣливый лай привлекаетъ туда звѣролова; онъ старается разглядѣть маленькое животное; привычный глазъ скоро открываетъ мѣсто ея убѣжища, и какъ бы ни высоко была она, но мѣтко пущенная изъ винтовки (по-зырянски пищали), пуля рѣдко минуетъ свою жертву; бываетъ однако же, что бѣлка, завидѣвъ охотника, пускается въ дальнѣйшее бѣгство, съ дерева на дерево, дѣлаетъ удивительные прыжки съ одного на другое, саженъ по десяти; ей нужно, чтобъ хоть одна тоненькая вѣточка попала въ ея лапку — и она уже въ одно мгновеніе на вершинѣ дерева; собака преслѣдуетъ ее, охотникъ настигаетъ, и бѣдняжка все-таки не избѣгаетъ пули своего проворнаго и неутомимаго врага.

Настрѣлянныхъ бѣлокъ навѣшиваютъ за поясъ. Когда промыселъ удаченъ, то онѣ составляютъ красивую кисть около таліи охотника; тогда ему весело возвращаться въ зимовую избу. Рѣдкіе берутъ съ собой матку (такъ называютъ Зыряне маленькій компасъ); лѣсъ — ихъ стихія, и они въ глуши его ходятъ, какъ по знакомой тропѣ; въ ясный день солнце, въ ненастный — сучья и кора дерева*) указываютъ имъ дорогу; добравшись до пріюта, иногда уже поздно ночью раскладываютъ огонь, поѣдятъ чего-нибудь и принимаются снимать шкурки съ бѣлокъ; инструментъ одинъ — хорошо наточенный ножъ; но привычная рука имъ ловко дѣйствуетъ; минута — и шкурка готова; мясо бѣлки принадлежитъ собакѣ — это награда вѣрному животному за дневной трудъ; немного нужно времени, чтобы кончить дѣло, т. е. снять шкурки, расправить ихъ и поднять для сушенья. Такова жизнь, проводимая на промыслѣ нѣсколькими тысячами жителей этого края, и они счастливы, когда вознаграждаются труды ихъ. Они весело бесѣдуютъ вечеромъ, сидя въ зимовкѣ передъ пылающимъ огнемъ, о приключеніяхъ того дня, о слѣдахъ другихъ звѣрей, на которые попали они, а всего больше объ удачѣ и неудачѣ промысла; вспоминаютъ своихъ домашнихъ и терпѣливо ждутъ дней возврата подъ родную кровлю. А какъ счастливъ бываетъ звѣроловъ, когда подъ

*) На деревѣ къ сѣверной сторонѣ сучья короче и рѣже, а цвѣтъ коры темнѣе.

мѣткой пулей его пищали падетъ куница, или лиса, особенно чернохребетная *): такая добыча одна выкупаетъ его отъ полугодовой, а иногда и отъ годовой повинности.

Въ этотъ день, когда мы шли къ Пожегу, довольно потрудились за охотой; несмотря на то, что я усталъ, мы немедля спѣшили на призывный лай собакъ, и ни одна бѣлка, на слѣдъ которой попадали онѣ, не скрылась отъ пищали Григорья (такъ звали моего спутника). 11 шкурокъ было наградою за наши труды.

Пѣшкомъ шелъ я тогда и по Печорскому Волоку, и тѣмъ труднѣе было переходить его, что полузамерзлыя болота еще не поднимали человѣка. Труденъ былъ этотъ переходъ черезъ пространство до 140 верстъ; но я дошелъ счастливо, здорово, и семь недѣль жилъ тогда здѣсь. Печора и всѣ рѣки въ ноябрѣ снова вскрылись — столь сильна была необыкновенная оттепель осенью 1825 года. Въ эти семь недѣль я ходилъ съ охотниками въ лѣса стрѣлять рябчиковъ и ловилъ въ Печорѣ рыбу. У меня не было ни чаю, ни сахару; запасы были взяты не на долго и скоро вышли; я привыкъ къ крестьянскому быту; а потомъ пѣшкомъ же принужденъ я былъ еще идти и въ обратный путь.

15 іюля.

На закатѣ солнца, сложили мои вещи и припасы въ двѣ котомки, каждая вѣсомъ по 46 фунтовъ — грузъ тяжелый для пѣшехода. Я взялъ ружье съ принадлежностями, всего до 25 фунтовъ, и, призвавъ Бога на помощь, мы пошли. Изъ Троицкаго Погоста и на пути до деревни Сойвы очень много грязи; мѣстами брели до колѣнъ и уже поздно ночью пришли въ деревню. Здѣшніе жители говорятъ, что болота отъ дождей крѣпко наводнились и что переходъ намъ будетъ очень труденъ; но намъ ли бояться труда? Мы не задумались отъ недобрыхъ вѣстей.

16 іюля.

Съ большимъ трудомъ, къ закату солнца, пришли къ зимовой избѣ, утомленные до того, что едва тащили ноги. Разстояніе стъ

**) Лисицъ ловятъ больше, окармливая ихъ сулемой: онѣ рѣдко попадаютъ подъ пулю.

Сойвы до зимовья около 30 верстъ, и все едва-проходимая грязь и топкія болота, на которыхъ мѣстами нельзя и пріостановиться; при переходѣ ихъ едва переводишь духъ. Нерѣдко, оступаясь на кочкахъ или между корней, мы падали. Еще труднѣе идти въ глубокой грязи лѣсныхъ дорогъ, перерѣзанныхъ кореньями деревьевъ и заваленныхъ валежникомъ. Днемъ былъ проливной дождь и мы промокли до нитки.

17 іюля.

Пустились въ путь въ 6 часу утра, и пройдя въ пять часовъ около $2^1/_2$ чемкосовъ одними болотами, остановились отдохнуть. День сумрачный; вѣтеръ воетъ въ темномъ лѣсу; мрачность мѣстоположенія и сумракъ дня наводятъ тоску; порой слышны крики птицы кедровки, называемой Зырянами перкою, питающейся кедровыми орѣхами; кедровокъ нынѣ очень много, видно, будетъ хорошъ урожай кедровыхъ шишекъ. Перка не только осенью питается шишками, но дѣлаетъ большіе запасы на всю зиму; случалось много разъ, что лѣсовщики находили кучи шишекъ по тысячѣ штукъ и болѣе; зимою заноситъ глубокимъ снѣгомъ эти запасы, но перка помнитъ, куда сложила ихъ, и съ высоты стрѣлой спускается къ нимъ сквозь толстый слой снѣга. Но если промышленики пользуются иногда собранными шишками перки, то случается, что и она уничтожаетъ ихъ осенній промыселъ. Жители Печоры и Вычегды, для сбора кедровыхъ шишекъ, большею частью отправляются водой къ верховьямъ рѣкъ и отъ нихъ еще ходятъ иногда далеко въ сторону, гдѣ сберeглись кедровые лѣса; набравши шишекъ, складываютъ ихъ въ срубы и пріѣзжаютъ за ними зимою. Если перка замѣтитъ, что срубъ неплотенъ и есть возможмость попользоваться чужой добычей, то она не упуститъ случая; бывало пріѣдутъ за шишками, но въ срубѣ окажется ихъ очень мало, а много одной шелухи.

18 іюля.

Вчера вечеромъ, уже довольно поздно, мы усталые пришли къ Вычегдѣ; но отъ нея прошли еще одинъ чемкосъ и остановились на ночлегѣ на берегу какой-то маленькой рѣчки. Ночь была хо-

лодная; огонь, около котораго мы легли спать на голой сырой землѣ, погасъ; одѣться было не чѣмъ и мы такъ прозябли, что, проснувшись, скорѣе взяли котомки и поспѣшили идти, чтобъ согрѣться движеніемъ. Сегодня идемъ уже красивыми борами. Проходили возвышенности, называемыя Пузва-Парма *); онѣ знакомы мнѣ, по переходу Печорскаго Волока осенью 1825 года; тогда Парма была совершенно безлѣсна; только повсюду торчали огромные пни, остатки лѣса, истребленнаго пожаромъ; теперь эти мѣста заросли березникомъ; юные кустарники прикрыли цвѣтною одеждою тлѣющие скелеты вѣковыхъ лѣсовъ; но путникъ еще мало найдетъ тѣни въ этихъ рощахъ. Солнце палило насъ, когда мы шли по высокой Пузва-Пармѣ, а для утоленія жажды долго не находили источника, и только послѣ двухчасоваго пути спустились къ свѣтлому ручью.

Пройдя около трехъ верстъ отъ послѣдняго зимовья, мы издали увидѣли двухъ путниковъ; они шли къ намъ на встрѣчу: это былъ нарочно посланный ко мнѣ, съ своимъ проводникомъ. Пройдя нѣсколько, мы остановились на ночлегъ, отъ котораго до первой вычегодской деревни Вэльдына осталось около 25 верстъ.

Село Пожегъ. 20 іюля, 5 ч. утра.

Вчера, съ восходомъ солнца, мы пустились въ путь, и къ полдню дошли въ Вэльдынъ, пройдя добрыхъ 25 верстъ, если не больше; шли скоро по сухой боровой дорогѣ.

Въ Вэльдынѣ я нанялъ лодку. До Пожега плыли по Вычегдѣ; здѣсь ночевали и сей-часъ ѣдемъ верхомъ въ Устькуломъ черезъ Пожегодской Волокъ около 50, а по Вычегдѣ былъ бы кругъ до 180 верстъ.

Полдень, 22 іюля.

Не сходя съ лошади полныхъ 14 часовъ, мы, усталые донельзя, пріѣхали въ Устькуломъ вечеромъ 20 іюля, съ большимъ трудомъ перебравшись черезъ грязи и движущіеся мосты волока. Часа черезъ два, я въ моей лодкѣ поплылъ по Вычегдѣ.

*) Парма, слово зырянское, означающее вообще возвышенность, преимущественно лѣсную. Пузвинскими называются эти возвышенности потому, что сопровождаютъ берега рѣчки Пузвы.

Мы плыли хорошо и благополучно. Вчера уже было довольно-темно, когда мы съ Вычегды вошли въ проливъ, соединяющій ее съ Сысолою, около 5 верстъ выше города; его называютъ Потеряемъ. Скоро завидѣли церкви Устьсысольска и около полуночи пристали къ берегу. Такъ кончилась моя поѣздка въ край Печорскій. Къ сожалѣнію, я не достигъ цѣли моего странствованія; обстоятельства отвлекли меня отъ дальнѣйшаго обозрѣнія края; но я собралъ много свѣдѣній; они подтвердили мои предположенія, и я съ твердою волею принимаюсь за предпріятіе, хотя и трудное, зато обѣщающее много полезнаго жителямъ этого дальняго края.

Неизлишнимъ считаю сказать здѣсь о пути черезъ переволокъ между рѣками Мылвами, по которому лѣтомъ ѣздятъ чиновники и всѣ, кто не желаетъ идти пѣшкомъ черезъ Печорскій Волокъ.

Изъ села Керчемьи, до котораго изъ Устькулома есть лѣтняя дорога; отправляются въ лодкѣ по Вычегдѣ до Мыэлдинскаго Погоста, находящагося на правомъ берегу этой рѣки; выше его въ пяти верстахъ впадаетъ въ Вычегду Мылва; поднимаясь по ней, встрѣчаете въ пяти верстахъ рѣчку Дынъ-Ель *), впадающую въ Мылву съ лѣвой стороны. Въ пятнадцати верстахъ текутъ Мывъ-Шеръ-Ель, съ той же стороны, въ 30 верстахъ съ обѣихъ сторонъ двѣ рѣчки Сюмаса-Ёль-Ясъ; потомъ съ правой стороны, въ 70 верстахъ отъ устья, впадаетъ рѣка Свѣтлица, имѣющая необыкновенно-свѣтлую воду, и отъ нея въ 5 верстахъ съ правой стороны рѣка Иктылъ, по которой поднимаются къ переволоку 25 верстъ, оставляя Мылву влѣвѣ. Слѣдовательно волокъ не между Мылвами, а Иктыломъ и Печорскою Мылвою.

Перевезя лодки черезъ переволокъ до 4 верстъ, плывутъ по Печорской Мылвѣ. Отъ переволока въ 20 верстахъ впадаетъ въ Мылву съ лѣвой стороны рѣчка Вилесъ; здѣсь пристань и амбары для складки точилъ и брусьевъ, доставляемыхъ съ Печорской Брусяной Горы, откуда ихъ привозятъ зимнимъ путемъ на Вычегду. Дальше впадаютъ двѣ рѣчки: Большая и Малая Чёмьи; потомъ

*) По-зырянски ель значитъ рѣчка; Ю — рѣка; шоръ — ручей.

довольно-большая рѣка Рась-Ю и, наконецъ, съ лѣвой стороны Сойва. Теченіе Печорской Мылвы, отъ Переволока до впаденія ея въ Печору, болѣе 200 верстъ; хотя и считаютъ только 30 чемкосовъ, но нѣкоторые изъ нихъ очень длинны и иногда тянутся до 15 верстъ; говорятъ, что въ Мылву вливается до 13 притоковъ.

III.

Поѣздка на Печору въ 1843 году. — Шлиссельбургъ, станція Новинская — Тотьма. — Г. Устюгъ-Великій, г. Сольвычегодскъ, г. Яренскъ. — Село Устьвымь. — Г. Устьсысольскъ. — Село Небдинъ. — Село Устькуломъ. — Пожегодскій Волокъ, село Пожегъ, село Помоздынь.

С. Петербургъ, 13 *іюня* 1843 *г.*

Сборы оканчиваются. Приведены кони. Черезъ часъ оставляю берега Невы и направляюсь къ пустыннымъ берегамъ Печоры. Когда-то и здѣсь была пустыня; когда-нибудь, можетъ быть, и тамъ возбудится промышленная дѣятельность. Теперь надобно желать хорошей погоды, чтобъ было меньше препятствій въ этомъ трудномъ пути. Журналъ нашего Компанейскаго Собранія подписанъ 14-го мая. Теперь бы я былъ далеко, но меня задержали обстоятельства и времени потеряно много; а вѣдь я ѣду въ край, котораго огромныя пространства только мѣстами едва заселены, гдѣ нѣтъ и путей сообщеній, гдѣ человѣкъ промышляетъ и питается почти исключительно охотою. Пустыненъ этотъ край, правда, но въ немъ есть богатыя начала для промышлености. Тамъ десятки милліоновъ десятинъ лѣсовъ растутъ и тлѣютъ, въ ожиданіи, пока просвѣщеніе, объ-руку съ предпріимчивою промышленостью, захочетъ разработать богатства этой пустыни. Мысль — содѣйствовать оживленію этой малоизвѣстной страны — давно занимала меня. Еще въ 1825 году, пятнадцати лѣтъ, въ первый разъ я былъ въ странѣ, омываемой водами Печоры, съ-тѣхъ-поръ прошло 18 лѣтъ, и предположенія, о возможности развитія промышлености на Печорѣ, часто занимали меня. Въ 1840 году я предпринялъ путешествіе, описанное въ началѣ этой статьи и еще

болѣе убѣдился въ возможности открыть торговлю печорскимъ лѣсомъ, перевозя его на Вычегду; и если откроется возможность — то и съ устья Печоры, которая, какъ слышно, доступна для прохода большихъ судовъ. Другая мысль, съ того времени сроднилась съ первою, это — отысканіе ближайшаго и легчайшаго сообщенія Сибири съ Европою посредствомъ Оби и Печоры. Предположенія мои понравились многимъ, и я уже составилъ компанію для развитія промышлености на Печорѣ. Правительство поддерживаетъ мои предположенія; но, чтобъ болѣе убѣдиться въ основательности моихъ предположеній, я снова отправляюсь на Печору, съ непремѣннымъ намѣреніемъ доплыть до ея устья, подняться въ вершины Усы, а также обозрѣть, если будетъ возможно, и другія рѣки.

Шлиссельбургъ, утромъ 14 іюня.

Утро прекрасное. Такая благодатная тишина и какіе чудные виды на озеро! Въ устьѣ Невы твердыня крѣпости на мѣстѣ древняго Орѣшка. Все пробуждаетъ память о Великомъ; а гдѣ нѣтъ слѣдовъ этого дивнаго генія, коего могучею волею создавались и пути сообщеній, и города, и порты, и флотъ? Была ли гдѣ и когда такая дѣятельность, такое движеніе въ преобразованіи цѣлаго народа, съ его обычаями, повѣрьями, нравами, общественною жизнью и торговлею?

Станція Шульдиха, или Шубуиха, 9 ч. утра.

Ѣду тихо; лошади измучены; а начинаются жары; едва ли я не ошибусь въ моихъ разсчетахъ и не проѣду больше предположеннаго.

Станція Воскресенская, 6 ч. утра 15 іюня.

Вездѣ остановка: гдѣ нѣтъ лошадей, гдѣ лошади устали и по глубокой грязи едва везутъ повозку.

Станцiя Чемихинская 11 *ч. утра.*

Кое-какъ проѣхалъ эту станцiю и опять остановка: лошадей нѣтъ. Ѣду на вольныхъ и это не въ перывй разъ.

Вездѣ жалуются на засуху: дождя не было уже давно; ростъ хлѣбовъ и травъ остановился.

Станцiя Новинская, 7 *ч. вечера.*

Нѣсколько верстъ шелъ пѣшкомъ; рѣшился здѣсь отдохнуть и напиться чаю.

Противъ-Устюжны на берегу Мологи, 5 *ч. утра* 17 *iюня.*

Сижу на берегу Мологи. За рѣкой городъ Устюжна. До 13 церквей бѣлѣются между деревянными строенiями этого стариннаго города, расположеннаго на довольно-высокомъ берегу рѣки, которая здѣсь шириною около 30 саж. Мѣстоположенiе довольно красивое. Въ городѣ не болѣе $4^1/_2$ тысячъ жителей, но церкви всѣ, содержатся очень хорошо; церковнослужители достаточно обезпечены. Это доказываетъ набожность гражданъ и даетъ хорошее понятiе о ихъ доброй нравственности.

Вологда, 18 *iюня, полночь.*

Сегодня въ два часа пополудни я прiѣхалъ сюда; лишь только своротилъ съ ярославскаго тракта на вологодскiй, поѣхалъ скорѣе. Дороги хороши, лошади лучше и остановки ни за чѣмъ не было.

Станцiя Золоскина, 20 *iюня* 9 *ч. утра.*

Больше сутокъ пробылъ я въ Вологдѣ. Путешественники, отправившiеся на Печору, графъ Кайзерлингъ и капитанъ-лейтенантъ Крузенштернъ проѣхали уже въ Устьсысольскъ.

Ѣду скоро: дороги мѣстами какъ шоссе; лошади отличныя. Здѣсь почту содержатъ цѣлыя деревни компаніями, и потому на станціяхъ лошадей много.

Тотьма, 7 ч. вечера.

Грустно смотрѣть на пожарище этого города. Изъ 500 домовъ сгорѣли лучшіе и бо́льшая половина города въ пеплѣ. Двѣ церкви сдѣлались жертвою пламени. Оно свирѣпствовало нѣсколько часовъ — и сколько семействъ разорилось! Многіе изъ жителей остались безъ крова и пріюта, безъ средствъ къ существованію. Ужасное положеніе! Это уже второй опустошительный пожаръ въ продолженіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ. Жаль, что у насъ мало застраховываютъ недвижимыя имущества, что́ обезпечивало бы на случай подобныхъ бѣдствій, по-крайней-мѣрѣ, дало бы средства въ черные дни обзавестись жилищемъ; но у насъ все еще не вывелось русское: «Авось не сгоритъ», а это *авось* много намъ дѣлаетъ вреда. Тамъ, гдѣ не надѣются на авось, тамъ обезпечено не только недвижимое имущество, но и движимое, и даже доходы на старость, на случай болѣзни. Семействамъ предоставлены пенсіи на случай смерти главнаго члена. Тамъ люди положительные любятъ запастись, и этотъ запасъ не оставляютъ на произволъ случая, а стараются укрѣпить, упрочить его, чтобъ забота о немъ не тревожила спокойствія, не нарушала мирнаго счастія семейнаго быта. Это чрезвычайно благодѣтельно для гражданскихъ обществъ; ибо, укрѣпляя взаимный кредитъ, между его членами, предохраняетъ ихъ отъ бѣдности, въ которую случай не-рѣдко ввергаетъ цѣлыя семейства.

Устюгъ-Великій, 22 *іюня утро,* 5 *часовъ.*

На восходѣ солнца я переѣзжалъ Сухону. Утро чудесное. Поверхность рѣки какъ зеркало. Какимъ прекраснымъ городомъ кажется старинный Устюгъ изъ-за Сухоны! Лучшія мѣста небережной заняты храмами Божіими и каменными палатами*) гражданъ велико-устюжскихъ. Вѣроятно, по богатству жителей и обширности,

*) Каменные домы здѣсь называются палатами. «Эти палаты такого-то купца», скажутъ вамъ, если вы спросите «чей это домъ?»

онъ получилъ въ старину названіе Великаго; но красивъ и теперь. Великій-Устюгъ заключаетъ въ себѣ только около 1,300 домовъ съ 9 тыс. жителей. Имя Устюга-Великаго памятно въ исторіи промышлености: нѣкогда этотъ городъ былъ на пути единственнаго торговаго сообщенія сѣверной Азіи съ Европою.

Когда запрягали коней, я сходилъ поклониться Чудотворцамъ устюжскимъ, почивающимъ въ отдѣльныхъ храмахъ въ соборной оградѣ.

Какія живописныя мѣста проѣзжалъ я вчера, на послѣднихъ станціяхъ къ Устюгу! Дорога мѣстами лежитъ подлѣ самаго берега Сухоны и по крутымъ береговымъ утесамъ рѣки Стрѣльны. По долинамъ, или омываемымъ рѣкой, или окруженнымъ горами, разбросаны деревни, а около нихъ зеленѣютъ и желтѣютъ поля, засѣяныя хлѣбомъ. Узкими полосами стелются участки каждаго селянина. Здѣсь небогаты удобною землею и особенно бѣдны лугами. Сухона течетъ между высокихъ горъ; низменныхъ мѣстъ очень мало, а потому земля раздѣлена въ иныхъ мѣстахъ на очень мелкія полосы.

Станція Березинская, 23 *іюня* 10 *ч. утра.*

Вечеромъ 22 іюня со станціи Устькурьи я переѣзжалъ Сѣверную Двину. Въ Сольвычегодскѣ (по-зырянски Совъ-доръ, т. е. соляной край) я пробылъ недолго. Здѣсь жили нѣкогда знаменитые Строгановы, обладая обширными землями. Памятниками того времени остались два старинные храма: соборъ и церковь въ Введенскомъ Монастырѣ, богато украшенные набожными строителями и весьма замѣчательные по архитектурѣ и обширности.

Теперь въ Сольвычегодскѣ только 240 домовъ и 1,200 обоего пола жителей. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ имѣютъ небольшія торговыя дѣла въ Архангельскѣ.

Устьсысольскъ, 24 *іюня полночь.*

Вчера вечеромъ я проѣхалъ Яренскъ, одинъ изъ самыхъ малыхъ и бѣдныхъ городковъ Вологодской Губерніи: 169 домовъ и съ небольшимъ 1,000 жителей составляютъ все народонаселеніе города. Онъ лежитъ на низменности близъ рѣки Яренги, впадающей въ

Вычегду; но здѣсь было въ старину воеводство, завѣдывавшее и нынѣшнимъ Устьсысольскимъ Уѣздомъ до предѣловъ Пермской и Вятской губерній. Въ Яренскѣ теперь нѣтъ торговцовъ, которые имѣли бы обороты на значительную сумму. Ярмарки, какъ городская такъ и бывающія въ уѣздѣ, оживляются купцами, пріѣзжающими изъ Устюга и Устьсысольска; мѣстныя же едва производятъ небольшой мелочной торгъ. На первой станціи отъ Яренска, въ деревнѣ Межогѣ, путешественникъ начинаетъ слышать зырянскій языкъ. Дальше живутъ одни Зыряне; и довольно странно это селеніе служитъ настоящею гранью между русскими и зырянскими: въ одномъ концѣ деревни говорятъ еще русскимъ, а въ другомъ уже зырянскимъ языкомъ.

Въ сѣверо-восточномъ краю Яренскаго Уѣзда протекаютъ рѣки Удора и Важка, которыя впадаютъ въ Мезень. Обитающіе тамъ Зыряне называются Удорцами, а самый край — Удорой.

Въ 80 верстахъ отъ Яренска надобно переѣхать черезъ большую рѣку Вымь, по-зырянски Емва, впадающую въ Вычегду съ лѣвой стороны. При устьѣ ея село Усть-Вымь, по-зырянски Емдынъ. Здѣсь была въ старину эпархія велико-пермская, основанная св. Стефаномъ, по обращеніи въ христіанство жителей этого края. Св. Стефанъ посвященъ былъ въ епископы въ 1383 году, въ царствованіе великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго. Послѣ него еще восемь епископовъ*) возсѣдали на святительскомъ престолѣ Велико-Перміи — такъ назывался тогда этотъ край, населенный полудикими племенами Зырянъ, родичами Финновъ. Въ 1503 году епархія переведена въ Вологду, слѣдовательно существовала на устьѣ Выми 120 лѣтъ. Село Усть-Вымь и теперь походитъ на городъ. Оно расположено на красивой возвышенности, при сліяніи рѣкъ Выми и Вычегды. Въ немъ четыре каменныя церкви; въ одной почиваютъ св. епископы Германъ, Питиримъ и Іона. При древнемъ храмѣ, во имя Благовѣщенія, былъ въ старину мужской монастырь.*) Усть-Вымь извѣстенъ также по ярмаркѣ, бывающей съ 24 января по 5 февраля. На нее пріѣзжаютъ купцы изъ Устюга,

*) Епископы: Исаакъ, св. Герасимъ, замученный Вогуличами, Іона, Купріанъ, св. Питиримъ, убитый вогульскимъ княземъ, св. Іона, Ѳилофей и Никонъ.

**) При св. Стефанѣ создано четыре монастыря въ разныхъ мѣстахъ Устьсысольскаго и Ярянскаго Уѣздовъ; они давно всѣ упразднены.

Сольвычегодска и Устьсысольска, для закупки бѣлокъ и другихъ пушныхъ товаровъ, также сала, масла, кожъ, мѣстнаго произведенія суконъ и холста. Вверхъ по р. Выми, отъ устья около 20 вер., находится Сереговскій соловаренный заводъ гг. Витушкиныхъ, на которомъ вывbooариваeтся соли больше 200 тыс. пудъ.

По рѣкѣ Выми, черезъ переволокъ около 6 верстъ, есть путь на Ижму и Печору, по которому Ижемцы ходятъ на лодкахъ, на богомолье въ Соловецкій Монастырь, и по торговымъ дѣламъ на ярмарку въ Нижній Новгородъ.

Устьсысольскъ, по-зырянски Сектывдынъ, есть самый дальній городъ отъ Вологды, отстоя отъ нея въ 877 верстахъ. Онъ имѣетъ обширный уѣздъ, гранича къ востоку съ Хребтомъ Уральскимъ и Чердынскимъ Уѣздомъ, къ сѣверу съ Яренскимъ и Мезенскимъ Уѣздами, къ югу съ Слободскимъ и Орловскимъ, Вятской Губерніи. Мѣстоположеніе Устьсысольска довольно красивое; на высокомъ лѣвомъ берегу Сысоли, по-зырянски Сык-тывъ, которая передъ городомъ описываетъ большую дугу. За рѣкой островъ шириной версты въ три, а за нимъ рѣка Вычегда, по-зырянски Эж-ва, куда три версты ниже вливается Сысола, за нею на востокѣ темнѣетъ лѣсъ; къ югу отъ города довольно низменная долина; къ западу возвышенность. Въ Устьсысольскѣ три каменныя церкви, 566 домовъ и 3 тысячи жителей. Бо́льшая часть гражданъ — земледѣльцы; живутъ при своихъ поляхъ, а потому и домы ихъ разбросаны по берегу Сысолы, на протяженіи болѣе 5 верстъ. Середина города около церквей обстроена довольно-хорошо. Замѣчательно, что въ такомъ дальнемъ городѣ, есть общественная библіотека, хотя и неочень богатая книгами. Было время, когда въ Устьсысольскѣ получали почти всѣ русскія періодическія изданія. Прежде черезъ Устьсысольскъ производилась значительная торговля къ архангельскому потру. На пристани при Сѣверо-Екатерининскомъ Каналѣ, устьвочьскую и койгородскую доставляли для сплава сибирское сало, пшеницу, овесъ, сѣмя льняное и проч. въ весьма большомъ количествѣ. Но были тяжелые годы, и они уничтожили капиталы многихъ промышлениковъ, въ томъ числѣ и гражданъ Устьсысольска. Теперь здѣшніе купцы ведутъ небольшой торгъ въ Архангельскъ хлѣбомъ, бѣлкой и другими пушными товарами въ Нижній Новгородъ и Ирбитъ, и рябчиками въ С. Петербургъ. До открытія города, въ Устьсысольскѣ были извѣстны здѣсь бога-

тые землевладѣльцы Сухановы. Академикъ Лепехинъ пишетъ, что съ трудомъ былъ допущенъ предъ лицо одного изъ этихъ зырянскихъ богачей.

Село Карткересъ, 30 *іюня*, *полдень.*

Въ два часа пополуночи мы выѣхали съ братомъ изъ Устьсысольска, по вычегодскому тракту. На первой станціи у повозки сломалась ось; за этимъ потеряли нѣсколько часовъ. Тутъ комары крѣпко осаждали насъ. Началось ненастье и мы едва дотащились въ Корткересъ, на берегу Вычегды, въ 44 верстахъ отъ Устьсысольска. Мѣстное зырянское названіе этого села Кія; въ немъ одна каменная и двѣ деревянныя церкви, 76 домовъ и до 600 жителей. На правый берегъ Вычегды мы переѣхали противъ села Пезмога, въ которомъ 90 домовъ и тоже 600 жителей. Пе серединѣ села деревянная церковь.

Село Поддѣльское, 1 *іюля*, *утро.*

Вчера поздно вечеромъ пріѣхали мы въ село Небдинъ, извѣстное въ здѣшнемъ краю по ярмаркѣ, начинающейся въ концѣ января и продолжающейся до половины февраля. На эту ярмарку Ижемцы привозятъ на оленяхъ около 2 т. пудъ рыбы и покупаютъ хлѣбъ. Съ береговъ Ижмы они ѣдутъ прямо лѣсами къ верховью рѣки Вишеры, а оттуда въ Небдинъ. Въ селѣ одна каменная церковь, двѣ деревянныя ветхія и 85 домовъ. Село расположено на правомъ берегу р. Вычегды, въ 77 верстахъ отъ города. Жителей болѣе 600 человѣкъ.

Село Поддѣльское, въ 109 вер. отъ Устьсысольска, на правомъ низменномъ берегу Вычегды. Въ немъ только 23 дома и 185 жителей. На широкой долинѣ, на краю селенія построена каменная церковь.

Устькуломъ, *по-зырянски Кулемъ-дынъ*, 2 *іюля утро.*

Изъ Поддѣльскаго мы ѣхали скоро. Около полдня на станціи къ деревнѣ Анибъ переправились опять на лѣвый берегъ рѣки. Въ пятомъ часу перемѣнили коней въ селѣ Деревянскомъ, въ ко-

торомъ двѣ деревянныя церкви, 79 домовъ и 580 жителей, а вечеромъ переѣхали снова Вычегду противъ Устькулома. Это большое село на правомъ берегу Вычегды и растянуто по крайней мѣрѣ на 4 версты. По дорогѣ изъ села Деревянскаго, на сѣверо-восточномъ горизонтѣ, видѣнъ кряжъ возвышенностей, покрытыхъ лѣсомъ, который называется Джежимъ-Парма, по имени деревни Джежимъ, отъ которой онѣ начинаются. Эта Парма видна изъ Деревянска, Устькулома и Керчемьи. Растояніе отъ перваго до послѣдняго болѣе 50 верстъ, а потому должно полагать, что этотъ кряжъ значительно высокъ. Между Устькуломомъ и Деревянскомъ рѣка Вычегда, довольно далеко уклоняется къ сѣверу и дѣлаетъ большой сгибъ. На этомъ пространствѣ, на самомъ берегу рѣки, есть древній и давно упраздненный монастырь—Ульяновскій; тамъ деревянная церковь; при ней живутъ одни церковнослужители.

Отсюда я отправляюсь верхомъ черезъ Пожегодскій Волокъ. До села Пожега считаютъ болѣе 50 верстъ. Братъ ѣдетъ въ село Керчемью, откуда, по рѣкамъ Вычегдѣ и Мылвѣ и черезъ переволокъ переберется на Малву Печорскую и по ней поплыветъ до Троицкаго Погоста. Послѣдній путь дальній. Я спѣшу, и потому рѣшаюсь перейти пѣшкомъ пустыню Печорскаго Волока. Будетъ трудно, но черезъ это я выиграю нѣсколько дней, а они для меня дороги. Впереди путь еще длиненъ и этотъ путь въ странѣ, гдѣ люди сообщаются посредствомъ рѣкъ и по тропамъ, едва замѣтнымъ въ топкихъ болотахъ и темныхъ лѣсахъ. Лошади осѣдланы; я одѣлся въ парусинное платьѣ. Черезъ нѣсколько минутъ на коней и въ путь.

Село Пожегъ, 8 часовъ утра, 3 іюля.

Пью чай и отдыхаю съ наслажденіемъ послѣ вчерашняго переѣзда. Пожегодскій Волокъ переѣхать несовсѣмъ легко и въ хорошую погоду, не только теперь, послѣ дождей. Въ продолженіе 13 часовъ мы сидѣли на лошадяхъ. Въ добавокъ, я, не-хотя выкупался въ рѣкѣ Куломѣ. Черезъ нея нѣтъ моста, и лошадей перевели вплавь, мы же переходили по дереву, переброшенному черезъ русло рѣки. Я поскользнулся и упалъ въ воду. Можетъ быть, опасности большой не было, но ѣхать ночью въ мокромъ платьѣ — было несовсѣмъ пріятно; къ тому же ѣзда по живымъ мостамъ

утомительна; а эти мосты занимаютъ едва ли не половину пути. Я называю ихъ живыми потому, что подъ ногами лошади каждая мостовина движется, выскакиваетъ, открывая мѣстами довольно глубокія ямы. Это короткія, ни чѣмъ не скрѣпленныя жерди, набросанныя мѣстами на деревья, положенныя по бокамъ дороги; мѣстами эти жерди лежатъ въ порядкѣ, мѣстами набросаны кое-какъ одно на другую, и по этимъ-то мостамъ надобно ѣхать! Лошадь съ трудомъ держится на нихъ, часто проваливается въ болото, выскакиваетъ, старается пріостановиться на мосту, но жерди двигаются подъ ногами и она, спотыкаясь, идетъ дальше, снова проваливается, а иногда и падаетъ. На непривычной лошади здѣсь не проѣхать и версты, особенно при спускѣ съ крутыхъ и высокихъ горъ, такъ же грязныхъ и такъ же намощенныхъ, которыхъ много въ этой дикой пустынѣ. Сначала на опасныхъ спускахъ я сходилъ съ лошади: мнѣ казалось она неминуемо упадетъ; но потомъ усталость превозмогла опасеніе и я вполнѣ довѣрился доброму животному, которое, будто чувствуя оказываемое довѣріе, съ величайшею осторожностью ступало по движущимся мостовинамъ, въ глубокой грязи, между корней и зыбучихъ топей, въ довольно темную ночь.

Между-тѣмъ воздухъ наполнился комарами; въ глубину этихъ лѣсовъ едва ли когда проникаетъ вѣтеръ, а потому здѣсь царство этихъ насѣкомыхъ. Проѣхавши 50 верстъ, мы не видали ни птицы, ни звѣря, какъ-будто и животныя чуждаются этихъ дикихъ дебрей. Поздно ночью подъѣхали мы къ рѣчкѣ Пожегъ, вблизи деревни; лошадей пустили бродомъ, а сами перешли по дереву. Доѣхавши до села, были очень рады окончанію труднаго пути.

Село Пожегъ состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень, гдѣ 123 дома и 700 жителей. Въ одной изъ деревень, на правомъ берегу рѣки, бѣдная деревянная церковь. Вычегда дѣлаетъ здѣсь большой кругъ, протекая до Устькулома, мимо погостовъ Мыелдинскаго, Устьнемскаго и Керчемьи, пространство до 180 верстъ, тогда-какъ прямо волокомъ до Устькулома немного болѣе 50 верстъ. Здѣсь она ужь невелика и очень извилиста. Отсюда мы ѣдемъ водою въ маленькой лодкѣ.

У Зырянина, хозяина моей квартиры, кормятся нѣсколько лисицъ. Одна изъ нихъ чернобурая. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ промысломъ этихъ звѣрей занимаются многіе. Когда весною найдутъ лисью нору, то стараются захватить все гнѣздо и лисенковъ вы-

кармливаютъ дома. Отъ опытности и умѣнья зависитъ хорошо выкормить. Имъ преимущественно даютъ сырую говядину. Шкуры кормленныхъ лисицъ продаются всегда дешевле полевыхъ: онѣ бываютъ не такъ пышны.

Село Помоздинъ, 9 ч. вечера.

Это послѣднее село по Вычегдѣ. Она расположено на высокомъ правомъ берегу рѣки, при впаденіи рѣчки Помесъ, а потому и называется Помездынъ, т. е. Усть-Помесъ. Въ Помоздинѣ порядочная каменная церковь; она построена на довольно-высокомъ холмѣ, и потому видна издали.

4 іюля 6 час. утра.

Все готово къ переходу черезъ Печорскій Волокъ. Теперь до половины можно ѣхать верхомъ, а далѣе уже путь пѣшеходный. Года три тому назадъ, Окружное Управленіе распорядилось сдѣлать черезъ болота продольные мостки. Дорога до половины волока поисправлена, а дальше — дальше будетъ, что̀ будетъ!

...ОТЕКА ... В. И. ЛЕНИНА

IV.

Вычегодскіе Зыряне. — Торгъ на Вычегдѣ пушными товарами. — Торгъ хлѣбомъ. — Стерлядь. — Кедровые орѣхи. — Происхожденіе Зырянъ; обряды, сохранившіеся отъ времени язычества. — Мнѣніе ученыхъ о Зырянахъ. — Преданія — Торговля. — Нравственность Зырянъ. — Рѣка Сысола и ея притоки. — Сѣверо-Екатерининскій Каналъ. — Печорскій Волокъ. — Рѣка Сордъ-Ель. — Вершины Вычегды. — Рѣка Сойва. — Троицкій Погостъ. — Звѣроловный промыселъ Зырянъ за Ураломъ. — Путь по Печорѣ. — Рѣка Велъ. — Деревня Подчеремъ.

Вычегодскіе Зыряне живутъ здѣсь въ 12 погостахъ и въ 56 деревняхъ. Изъ погостовъ Вишерскій и Локчимскій лежатъ на берегахъ Вишеры и Локчима, которыя впадаютъ въ Вычегду: первая съ правой стороны по теченію, нѣсколько выше села Небдина, а вторая — съ лѣвой, нѣсколько выше села Пезмога. Число Зырянъ простирается до 18 т. обоего пола. Главный промыселъ ихъ — звѣроловство: ловятъ лисицъ, куницъ, горностаевъ, медвѣдей, волковъ и россомахъ, изрѣдка рысей и выдръ; всего же болѣе стрѣляютъ бѣлокъ и рябчиковъ. Въ осенній и весенній промыслы настрѣливаютъ въ одномъ Устьсысольскомъ Уѣздѣ бѣлокъ отъ 500,000 до 600,000 штукъ, рябчиковъ отъ 40,000 до 80,000 паръ и преимущественно въ вычегодскомъ и печорскомъ краяхъ. На осенній промыселъ отправляются въ дальніе лѣса, иногда на лодкахъ, въ концѣ сентября, а возвращаются въ ноябрѣ; на весеній — въ январѣ и возвращаются въ мартѣ. Многіе промышляютъ около своего жилья, оставаясь въ лѣсу отъ 2 до 4 дней. Хорошій лѣсовщикъ, при обиліи въ звѣрѣ, настрѣливаетъ въ одинъ промыселъ отъ 300

до 500 штукъ бѣлокъ. Жители береговъ Вычегды занимаются и хлѣбопашествомъ. Прежде, когда дозволено было свободно дѣлать лѣсные подсѣки для хлѣбопашества, хлѣба въ здѣшнемъ краю было такъ много, что рожь отправляли въ Архангельскъ на нѣсколькихъ баркахъ *); но такая система соединена съ опасностью для лѣсовъ: подсѣченные лѣса должно жечь и огонь, при вѣтрѣ или невниманіи крестьянъ, производилъ пожары, а потому этотъ обычай ограниченъ, и нынѣ хлѣба у Вычегодцевъ меньше. Часть его идетъ на продажу Ижемцамъ, которые пріѣзжаютъ за нимъ зимою на оленяхъ. Иногда же Вычегодцы сами перевозятъ хлѣбъ къ верховью Ижмы и весною по ней сплавляютъ къ Ижемскому Погосту. Торгъ пушнымъ товаромъ производится здѣсь слѣдующимъ образомъ: для покупки бѣлки и рябчиковъ торговцы отправляются или посылаютъ прикащиковъ по всему уѣзду. Ѣдучи впередъ, они оставляютъ деньги въ каждомъ селеніи, у зажиточныхъ крестьянъ, для мелочнаго сбора товаровъ, а эти крестьяне заботятся о сборѣ. Промышленикамъ нужны всегда деньги, хлѣбъ и преимущественно порохъ, свинецъ и ружья. Всѣми этими предметами крестьяне-торговцы снабжаютъ промышлениковъ за ожидаемый товаръ, и, по возвращеніи ихъ съ промысла, получаютъ свои капиталы шкурами бѣлокъ, лисицъ и другихъ звѣрей, и рябчиками, разумѣется, по невысокой цѣнѣ; а потому этотъ домашній торгъ обращается всегда къ выгодѣ крестьянина-торговца, который дорого сбываетъ товаръ, необходимый промышленику, и дешево пріобрѣтаетъ его добычу. При недостаткѣ другихъ средствъ, и это участіе крестьянъ-банкировъ полезно для края, потому-что содѣйствуетъ безостановочному ходу промысла, доставляя возможность бѣднѣйшимъ жителямъ запасатся предметами первой необходимости для стрѣлка и звѣролова. Цѣна на бѣлку и рябчиковъ установляется — смотря по успѣху промысла и по мѣрѣ требованія. Когда рябчиковъ много и полагаютъ, что соберется тысячъ до 70 паръ и больше, то за пару платятъ нерѣдко отъ 7 до 10 коп. сер.; когда же мало, то отъ 15 до 20 коп. сер.

Цѣна на бѣлку зависитъ часто отъ требованія и цѣнъ, существующихъ на Нижегородской Ярмаркѣ. Въ самую дешевую пору бѣлка продается по 43 коп., въ самую дорогую — по 72 коп. сер. за

*) На новинѣ хорошій урожай ржи бывалъ самъ 30 до 80.

десятокъ. Купленный товаръ отправляется самими торговцами и черезъ крестьянъ въ Устьсысольскъ, куда, въ ноябрѣ, къ Георгіевской Ярмаркѣ, продолжающейся нѣсколько дней, подвозятъ рябчиковъ и бѣлку партіями крестьяне-торговцы и частью сами промышленики. Затѣмъ часть рябчиковъ отправляютъ въ С. Петербургъ и часть въ Москву. Пушной товаръ съ верховьевъ Вычегды и Печоры идетъ также иногда значительными партіями въ Чердынъ, откуда крестьяне привозятъ на обмѣнъ соль и другіе товары.

Хлѣбъ покупаютъ такимъ же порядкомъ: торговцы даютъ мѣстнымъ крестьянамъ деньги для скупа хлѣба помелочи. Они задаютъ деньги желающимъ продать хлѣбъ, но рѣдко по окончательной цѣнѣ, а всегда условно, что заплатятъ по цѣнѣ, какая будетъ весною; это хотя весьма неудобно для торговца по неопредѣлительности цѣнъ, но такъ велось всегда, а потому трудно измѣнять обычай. Впрочемъ, этотъ странный порядокъ торга сталъ нынѣ понемногу измѣняться. Барки, строящіяся въ верховьяхъ рѣкъ, отправляются весною по теченію и пристаютъ у каждой деревни, гдѣ производилась закупка, принимаютъ собранный въ амбары хлѣбъ и отправляются далѣе.

Барки съ хлѣбомъ изъ Устьсысольскаго Уѣзда доходятъ въ Архангельскъ въ концѣ мая, а иногда въ началѣ іюня; сплавъ отъ города продолжается отъ 10 до 25 дней, даже болѣе, что̀ зависитъ отъ тихой погоды и хорошей воды въ Вычегдѣ и Двинѣ.

Вычегда неочень обильна рыбою; однако же около Помоздина удачно ловятъ семгу. Впрочемъ, я слыхалъ отъ стариковъ, что, лѣтъ за 30 или 40, и понизовью Вычегды ловилось очень много семги, а потомъ ловъ ея годъ-отъ-году уменьшался и въ иныхъ мѣстахъ совершенно прекратился.

Въ замѣнъ семги, появилась въ Вычегдѣ стерлядь, которой прежде тамъ вовсе не было, такъ-что, при первомъ уловѣ стерляди, жители, незнакомые съ этой рыбою, бросали ее, считая нечистою; но скоро поняли, что стерлядь даже лучше семги, и принялись ловить ее сѣтями, чаще самоловами; количество стерляди не уменьшалось, а увеличивалось съ году на годъ, такъ-что въ послѣднее время налавливаютъ ее много, часто весьма крупную — въ три-четверти, въ аршинъ и болѣе. Цѣна живой стерляди въ Устьсысольскѣ отъ 3 до 5 коп. сер. фунтъ. Стерлядь, вѣроятно, перешла въ Вычегду изъ Камы черезъ Сѣверо-Екатерининскій Каналъ и

изъ Шексны по Каналу Герцога Виртембергскаго. Вѣроятно, мутныя воды Вычегды даютъ ей много питательныхъ веществъ: она быстро развелась въ этой рѣкѣ, поднявшись до самой ея вершины и по нѣкоторымъ притокамъ. Но въ Сысолѣ стерляди вовсе нѣтъ.

Въ верховьяхъ Вычегды и по нѣкоторымъ ея истокамъ есть кедровые лѣса. Иногда сборъ кедровыхъ шишекъ составляетъ изрядный промыселъ. Вѣковые же лѣса, сосновые и еловые, произрастаютъ на огромномъ пространствѣ по берегамъ Вычегды и ея притоковъ, не доставляя ни малѣйшихъ выгодъ краю.

Недостатокъ работъ во время неудачныхъ промысловъ и неурожая хлѣба, нерѣдко приводитъ Вычегодцевъ въ крайне-стѣснительное положеніе. Крестьяне нѣкоторыхъ волостей почти постоянно ходятъ для рубки дровъ въ кажимскіе желѣзные заводы, въ разстояніи отъ низовыхъ селеній Вычегды около 300 верстъ. Скудная плата едва вознаграждаетъ эту трудную работу, сопряженную съ дальнимъ переходомъ.

Рѣка Вычегда протекаетъ по Устьсысольскому Уѣзду больше 550 верстъ.

О происхожденіи Зырянъ много писали. Нѣтъ сомнѣнія, что они принадлежатъ къ финнскому племени, населявшему всю сѣверо-восточную часть Россіи, называвшуюся нѣкогда Великою Біарміею.

Зыряне на своемъ языкѣ называютъ себя Коми. Они населяютъ теперь часть Пермской, Вологодской, Вятской и Архангельской губерній. Въ послѣднихъ двухъ ихъ очень немного. Названіе Коми-Мортъ, т. е. Зырянинъ-человѣкъ, даетъ многимъ поводъ думать, что они пришли съ береговъ Камы. Это доказывается еще и тѣмъ, что Зыряне Устьсысольскаго Уѣзда даютъ названіе Ком-Му (т. е. земля Коминовъ *) Чердынскому Краю, лежащему по берегамъ Камы. Названіе Зырянъ едва ли не произошло отъ слова зырэдемъ, зырэды-Сны, что̀ означаетъ: вытѣсненный, стѣснили, напали **). Можетъ быть, Зыряне въ глубокой древности, или во время переселенія народовъ и нашествія Монголовъ, въ самомъ дѣлѣ были вытѣснены другими племенами изъ своей родины, или, по какимъ-либо обстоятельствамъ, должны были оставить ее и пе-

*) Му значитъ земля, или страна; напр: Рочь-Му — Русская Земля.

**) Впрочемъ, это самое можетъ быть выражено на зырянскомъ языкѣ и другими словами: дзеске-дысны, ускедчисны.

реселиться на берега рѣкъ Печоры, Вычегды, Сысолы и другихъ. Поэтому, можетъ быть, они и назывались, или земляки ихъ на Камѣ назвали, зырэдэмъ-езъ, т. е. оттѣсненные, или вытѣсненные люди. Это названiе въ теченiе столѣтiй легко могло измѣниться, особенно въ русскомъ языкѣ Зырянъ. Должно также замѣнить, что пермскихъ Зырянъ называютъ Пермяками. Все это даетъ поводъ думать, что Зыряне, обитающiе въ Вологодской и Архангельской губернiяхъ, происходящiе, безъ всякаго сомнѣнiя, отъ финнскаго племени, принуждены были переселиться сюда съ береговъ Камы въ давнiя времена; ибо страна около верховьевъ этой рѣки, какъ я сказалъ уже, носитъ названiе Ком-Му, земля Коминовъ. Можетъ быть, на берегахъ Вычегды и Сысолы, обитали въ старину другiя племена; но, будучи, вѣроятно, малочисленны, слились съ пришельцами и составили одинъ народъ. Преданiя о Чуди, которыхъ укрѣпленные города оставили по себѣ слѣды, еще замѣтные во многихъ мѣстахъ Устьсысольскаго Уѣзда, особенно по берегамъ рѣки Сысолы, вѣроятно, имѣютъ основанiемъ быль о существованiи здѣсь этого племени. Можетъ быть, это была вѣтвь народа, извѣстнаго под именемъ Заволоцкой Чуди, которая, слившись съ Зырянами и русскими переселенцами, не оставила о себѣ другой памяти, кромѣ преданiй.

Не тогда ли Зыряне подвинулись съ Камы къ сѣверу, когда было общее переселенiе народовъ, при нашествiи Аларика и Аттилы? Славяне, вытѣсненные съ Дуная къ Днѣпру, стѣснили Сарматовъ, а въ числѣ ихъ и Коминовъ (Пермь). Не тогда ли и самоѣдскiй народъ подвинулся съ юга къ Ледовитому Морю?

Вотяки, обитающiе въ Пермской и Вятской губернiяхъ, имѣютъ, по обычаямъ и языку, большое сходство съ Зырянами. По моему мнѣнiю, Вотяки самая близкая родня Зырянамъ, по происхожденiю.

Академикъ Лепехинъ, въ описанiи этого края, замѣтилъ у Зырянъ, въ селѣ Объячевскомъ, остатки старинныхъ обрядовъ. По его словамъ, въ день Пророка Илiи, они обществомъ убиваютъ быка, съ разными обрядами, и съѣдаютъ его. Въ день Святаго Прокопiя тотъ же обрядъ повторяется надъ бараномъ. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ сохранились и теперь у Зырянъ и у соплеменныхъ имъ Вотяковъ, Пермяковъ, Чувашъ и Мордвы. У Зырянъ Устьсысольскаго Уѣзда и теперь варится, изъ собранныхъ общиной муки, солода и хмѣля, пиво, которое они пьютъ, собираясь въ извѣстный день. Это называется молитны.

Едва и теперь объяснено происхожденіе названія Пермяковъ. Академикъ Лепехинъ слышалъ старинную сказку о богатырѣ, котораго звали Перя. Онъ жилъ будто бы на Камѣ, въ 50 верстахъ отъ села Гойна. Молва о немъ дошла до Москвы, куда и потребовали его предъ свѣтлыя царскія очи, гдѣ Перя удивилъ всѣхъ необыкновенною силою. Царь одарилъ его, пожаловалъ ему граммату и отпустилъ на родину. Честь, оказанная Комину, не побудила ли, сначала хотя семейство его, называться Перянами, а современъ это названіе, распространяясь особенно между сосѣдственными народами, не превратилось ли въ Пермяковъ? Но это однѣ догадки. Вотъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о народѣ Перми.

Сѣверные предѣлы нынѣшней Россійской Имперіи въ древности назывались Сарматіею. Въ Сарматіи, въ числѣ населявшихъ ее народовъ, была Пермь, Печора и Самоѣды.

Болгары, обитавшіе по Волгѣ, будучи народомъ болѣе торговымъ, чѣмъ воинственнымъ, открыли къ югу пути въ Азію и Индію, черезъ моря Каспійское и Черное, а къ сѣверу—къ устьямъ Двины и Печоры. Они вели обширную торговлю. Городъ ихъ, Болгары, былъ центральнымъ торжищемъ для Европы и Азіи*). Въ старинныхъ лѣтописяхъ упоминается, что въ началѣ XIII вѣка Болгары жли по Камѣ и воевали Югровъ, подъ которыми разумѣли Пермяковъ и Зырянъ.

Ломоносовъ называетъ Мордву, Вотяковъ, Зырянъ, Черемисовъ, Корелъ и Пермяковъ остатками многочесленнаго чудскаго народа, а по мнѣнію Карамзина, даже народъ, называвшійся Печорой, былъ — Зыряне, ибо онъ считаетъ ихъ единоплеменными Чувашамъ, Вотякамъ, Лапландцамъ и даже обскимъ Остякамъ, что́ едва ли справедливо. Остяки, или Манчи, какъ они сами себя называютъ, даже по наружности часто монгольскаго происхожденія, а Зыряне — европейскаго. Также и прежніе историки довольно знали о сѣверной Біарміи. Татищевъ полагаетъ, что Зыряне и Пермь были одинъ народъ. Онъ основывается на томъ, что когда, въ концѣ

*) О Болгарахъ упоминаетъ Карамзинъ, въ Истор. Госуд. Россійск., какъ о народѣ болѣе торговомъ, нежели воинственномъ. По его изысканіямъ, они обитали издревле по берегамъ Камы и Волги, или переселились туда непозже VII вѣка. Они вели торговлю съ сѣверомъ, имѣя удобное сообщеніе посредствомъ рѣкъ, и на югъ, черезъ Каспійское Море, съ Азіею. Въ 985 г. великій князь Владиміръ побѣдилъ Болгаровъ.

XIV вѣка, св. Стефанъ рѣшился проповѣдывать Евангеліе язычникамъ Перміи, то началъ проповѣдь свою по Вычегдѣ и построилъ первую церковь на устьѣ рѣки Выми. Населеніе это названо Усть-Вымью, гдѣ была и епархія новообращенной въ христіанство страны, также мужскій монастырь *).

Должно думать, что тогда по всей Вычегдѣ, до ея устья, жили одни Зыряне. Сольвычегодскъ былъ главнымъ городомъ этого народа, Яренскъ же—вторымъ. Многіе изъ Зырянъ, принявшіе крещеніе, смѣшались съ Русскими и забыли свой языкъ.

Если въ предѣлахъ нынѣшней Вятской Губерніи была земля Вотяковъ, и названіе рѣки Вятки произошло отъ имени этого народа, то нѣтъ сомнѣнія, что названіе рѣки Камы произошло отъ народа, именовавшагося Коми; ибо на Камѣ еще нынѣ есть остатки этого народа. Главнымъ городомъ Пермяковъ былъ Чердынъ. Что Зыряне и Пермы одинъ народъ—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; а судя по пространству занимаемой ими земли, должно предполагать, что они были народъ довольно-многочисленный, притомъ промышленный и богатый, въ доказательство чего я привожу факты.

Есть преданіе, что, во время обращенія въ христіанство, многіе ревностные Зыряне-язычники закапывали себя въ землю; другіе ушли въ Сибирь, что̀ доказывается сходствомъ сибирскихъ Вогуличей и Остяковъ, по обычаямъ и языку съ Пермяками, и сохранившимся между первыми преданіемъ, что они пришельцы въ этомъ краѣ и что родина ихъ земля Пермяковъ **). Въ слѣдствіе переселенія значительной массы народа, сторона, омываемая рр. Печорою, Вычегдою, Сысолой и Вымью тогда нѣсколько опустѣла.

Зыряне были изстари отличные звѣроловы, чему способствовали обширные лѣса, въ краю ими обитаемомъ, наполненные звѣрями разнаго рода. Издавна они ходили за промыслами въ Край Зауральскій и приносили оттуда драгоцѣнныя шкуры: бобровъ, соболей, лисицъ, выдръ, куницъ, рысей и прочихъ. Идоламъ своихъ они приносили въ жертву часть наловленныхъ звѣрей, которыхъ навѣшивали на деревья. Объ этомъ сохранилось еще преданіе между

*) Ист. Госуд. Рос. Т. I, примѣч. LXXIII. Объ Усть-Вымѣ я уже разсказалъ выше.

**) Миллеръ, въ описаніи обычаевъ Остяковъ.

Зырянами. Св. Стефанъ какъ идоловъ, такъ и жертвы, принесенныя имъ язычниками, предавалъ пламени. Главный кудесникъ ихъ, Панъ, противодѣйствуя проповѣди Евангелія, укоряя своихъ соотечественниковъ, оставляющихъ вѣру отцовъ, говорилъ, что напрасно они слушаютъ Московитянъ.

Въ словопреніи же съ св. Стефаномъ Панъ говорилъ, что боги ихъ были главными поборниками въ ловлѣ, что дорогими шкурами звѣрей, ими (Коминами) наловленными, хвалятся московскіе бояра, одѣваются и посылаютъ ихъ въ Орду, въ Царьградъ, къ Нѣмцамъ, въ Литву и другія дальнія мѣста.

Изъ житія же св. Стефана видно, что онъ много находилъ у зырянскихъ язычниковъ золота и серебра, пожертвованнаго идоламъ, такъ-что, опасаясь, чтобъ ученики его не вовлеклись въ любостяжаніе, принужденъ былъ строго воспретить брать что-либо идоложертвенное. Кромѣ того, есть свѣдѣнія, что въ Перміи въ старину сожигали тѣла умершихъ и пепелъ всыпали въ золотыя и серебряныя урны, оставляя ихъ на кладбищѣ,*) что̀ и служитъ яснымъ доказательствомъ, что жители Перміи изобиловали дорогими металлами и богатство свое пріобрѣтали отъ звѣриныхъ промысловъ или принимая участіе въ торговлѣ Болгаръ, проходившей черезъ ихъ землю.

Есть преданіе, что гдѣ-то въ этой странѣ было торговое мѣсто, куда, съ одной стороны, пріѣзжали Датчане, Шведы и Норвежцы, а съ другой, Болгары, и производили размѣнъ товаровъ индійскихъ, греческихъ и персидскихъ, на европейскіе и туземные. Если не на устьяхъ Двины и Печоры находилось это торжище, то, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ вершинахъ рѣкъ Вычегды или Сысолы на переволокахъ, т. е. на тѣхъ пунктахъ, гдѣ оканчивался съ обѣихъ сторонъ судоходный путь. На берегу Печорской Мылвы есть широкая долина, которая и по сіе время называется Торговищемъ.

Лугъ этотъ находится на половинѣ пути отъ Троицкаго Погоста до переволока съ Печорской Мылвы на Вычегодскую; онъ тянется по обоимъ берегамъ Печорской Мылвы больше версты, шириной до ста саженъ; но, вѣроятно, теперь большая часть его заросла лѣсомъ. На этой долинѣ находятъ обломки кирпичей. Откуда взялись они? Полагаютъ, что тамъ были строенія. Неровность долины, не-

*) Путеш. Лепехина ч. VI, въ статьѣ о Зырянахъ.

большие бугры, образовавшіяся на ней мѣстами, не есть ли остатки развалинъ зданій, въ которыхъ производился торгъ между жителями разныхъ странъ свѣта?

Есть сказка, которую Новгородцы слыхали въ Югоріи*), что Югры, идя далеко къ востоку, дошли до превысокихъ горъ, черезъ которыя не было пути; но слышали великій стукъ, доходившій къ нимъ изъ-за горъ. Стукъ происходилъ будто бы отъ того, что люди загорные прорубали каменную стѣну хребта, и успѣли сдѣлать небольшое отверстіе, сквозь которое подавали имъ шкуры дорогихъ звѣрей, въ размѣнъ за желѣзныя вещи; но что путь къ этой горѣ едва проходимъ: зимой по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ, а лѣтомъ по топкимъ, широкимъ болотамъ. Вѣроятно, звѣроловы этой басней старались скрыть богатство своихъ промысловъ, за каменнымъ хребтомъ Урала.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, покоряя народъ пермскій, въ 1472 году послалъ туда князя Пестраго, который близъ городка Искара**) разбилъ рать пермскую и плѣнилъ воеводъ ихъ: Кача, Бурмата, Мачкана и Зыряна. Это не были ли отдѣльные князья, управлявшіе разными племенами, и Зырянъ не завѣдывалъ ли народомъ зырянскимъ?

Главными городами Перміи были тогда два: Урусъ и Чердынъ.

Зыряне очень гостепріимны и хлѣбосольны; немногіе рѣшаются взять съ пріѣзжаго за хлѣбъ-соль, или за ночлегъ. Извѣстные примѣрною честностью, они недавно начали охранять желѣзными замками свое имущество. Воровство было чуждо даже въ предпослѣднемъ поколѣніи. Уходя на полевыя работы, они оставляли домы запертыми только особеннаго рода запоромъ, чтобъ въ избу не ворвались животныя. Въ лѣсахъ я никогда не слыхалъ, чтобъ кто-нибудь рѣшился воспользоваться чужою добычею, обыкновенно оставляемою близъ зимовьевъ. Въ послѣдніе неурожайные годы нужда занесла сюда нѣкоторые пороки. Неурожаи, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ, лишили ихъ всѣхъ прежнихъ запасовъ; цѣна на хлѣбъ возвысилась неслыханно. Платили больше 2 р. асс. за пудъ, а у кого не было хлѣба, тотъ питался осиновою корой. Бѣда ведетъ

*) Путеш. Лепехина ч. IV.

**) Вѣроятно, изъ Каръ, что значитъ каменный городъ, гдѣ нынѣ село и еще замѣтны слѣды земляныхъ укрѣпленій.

за собой другую бѣду. Погода не благопріятствовала урожаю еловыхъ и сосновыхъ шишекъ—главнѣйшаго продовольствія бѣлки, и она переселилась туда, гдѣ надѣялась найти избытокъ въ пропитаніи; а потому въ эти годы и звѣроловная промышленость не доставляла имъ даже на необходимое. Другаго промысла здѣсь почти нѣтъ, а потому крестьянину трудно было добыть копейку. Но, слава Богу, пора эта миновалась; порядочные урожаи хлѣба обезпечили продовольствіе бѣдныхъ Зырянъ; удачные промыслы стали заглаживать слѣды минувшаго бѣдствія — и край начинаетъ оживать. Когда же явятся здѣсь капиталы, тогда страна, омываемая водами Печоры и Вычегды, процвѣтетъ, потому-что въ ней много началъ для обширной промышленной дѣятельности.

Говоря о Вычегдѣ и поселеніяхъ, находящихся на ея берегахъ, нельзя не сказать нѣсколько и о рѣкѣ Сысолѣ, по имени которой называется городъ, справедливо тамъ называемый столицею Зырянъ, потому-что даже и въ настоящей сторонѣ Коминовъ, на берегахъ Камы, нѣтъ ни одного города, котораго граждане и по сіе время были бы коренные Зыряне, какъ въ Устьсысольскѣ.

Рѣка Сысола имѣетъ начало въ Вятской Губерніи, въ Слободскомъ Уѣздѣ, близъ села Гидаева, въ ста верстахъ отъ границы Устьсысольскаго Уѣзда, по прямому направленію и очень недалеко отъ вершины рѣчки Порыша, впадающей въ Каму. Сысола протекаетъ сначала мѣстами низменными, потомъ гористыми и весьма удобными для хлѣбопашества. Всего теченія ея болѣе 500 вер. Въ Сысолу впадаетъ много рѣкъ. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Кажимъ, Лопья и Нюкчимъ, на которыхъ находятся желѣзные заводы Кажимскій, Нючпаскій и Нюкчимскій, принадлежащіе теперь тульскому купцу Малюкову. Кажимъ отъ Устьсысольска отстоитъ на 233 версты, водой же—до 400 верстъ. Рѣка Кай впадаетъ также въ Сысолу; на ней Кайгородская Пристань, откуда сплавлялось прежде ежегодно въ Архангельскъ отъ 12 до 16 барокъ, поднимавшихъ груза отъ 20 до 25 т. пудъ каждая.

По рѣкѣ Тыбье, впадающей въ Сысолу и начинающейся въ Объячевскомъ Волокѣ, было много превосходныхъ мачтовыхъ лѣсовъ, гдѣ заготовлялись мачты для архангельскаго порта. Теперь эти лѣса большею частью истреблены пожарами, какъ и во многихъ мѣстахъ Устьсысольскаго Уѣзда. По рѣкѣ Визингѣ сплавляются барки, съ хлѣбомъ изъ села Киберскаго.

*

Устьсысольскимъ же Уѣздомъ протекаетъ рѣка Луза, истоки которой въ Орловскомъ Уѣздѣ Вятской Губерніи. Она впадаетъ въ р. Югъ, въ Устьсысольскомъ Уѣздѣ. Луза течетъ сначала около 200 верстъ мѣстами лѣсистыми и сырыми; ниже—мѣста болѣе-луговыя. Всего теченія ея 800 верстъ. На этой рѣкѣ, при устьѣ рѣчки Ношулки, находится извѣстная Ношульская Пристань, на которую доставляютъ зимнимъ путемъ товары изъ Вятской Губерніи, для сплава къ архангельскому порту. Количество грузовъ, доставляемыхъ черезъ эту пристань не одинаково, но простирается отъ 60 до 150 барокъ, длиною отъ 11 до $12^1/_2$, шириной отъ 6 до 7 саженъ, поднимающихъ груза отъ 19 до 23 тысячъ пудъ. Сплавъ отъ Ношуля до впаденія Лузы въ Югъ около 600 верстъ.

Берега Сысолы населены болѣе чѣмъ берега Вычегды. Жители занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ. Изъ нѣкоторыхъ селеній ходятъ на работу на помянутые желѣзные заводы, строятъ барки для сплава товаровъ съ пристаней и участвуютъ въ самыхъ сплавахъ. Вообще Зыряне, обитающіе на берегахъ Сысолы, имѣютъ больше заработковъ, а потому и живутъ зажиточнѣе вычегодскихъ. Въ этомъ краю меньше бѣдныхъ и также не случается такого крайняго недостатка въ хлѣбѣ, какой бываетъ на Вычегдѣ и на Печорѣ.

Нахожу нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о Сѣверо-Екатерининскомъ Каналѣ. Построеніе этого судоходнаго сообщенія, назначеннаго для соединія системы рѣки Камы съ бассейномъ Двины, было эпохою для этого отдаленнаго края, ибо требовало много рукъ и матеріаловъ, а въ томъ и другомъ здѣсь нѣтъ недостатка. Немного выше села Керчемьи впадаетъ въ Вычегду съ лѣвой стороны рѣка Кельма, по-зырянски Кэт-емъ. На ней находятся двѣ пристани: Устьвочская, по-зырянски Вочъ-Вомъ, при устьѣ рѣчки Вочи, и Канавская, при сѣверномъ окончаніи Сѣверо-Екатерининскаго Канала. На эти пристани прежде вывозили изъ Соликамскаго Уѣдза Пермской Губерніи, овесъ, рожь, кожи и проч., частью также доставляемыя изъ Сарапуля, пшеницу, сѣмя льняное, муку, иногда сибирское сало, закупаемое на Ирбитской Ярмаркѣ. Съ пристани отъ канала товары сплавлялись въ мелкихъ баркахъ, поднимавшихъ грузу отъ 6 до 8 тысячъ пудъ; были годы, когда нагружалось тамъ до 25 барокъ. На Устьвочской Пристани строились барки большаго размѣра, поднимавшія грузу до 23 тысячъ пудъ. Движеніе торговли изъ Пермской Губерніи къ Архангельскому Порту простиралось

иногда по этому пути на значительныя суммы; ибо, при требованіи хлѣба за границу, при дешевизнѣ его въ Пермской Губерніи, находили выгоднымъ вывозить предметы требованія на Устьвочскую и Канавскую Пристани зимнимъ путемъ. Торговлю эту производили чердынскіе, соликамскіе и устьсысольскіе купцы. Въ настоящее время по этому пути доставляются товары только въ случаѣ большихъ требованій и возвышенія цѣнъ на хлѣбъ въ Архангельскѣ, и то небольшимъ количествомъ.

Построеніе Сѣверо-Екатерининскаго Канала начато въ 1785 году, но въ 1788 было прекращено. Работы вновь начаты въ 1802 году. Въ 1809 году пріостановлены и снова начаты въ 1816 году; окончены въ 1822 году.

По Сѣверо-Екатерининскому Каналу проходило судовъ съ грузами очень мало. Если и показано въ описаніи этого сообщенія г. Штукенбергомъ значительное движеніе коммерціи, особенно съ 1813 по 1819 годъ, то эти грузы шли не по каналу, но, какъ сказано выше, перевозились зимнимъ путемъ на пристани къ каналу и Устьвочскую.

Каналъ построенъ съ цѣлію — обратить сибирскую торговлю къ Бѣломорскому Порту, но она, по естественному ходу вещей, приняла то направленіе, которое, обѣщая больше выгодъ, представляло меньше затрудненій, а здѣсь торговля съ береговъ Камы или изъ Сибири не могла имѣть такого удобнаго пути, какой открытъ по Волгѣ и судоходнымъ системамъ къ С. Петербургу; на биржѣ его для сбыта произведеній представлялись всегда болѣе вѣрные виды, чѣмъ на биржѣ Архангельска, торговля котораго, по отдаленности этого порта отъ портовъ Европы находится въ рукахъ небольшаго числа негоціантовъ. Доставленіе же корабельныхъ лѣсовъ къ архангельскому порту съ береговъ Камы и ея истоковъ по этому пути производилось медленно и обходилось дорого, что, вѣроятно, и заставило оставить эти операціи, а потому соединеніе Камы съ Вычегдою, посредствомъ Сѣверо-Екатерининскаго Канала, не принесло выгоды.

Въ окрестностяхъ канала, гдѣ была деревянная церковь и теперь живутъ нѣсколько семействъ земледѣльцевъ. Мѣста для поселенія довольно-удобны. Есть хорошая земля для хлѣбопашества, луга для скотоводства, лѣса для промысловъ начинаются отъ самаго жилья — чего же лучше для людей, которымъ нужно одинъ

насущный хлѣбъ и возможность заплатить повинности? Вдоль канала лежитъ путь изъ Устьсысольска въ Чердынъ, а дорога, которою доставлялись товары на Устьвочскую Пристань, проведена изъ деревни Вочи, черезъ дремучіе лѣса, въ западный край Чердынскаго Уѣзда.

Печорскій Волокъ на берегу рѣчки Сорд-ель.

Въ 8 часу мы выѣхали изъ Помоздина; въ 9 часу переѣхали на лѣвый берегъ Вычегды, противъ деревни Вэль-динъ, откуда вступили въ волокъ, на пространствѣ котораго до 140 верстъ нѣтъ обитателей. Сильный дождь промочилъ насъ порядкомъ, за тѣмъ наступилъ жаръ и тучи оводовъ окружили насъ; они въ кровь изъѣли лошадей, а при случаѣ не щадили и насъ. «Знаешь ли, изъ чего родятся оводы?» спросилъ меня проводникъ мой, старикъ лѣтъ 60-ти, проворный какъ юноша, которому, кажется, трудъ не почемъ. Не знаю, отвѣчалъ я. «А вотъ изъ чего, продолжалъ онъ: «подъ корою подсыхающихъ деревьевъ водится много червей; изъ нихъ выплoжаются оводы; а замѣтилъ это я съ-молоду. Ловилъ я, бывало, на такихъ червей рыбу. Одинъ разъ осталось этихъ червей въ бурачкѣ немного, а весной изъ нихъ вышли оводы; оттого-то ихъ и много въ подсыхающихъ лѣсахъ». Передаю замѣчаніе моего проводника, какъ оно мнѣ досталось; справедливо ли оно—не могу судить: я не естествоиспытатель.

«Зачѣмъ тебя Богъ несетъ на Печору?» говорили мнѣ крестьяне въ Вэльдинѣ, «не открывать ли какой путь? Дай Богъ тебѣ устроить что-нибудь: намъ была бы работа.» Дай-то Богъ, чтобъ желанія этихъ добрыхъ, трудолюбивыхъ людей исполнилось.

Изъ лѣсовъ, около рѣчки Сердъ-ель, гдѣ мы теперь отдыхаемъ прежде заготовляли лиственичный лѣсъ для архангельскаго порта и вывозили на Вычегду, которая отсюда, въ сторонѣ отъ дороги, не дальше версты. Все утро мы ѣхали прекрасными борами.

Берегъ Вычегды на половинѣ Печорскаго Волока, 3 іюля 7 ч. утра.

Проѣхавъ около 80 вер., а можетъ быть, съ объѣздами болотъ, 90, усталые уже поздно ночью, мы пріѣхали къ зимовой избѣ, на берегу рѣки Вычегды. Лошади до того утомились, что одна изъ

нихъ нѣсколько разъ на пути ложилась подъ сѣдокомъ; да и есть отчего. Изба была наполнена комарами, а потому мы расположились около огня, на развалинахъ старой избы. Проводникъ мой потерялъ топоръ, и мы едва достали дровъ, сварили кашу и наскоро поужинали. Множество лягушекъ прыгало вокругъ насъ, но, несмотря на ихъ сосѣдство, мы спали крѣпко. Вотъ разсвѣло; небо все въ тучахъ; дуетъ сильный вѣтеръ; накрапываетъ дождь; въ лѣсу слышно кукованье кокушки. И не въ безлюдной пустынѣ такая погода навѣяла бы грусть, особенно, когда, отъ вчерашняго переѣзда, ноютъ кости, а впереди еще дальній переходъ пѣшкомъ по топкимъ болотамъ.

Русло Вычегды здѣсь не шире 5 или 6 саж.; но она глубока, особенно теперь вода поднялась до края береговъ. Теченіе едва замѣтно; кругомъ еловый лѣсъ и болото. Вчера въ 9 ч. вечера отъѣхавши отъ Помоздина около 55 верстъ, а объѣздами, вѣроятно, много больше, мы перебрались черезъ главный притокъ Вычегды. Мы теперь на берегу втораго притока, въ зимовье, наполненномъ дымомъ, комарами и другими насѣкомыми.

Изба у рѣчки Расъ-ель, 6 іюля 7 ч. утра.

Вчера въ 10 часовъ утра началось наше пешеходное странствованіе. Насъ пятеро: я, мой человѣкъ, двое рабочихъ и одинъ попутчикъ, посланный на Печору съ бумагами изъ Усть-Кулома. Дождь лилъ словно изъ ведра. Надобно было перебраться черезъ Вычегду на плотикѣ изъ жердей и двухъ досокъ, набросанныхъ на два небольшія бревна. Едва двоимъ было на немъ мѣсто. Глубина рѣки, прибывшей отъ дождей, была до двухъ саженъ, хотя ширина и не болѣе 5 или 6 саж., но шесты едва деставали до дна.

При малѣйшемъ движеніи, нашъ плотъ погружался въ воду; однако жъ кое-какъ переправа совершилась благополучно. Мы вышли на противоположный крутой берегъ, и по узкой тропѣ, едва-замѣтной въ высокой травѣ, пошли одинъ за другимъ. Отъ зимовья на Вычегдѣ до рѣчки Сордъ-ель считаютъ 30 верстъ; но онѣ показались намъ очень длинными. Все это пространство однообразно-низменно, съ широкими и частью совершенно безлѣсными болотами, съ небольшими возвышеніями, поросшими еловымъ лѣсомъ, между которыми изрѣдка видны были кедры. Повсюду топь, грязь, мѣстами

едва проходимыя, особенно тамъ, гдѣ много валежника. Дождь лилъ цѣлый день; съ древесныхъ вѣтвей, мимо которыхъ мы проходили, насъ окачивало потоками воды; комары тучей окружали насъ. Медленно, одинъ за другимъ миновали чемкосы, которыми измѣряютъ растояніе у Зырянъ. На пространствѣ этихъ длинныхъ 30 верстъ мы не видали ни одного ручья; жажда томила насъ и мы принуждены были пить болотную воду. Въ 8 часу вечера, усталые, въ полномъ смыслѣ этого слова, пришли къ зимовой избѣ.

Мыдвинскій или Троицкій Погостъ, по-зырянски Мывдынъ.
8 іюля 3 ч. пополудни.

Вчера, пройдя отъ ночлега 4 чемкоса, мы отдохнули на берегу какого-то безъименнаго ручья; шли постоянно въ направленіи къ сѣверу; день былъ очень хорошъ; мѣстоположеніе не лучше вчерашняго: тѣ же болота и топи, но было легче идти, потому-что вѣтеръ навѣвалъ прохладу и прогонялъ комаровъ. Около 5 часовъ вечера мы подошли къ быстрой рѣкѣ Сойвѣ, впадающей въ Мылву. Въ необыкновенно-свѣтлой и холодной водѣ этого потока мы выкупались и перебрались по жердямъ, переброшеннымъ съ одной козлы на другую, между обоими берегами на ширинѣ 30 саженъ. Мостикъ этотъ лежалъ надъ горизонтомъ быстрой Сойвы болѣе 4-хъ аршинъ; нельзя сказать, чтобъ переходъ по этому шаткому мосту былъ совершенно безопасенъ. Съ истертыми ногами едва могъ я пройдти еще 3 версты до деревни Сойвы, гдѣ думалъ найдти лошадь, чтобъ доѣхать до Мывдынскаго Погоста. Къ несчастію, всѣ лошади были въ лугахъ, и, отдохнувши, пришлось, хотя съ большимъ трудомъ, идти дальше, едва ступая. Такъ прошли мы еще 10 верстъ и поздно ночью кое-какъ добрели до погоста на берегу Печоры.

Переходомъ черезъ волокъ; я не мало выигралъ времени.

Рѣка Сойва протекаетъ между высокихъ горъ; вершины ея довольно-далеко; она принимаетъ въ себя до семи притоковъ; на берегахъ ея только два селенія: одно, гдѣ мы были, на пути отъ города; въ немъ 8 домовъ; другое, еще новое поселеніе, выше по рѣкѣ около 20 верстъ отъ погоста; въ немъ всего 4 дома. На мѣстѣ перваго, назадъ тому около полувѣка, была пустыня. Одинъ изъ крестьянъ мывдинскихъ, по имени Ѳома, дѣятельный и трудолюбивый,

замѣтилъ, что луговые берега Сойвы представляютъ большія удобства для скотоводства, что рѣка обильна рыбой, что возвышенности около нея богаты доброй землей, и рѣшился основать здѣсь свое жилище; онъ вырубилъ лѣсъ, съ неутомимымъ трудолюбіемъ разработывалъ поля и дѣвственная почва вознаграждала хорошо его труды. Скоро широко раскинулись поля и луга Ѳомы, появились стада домашнихъ животныхъ; необыкновеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ Ѳома пріобрѣлъ общее уваженіе. Для каждаго прохожаго у него былъ искренній привѣтъ, ласковое слово, жаркая баня, сытный столъ и мягкая постель изъ оленинъ и соломы. Едва ли кто проходилъ, или проѣзжалъ мимо его селенья не погрѣвшись въ теплой избѣ старика Ѳомы; за то Богъ и благословилъ его: довольство обитало въ его гостепріимномъ домѣ; сыновья, внуки и правнуки окружали его и, построивши новые домы, составляли все населеніе деревни. Я зналъ этого добраго старика, и ночевалъ подъ его гостепріимной кровлей нѣсколько ночей, проходя пѣшкомъ впередъ и обратно Печорскій Волокъ, въ октябрѣ 1825 года; тогда онъ встрѣтилъ меня какъ дорогаго гостя; онъ понималъ какъ трудно въ эту пору переходить волокъ, особенно 15 лѣтнему мальчику. Я помню этого, сгорбленнаго отъ трудовъ и лѣтъ, маленькаго старика, которой привѣтствовалъ насъ ласковымъ словомъ «видзя локтэ»; теперь я гостилъ у его внука; старичка уже давно нѣтъ. Поселеніе Ѳомы расположено на красивой возвышенности, близъ рѣки; около полей растутъ посаженные имъ, теперь уже большіе, кедры.

Неизвѣстно, давно ли началось первое поселеніе при устьѣ Мылвы; если, какъ надо полагать, здѣсь былъ изъ Сибири судоходный путь черезъ переволокъ между обѣими Мылвами, то, вѣроятно, эти мѣста давно обитаемы. Въ настоящее время, Мыдвинскій или Троицкій Погостъ лежитъ на обоихъ берегахъ устья Мылвы и по Печорѣ; главное поселеніе и двѣ деревянныя ветхія церкви находятся на лѣвомъ берегу; всѣхъ домовъ 112, жителей 565 душъ обоего пола. Здѣсь мало занимаются хлѣбопашествомъ, однакожъ рожь иногда созрѣваетъ; скотоводство не составляетъ тоже прибыльнаго хозяйства; во всемъ погостѣ только около 100 лошадей, 116 коровъ и мелкаго скота до 270; главный промыслъ звѣроловство. Здѣшніе промышленики ходятъ на промыселъ въ зауральскіе лѣса артелями отъ 5 до 10 человѣкъ; вожакомъ изби-

рается бывалый, который пользуется тѣмъ преимуществомъ, что не обременяется никакою поклажею: его припасы разложены по нартамъ товарищей.

Отправляясь мѣсяца на три, каждый изъ промышлениковъ беретъ слѣдующіе припасы: сухарей 4 пуда, сушеныхъ пироговъ съ крупой 1 пудъ, ячной муки 1 пудъ, ржаной муки 1 пудъ, крупы 10 фун., ячной муки для собакъ 1 пудъ, масла 5 безменовъ*) или $12^1/_2$ фунтовъ, свѣжаго сала для приготовленія блиновъ 1 безменъ или $2^1/_2$ фун., сухой рыбы 15 фун., говядины сырой 30 фун., соли 10 фун., пороха 3 фунта, свинца $4^1/_2$ фун., итого 10 пудъ $7^1/_2$ фунтовъ; сверхъ того, запасное платье, ружье и наконецъ часть припасовъ вожака, такъ-что на каждаго наберется отъ 11 до 12 пудъ. Все это складывается на одну нарту — длинныя легкія сани. Охотникъ, на лыжахъ, или на зырянскихъ лямпахъ, везетъ нарту сотни верстъ, по снѣжнымъ сугробамъ, черезъ горы и рѣки — можно судить о трудѣ такихъ путешествій. На крутыхъ спускахъ, особенно при переходѣ черезъ Уральскія Горы, бываетъ, что нарта раскатится, опрокинетъ, сомнетъ охотника и убѣжитъ отъ него версты на три; на горы поднимаются общими силами. Обыкновенное платье промышлениковъ состоитъ изъ зипуна немного ниже колѣнъ, съ мѣховыми рукавами и рукавицами; лузана на плечахъ; холщевые штаны (суконные надѣваютъ только въ самые сильные морозы); на ногахъ суконныя онучи и кожаная, съ загнутымъ къ верху носкомъ, обувь, которую называютъ кэмъ; шапка у Вычегжанъ съ овчинымъ исподомъ, у Печорцевъ — пыжиковая**); сверхъ того, берутъ пару бѣлья, и чтобъ надѣвать около огня, Вычегжане запасаются овчинными полушубками, а Печорцы — старою изношенною малицею. Промыселъ начинается на первой дневкѣ въ сосѣднихъ мѣстахъ; привалы дѣлаются, смотря по трудности пути, черезъ два или три дня. Въ мѣстахъ гористыхъ нарты тащатъ подвое; за остающимся ходятъ на другой день. На промыслѣ любятъ ѣсть блины на салѣ и кашу изъ сушоныхъ пироговъ, которая называется сюра-рокъ, т. е. рогатая каша. Собакъ кормятъ мясомъ

*) Безменъ — вѣсъ, равный $2^1/_2$ фунтамъ. Этотъ вѣсъ уже выводится; однакожъ есть мелочи, которыя и теперь продаются и покупаются на безменъ.

**) Пыжиками, или пежъ-ку, т. е. поганая кожа, называютъ шкуры оленятъ умирающихъ вскорѣ послѣ рожденія.

настрѣляныхъ бѣлокъ; когда же ихъ мало, то для варятъ кашицу изъ ячной муки. Въ запасахъ промышленики никогда не нуждаются и почти всегда часть привозятъ назадъ.

Когда бѣлки много, то ее настрѣливаютъ до 15 штукъ, хорошій же стрѣлокъ до 20 — 22 въ день; когда же ея мало, то неболѣе 7 — 10. Удаченъ промыселъ, промышленикъ приноситъ отъ 300 до 500 шкуръ, а не удаченъ — такъ гораздо поменьше.

Къ этому промыслу Зыряне пріучаются съ ранней молодости, лѣтъ съ 11 — 12. Одинъ изъ моихъ проводниковъ началъ стрѣлять съ 12 лѣтъ. Черезъ годъ онъ приносилъ по 3 и по 4 бѣлки въ день, а рябчиковъ иногда по 10 штукъ. Въ 16 лѣтъ сталъ онъ ходить на дальній промыселъ, и приносилъ отцу по 300 бѣлокъ и больше. Шубу и суконные штаны даже въ самые сильные морозы онъ никогда не надѣвалъ. «Утромъ (говорилъ онъ), какъ выйдешь изъ избы—ничего, холодновато; ну, а какъ завидѣлъ бѣлку одну, другую—придется ходить скорѣе, и въ суконномъ азямѣ тогда станетъ жарко». Привыкая съ-дѣтства переносить холодъ и голодъ, они укрѣпляются къ труженической жизни въ лѣсахъ — а привычка вторая натура. Эта жизнь потомъ не тяготитъ уже ихъ; удачный промыселъ радуетъ. Дай Богъ хорошую цѣну, оплатить бы подати, купить что́ нужно, да хватило бы на чарку вина къ празднику — и слава Богу! При умѣренныхъ желаніяхъ они бываютъ очень счастливы.

Мы замѣтили: нынѣшній урожай еловыхъ шишекъ долженъ быть хорошъ — добрые предвѣстники обильнаго появленія бѣлки. Клесты, по-зырянски уръ-кай бѣличьи птички, уже налетѣли вомножествѣ. Промышленики увѣряютъ, что клесты всегда предшествуютъ приходу бѣлки, открывая для нея инстинктомъ обиліе запасовъ.*)

11 іюля.

Три дня готовили мнѣ лодку. Вчера, простившись съ братомъ, я, съ тремя рабочими и однимъ слѣпымъ пассажиромъ, отправился въ дальнѣйшій путь. Слѣпой, лишенный зрѣнія съ малолѣтства, ѣдетъ на Брусяноточильную Гору, заниматься шлифовкою брусьевъ.

*) Въ 1843 году бѣлки было дѣйствительно необыкновенно много, какъ я узналъ послѣ.

Въ 4 часа утра сегодня проплыли мы мимо деревни Покчинской (по-зырянски называютъ ее иначе), на лѣвомъ берегу Печоры, въ 6 чемкосахъ отъ Троицкаго Погоста; въ ней 65 домовъ и до 300 человѣкъ жителей. Въ 7 ч. утра миновали деревню Скаляпъ, на правомъ берегу Печоры отъ погоста въ 9 чемкосахъ; въ ней 90 человѣкъ жителей, 13 домовъ и часовня съ чудотворною иконою Святителя Николая Чудотворца, весьма уважаемою въ здѣшнемъ краю. Есть преданіе между жителями, что этотъ образъ привезенъ изъ села Усть-цыльмы и будто-бы судно, на которомъ находился образъ Угодника, отъ самаго села до этой деревни на пространствѣ едва ли не болѣе 800 верстъ бѣжало парусомъ и остановилось здѣсь; это сочли волею святаго, построили часовню, въ которой поставили образъ Николы Милостиваго, какъ называютъ его Печорцы. Берега Печоры здѣсь невысоки, покрыты еловымъ и мѣстами сосновымъ лѣсомъ; подлѣ рѣки тянется боръ; островъ мало.

Попутный вѣтеръ и теченіе быстро несутъ лодку, и вотъ недалеко до рѣчки Кодачь, впадающей въ нее съ лѣвой стороны; вотъ деревня Петрушино или Кодачьдинская (23 дома жителей 117 чел.), расположенная на обоихъ берегахъ Печоры. Нѣсколько ниже, довольно-большой островъ Кодачьди, противъ которато, на лѣвомъ берегу, кто-то строитъ домъ; заводится новое поселеніе. Разстояніе отъ погоста 10 чемкосовъ.

Мой пассажиръ слѣпецъ-шлифовальщикъ, въ то же время и музыкантъ; нерѣдко онъ выводитъ смычкомъ разныя пѣсни на инструментѣ, похожемъ на балалайку, сопровождая хриплымъ голосомъ незатѣйливые звуки.

12 іюля.

Теперь мы противъ устья рѣки Велъ, или Ве́лвы. впадающей въ Печору съ правой стороны, въ 13 чемкосахъ отъ Мылвы. Ширина Велвы при устьѣ отъ 15 до 20 саж.; всего теченія этой рѣки до 250 верстъ; къ вершинамъ ея поднимаются на легкихъ лодкахъ въ 8 дней; въ нее впадаютъ порядочныя рѣчки, а главный притокъ ея Тыбъ-ю. На берегахъ Велвы растетъ отлично-хорошой лиственный и сосновой лѣсъ.

Въ 10 часовъ утра миновали мы деревню Митрофановскую, на

лѣвомъ берегу Печоры, въ полдень — деревню Новинникъ, на правомъ берегу, а въ 3 часа пополудни — деревню Евтюхину или Кузпель, т. е. длинныя уши, названную по имени перваго поселенца, на этомъ мѣстѣ утонувшаго въ рѣчкѣ, впавшей въ Печору съ лѣваго берега. Въ первой деревнѣ 4 двора, во второй 5, въ третьей 7, построенныя по обоимъ берегамъ рѣки, въ разстояніи отъ Троицкаго Погоста въ 18 чемкосахъ.

Днемъ мы бѣжали парусомъ; но вдругъ налетѣлъ шквалъ и лодку едва-едва не опрокинуло. Чтожъ дѣлать, лучшей лодки построить не умѣли! Сколоченная изъ трехсаженныхъ досокъ, она чрезвычайно узка. Я занимаю мѣсто въ длину 9 чет., дальше поклажа, припасы, и тѣсное помѣщеніе на ночь рабочимъ; а сколько съ нами еще разныхъ необходимыхъ вещей! нѣтъ пустаго угла — все занято; въ самомъ носу лодки котелъ; въ немъ раскладывается огонь и варится обѣдъ и ужинъ; оснастка лодки порядочная; парусъ — онъ же и палатка — порой помогаетъ намъ.

Въ 5 часовъ вечера поравнялись мы съ деревней Пашней, въ 21 чемкосѣ отъ погоста. Восемь дворовъ этой деревни разбросаны по уступамъ высокой горы, праваго берега Печоры. Мѣстоположеніе деревни Пашни живописно: одни дворы на вершинѣ горы, другіе ниже, иные на краю берега, среди кустарниковъ.

Дальше, въ 26 чемкосахъ отъ погоста, миновали мы небольшое поселеніе Дёмина, состоящее изъ 3-хъ дворовъ.

13 іюля, 10 час. утра.

Ночью проплыли мы мимо большаго селенія Сава-ягъ, или Савиноборскаго, на лѣвомъ берегу Печоры, въ 30 чемкосахъ отъ погоста; въ немъ 35 дворовъ и 200 жителей. Скотоводство у нихъ довольно-большое въ сравненіи съ другими селеніями: 42 лошади, 80 коровъ и мелкаго скота 230 головъ.

Полтора чемкоса ниже, на правомъ берегу стоитъ деревня Перединская или Вэзинъ; въ ней 23 двора и до 100 душъ жителей.

Около 6 часовъ утра, подплыли къ деревнѣ Кузь-ди-бэжъ; мы встрѣтили 6 судовъ съ брусьями и точилами; они идутъ на Якщинскую Пристань.

Въ деревнѣ Кузь-ди-бэжъ 10 домовъ; она на правомъ берегу Печоры въ 34 чемкосахъ отъ погоста.

За нею, на боровой крути праваго берега, стоятъ рядомъ семь домовъ деревни Дутовой, гдѣ хлѣба уже не сѣютъ, за недостаткомъ будто-бы удобныхъ мѣстъ. Здѣсь, на Печорѣ, много островъ; за ними виднѣются 3 двора деревни Лемты, т. е. Черемуховое Озеро *). Сегодня ясно; вѣтеръ съ запада; мы на нѣкоторыхъ плесахъ рѣки поднимаемъ парусъ и онъ ускоряетъ ходъ нашей лодки.

3 часа пополудни.

Въ 41 чемкосѣ отъ погоста, на высокомъ правомъ берегу рѣки, видна деревня Лем-ди-бэжъ, состоящая изъ 6 дворовъ. Противъ нея большой островъ — Лем-ди; за нимъ, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Лемъ, по которой довольно далеко ходятъ на лодкахъ.

Не доплывая около 3 чемкосовъ до большой деревни Подчеремъ, теченіе Печоры направляется съ сѣверо-востоку. Здѣсь, на юго-востокъ, чернѣется довольно-высокій кряжъ горъ, называемыхъ Ыджидъ-Парма, т. е. большой лѣсъ или возвышенность. Кряжъ этотъ видѣнъ издалека и лежитъ въ направленіи отъ юга къ сѣверу; онъ, вѣроятно, составляетъ отрасль уральскихъ возвышенностей, которыя подходятъ къ рѣкѣ Колвѣ. На востокѣ видна вершина одной изъ Уральскихъ Горъ — Вуктылъ-изъ, изъ которой течетъ рѣка Вуктылъ и впадаетъ въ Печору. Противъ ея устья стоитъ деревенька Вукты-Лыкая или Вуктыл-Динъ, а вслѣдъ за нею деревня Подчеремъ, на устьѣ рѣки того же имени, истекающей изъ уральской горы Подчеремъ-изъ; въ деревнѣ 26 домовъ и 125 жителей.

Здѣсь огорчилъ меня одинъ изъ тѣхъ внезапныхъ случаевъ, которые набѣгая на насъ подобно шквалу, дѣлаютъ глубокое впечатлѣніе: одинъ изъ рабочихъ моихъ былъ убитъ внезапно выстрѣлившимъ ружьемъ. Итакъ, еще въ началѣ моего дальняго пути, одного изъ моихъ товарищей не стало; его оставили въ Подчеремѣ.

*) По-зырянски Лемъ-черемха.

14 июля, 8 час. утра.

Сегодня утромъ мы отправились изъ Подчерема, и проплывъ одинъ чемкосъ, увидѣли впереди высокій мысъ горной возвышенности, покрытый еловымъ лѣсомъ; онъ измѣняетъ теченіе Печоры, которая подлѣ него довольно круто поворачивается къ западу. Этотъ мысъ есть окончаніе вчера видѣнной Ыджыдъ-Пармы, и называется Эшъ-Кымэсъ-Парма, т. е. Парма Бычачій Лобъ; нѣсколько ниже, за островомъ, на лѣвомъ берегу, находится поселеніе, состоящее изъ одной большой семьи, теперь раздѣлившейся на три дома.

V.

Рѣка Щугоръ. — Брусяноточильная Гора. — Права на нее Печорцевъ и Вычегодцевъ. — Разработка камня. — Мѣстоположеніе. — Жизнь тамъ каменоломовъ. — Точильная Гора на рѣкѣ Вое. — Бѣдность Печорцевъ. — Общій взглядъ на верховье Печоры. — Лѣса — Лѣсные пожары. — Соображенія о вырубкѣ лѣсовъ. — Истребленіе кедровъ при сборѣ шишекъ. — Деревня Оранецъ. — Гора Сабля. — Семья Манчей. — Дер. Кожва; промыслы жителей. — Граница между губерніями Вологодской и Архангельской — Дер. Соколова.

Брусяная Гора 10 *часовъ вечера.*

Въ 6 вечера приплыли мы къ устью рѣки Щугоръ, одному изъ главнѣйшихъ притоковъ Печоры. Теченіе этой рѣки полагаютъ около 350 верстъ, если не больше; она вытекаетъ съ Уральскаго Хребта и впадаетъ въ Печору съ правой стороны. Говорятъ, по Щугору берега очень красивы; она замѣчательна еще необыкновенно-прозрачной водой. Хотя и въ Печорѣ вода очень чиста, но, нѣсколько десатковъ верстъ подлѣ праваго берега, можно отличить свѣтлыя воды р. Щугора отъ водъ Печоры.

Около версты ниже устья Щугора, на лѣвомъ берегу Печоры, расположена деревня Усть-Щугора; отъ нея до Троицкаго Погоста считаютъ 60, а до Пустозерска 180 чемкосовъ; въ ней 22 двора и 113 человѣкъ жителей. Въ Подчеремѣ и въ Усть-Щугорѣ хлѣбъ не сѣютъ; рыба составляетъ главный промыселъ жителей; ловить ее они поднимаются въ вершины этихъ рѣкъ, особенно обильныхъ рыбой. Ловъ рыбы производится общиной или компаніей; условливаются человѣкъ по 40 или 50 и загораживаютъ рѣку заколомъ, въ которомъ становятъ морды и начинаютъ неводить съ верховья рѣки: — что̀ не попадетъ въ неводъ, то попадетъ въ морды. Въ прошломъ (1842) году на 50 человѣкъ раздѣлили одной семги по 18 пудъ.

Нѣсколько ниже деревни Щугора, съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Малая Сопляса; отъ нея начинается хребетъ Брусяной Горы и тянется до рѣки Большой Соплясы и далѣе.

Въ 9 часу приплыли мы къ деревнѣ Усть-Сопляссъ, въ 4 чемкосахъ отъ Щугора, состоящей изъ четырехъ дворовъ разбросанныхъ на обрывахъ крутаго берега Печоры. Хотя смеркалось, но я немедля отправился пѣшкомъ къ Брусяной Горѣ, въ 8 верстахъ отъ деревни; въ 11 часу пришелъ сюда.

15 іюля, на Печорѣ.

Сегодня рано утромъ ходилъ по работамъ горы, потомъ готовилъ письма; ихъ посылаю съ однимъ изъ Брусяниковъ, который завтра отправляется съ грузомъ здѣшнихъ издѣлій.

Въ полдень я поплылъ въ лодкѣ отъ горы по рѣкѣ Соплясѣ, въ два часа былъ уже у ея устья, въ деревнѣ. Теперь нѣсколько словъ о Брусяно-точильной Горѣ. Изъ Указа 25 января 1748 года, даннаго изъ Яренской Воеводской Канцеляріи, видно, что грамматою Царя Михаила Θеодоровича, 7146 года, ломка камня на Печорской Брусяной Горѣ предоставлена обществамъ печорскому и устьнемскому (мыелдинское, вѣроятно, числилось при семъ послѣднемъ). Въ этомъ Указѣ объяснено, что, по челобитью посыльщика отъ сказанныхъ волостей Митрофана Габова, упомянутою грамматою Царя Михаила Θеодоровича, данною Волостямъ Печорской и Устьнемской, по челобитью крестьянъ Степана Булышова и Ивана Гвоздева «за малоимѣніемъ пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ, а паче за недородомъ хлѣба», предоставлены права на ловъ звѣрей и рыбы по рѣкамъ: Вычегдѣ, Мылвѣ, Иктылѣ, заволокомъ до Печоры и по ней внизъ и въ нее впадающихъ рѣкамъ и озерамъ съ прочими мѣстами, сѣнными покосами, рыбными ловлями и брусянымъ камнемъ по рѣкѣ Соплясѣ. Эти права были подтверждены съ увеличеніемъ мѣстностей для промысловъ грамматою Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, 7198 г. августа 26 дня; а послѣднимъ Указомъ строго воспрещено въ помянутыя мѣста за промыслами ходить всѣмъ волостямъ, лежащимъ по низовью Вычегды и обывателямъ Чердынскаго Края, которые, какъ должно полагать, начали, во вредъ волостямъ Печорской и Устьнемской, пользоваться ихъ угодьями, особенно когда, въ 1745 году, «воры и разбойники

грамматы, указъ и другіе документы изорвали, а казну ограбили, «оставя изъ Указа только пять лоскутковъ» *).

Должно полагать, что разработка брусянаго камня производится на горѣ Сопляса уже очень давно, и также издавна Чердынцы держали эту гору въ арендѣ; потомъ къ нимъ присоединились устьсысольскіе купцы Сухановы. Въ послѣднее время крестьяне распоряжались работами сами, принимая заподряды отъ Чердынцевъ за ничтожную плату и получая, въ счетъ платы, хлѣбъ за дорогую цѣну. Поэтому вознагражденіе за работу приходилось имъ ничтожное. Съ 1840 года, по распоряженію Палаты Государственныхъ Имуществъ, гора отдана въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ, со взносомъ, въ пользу крестьянъ, арендной платы въ первыя шесть лѣтъ по 4,100 руб., а въ послѣднія по 4,350 руб. ассигнаціями; сверхъ того, арендаторы обязались внести въ пользу крестьянъ единовременно по прошествіи 4-хъ лѣтъ 5000 р. ассигн. За выработываемыя точила, съ поставкой на якшинскую и виленскую **) пристани опредѣлена цѣна, крупные по 61, мелкіе по 72 коп. асс. за пудъ; брусья шлифованные, то есть сглаженные—по 65 руб., нешлифованные по 47 руб. ассигн. за тысячу. Арендаторы обязались выработывать впервые три года точилъ отъ 30 до 40 т. пудъ и брусьевъ до 80 т. штукъ, а въ послѣдующіе не менѣе 50 пудъ точилъ и 80 т. штукъ брусьевъ; выработано арендаторами въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ точилъ 113 т. пудъ, и брусьевъ 274 т. штукъ; но бо́льшая часть этихъ матеріаловъ еще не про-

*) Въ этомъ Указѣ упоминаются рыболовныя мѣста по Печорѣ, которыми предоставлено пользоваться сказаннымъ волостямъ.

1) По большому песку ниже Щугора.
2) До Сопляса большой бечевникъ.
3) Черепахина, ниже Сопляса.
4) Поздиха.
5) Пониже оранца черной материкъ.
6) Пониже Чердынскаго Острова, на пескахъ.
7) Ниже краснаго бора выше Калинова.
8) Калиновскій бечевникъ.
9) Противу Сопляса.
10) Пониже березъ Сопляса.
11) Евтюхинской; выше Сойвы на бору.

**) Виленская пристань находится на рѣкѣ Мылвѣ, при устьѣ рѣки Вилесъ, откуда издѣлія перевозятъ горами на Вычегду.

дана, по причинѣ значительныхъ заготовленій въ предъидущіе годы. Прежде выработывали въ годъ до 60 и 70 т. пудъ точилъ.

Работы производятся здѣсь слѣдующимъ образомъ: арендаторы обязаны, въ ноябрѣ или декабрѣ, объявить: много ли предполагаютъ выработать точилъ и брусьевъ; крестьяне распредѣляютъ это количество между собою, заключаютъ условія съ арендаторами и получаютъ задаточныя деньги, или поручаютъ ихъ внести въ Уѣздное Казначейство, въ счетъ податей, а потомъ объявляютъ арендаторамъ, много ли имъ нужно будетъ, при производствѣ работъ, муки, крупы, пороху и прочаго, что̀ обязаны заготовить арендаторы. При наступленіи весны крестьяне отправляются на павозкахъ *) и каюкахъ къ Брусяноточильной Горѣ; на нихъ же подрядчики перевозятъ точила и брусья на пристани. Тѣ изъ крестьянъ, которые взяли на себя обязанность доставить точила и брусья, называются подрядчики; эти подрядчики нанимаютъ рабочихъ на своемъ содержаніи. Соразмѣрно количеству заподряда, иногда нѣсколько мелкихъ подрядчиковъ складываются на одно судно. По прибытіи на мѣсто, получивъ припасы, начинаютъ разыскивать камень или на прежнихъ ломкахъ, или на новыхъ мѣстахъ. На слояхъ хорошаго точильнаго камня больше сажени земли и камня негоднаго, а въ старыхъ ломкахъ на нѣсколько аршинъ навалено обломковъ отъ работъ въ минувшіе годы.

Отысканіе камня самая—трудная работа; иногда недѣлю, двѣ, даже три, очищаютъ мѣсто и не попадаютъ на хорошій камень; если найдутъ слоистый, то безъ труда ломаютъ плиты и обдѣлываютъ точила; иногда же попадается камень хотя и хорошаго качества, но неслоистый; тогда массы разбиваютъ порохомъ. Просверливъ камень довольно-глубоко, набиваютъ въ отверстіе порохъ, забиваютъ мелкимъ камнемъ и взрываютъ. Иногда и взрывы бываютъ неудачны: вся масса разбивается на части, изъ которыхъ мало выходитъ годныхъ на издѣлія: изъ мелкихъ кусковъ дѣлаютъ брусья. У работающихъ на Брусяноточильной Горѣ есть старое повѣрье: они называютъ точильный камень вэръ, т. е. лѣсъ, и ни за что не назовутъ камнемъ, въ убѣжденіи, что это названіе повредитъ всей работѣ—что они не попадутъ на хорошіе слои, или найденный камень будетъ твердъ для работы.

*) Павозки — некрытыя плоскодонныя суда; поднимаютъ отъ 300 до 1000 пудъ грузу.

Хорошій работникъ, при удачномъ отысканіи камня, можетъ сдѣлать въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ до 150 пудъ точилъ, изъ которыхъ негодныя бракуютъ и ломаютъ. За этимъ наблюдаетъ повѣренный арендаторовъ. Работы оканчиваются въ іюлѣ, въ августѣ, а иногда и въ сентябрѣ. Выработанный камень грузится въ павозки на рѣкѣ Соплясъ и по ней сплавляется до Печоры. Иногда въ Соплясѣ мало воды, и тогда перевозъ камня до Печоры бываетъ весьма затруднителенъ, потому-что только съ третью груза едва могутъ выплавить павозки. Оставшіяся издѣлья вывозятъ въ мелкихъ лодкахъ. Разтояніе отъ горы до якшинской пристани около 500 верстъ, до виленской, на рѣкѣ Мылвѣ, почти столько же. Успѣшность хода зависитъ отъ вѣтровъ: при попутныхъ доходятъ въ нѣсколько дней, при противныхъ — идутъ долго. Тамъ издѣлія сдаютъ и расчитываются. Выгодность этого промысла для крестьянина зависитъ: во 1-хъ, отъ количества подряда: чѣмъ больше заподрядъ, тѣмъ больше достанется прибыли на часть каждаго; во 2-хъ, отъ успѣха въ отысканіи камня; но, во всякомъ случаѣ, эта работа для нихъ чрезвычайно-выгодна, потому-что она постоянная. Если заработки и не такъ велики, то арендною платою оказывается пособіе во взносѣ подати.

Мѣстоположеніе Брусяноточильной Горы очень красиво. Когда подходишь къ ней по тропинкѣ отъ деревни Усть-соплясъ, то она является довольно-высокимъ хребтомъ, покрытымъ лиственичнымъ лѣсомъ; стройно тянется этотъ лѣсъ къ югу отъ самаго берега рѣки, оканчивающагося отвѣсною скалой. Рѣка Соплясъ съ шумомъ прорывается черезъ этотъ горный хребетъ между тѣсными и высокими утесами. На правомъ берегу ея производится добыча точильнаго камня, на низменномъ уступѣ этого берега построены жилища временнаго поселенія, отъ котораго идутъ вверхъ много горныхъ тропинокъ. Жилища эти состоятъ изъ избъ, или, правильнѣе, изъ бревенчатыхъ шалашей; ихъ до 120; они разбросаны безъ порядка на разстояніи двухъ верстъ и построены безъ всякаго удобства, даже безъ печей; пищу варятъ на открытомъ воздухѣ передъ избами. Для прикащиковъ выстроенъ арендаторами удобный домъ. Рабочихъ здѣсь бываетъ отъ трехъ до шести сотъ человѣкъ, а иногда и болѣе. Сюда приходятъ изъ ближайшихъ деревень женщины, старики и дѣти: кто искать работу — шлифовать

брусья, кто мыть бѣлье, шить, торговать калачами и пряниками. Это временное поселеніе живетъ необыкновенно-дѣятельно: здѣсь работаютъ, пируютъ, веселятся, играютъ; вечеромъ вездѣ около огней передъ избами многолюдные кружки людей — идутъ толки объ успѣхѣ работъ, раздаются пѣсни, или слышатся разсказы — въ иное время сказка съ прибаутками, въ иное быль безъ прикрасъ.

Подъемъ на гору довольно-крутъ и заваленъ обломками разбитаго камня; почти на вершинѣ горы стоитъ бѣдная часовня, куда ходятъ молиться и приносятъ въ даръ церкви свои издѣлія каменоломы. Пожертвованныя точила и брусья продаются и обращаются въ церковный доходъ Троицкаго Погоста. Съ вершины горы, на сѣверо-восточномъ горизонтѣ, ясно видны громадныя выси горы Сабли и часть Уральскаго Хребта, который тянется отъ сѣвера къ югу верстахъ въ 80 или 90. На противоположномъ утесѣ рѣки Соплясъ тоже темный лѣсъ и по крутизнѣ вьется тропинка — это путь къ другой точильной горѣ, на рѣкѣ Воѣ; виды отсюда очаровательны, но кругомъ пустыня.

Въ поѣздку мою по Печорѣ, въ 1840 году, бывши на Брусяноточильной Горѣ, я рѣшился сходить и къ другому кряжу ея, на берегу Вои. Въ одно прекрасное утро съ двумя проводниками переправившись черезъ рѣку Сопласъ, я поднялся на крутизну высокаго противоположнаго берега. Сначала верстъ пять шли мы борами, потомъ дремучимъ лѣсомъ, потомъ топкими болотами, гдѣ не было даже тропинки; направленія пути мы искали по затесямъ на деревьяхъ, и только къ полдню пришли къ Воѣ. Точильная Гора на берегахъ Вои невысока; камень хорошъ и удобно разработывается; но сплавъ до Печоры труденъ, потому-что онъ по р. Воѣ возможенъ только во время дождей, поэтому здѣсь не было большихъ работъ, да и тѣ ужь нѣсколько лѣтъ какъ оставлены. Отъ Сопласа до Вои считаютъ около 18 верстъ, но мы, вдоволь побродивши въ болотахъ, едва притащились поздно вечеромъ къ Сопласѣ и обрадовались, увидѣвъ съ вышины горы, между хижинъ, бивачные огни; до насъ доносился уже веселой говоръ отдыхавшихъ работниковъ.

Начало работъ на горѣ есть счастливая эпоха для всѣхъ ближайшихъ деревень въ этомъ краѣ. Зимой у бѣдныхъ жителей Печоры хлѣбъ — рѣдкость; тѣ считаются богатыми, у кого есть корова

и немного муки, для примѣси въ качь — такъ называютъ они кашу, сваренную изъ осиновой коры, которую сушатъ, толкутъ, превращаютъ въ крупу и употребляютъ въ пищу. *) Рыба подкрѣпляетъ силы бѣдняковъ, истощаемыя такою пищею. За всѣмъ тѣмъ они здоровы: лѣтомъ хлѣбъ поправляетъ ихъ и они запасаются силами на зиму.

Въ 1840 году я обрадовалъ крестьянъ деревни Усть-Сопласа, одолживъ имъ на каждое семейство по кулю муки, которой, вѣроятно, достало имъ съ избыткомъ на 9 мѣсяцевъ, т. е. съ сентября до іюня. По прибытіи каменоломовъ на гору Сопласа и по сплавѣ чердынскихъ барокъ, край оживаетъ: тогда мѣстные жители начинаютъ лакомиться хлѣбомъ, получая его за работу и размѣнивая на рыбу, на молоко, на шкуры звѣрей, и проч.; это лучшее время для нихъ въ году. По рѣкѣ Сопласъ со мной плылъ здѣшній крестьянинъ бѣдный старикъ, у котораго семейство состояло изъ 12 человѣкъ и старшему изъ его семи сыновей было 13 лѣтъ — какъ же ему такую семью прокормить дорогимъ хлѣбомъ, когда нѣтъ работы въ продолженіе 9 мѣсяцевъ? Всѣ они это время питались качей, и всѣ были здоровы. Одинъ десятилѣтній мальчикъ особенно обратилъ мое вниманіе: онъ былъ свѣжъ и румянъ. «Неужели, спросилъ я, и зимой онъ былъ такъ же здоровъ? — «Нѣтъ, отвѣчалъ печально старикъ, онъ былъ худъ зимой, а теперь на хлѣбѣ поправился».

Крестьяне нерѣдко промѣниваютъ здѣсь послѣднюю корову для попупки хлѣба на поправку. У одного изъ промѣнявшихъ корову Печорцевъ, у котораго семья жила молокомъ этой коровы, я спросилъ: «Какъ же дѣти его останутся безъ молока? Онъ отвѣчалъ: «Будетъ житье, такъ наживемъ корову; а теперь хлѣбъ надо.» — Качь во многихъ деревняхъ по Печорѣ составляетъ необходимую пищу; онъ горекъ, не питателенъ, но поддерживаетъ существованіе бѣдныхъ людей, особенно, когда есть рыба, или хоть немного молока.

Не всѣ, однакожъ, печорскіе крестьяне въ такомъ положеніи; въ нѣкоторыхъ деревняхъ удачно занимаются рыбною ловлей,

*) Въ пищу употребляютъ и березовую кору, содравъ съ нея бересту. Нынѣ, по случаю урожаевъ хлѣба, положеніе крестьянъ Печорскаго края нѣсколько улучшилось (1849 года).

какъ въ Подчеремѣ и Щугорѣ; тамъ есть достаточные крестьяне, также и въ низовье Печоры до границы Архангельской Губерніи.

Въ населеніи у Брусяной Горы я встрѣтилъ мужика съ двумя огромными горбами, съ ногами уродливо-стянутыми; бѣднякъ ползалъ если куда ему нужно двинуться. Въ дѣтствѣ онъ остался сиротой и жилъ у родныхъ; съ нимъ обходились какъ съ невольникомъ, и однажды столкнули съ полатей, вслѣдствіе чего онъ сталъ уродомъ. Теперь ему 40 лѣтъ; онъ торгуетъ холстинками, дешевыми ситцами; покупателямъ своимъ шьетъ рубахи, трудомъ наживаетъ копейку и ведетъ свою горькую жизнь безбѣдно.

По Печорѣ живетъ много раскольниковъ. Разсказываютъ, что въ старину нѣсколько семействъ изъ нихъ, укрываясь отъ преслѣдованій, переселились даже на новую землю и Калгуевъ Островъ, гдѣ и поселились на берегахъ рѣки Гусиной; но всѣ погибли отъ суровости климата. Подобныя переселенія въ лѣса Печоры и Вычегды были нерѣдки; они занесли сюда расколъ, который удобно распространился между Печорцами. Не разъ въ этихъ лѣсахъ охотники находили небольшія общины, вовсе неизвѣстныя. Еще недавно двое промышлениковъ, бродя по дремучимъ лѣсамъ въ верховьѣ Печоры, напали на едва-замѣтную тропу, которая привела ихъ къ порядочному домику, построенному въ чащѣ кустарниковъ, на берегу маленькой рѣчки. Они удивились, открывъ это пустынное жилье въ мѣстахъ гдѣ, вовсе не ожидали найдти человѣческаго жилища. Жители—двое мужчинъ и одна женщина—приняли промышлениковъ ласково, угостили съ радушіемъ, но, отпуская, взяли клятву никому не говорить о нихъ.

Лѣтъ за десять до этого происшествія, въ селеніи при Сѣверо-Екатерининскомъ Каналѣ, пропала безъ вѣсти дѣвушка, лѣтъ двѣнадцати, дочь унтеръ-офицера. Она пошла въ лѣсъ брать ягоды съ своими родителями, отстала отъ нихъ въ лѣсу и исчезла. Всѣ поиски были тщетны. Одни полагали, что она утонула, другіе думали, что лѣшій утащилъ ее; послѣднему предположенію охотнѣе вѣрили: лѣшій играетъ здѣсь важную роль. Что жъ? въ женщинѣ, обитательницѣ лѣснаго жилища, одинъ изъ промышлениковъ узналъ пропавшую дѣвушку, но поговорить съ нею ему не удалось. Они ушли, замѣтивъ, однакожъ, тропинку. Дѣло скоро огласилось. По распоряженію земскаго начальства, сдѣланъ поискъ и бѣглецовъ

поймали; но женщины уже съ ними не было; оказалось, что это были раскольники.

По словамъ промышлениковъ, пустынники жили въ обиліи, сѣяли хлѣбъ, занимались огородничествомъ, скотоводствомъ, и повидимому были въ сношеніяхъ съ другими обществами.

Подобные случаи нерѣдки, частью отъ малолюдья здѣшняго края, но преимущественно отъ обширности прихода. Троицкій Погостъ завѣдываетъ селеніями вверхъ по Печорѣ на значительное пространство и по низовью на 500 вер. Хотя два священника прихода поочередно и посѣщаютъ свою обширную паству, но, конечно, они не въ состояніи постоянно наблюдать въ ней за исполненіемъ христіанскихъ обязанностей. Многіе изъ здѣшнихъ жителей не видали храмовъ Божіихъ, не слыхали звона колоколовъ; одинъ только обрядъ вѣнчанья заставлялъ иныхъ идти къ погосту черезъ сотни верстъ. Нелишнимъ считаю поговорить о лѣсахъ, которыми такъ богатъ этотъ край.

По примѣрному исчисленію, лѣсовъ въ Устьсысольскомъ Уѣздѣ считается 14.982,068 десятинъ. По берегамъ рѣкъ Вычегды, Сысолы и Печоры было много лѣсовъ лиственичныхъ, сосновыхъ и еловыхъ, но едва ли не бо́льшая часть истреблена и истребляется пожарами, и много гибнетъ отъ перестоя и бурелома.

На мѣстахъ прежнихъ дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ почти вездѣ выростаетъ березнякъ или осинникъ. Здѣсь не проходитъ года безъ лѣсныхъ пожаровъ; тушить же ихъ нѣтъ никакой возможности, по обширности лѣсовъ и часто по отдаленности отъ поселеній. Пожары часто происходятъ отъ молніи, отъ огня, разлагаемаго звѣроловами, отъ выжиганія новинъ безъ надлежащей предосторожности и т. п. Страшно смотрѣть на хвойный лѣсъ, когда онъ горитъ: пламя волнами хлещетъ отъ одной сосны, или ели, на другую, быстро перебѣгаетъ по хвоѣ, обвиваетъ разомъ смолистую кору деревьевъ и стремится все дальше и дальше, останавливаясь только на рубежѣ лѣса, или сдерживаясь проливнымъ дождемъ. Бываетъ, что пожары продолжаются недѣлю, двѣ и больше. Въ то время дымъ на нѣсколько десятковъ верстъ, какъ темная туча, заслоняетъ горизонтъ. Съ гибелью лѣсовъ гибнутъ нерѣдко и звѣри, ихъ обитатели. Въ 1841 году было необыкновенно-жаркое лѣто и пожары повторялись часто; тогда даже въ Устьсысольскѣ, центрѣ населенія этого края, въ продолженіе нѣсколькихъ

дней дымъ до того сгустился, что на небольшомъ растояніи нельзя было различать предметы. Въ одинъ день (кажется, 30 августа), среди полдня, было такъ темно, какъ въ сумерки; люди едва не задыхались; но пошелъ дождь — и пожаръ погасъ. Можно ли исчислить, сколько истреблено и истребляется лѣсовъ такими пожарами? При обозрѣніи лѣсовъ на Печорѣ и Вычегдѣ часто находилъ я пространные боры съ посохшимъ крупнымъ лѣсомъ; тамъ вѣковыя деревья сгниваютъ безъ употребленія и пепелища зарастаютъ кустарникомъ; несмотря на эти опустошенія, лѣсовъ все еще много, особенно по берегамъ Вычегды, Печоры и рѣкъ, въ нихъ впадающихъ. Вотъ нѣсколько собранныхъ мною свѣдѣній объ лѣсахъ Печоры.

На берегахъ Печоры, близъ рѣки, хорошихъ лѣсовъ мало, но нѣсколько въ отдаленіи встрѣчаются отличные боры. По рѣкѣ Лягѣ, впадающей съ правой стороны, много лиственичныхъ лѣсовъ, и длинная гряда лѣсовъ называемыхъ ляга-ягъ*), которые тянутся и по правому берегу рѣки Илыдзя, до рѣчки Мортъ-юръ (человѣческая голова), отходя иногда отъ рѣчки верстъ на пять. Протяженіе этихъ боровъ полагаютъ больше чѣмъ на сто верстъ. По лѣвому берегу рѣки Илыдзя тоже есть хорошіе сосновые и лиственные лѣса, пересѣкаемые болотами и рѣчками: Полью, Челачемъ и рѣкою Когилемъ.

Въ бору, начинающемся въ 30 верстахъ отъ устья Илыдзя, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега и по рѣкѣ Когилю, впадающей съ правой стороны, есть отлично-хорошій лѣсъ и вообще по этой рѣкѣ и нѣкоторымъ изъ ея притоковъ много нетронутыхъ рощъ, лиственичныхъ и сосновыхъ лѣсовъ. Въ верховьяхъ Илыдзя начинается Большая Парма, въ которой лѣсъ больше кедровый, частью еловый со смѣсью лиственичнаго.

Вверхъ по Печорѣ есть также отличныя сосновыя рощи, мѣстами не толстаго, но очень длинностволаго лѣса, въ которомъ есть деревья до 13 и 14 саженъ вышины. Большіе непрерывные боры и лиственичныя рощи хорошо сохранились противъ острова Вэради и около якшинской пристани. Ниже Троицкаго Погоста, говорятъ, есть большой кряжъ боровой возвышенности, покрытой хорошими лѣсами, которая тянется по правому берегу около сотни

*) Боръ по-зырянски называютъ ягъ.

верстъ, но нигдѣ не подходитъ къ рѣкѣ ближе 3 и даже 5 верстъ: эта возвышенность называется хребетъ Ягъ.

Въ верховьѣ Печоры, по берегамъ нѣкоторыхъ изъ ея истоковъ, еще сохранились лѣса, особенно по рѣкѣ Волосяницѣ.

По рѣкѣ Велъ большіе боры истреблены пожарами и сохранились только мѣстами лиственичные лѣса, въ которыхъ есть немало хорошихъ деревьевъ; особенно въ верховьѣ этой рѣки находятся крупныя лиственицы. Здѣсь производилось заготовленіе лѣсовъ для архангельскаго порта.

Лиственичные лѣса, заготовляемые прежде для архангельскаго порта на Печорѣ, сплавляли до устья Мылвы и по ней поднимали въ плотахъ до устья рѣки Иктылъ; иногда же перевозили ихъ отъ Троицкаго Погоста на Вычегду гужомъ, черезъ волокъ въ 65 верстъ. Поставка по обоимъ путямъ шла чрезвычайно-медленно и обходилась дорого, а потому прекращена. И теперь въ Мыдвинскомъ Погостѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чердынскаго Уѣзда лежатъ больше мѣрныя лиственичныя деревья, заготовленныя нѣкогда для архангельскаго порта. Этими неудачными заготовленіями, да постройкою небольшаго числа промышленныхъ барокъ, ограничивалась и доселѣ ограничивается здѣшняя лѣсная промышленость. Лѣса гибнутъ безъ употребленія, а между-тѣмъ какой богатый матеріалъ заключается въ нихъ для доходовъ края, государства и казны, если бы здѣсь водворилась лѣсная промышленость, для отпуска лѣса за границу, но промышленость, подчиненная контролю и соединенная съ правильнымъ пользованіемъ, дабы не истощить богатства запасеннаго вѣками! Тогда уменьшились бы и пожары, потому-что усилились бы средства для сбереженія лѣсовъ; а при отпускѣ заграничномъ, изъ опустошенныхъ пожарами боровъ лѣсъ годился бы для вырубки и распиловки въ продолженіе трехъ лѣтъ, слѣдовательно промышленость сберегла бы, что̀ можно, даже изъ обгорѣвшихъ лѣсовъ, доставя пользу краю и государству.

Въ лѣсахъ Устьсысольскаго и Мезенскаго Уѣздовъ считается, по описаніямъ, до 36 милліоновъ десятинъ; но положимъ, что оказалось бы всего только сотая часть, т. е. 360 т. десятинъ хорошихъ лѣсовъ въ мѣстахъ, доступныхъ для вырубки и сплава. Раздѣля вырубку этихъ 360 т. десятинъ на 50 лѣтъ, въ которыя можетъ подрасти молодой лѣсъ, и предоставляя на вырубку 7,200 десятинъ въ годъ, съ тѣмъ, что на каждый вырублено будетъ по

50 деревъ, изъ которыхъ было бы годныхъ для приготовленія досокъ 100 бревенъ, то и тогда отпускъ лѣсовъ можно бы довести до 700 т. бревенъ. Заготовленіе и сплавъ ихъ доставили бы много выгодъ бѣднымъ обитателямъ этого края, а съ этимъ вмѣстѣ здѣсь развились бы и другіе промыслы.

Если же — и что всего вѣроятнѣе — лѣсовъ годныхъ откроется изъ 36 милліоновъ десятинъ пятидесятая часть, т. е. 720 т. десятинъ, то какія огромныя выгоды представляетъ этотъ, теперь дикій край, на пользованіе въ будущемъ, и сколько источниковъ доходовъ можетъ быть открыто въ немъ, когда проникнетъ сюда промышленость, когда проложитъ она пути свои черезъ болотныя дебри и откроетъ плаваніе по широкимъ рѣкамъ этихъ пустынь!

Солнце уже закатилось, съ сѣвера дуетъ холодный и противный вѣтеръ и мы по теченію рѣки тянемся бечевой.

Въ семь часовъ проплыли мимо устья рѣки Вои; она въ трехъ чемкосахъ отъ Сопляса; въ деревнѣ, при ея устьѣ, нѣсколько домовъ.

Здѣсь по берегу мало кедровъ, но въ 10 и 15 верстахъ, говорятъ, есть большіе кедровые лѣса; вѣроятно, ближайшіе лѣса уже устреблены при сборѣ шишекъ. Кстати о кедрахъ. Я слышалъ на горѣ, что рабочіе стараются скорѣе окончить свои подряды и спѣшатъ домой, чтобъ воспользоваться добычею кедровыхъ шишекъ: носятся слухи, что урожай ихъ хорошъ. Объ истребленіи кедровыхъ лѣсовъ, при сборѣ съ нихъ плода, я разсказывалъ въ статьѣ о поѣздкѣ моей на Печору въ 1840 году. Въ минувшемъ 1842 году былъ превосходный урожай кедровыхъ шишекъ, и сборъ ихъ до того былъ удаченъ, что нѣкоторые набрали до 20 т. шишекъ; съ тысячи выбиваютъ около пуда орѣховъ. Орѣхи продавали довольно-высокой цѣной, отъ 2 до 2 руб. 30 коп. сер. за пудъ, а потому многіе выручили изрядныя суммы. Конечно, въ здѣшнихъ пустынныхъ лѣсахъ надзоръ за цѣлостью лѣсовъ труденъ; однакожъ, воспрещеніе вырубки кедровъ для сбора шишекъ, вѣроятно, ограничило бы хотя нѣсколько ежегодное истребленіе нѣсколькихъ тысячъ деревьевъ. Въ Сибири собирается тысячи пудъ кедровыхъ орѣховъ, однакожъ деревьевъ для этого не рубятъ. Мнѣ разсказывали, что, послѣ богатыхъ урожаевъ въ концѣ минувшаго столѣтія, въ нѣсколько лѣтъ такъ истребили кедровые лѣса, что потомъ много годовъ не было шишекъ. Это весьма естественно:

когда вырублены лучшія плодовыя деревья, то на чемъ же родиться шишкамъ?

Выше я говорилъ о прозрачности воды въ р. Щугорѣ, которая долго не смѣшивается съ водою Печоры. Вотъ ужъ 40 верстъ отплыли мы отъ устья Щугора, а все еще свѣтлая вода ея довольно-рѣзко отдѣляется отъ водъ Печоры.

Въ шести чемкосахъ отъ Сопляса миновали мы устье р. Березовки, впавшей въ Печору съ правой стороны. Острововъ давно ужъ нѣтъ; рѣка глубока; теченіе ея довольно-тихо.

Оранецъ, 4 ч. утра, 16 іюля.

Около полночи мы проплыли мимо большой деревни—Позорихи, на лѣвомъ берегу Печоры; въ ней 24 дома; она отъ устья Щугора въ 12 чемкосахъ. По-утру миновали новое поселеніе Борисъ-ди-Костъ, состоящее изъ 4 домовъ, на правомъ берегу Печоры; потомъ проплыли мимо устья рѣки Верхней; она течетъ изъ горы Сабли. Недавно мы приплыли сюда. Я сижу на берегу Печоры и любуюсь окрестностями: передо мной чудная картина! И сѣверная природа имѣетъ свои красоты, достойныя кисти художника. Вотъ широкая свѣтлая рѣка, окаймленная мѣстами густымъ боромъ, мѣстами — зелеными лугами; направо выдался въ рѣку крутой мысъ, покрытый высокими соснами; подлѣ него вливается въ Печору рѣчка Оранецъ; вдали за рѣкой нѣсколько-низменныхъ островов, дальше — темный лѣсъ пустыни; налѣво, надъ холмами, покрытыми лѣсомъ, возвышается гора Сабля, за ней къ югу тянется темной полосой Уральскій Хребетъ и теряется въ синей дали; за мной, по косогору высокаго берега, разбросаны до 20 хижинъ деревни Оранца; нѣсколько коровъ ходятъ между кустами; на берегу нѣсколько рыбачьихъ лодокъ; въ рѣкѣ рыболовы закидываютъ неводъ. Картина эта мѣстами освѣщена, прорывающимися сквозь тучи, утренними лучами солнца; они падаютъ на снѣжные сугробы, покрывающіе крутизну горы Сабли и отражаются въ зеркальной поверхности Печоры.

Изъ Оранца зимой ѣздятъ на оленяхъ въ Зауралье за хлѣбомъ, переѣзжаютъ черезъ Саблю по южной ея оконечности, потомъ переваливаются черезъ Уральскій Хребетъ и въ нѣсколько дней доѣзжаютъ до первыхъ селеній.

Привозимый оттуда хлѣбъ всегда обходится дешевле чердынскаго, но немногіе имѣютъ средства предпринимать такую поѣздку.

Деревня Конецборская. 8 *часовъ утра.*

Мы теперь гостимъ здѣсь у одного изъ крестьянъ, торговцовъ печорскихъ, Прокопья; онъ поселился здѣсь съ своими зятьями и живетъ на привольѣ; его поселеніе состоитъ изъ 4 домовъ.

Деревня Красноборская. 7 *часовъ вечера.*

Сегодня совершенно тихо; плывемъ между низкими и песчаными островами; здѣсь много отмелей, и для незнающихъ мѣстности плаваніе довольно-трудно. Печора очень широка.

Медленно отдаляемся отъ горы Сабли; теперь она отъ насъ на восточномъ горизонтѣ. Облака разсѣялись; завѣсы, скрывавшей вершины этого исполина-края не стало, и мы цѣлый день смотримъ на него. Солнце, склоняясь отъ полудня къ западу, измѣняя направленіе лучей, измѣняло и цвѣтъ и тѣни горы; передъ нами безпрестанно являлись новыя картины. Теперь цѣпь Урала синѣетъ, какъ дальнее облако, и Сабля одиноко стоитъ на горизонтѣ, какъ дивный зáмокъ исполиновъ. Фантазія ли создавала, или въ самомъ дѣлѣ казалось такъ, но мы видѣли, что-то похожее на колоссальныя башни со шпицами, на массивныя колоннады, поддерживающія громадные своды. Можетъ быть, эти картины рисовались лучами солнца, которое сіяло чуднымъ блескомъ и, бросая тѣнь и свѣтъ на отдѣльные камни и на долины снѣга, чаровало насъ. Глядишь на красоты природы и не наглядишься.

Говорятъ, гора Сабля тянется на двадцать пягь верстъ, мѣстами не шире 3-хъ и 4-хъ верстъ. Не потому ли она и названа Саблей, что длиннымъ, узкимъ, нѣсколько-загнутымъ хребтомъ лежитъ отдѣльно отъ Урала? Есть повѣрье, что, при восхожденіи на эту гору, отъ звуковъ человѣческаго голоса поднимается вихрь, гибельный для путешественниковъ; поэтому здѣшніе жители, переходятъ черезъ нее въ совершенномъ безмолвіи.

Въ шести чемкосахъ отъ Оранца, на лѣвомъ берегу Печоры, есть лѣтнее жилье рыболова Ѳедора; съ весны удаляется онъ въ это уединеніе и возвращается домой уже въ глубокую осень. Изба

его на довольно-высокой крутизнѣ, среди кустарниковъ; трудно было бы найдти ее, если бы сѣти и другія орудія его промысла не указывали, что тутъ не пустырь, а пріютъ рыболова. Я былъ у старика; онъ сожалѣлъ, что у него нѣтъ свѣжей рыбы подарить намъ; ловъ семги еще не начинался. У здѣшнихъ рыболововъ есть обычай дарить проѣзжихъ рыбой. Несмотря на то, что Ѳедору уже за 60 лѣтъ, онъ свѣжъ, здоровъ, дѣятеленъ, какъ человѣкъ, только достигшій лучшей поры жизни. Съ нимъ живетъ дѣвочка лѣтъ семи; я далъ ей сахару, ему—водки; оба были очень довольны и мы растались друзьями.

Теперь мы у деревни Красный Боръ, послѣдней въ Устьсысольскомъ Уѣздѣ. Она справедливо названа этимъ именемъ, будучи окружена красивымъ, высокимъ боромъ лѣваго берега Печоры, близъ оконечности мыса, при заворотѣ теченія ея къ западу; жаль, что семь бѣдныхъ хижинъ не соотвѣтствуютъ красотѣ мѣстоположенія. Во всей деревнѣ не нашли мы порядочнаго молока, а между-тѣмъ кругомъ превосходныя пастбища; на островахъ трава въ два аршина; приготовленіе сѣна не потребовало бы большихъ усилій; скотскіе падежи сюда не заходятъ, а скота мало. Съ постоянными недостатками, не привилась ли къ характеру жителей беззаботность, лѣность? иначѣ какъ же не пользоваться бы сколько-нибудь выгодами мѣстности? Здѣсь мы настигли шестерыхъ Чердынцевъ; они плывутъ на встрѣчу Каюковъ, которые идутъ отъ устья Печоры съ рыбой. Плата за работу на судахъ съ устья до Якши 50 руб. ассигнаціями, а время работы длится иногда мѣсяца три и больше.

Печора повсюду прекрасно-судоходна; есть, правда, мели, низменные острова, но, въ сравненіи съ мелями Вычегды и Двины и даже Волги, она несравненно удобнѣе для сплава судовъ. Проникнетъ ли сюда когда-нибудь цивилизація? думалъ я часто. Не ужели эта большая рѣка, пересѣкающая площадь на двѣ тысячи верстъ, останется еще надолго въ такомъ бездѣйственномъ положеніи, какъ теперь? Повсюду на Руси промышленость болѣе или менѣе развиваетъ природныя богатства, повсюду трудъ, движеніе, дѣятельность и почти вездѣ съ ними объ-рубу проникаютъ благосостояніе, довольство, просвѣщеніе; здѣсь же видна только дѣятельность природы, здѣсь кругомъ пустыня. Какая польза была бы для бѣдныхъ жителей края, еслибъ на берегахъ Печоры осно-

валась торговая факторія съ предпріимчивостью и капиталомъ! Получая огромныя выгоды отъ предпріятія, она оживила бы край — и тогда о печальномъ быломъ осталось бы одно грустное преданіе. Пожелаемъ, чтобы это совершилось.

Деревня Соколова, 17 іюля 8 часовъ утра

Сегодня дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ; съ сѣверозапада нашла дождевая туча; погода словно осенью; она тѣмъ непріятнѣе, что не плывемъ внизъ по теченію, а тянемся бечевой.

Зато вчера былъ чудесный вечеръ; порой вѣтерокъ надувалъ парусъ и лодка быстро неслась по гладкой поверхности рѣки. Разнообразные виды береговъ отражались въ ней какъ въ зеркалѣ; двѣ, три вершины горы Сабли едва виднѣлись вдали на горизонтѣ, верстъ за сто отъ насъ; въ сторонѣ, на берегу, въ тѣни кустарниковъ мелькалъ огонекъ и дымъ застилалъ часть берега. Мы поворотили къ неизвѣстному биваку и скоро увидѣли берестяную юрту или чумъ и толпившихся около огня бѣдныхъ его обитателей. «Откуда взялся тутъ Ёгра? видно, пришелъ изъ-за камня хлѣбъ искать», сказалъ одинъ изъ проводниковъ моихъ, когда мы поднимались на крутой, обрывистый берегъ и по тропинкѣ подходили къ кочевому жилью; собаки зачуяли приближеніе чужихъ и сердитый лай ихъ смутилъ тишину вечера; старый Манча встрѣтилъ насъ привѣтливо; мы кое-какъ объяснились по-зырянски. Это была семья зауральскихъ Остяковъ; сами себя они называютъ Манчами; Зыряне же называютъ ихъ Ёграми. Все богатство этого Остяка, Манча или Ёгра, заключалось въ чумѣ, или кругломъ шалашѣ, крытомъ лѣтомъ берестою, а зимою оленьими кожами, и въ нѣсколькихъ оленяхъ. У богатыхъ Остяковъ и Самоѣдовъ чумы или, по-самоѣдски, мяканы, укрываются двойными оленьими кожами и внутри выстилаются или цыновками изъ разныхъ растеній, или тѣми же кожами; такое жилье немного хуже киргизскихъ кибитокъ, съ тою только разницею, что послѣднія выше и просторнѣе. Чумъ Остяка представлялъ бѣдное кочевое жилье, да и самъ онъ едва прикрывался лохмотьями малицы; на загорѣлыхъ ногахъ не было обуви; длинные, черные волосы, до которыхъ никогда не касался гребень, прядями висѣли до плечъ; ему было около 50 лѣтъ, но нужда и, вѣроятно, голодъ избороздили плоское и желтое лицо бѣд-

няка. Подлѣ него лежалъ у огня полунагой мальчикъ; двое дѣтей выглядывали изъ-за рѣдины, которою завѣшенъ былъ входъ въ чумъ (жена и дочь ушли работать въ деревню); два оленя съ теленками паслись въ сторонѣ за дымомъ, отгонявшимъ комаровъ. Тутъ были всѣ радости, все богатство стараго Манчи, для котораго хлѣбъ — рѣдкость. Сегодня у него варился сытный ужинъ изъ тетерева; но что́ будетъ завтра, что́ будетъ зимой, когда завернетъ морозъ въ 40 градусовъ, или мятелица занесетъ всѣ лѣсныя травы, когда и звѣрь съ трудомъ защищается отъ холода въ этой пустынной сторонѣ?

Манча давно окрещенъ; христіанское имя его Дмитрій, но онъ держится и своихъ родовыхъ обычаевъ. Лѣтомъ онъ ловитъ рыбу въ Печорѣ, ловитъ тетеревей, рябчиковъ; жена ходитъ на работу въ деревни; зимой онъ живетъ въ землянкѣ на правомъ берегу. Когда Ижемцы съ стадами оленей прикочевываютъ на лѣвый берегъ Печоры, то житье бѣдной семьи становится лучше: они помогаютъ ей скудной милостыней; и когда, на ихъ счастье, изъ многочисленныхъ стадъ Ижемцевъ останется больной олень, то существованіе семьи хоть ненадолго обезпечено. Назадъ тому около десяти лѣтъ (въ точности онъ не помнитъ); въ отчизнѣ его, на берегахъ Оби, свирѣпствовала ужасная болѣзнь и истребляла цѣлыя семьи. Это побудило его оставить родной край и откочевать черезъ Уралъ къ берегамъ Печоры. Я далъ дѣтямъ по куску сахару, а ему — чарку водки и немного хлѣба; онъ былъ счастливъ и безпрестанно повторялъ, провожая меня до лодки: «а тэ кучемъ буръ езъ!» (Ахъ, какіе добрые люди!), желалъ намъ всевозможнаго счастья и долго стоялъ на берегу, пока сумракъ вечера и даль не скрыли его отъ насъ.

Мнѣ разсказывали, что въ прошломъ (1842) году Манчи зауральскіе пообидѣли промышлениковъ на звѣриномъ промыслѣ; говорятъ, это и прежде случалось. Бываетъ, что промышленики платятъ кочевымъ племенамъ за Ураломъ, въ родѣ оброка, свинцомъ и порохомъ за право промышлять въ ихъ лѣсахъ. Порой бываютъ и драки и насилія; не встрѣчу ли гдѣ-нибудь и я этихъ властителей пустыни?

Проплывши версты четыре отъ чума Манчи, мы пристали къ лѣвому берегу, и я пошелъ пѣшкомъ въ деревню Кожву. Мнѣ нужно было найдти бывалаго проводника на Усу. Эта деревня хотя и

подлѣ рѣки, но за островами, и не всегда можно плыть по мелководному протоку Печоры, на берегу котораго лежитъ она. Была полночь, когда я пришелъ въ деревню. Здѣсь уже Архангельская Губернія, и это селеніе принадлежитъ къ Ижемской Волости Мезенскаго Уѣзда. Я остановился у богатаго крестьянина Силы Артѣева, хорошаго рыболова и оленевода; у него порядочный домъ, состоящій изъ нѣсколькихъ горницъ съ большими окнами. Здѣсь начинается другой край. Построеніе домовъ, чистота въ нихъ, большія свѣтлыя окна, довольно-крупный домашній скотъ, много рыбныхъ бочекъ около избъ — даютъ понятіе о привольѣ, о значительномъ рыбномъ промыслѣ и что осиновый качъ едва ли здѣсь въ употребленіи.

Сила Артѣевъ, дородный крестьянинъ, вышелъ ко мнѣ въ ситцевой узорчатой рубахѣ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на ночныхъ пришельцовъ; лѣтомъ въ эту сторону немногіе заворачиваютъ; какъ же удивленъ былъ онъ, узнавъ, что я небольше какъ мѣсяцъ выѣхалъ изъ С. Петербурга! Пространство отдѣляющее его родину отъ столицы, казалось ему такъ велико, что для переѣзда его нужно много—мѣсяцевъ, можетъ быть, даже годъ. Онъ до того занятъ былъ этою мыслью, что часто не отвѣчалъ на мои вопросы и предлагалъ мнѣ свои. «Все ли благополучно въ Россіи? Что тамъ дѣлается? Здравствуетъ ли Великій Государь и Его семейство? Нѣтъ ли какихъ войнъ съ врагами-супостатами; не дерутся ли они между собой, окаянные? Каковъ городъ Питеръ? долго ли я живу тамъ? видалъ ли я тамъ православнаго Царя? Ка́къ скоро ѣхалъ я и черезъ какія мѣста? зачѣмъ плыву по Печорѣ?» и много тому подобныхъ вопросовъ. Разумѣется, я отвѣчалъ сколько можно короче, дѣлая свои вопросы, и вотъ что́ узналъ. Жители Кожвы занимаются рыбною ловлею по рѣкамъ Сынѣ и Косьѣ по большимъ притокамъ Усы и по рѣкѣ Кожвѣ, впадающей въ Печору, близъ ихъ деревни. Сыня имѣетъ теченіе до 300 верстъ и начинается изъ-за горы Сабли; рѣка же Косья больше Сыни и течетъ до 400 верстъ, впадая выше устья Усы въ 250 верстахъ. Обѣ рѣки чрезвычайно свѣтловодны, особенно одна рѣчка, впадающая въ Косью, въ которой видны камни на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ. Во всѣ эти горныя рѣки много поднимается семги, и Кожвинцы отправляются туда для лова въ іюнѣ и возвращаются въ концѣ іюля и въ августѣ; рыбы привозятъ иногда до

50 пудъ на человѣка; всей же семги въ уловный годъ продаютъ до 2,000 пудъ; кромѣ того, много ловятъ сиговъ и другой рыбы*). Кожвинцы, поднимаясь по рѣкѣ Сынѣ до горы Сабли, въ хорошую погоду зажигаютъ на горѣ огни; дымъ бываетъ видѣнъ въ Кожвѣ и служитъ знакомъ благополучнаго прибытія къ мѣсту и удачной ловли. Этого добраго знака съ нетерпѣніемъ ждутъ на родинѣ. Сила недавно возвратился съ рѣки Кожвы; по ней поднимаются лодками до 300 верстъ; онъ привезъ до 20 пудъ сиговъ. На Печорѣ у Кожвинцевъ тоже богатыя тони. Много было спору за нихъ съ красноборскими крестьянами: тѣ и другіе признаютъ ихъ своими. По мнѣнію однихъ, тони находятся въ Вологодской губерніи, по мнѣнію другихъ въ Архангельской, потому каждая сторона считаетъ законными свои права. Говорятъ, на тоняхъ бывали драки, и это ведется изстари. Хотя Сила тоже Зырянинъ, но о Зырянахъ верховыхъ относится дурно, какъ о людяхъ совершенно другаго племени, называя ихъ безсовѣстными, безнравственными. Въ Кожвѣ хлѣба не сѣютъ. Сила говоритъ, что онъ началъ сѣять ячмень, но онъ не доходилъ, то есть не дозрѣвалъ. Да и для чего имъ хлѣбопашество, когда рыбные промыслы и олени доставляютъ доброе вознагражденіе за трудъ, какое поселянинъ въ южныхъ губерніяхъ отъ плодоноснѣйшей земли едва ли получитъ? Есть предметы мѣны — есть и хлѣбъ и все, что̀ нужно.

Отъ Оранца до Кожвы 60 верстъ, а до Ижмы водой больше 400 верстъ, зимнимъ же путемъ около 180 верстъ. Сила бывалъ тамъ и говоритъ, что Ижма настоящій городъ. Впрочемъ, понятія его о городахъ могутъ быть несовсѣмъ вѣрны; онъ не видалъ даже своего уѣзднаго города Мезени, а Мезень едва ли чѣмъ отличается отъ порядочнаго села.

Деревня Кожва расположена на красивомъ лѣвомъ берегу Печоры, за которой начинаются широкія болота и тянутся до самой Усы; въ деревнѣ 24 двора и до 150 жителей. Здѣсь изстари ведется обычай принимать проѣзжихъ, сколько бы ихъ ни было, не

*) По Косьѣ и Сынѣ ловится лоховина. Думаютъ, и весьма основательно, что лоховина та же семга поднявшаяся въ верховья рѣчекъ и исхудавшая въ пути, а потому становится не такъ жирна, и блѣднѣе мясомъ.

требуя ни за что̀ платы. На основаніи этого правила, Сила угощалъ насъ съ привѣтливостью и добродушіемъ. Въ Кожвѣ говорятъ по-зырянски, но другимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ всѣми Ижемцами; произношеніе ихъ мягче и при окончаніи рѣчи они повышаютъ голосъ; нарѣчіе Вычегжанъ самое грубое изъ нарѣчій зырянскихъ.

Я нанималъ проводниковъ на Усу; но изъ Кожвинцевъ никто не бывалъ въ верховьѣ этой пустынной рѣки. По словамъ хозяина, я найду бывалыхъ въ Усть-Усѣ или въ Колвинскомъ Погостѣ.

Въ 3 часа по полуночи я простился съ радушнымъ Печорцемъ. Была совершенная тишина; около лѣса, гдѣ стояла мая лодка, туча комаровъ наполнила воздухъ. Товарищи мои были рады моему приходу, чтобъ скорѣе пуститься въ путь; они не заснули ни на минуту; ни курево, ни укрыванье, ничто не помогало: комары тянули свою заунывную немолчную пѣсню и жалили, пробираясь подъ накомарники. Скоро подулъ вѣтеръ и избавилъ насъ отъ нихъ. Но вѣтеръ усилился, мы съ трудомъ плыли и только къ 7 часамъ утра добрались до деревни Соколовой, въ 20 верстахъ отъ Кожвы. Въ ней семь дворовъ; она расположена на высокомъ лѣвомъ берегу Печоры. Назадъ тому лѣтъ 70, промотавшійся писарь села Устьцыльмы, Соколовъ, первый поселился здѣсь, и вотъ явилось уже цѣлое поселеніе изъ его потомства, которое занимается рыбнымъ промысломъ, и въ иной годъ продаетъ семги до 400 пудъ; только одинъ изъ Соколовыхъ имѣетъ въ тундрѣ до 300 оленей.

Нѣсколько выше деревни, съ правой стороны, впадаетъ въ Печору рѣчка Лохань; она течетъ изъ болотъ зарѣчныхъ. Нѣсколько ниже, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Лиственичная, получившая это названіе отъ лиственичныхъ лѣсовъ, растущихъ по ея берегамъ. Далѣе впадаютъ изъ тундры съ правой стороны двѣ порядочныя рѣчки—Вятки, которыхъ устья недалеко одно отъ другаго. Въ 40 верстахъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Печору рѣка Лыжа, которая имѣетъ значительное теченіе; при ея устьѣ деревня Усть-Лыжская; въ ней небольше пяти или шести домовъ.

Здѣсь Печора течетъ между островами, изъ которыхъ нѣкоторые до 10 верстъ въ длину. На нихъ приволье для скотоводства: накосить 40 копенъ травы ни почемъ; это дѣлается въ одинъ день,

или, какъ говорятъ здѣсь, въ одинъ уповодъ, а 40 копенъ сѣна достаточно, чтобъ въ продолженіе зимы прокормить одну корову.

17 іюня, 7 ч. вечера.

Цѣлый день вѣтеръ наносилъ тучи; слышанъ былъ въ сторонѣ громъ, но дождя не было. Мѣстами мы бѣжали парусомъ; теперь тянемся противъ вѣтра бечевой, вдоль крутаго, высокаго лѣваго берега, въ которому подошли, не доплывя устья рѣки Лыжи; деревню видѣли издали; она осталась за островами. Отъ Лыжи, около 5 верстъ, въ одномъ мѣстѣ отъ береговой скалы оторвало, вѣроятно льдомъ, порядочную глыбу песчаника; часть этой глыбы лежитъ въ рѣкѣ, и водой такъ округлило ее, что она совершенно похожа на опрокинутый котелъ огромнаго размѣра. Въ другомъ мѣстѣ, на вершинѣ глинистой крутизны, обмытой ручьями, имѣющей видъ узкой пирамиды, стоятъ двѣ большія красивыя листвини, выросшія отъ одного корня; эти братья листвини, вѣроятно, уже не одно столѣтіе красуются на этомъ мысу и воюютъ съ бурями и непогодами полярнаго края. Мѣсто очень красиво, а потому у корня ихъ поставленъ капканъ. Дорога, по которой ставятъ такіе капканы, называется чесъ-туй. Тетерева любятъ такія мѣста, а ловцы пользуются ихъ привычкой смотрѣть на окрестности съ высокаго берега Печоры; и я думаю, уже много бѣдныхъ пернатыхъ положили свои головы у корня вѣковыхъ братьевъ-листвиней.

Вечеромъ мы встрѣтили 3 лодки кожвинскихъ рыболововъ, на обратномъ пути съ рѣки Сыни; ловъ ихъ былъ удаченъ: они везутъ по 18 пудъ лоховины на пай; обыкновенная цѣна ея по 5 рублей за пудъ, слѣдовательно, каждый наловилъ рыбы на 90 р. ас.

VI.

Деревня Усть-Усинская. — Промыслы. — Гостепріимство. — Печора и Уса. — Колва. — Колвинскій Погостъ. — Г. Кастренъ. — Колвинскіе священники. — Начало погоста. — Мезенскіе Самоѣды; Происхожденіе ихъ; Число; языческія вѣрованія Самоѣдовъ; обряды; жрецы; принятіе христіанской религіи; промышленость. — Большеземельская Тундра. — Тиманская Тундра. — Канинская Тундра. — Права Самоѣдовъ на тундру. — Преобладаніе Ижемцовъ въ тундрѣ. — Положеніе Колвинскаго Погоста. — Ловъ гусей. — Губа Хайпудырская.

Деревня Усть-Уса, за полночь.

Вечеромъ вѣтеръ усилился; часу въ 11 нашла туча, было много дождя и мы остановились на полчаса у берега; долго раздавался громъ и молнія ярко блистала во мракѣ ночи. Когда стало тише, мы опять поплыли, хотя плыть противъ вѣтра работа была не легкая; но надобно было добраться до деревни на устьѣ Усы, гдѣ мы теперь, чтобъ отдохнуть покойнѣе. Долго тянулось время въ темнотѣ, но наконецъ съ радостью увидѣли мы вдали высокій мысъ праваго берега Печоры, у котораго впадаетъ Уса; при порядочномъ волненіи переѣхали эту широкую рѣку и добрались до жилья.

Въ эти сутки, при противномъ вѣтрѣ, мы проплыли едва ли не болѣе 100 верстъ. Какъ пріятно отдохнуть въ теплой и чистой избѣ, на мягкой постелѣ изъ соломы и оленьихъ кожъ послѣ тяжелаго пути и тогда, какъ бушуетъ буря и льетъ дождь! Воспоминаніе о минувшей невзгодѣ и трудѣ еще болѣе увеличиваетъ наслажденіе отдыха. Насъ принялъ радушно крестьянинъ деревни Ѳеофанъ Даниловъ; онъ, какъ говорится въ сказкѣ, насъ накормилъ, напоилъ и спать положилъ.

Въ лодкѣ на рѣкѣ Усѣ, 18 іюля 6 ч. пополудни.

Въ 10 часовъ утра, сегодня я простился съ моими новыми знакомцами усть-усинскими и отправился по Усѣ вверхъ.

11 домовъ деревни Усть-Усы расположены на уступѣ горы, на правомъ берегу Усы, въ полуверстѣ отъ ея устья. По крутизнѣ, обращенной на полдень, позади домовъ, лежитъ нѣсколько десятинъ обработанной земли, на которой сѣютъ немного ячменя и иногда рожь. Ѳеофанъ сказывалъ мнѣ, что однажды пудъ посѣянной ржи далъ ему 24 пуда, а 10 пудъ ячменя — 65 пудъ. Такіе урожаи, хотя они и рѣдки, при дороговизнѣ хлѣба, могли бы заохотить здѣшнихъ жителей заниматься хлѣбопашествомъ; но бѣда въ томъ, что мало удобной земли: по горѣ, почти отъ самаго берега, начинаются болота. Правда, не трудно былобы осушить ихъ и работа вознаградилась бы однимъ урожаемъ (мука теперь продается по 70 к. серебромъ за пудъ); но для этого нуженъ непривычный трудъ; а для удобренія земли скота достаточно. Нѣкорые держатъ до 10 коровъ и по 4 лошади; они могли бы держать и больше, потому-что луга здѣсь обильны кормомъ; но Усть-Усынцы привыкли къ рыболовству и занимаются имъ около Устья-Усы, гдѣ есть добрыя тони, и ни одинъ изъ нихъ не бывалъ вверхъ по Усѣ даже за 100 верстъ.

Въ весенній промыселъ продаютъ бѣлой рыбы около 1,000 пудъ въ осенній красной *) до 400 пудъ; первой цѣна около 60 коп., второй — 1 р. 50 к. и 1 р. 70 к. серебромъ за пудъ. Меньше улова, выше цѣна.

Въ числѣ мѣстныхъ промысловъ, ловля куропатокъ считается однимъ изъ выгоднѣйшихъ; огромными стадами выводится эта птица въ тундрахъ, и зимой, когда обледенѣетъ тамъ почка растѣній керчи и ивняка, составляющихъ ея единственную пищу, она перелетаетъ въ прибрежные лѣса, опоясывающіе тундры; особенно, если перелету ея содѣйствуютъ сѣверные вѣтры. Южными бурями стада куропатокъ уносятся далѣе къ сѣверу, къ морю, и погибаютъ. Въ хорошій годъ ихъ бываетъ такъ много, что прибрежные кустарники покрываются этими бѣлоснѣжными гостями широкихъ

*) Бѣлою рыбою называются: щука, сиги, пеляди, чиры, нельма; красной — семга, лоховина.

пустынь сѣверной тундры. Ихъ ловятъ капканами, какъ тетеревей, а нѣкоторые и силками.

Замѣчательно обиленъ былъ куропаткой 1841 годъ: тогда одинъ Ѳеофанъ въ продолженіе зимы наловилъ ихъ до 6,000 штукъ; были дни, въ которые онъ съ своей семьей приносилъ до 300 куропатокъ. «Куда же дѣваете вы такое количество дичи?» спросилъ я моего хозяина.—«Осенью пріѣзжаютъ покупать ихъ въ города» сказалъ онъ, зимой ѣдимъ ее вмѣсто хлѣба: тогда продать некуда; къ лѣту солимъ и бережемъ въ погребахъ; между собой продаемъ по 3 к. штуку, а когда продать можно по 4 по 5 к., то и слава Богу, это ужъ цѣна добрая!» — Въ томъ году Ѳеофанъ продалъ однихъ перьевъ 23 пуда: по 4 р. ассигн. за пудъ. Лучшій ловъ бываетъ въ февралѣ и мартѣ; но тогда продать ихъ не куда. Много налавливаютъ здѣсь и зайцевъ; въ иной годъ, хотя это и рѣдко, хозяинъ мой добывалъ ихъ отъ 600 до 800 штукъ; мясо ихъ ѣдятъ Самоѣды. Довольно - выгодную промышленость составляетъ выкармливанье лисицъ; теперь ихъ въ Усть-Усѣ до 90 штукъ; иногда лисицы даже плодятся въ домахъ; хозяева стараются сводитъ самокъ съ чернобурыми самцами, и это изрѣдка удается имъ.

Деревня Усть-Уса основана за 75 лѣтъ тому назадъ. Дома порядочные; печи вездѣ съ трубами, окна большія, полы чисто вымыты, что́ не всегда увидишь и въ самыхъ богатыхъ краяхъ Россіи. Жители крайне-добры, трудолюбивы и гостепріимны. Прохожій или проѣзжій для нихъ дорогой гость: хозяева сами останутся безъ ужина, но накормятъ гостя и ничего не возьмутъ ни за ночлегъ, ни за обѣдъ, если бы онъ пробылъ у нихъ и не одинъ день, а провожая въ путь, усердно зовутъ завернуть на возвратѣ. Угощеніе это бываетъ не нероскошно; сегодня мнѣ съ моими товарищами приготовили у Ѳеофана щи изъ жирной оленины, пироги съ крупой, блины изъ ячной муки съ творогомъ и густое молоко. Зимой прохожихъ и проѣзжихъ, какъ говорятъ, бываетъ много — и всѣмъ пріемъ радушный съ доброй, ласковой рѣчью.

Поутру едва ли не всѣ мужики деревни перебывали у меня. Много было спросовъ и разспросовъ и съ ихъ и съ моей стороны. По ихъ словамъ, на путь до верховьевъ Усы надобно неменьше пяти недѣль. Проводниковъ я и здѣсь не нашелъ; совѣтуютъ поискать между Самоѣдами въ Колвинскомъ Погостѣ. Меня увѣряли,

что на берегахъ рѣки Усы и Сыни много хорошихъ лѣсовъ лиственичныхъ, сосновыхъ и еловыхъ.

Здѣшніе жители Печору считаютъ меньше Усы, потому-что, при сліяніи этихъ рѣкъ, русло первой едва-ли шире 500, а послѣдней до 700 саженъ. Къ-тому же глубина Печоры до впаденія Усы, бываетъ на меляхъ небольше 5, и ниже Усы нигдѣ не меньше 12 и даже 13 четвертей. Уса впадаетъ въ Печору съ востока, почти подъ прямымъ угломъ, и это даетъ первенство Печорѣ; она принимаетъ мутныя воды Усы въ свое широкое ложе. Уса, по-самоѣдски Сабре-яга, имѣетъ, какъ говорятъ туземцы, около 15 большихъ и малыхъ притоковъ; но я думаю, едва-ли всѣ рѣки и рѣчки замѣчены; въ такой огромный бассейнъ водъ притоковъ должно вливаться больше.

Прощаясь съ Усть-Усинцами, я совѣтовалъ имъ усилить хлѣбопашество и разводить картофель. Этотъ совѣтъ я давалъ вездѣ по пути, но всѣ сомнѣваются въ питательности картофеля и не вѣрятъ, что онъ можетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, замѣнить хлѣбъ. Если бы подать имъ примѣръ и доказать пользу разведенія картофеля, то, разумѣется, они послѣдовали бы примѣру, убѣдившись на дѣлѣ. Въ Усть-Сысольскомъ Уѣздѣ противъ разведенія картофеля, вооружится суевѣріе раскольниковъ; но должно надѣятся, что, современемъ, польза возьметъ верхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ питаются однимъ качемъ.

Теперь я сижу въ лодкѣ, въ густомъ дыму, чтобъ спастись отъ комаровъ; но и это несовсѣмъ помогаетъ — такъ ихъ много. Въ нынѣшнемъ году долго не было комаровъ и уже полагали, что ихъ не будетъ; но неожиданно настала теплая погода съ дождями, и они явились съ такомъ множествѣ, какое рѣдко бываетъ. Усинскіе комары пользуются особенной славой по всей Печорѣ по величинѣ и назойливости. Видно, приведется испытать на себѣ ихъ отвагу, а у меня и сѣтки нѣтъ; здѣсь же безъ сѣтки никто не выходитъ изъ деревни.

На половинѣ пути до Колвы мы встрѣтили лодку; въ ней сидѣлъ старикъ Самоѣдъ. По словамъ его, я не найду и въ Колвѣ проводника къ вершинамъ Усы.

Цѣлый день былъ противный вѣтеръ; мы поднимались тихо; въ 5 часовъ вошли въ рѣку Колву, по-самоѣдски Тодш-яга, которая впадаетъ въ Усу съ правой стороны, въ 20 верстахъ отъ устья.

Колва не шире 100 или 120 саженъ, но имѣетъ длинное теченіе, около 500 верстъ. Начинаясь изъ озеръ Сыръ-Яръ, отъ хребта, называемаго Вангуротъ, она принимаетъ въ себя до десяти большихъ и малыхъ притоковъ. Берега ея по низовью покрыты довольно-хорошими сосновыми строевыми лѣсами. Говорятъ, и въ верховьѣ есть небольшие еловые и лиственичные лѣса. Теперь подходимъ къ Колвинскому Погосту, расположенному на лѣвомъ берегу рѣки, за мысомъ. Вотъ виденъ боръ съ мелкимъ сосновымъ лѣсомъ и самоѣдскій чумъ; подлѣ него разложенъ огонекъ. Вотъ показались домы; ихъ всего семь; вотъ и церковь и два казенные дома священниковъ. Мѣстоположеніе погоста красиво. На берегу стоятъ люди; видно, приближеніе моей лодки съ парусинной крышей и мачтой заняли жителей погоста.

Въ лодкѣ на Усѣ. 19 іюля 11 часовъ утра.

Вчерашнее мое прибытіе удивило Колвинцевъ; все небольшое народонаселеніе встрѣтило меня на берегу. Еще больше удивились они, когда я заговорилъ съ ними по-зырянски; здѣшніе Самоѣды знаютъ этотъ языкъ.

Изъ жителей колвинскихъ никто не бывалъ въ верховьяхъ Усы; только одинъ молодой Самоѣдъ, Миклей, по-русски Иванъ, въ дѣтствѣ кочевалъ въ верховьяхъ Ельца, около озеръ. Онъ рѣшился ѣхать со мной.

Пока я толковалъ съ жителями, ко мнѣ подошелъ младшій изъ мѣстныхъ священниковъ звать на чай. Я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе, несмотря на дорожный парусинный костюмъ мой, носившій на себѣ слѣды путевыхъ трудовъ и бивачной жизни. У почтеннаго хозяина я нашелъ старшаго священника, благочиннаго печорскихъ приходовъ, отца Иннокентія, и ученаго Финляндца г. Кастрена. Вокругъ кипѣвшаго самовара бесѣда закипѣла о краѣ. Она была и любопытна и поучительна; я не видалъ какъ пролетѣло время и наступилъ вечеръ.

Отецъ Иннокентій живетъ здѣсь двѣнадцатый годъ, почти съ начала основанія прихода. Когда онъ пріѣхалъ, тогда здѣсь не было еще никого, кромѣ нѣсколькихъ церковнослужителей. Изучивъ совершенно край, онъ могъ сообщить мнѣ много свѣдѣній.

Вечеръ незамѣтно прошелъ у насъ въ бесѣдѣ; немало спо-

рили. Разговоръ былъ о сродствѣ языковъ финнскаго и зырянскаго, а также и самоѣдскаго. Для изслѣдованія этого сродства, Г. Кастренъ, ученый Финляндецъ, отправился нарочно въ тундры сѣвера. Онъ говоритъ, что больше сотни словъ финнскихъ нашелъ въ языкѣ Самоѣдовъ; и немудрено: Самоѣды находятся въ безпрерывномъ сношеніи съ потомками Финновъ; Зыряне, безъ сомнѣнія, родные братья обитателямъ Финляндіи. Умные священники колвинскіе поддерживали споръ, говорили и разсуждали о составителяхъ русскихъ грамматикъ, которымъ, я думаю, и во снѣ никогда не видѣлось, что объ ихъ трудахъ позволяли себѣ разсуждать, и притомъ несовсѣмъ одобрительно, въ тундрѣ самоѣдской, на берегахъ пустынной Колвы. Г. Кастренъ, говоря о созвучіи, сидѣлъ на своемъ конькѣ: кажется, это его любимый предметъ. Онъ съ живостью объяснялъ ошибки русскихъ грамматикъ, неправильность произношенія словъ и т. п.

На другой день съ священниками пришелъ я въ квартиру г. Кастрена. Онъ стоялъ у искусственной конторки, составленной изъ двухъ столовъ, углубясь въ свои филологическія соображенія; тутъ же былъ его переводчикъ, колвинскій пономарь, коренной Самоѣдъ. Мать отдала его въ дѣтствѣ Ижемцамъ за 9 р. асс., но черезъ нѣсколько времени, узнавъ, что ребенка везли мимо ея кочевья, бросилась на проѣзжихъ и отняла его у нихъ обратно. Прошло нѣсколько лѣтъ, мальчика опять нашли въ тундрѣ, замѣтили его способности и мать снова охотно промѣняла его на оленя. Вотъ образчикъ материнской любви Самоѣдокъ! Молодой Самоѣдъ выучился хорошо читать, и его сдѣлали причетникомъ въ Колвинскомъ Погостѣ; теперь онъ служитъ переводчикомъ г. Кастрену. У этого молодца лицо чисто-самоѣдское, и довольно недурное.

Прошло ужь полтора года, какъ г. Кастренъ оставилъ свою родную Финляндію и пустился на сѣверо-востокъ для филологическихъ разысканій о языкѣ своей родины. Сначала онъ былъ у Лопарей, потомъ навѣстилъ Самоѣдовъ Малоземельской Тундры; оттуда переѣхалъ въ Усть-Цыльму, и потомъ въ Ижемскій Погостъ, къ Зырянамъ. На берегахъ Печоры и Ижмы неочень привѣтливо приняли ученаго. Суевѣрные Усть-Цылемцы, по какой-то странной огласкѣ, считали его кто колдуномъ, кто зажигателемъ, кто лекаремъ, который отравляетъ колодцы. Привычка Кастрена гулять вечеромъ, а иногда и ночью, подтверждала эти нелѣпые слухи.

дѣло едва ли не доходило до Волостнаго Правленія. Мужики собирались толковать, что́ дѣлать съ чародѣемъ? раза два останавливали его на дорогѣ, и Богъ знаетъ, до чего бы довело ихъ глупое предубѣжденіе и нелѣпыя подозрѣнія, если бы не успѣлъ успокоить ихъ князь Палавандовъ, чиновникъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, проживающій въ Усть-Цыльмѣ, уважаемый всѣми жителями въ низовыхъ селеніяхъ Печоры. Такимъ образомъ г. Кастренъ благополучно уѣхалъ въ Ижму. Но молва предупредила его и тамъ. Съ опасеніемъ ждали Ижемцы страшнаго колдуна-нѣмца. И что же? Въ самую первую ночь его пріѣзда, демоны, послушные чародѣю, начали тѣшиться надъ мирными жителями береговъ Ижмы: въ одномъ домѣ невидимая сила сбросила съ печи малицу; въ другомъ, полетѣли на полъ дрова, въ третьемъ, вода въ ушатѣ начала колыхаться. Послѣднее чудо всего болѣе поразило суевѣрныхъ. Приняты были разныя мѣры къ прекращенію очарованія; вода все колыхалась. «Тутъ непремѣнно сидитъ чортъ», думали простодушные Ижемцы, «да какой еще нетрусливый! не смотритъ ни на что и не оставляетъ потѣшаться!» Наконецъ пришелъ помощникъ окружнаго начальника, проживающій въ Ижмѣ. Съ совершеннымъ убѣжденіемъ въ истинѣ событія, разсказывали ему очевидцы страшное чудо, которое видѣли собственными глазами. Къ счастію г. Кастрена, чиновникъ не убѣдился разсказами и началъ искать другихъ причинъ колыханью воды, независимо отъ шалостей чорта. Оказалось, что доски пола, на которомъ стоялъ ушатъ, тряслись, когда кто-нибудь шелъ по нимъ. Это, никѣмъ дотолѣ незамѣченное обстоятельство, испытывали потомъ неоднократно въ присутствіи всѣхъ: и мужики, полуубѣжденные, разошлись, впрочемъ, почесывая затылокъ и все еще съ недовѣрчивостью посматривая на страшнаго чародѣя.

Изъ Ижмы г. Кастренъ прибылъ въ Колвинскій Погостъ. Здѣсь намѣренъ онъ заниматься до сентября и потомъ отправиться по Усѣ къ Зауральскимъ Самоѣдамъ, а тамъ, далѣе, по сѣверному берегу Сибири, до крайнихъ восточныхъ ея предѣловъ, предполагая все путешествіе кончить въ шесть лѣтъ и надѣясь гдѣ-нибудь въ Сибири встрѣтиться съ г. Шегреномъ. Теперь онъ составляетъ зырянскую и самоѣдскую грамматики. Труды этого ученаго заслуживаютъ полнаго уваженія. Странствованіе въ этихъ пусты-

няхъ сопряжено со многими лишеніями, а иногда даже съ опасностями.*)

Г. Кастрену двадцать-восемь лѣтъ. Онъ имѣлъ хорошее мѣсто въ Гельсингфорсѣ, и оставилъ его, увлекшись любознательною страстью къ филологіи языковъ финнскихъ. Въ его комнатѣ было два-три стула; въ одномъ углу, пребольшая печь; въ другомъ, надъ постелью, пологъ — необходимая принадлежность здѣшнихъ спаленъ для защиты отъ комаровъ; по стѣнамъ комнаты географическія карты края.

Вчера былъ я здѣсь въ банѣ. Настоящая самоѣдская баня черна, темна, со всѣми неудобствами и ни малѣйшаго, даже деревенскаго комфорта!

Сегодня я всталъ рано и сидѣлъ у отца Иннокентія. Меня угощали съ искреннимъ радушіемъ, съ пріязнью, и гдѣ же? на берегахъ Колвы, о которой я почти никогда не слыхивалъ. Священники живутъ здѣсь хорошо, получая жалованья — до 1,000 р. асс. въ годъ. Можетъ быть, есть еще и доходы отъ кочевыхъ прихожанъ; это истинные отшельники, отдѣленные отъ всего образованнаго міра. Свѣдѣнія объ Архангельскѣ доходятъ къ нимъ иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; послѣдняя почта получена въ началѣ апрѣля, и вотъ ужь четыре мѣсяца, какъ они не знаютъ ничего даже о Мезени. Иногда чуть не черезъ годъ получаютъ отвѣтъ изъ родины, съ береговъ Двины; еще въ началѣ ноября прошлаго года, отецъ Иннокентій выписалъ кое-что нужное для себя, и все еще не получалъ. Оттого всѣ припасы по необходимости должно заготовлять на цѣлый годъ, и въ этомъ услуживаютъ имъ чердынскіе купцы, которые, плывя по Печорѣ въ Пустозерскъ, заѣзжаютъ въ Колву и снабжаютъ всѣмъ нужнымъ ея обитателей.

Хлѣбъ могъ бы иногда здѣсь доходить, но заниматься земледѣліемъ некому. Жители Колвы еще недавно сдѣлались осѣдлыми. Притомъ же Самоѣды ужасные флегматики, до безконечности лѣ-

*) При послѣднемъ конкурсѣ, «Зырянская Грамматика», уже составленная г. Кастреномъ, удостоилась демидовской преміи.

нивы и беззаботны: только одна крайняя нужда приневоливаетъ ихъ браться усердно за работу; а если есть кусокъ хлѣба, Самоѣдъ не думаетъ о завтрашней нуждѣ. Это, по замѣчаніямъ всѣхъ, ихъ природный характеръ. Впрочемъ, вообще они миролюбивы между собой, и тѣмъ болѣе съ сосѣдями, отъ которыхъ весьма терпѣливо сносятъ даже притѣсненія и несправедливости. Иногда крайность принуждаетъ ихъ приниматься за воровство, которое, говорятъ, недавно только проникло въ тундру.

Находясь теперь въ землѣ, принадлежащей Самоѣдамъ, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько объ этихъ кочевыхъ племенахъ, ихъ происхожденіи, обычаяхъ, нравахъ, бытѣ и вообще о землѣ самоѣдской.

√ Съ 1825 по 1830 годъ, сійскій архимандритъ Веніаминъ, назначенный быть благовѣстителемъ Евангелія этимъ полудикимъ племенамъ, подвизался съ неутомимою ревностью на поприщѣ своего апостольскаго служенія, и большая часть Самоѣдовъ приняли св. Крещеніе. Число обращенныхъ обоего пола простиралось до трехъ тысячъ человѣкъ. Трудолюбивый миссіонеръ, желая быть для новой паствы, привлеченной имъ подъ сѣнь Церкви Христовой, тѣмъ же, чѣмъ былъ св. Стефанъ для Зырянъ и Пермяковъ, изучилъ языкъ Самоѣдовъ, составилъ для него грамматику и перевелъ на него нѣсколько книгъ.

Въ канинской землѣ воздвигнутъ храмъ при рѣкѣ Нѣси; въ тундрѣ же Большой Земли, устроена церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, при рѣкѣ Колвѣ. Эта послѣдняя, оконченная совершенно въ 1830 году, снаружи обита тесомъ и выкрашена желтою краской. Внутренность ея довольно-обширна, по числу осѣдлыхъ прихожанъ. Два священника, дьяконъ и два причетника, изъ туземцевъ, составляютъ клиръ Колвинскаго Погоста. Заселеніе со стороны мірянъ идетъ пока еще медленно. Досихъ-поръ осѣдлыхъ Самоѣдовъ, основавшихся здѣсь, всего-навсе только семь или восемь семей. Впрочемъ, всѣхъ кочующихъ прихожанъ числится до 1,400 мужчинъ, и около того же числа должно быть женщинъ. Некрещеныхъ остается еще довольномного.

Если лѣтомъ мало бываетъ молящихся въ храмѣ Божіемъ, то зимой стекается ихъ очень много; особенно въ праздникъ Крещенія, 6-го января, церковь бываетъ полна народомъ. Къ тому времени на превосходныя моховыя пастбища по берегамъ рѣки Колвы *) прикочевываютъ съ стадами Самоѣды, а иногда и Ижемцы. Самоѣды вообще очень усердны къ церкви и особенно вѣруютъ предстательству Святителя Николая, которому посвящена церковь. Даже некрещеные, въ какой-нибудь бѣдѣ, или уходя на промыселъ, дѣлаютъ обѣты, и, при счастливомъ оборотѣ обстоятельствъ, или при удачномъ ловѣ, приносятъ дары Угоднику. Они издавна привыкли вѣровать «великому Николѣ», какъ называютъ Чудотворца, и въ своихъ языческихъ понятіяхъ помѣщали его въ число боговъ. Обѣты, данные «Николѣ», исполнялись ими свято; за нарушеніе ихъ они боялись страшной кары.

Чрезъ каждые четыре года пріѣзжаетъ въ предѣлы своей отдаленной паствы епископъ архангельскій, и живетъ на Колвѣ дня три, а иногда и четыре, отдыхая отъ неудобствъ и трудовъ продолжительнаго пути.

Самоѣды нерѣдко женятся на Русскихъ. Но Русскіе не берутъ Самоѣдокъ. Во время послѣдняго пребыванія въ Колвѣ преосвященнаго епископа Георгія, какъ-будто нарочно, пріѣхалъ молодой, красивый Ижемецъ съ невѣстой, предурной Самоѣдкой. Говорятъ, онъ женился по склонности, даже противъ воли родителей. Любовь вездѣ дѣлаетъ чудеса. Тутъ должно искать и объясненія странной привязанности Ижемца къ безобразной Яранкѣ. **) Преосвященный приказалъ немедленно обвѣнчать юную чету, и для такой рѣдкой свадьбы Зырянина съ Самоѣдкой, послалъ своего протодьякона и пѣвчихъ совершить обрядъ со всевозможною пышностью.

Я спрашивалъ, почему мѣсто для построенія церкви избрано

*) На берегахъ Колвы чрезвычайно много моховыхъ равнинъ. Осебенно замѣчательна одна, куда зимой собирается множество чумовъ; она называется Лаптою.

**) Зыряне называютъ Самоѣдокъ Яранами.

именно здѣсь, въ такой глуши? Мнѣ не сказали на это ничего опредѣлительнаго. Гораздо приличнѣйшее мѣсто основанію осѣдлаго водворенія Самоѣдовъ съ храмомъ Божіимъ представляетъ сліяніе двухъ большихъ рѣкъ, Усы и Печоры; тутъ погостъ былъ-бы на пути, по которому производится промышленость края; тутъ не одни кочевые прихожане могли бы посѣщать его, но заходили бы всѣ торговцы, рыболовы и проѣзжіе.

Священники поочередно объѣзжаютъ свой обширный приходъ рѣдко водой по Колвѣ, но всегда зимой и лѣтомъ на своихъ оленяхъ, и все на саняхъ, съ тою только разницею, что зимой два оленя легко везутъ одного сѣдока, а лѣтомъ нужно для одного двѣ пары; за то они такъ же, какъ и по снѣгу, быстро мчатъ путника черезъ сотни верстъ по безлѣсной холмистой тундрѣ. Священники говорятъ, что Самоѣды крайне бѣдны: немногіе имѣютъ оленей, и самые богатые насчитываютъ ихъ въ своихъ стадахъ неболѣе пяти сотъ. Тундра особенно знакома отцу Иннокентію. Я довольно подробно узналъ о ней отъ колвинскихъ священниковъ и Самоѣдовъ.

Самоѣды уѣзда Мезенскаго, изъ которыхъ кочующіе въ Больше-земельской Тундрѣ назывались прежде Самоѣдью Пустозерской, а Мало-земельскіе, или Тиманскіе, звались собственно Мезенской Самоѣдью, сами себя именуютъ «Хасово», точно какъ и Самоѣды, кочующіе въ восточномъ и западномъ краю Сибири.*) Это доказываетъ, что они составляютъ отрасль одного многочисленнаго племени, занимавшаго нѣкогда въ Сибири большія пространства. Фишеръ, въ «Исторіи Сибири», Красноярскихъ Остяковъ и Томскихъ Камашей признаетъ за настоящихъ Самоѣдовъ, и утверждаетъ это сходствомъ въ языкѣ, въ вѣрѣ и въ именованіи Бога. Потому землю, занимаемую Самоѣдами въ уѣздѣ Мезенскомъ, должно бы называть «Хасовіею», а Самоѣдовъ — «Хасовіянами». Но никто опредѣлительно не объяснилъ еще, откуда произошло названіе Самоѣдовъ.

Въ старину, Русскіе называли этотъ край Печорою по имени рѣки, протекающей черезъ все его пространство: названіе же рѣки Печоры происходитъ, вѣроятно, отъ народа Печоры, обитавшаго въ пещерахъ. Нѣсколько подземныхъ жилищъ, въ родѣ пещеръ, еще сохранились на берегахъ рѣки Коротаихи, впадающей въ Ледовитое Море, и въ другихъ мѣстахъ по берегамъ озеръ и рѣкъ.

*) Канинскіе же Самоѣды называютъ себя Ненецъ или Ненца.

Въ нихъ находятъ обломки желѣзной и глиняной посуды и человѣческія кости. Академикъ Лепехинъ полагалъ даже, что и народъ Печенѣги, кочевавшій въ старину на берегахъ Днѣпра, едва-ли не былъ остаткомъ народа Печоры, о существованіи котораго въ Больше-земельской Тундрѣ свидѣтельствуютъ донынѣ эти землянныя жилища.

Названіе Самоѣдовъ одни производятъ отъ финнскаго слова «соома» (болото) и «ово» (единъ); но едва ли не справедливѣе предполагать, что названіе Самоѣдъ, попрежнему Самоядь, произошло отъ господствовавшаго въ старину мнѣнія, будто бы эти дикари пожираютъ другъ-друга. Самоѣды и теперь иногда ѣдятъ сырое мясо, а прежде, вѣроятно, и рыбу и мясо ѣли не иначе, какъ сырыми: мудрено ли было тогдашнимъ Русскимъ, видавшимъ ихъ рѣдко, вывести отсюда такое мнѣніе? *) Полагаютъ, что настоящее отечество Самоѣдовъ находится около верховья рѣки Енисея, что они оттуда распространились сначала по Сибири, затѣмъ нѣкоторыя племена ихъ, во время переселенія народовъ и нашествія Монголовъ изъ степей Азіи, будучи тѣснимы пришельцами, подались далѣе къ сѣверу и заняли пустынныя мѣста по берегу Сѣвернаго Океана, а потомъ широкія моховыя пастбища привлекли иныхъ на западную сторону Уральскаго Хребта, гдѣ они заняли тундры нынѣшняго уѣзда Мезенскаго, можетъ быть, вытѣснивъ и истребивъ прежнихъ обитателей. Что Самоѣды не коренные жители края, это доказывается русскими именами многихъ рѣкъ и урочищъ.

Съ Іоанна III началось покореніе Обскихъ Самоѣдовъ. При Іоаннѣ IV построенъ у нихъ городъ Березовъ; при Ѳедорѣ Іоанновичѣ наложенъ на нихъ ясакъ, а потомъ постепенно приводились въ подданство и въ дальнѣйшихъ мѣстахъ кочующія племена этого народа. Печорскіе Самоѣды издавна и долго платили дань Новгородцамъ: Печорскій Край составлялъ ихъ Двинскую Область; уже послѣ паденія Новгорода, великіе князья русскіе сдѣлались властителями и этой отдаленной стороны. Впослѣдствіи, правительство положило первое начало устройству Самоѣдовъ постановленіемъ правилъ о сборѣ съ нихъ ясака. Первое распоряженіе о томъ послѣдовало въ 1745 году. Въ 1822 и 1835 годахъ, новыми

*) Обскіе Остяки называютъ Самоѣдовъ Ѣрганъ-Ягъ; Тунгусы — Дянгалъ, Вогуличи — Юрранъ-Кумъ, а Зыряне — Яранами.

установленіями, Самоѣды, въ числѣ прочихъ инородцевъ сибирскихъ, обезпечены разными особыми правами. Они освобождены навсегда отъ рекрутской повинности, съ дозволеніемъ вступать въ общества городскія и сельскія, управляться чрезъ своихъ родоначальниковъ собственными законами, по прежнимъ обычаямъ, которые приведены въ извѣстность и порядокъ. Сборъ ясака опредѣленъ правилами, примѣненными къ мѣстности; причемъ допущенъ взносъ, деньгами вмѣсто звѣриныхъ шкуръ. Занимаемыя ими земли, предоставлены имъ въ собственность, съ строгимъ воспрещеніемъ Русскимъ вновь на нихъ селиться; а чтобъ кончить споры о землѣ съ осѣдлыми жителями, поселившимися уже въ тамошнемъ краѣ, повелѣно, сколько сочтено послѣднихъ по 8 ревизіи, на каждую душу, чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, отмежевать въ окружности селеній по 60 десятинъ, со всѣми угодьями, имѣющимися заключаться въ томъ пространствѣ, и затѣмъ всѣ прочія остающіяся земли въ тундрахъ Тиманской, Канинской и Бельше-земельской, утверждены въ потомственномъ владѣніи Самоѣдовъ. Впрочемъ, для производства промысловъ, Самоѣдамъ не воспрещено ходить и внѣ предѣловъ своихъ владѣній, какъ въ уѣздѣ Мезенскомъ, такъ и за Уралъ.*)

Сколько я могъ узнать, Самоѣды уѣзда Мезенскаго происходятъ отъ семи племенъ, которыя называются: Лохейскій, Тыссей, Ванюта, Валейскій, Хатацейскій, Ваучейскій и Ноготосскій. Многочисленное племя Самоѣдовъ Карачейскихъ обитаетъ отъ Оби къ востоку по берегу Сѣвернаго Океана, между губами сибирскихъ рѣкъ Оби, Енисея и другихъ. Это самое безпокойное племя. Оно часто дѣлало набѣги на Пустозерскую Самоядь и даже на Острогъ Пустозерскій. Послѣднія извѣстныя нападенія были въ 1719, 1730, 1732 и 1746 годахъ, но едва ли не были еще и послѣ.**)

Кромѣ того, Самоѣды уѣзда Мезенскаго называются, по занимаемымъ ими мѣстамъ: Канинскими, въ тундрѣ Канинскаго Носа, — Тиманскими, въ Тиманской или Малой-Землѣ, по лѣвому берегу Печоры, близъ устья, — Больше-земельскими, въ такъ называемой Большой-Землѣ, гдѣ по мѣстамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились

*) Свода Законовъ тома IX р. V. «О состоніи инородцевъ».

**) Извѣстно о походѣ на Самоѣдей, бывшемъ въ 1499 году, въ слѣдствіе ихъ набѣговъ на пермскія селенія.

7

и куда вносили ясакъ, подраздѣляются еще на нѣсколько частныхъ названій, какъ-то: Пустозерскіе, Устьцылемскіе, Ижемскіе,*) Югорскіе (при Югорскомъ Шарѣ или Карскихъ Воротахъ) и Карскіе (на берегахъ рѣки Кары).

Вообще, въ уѣздѣ Мезенскомъ, по свѣдѣніямъ 1841 года, считалось всѣхъ Самоѣдовъ:

		м. п.	ж. п.
въ тундрѣ	Канинской	431	357
» »	Тиманской	384	296
» »	Больше-земельской: Пустозерскихъ (въ томъ числѣ такъ называемые Югорскіе и Карскіе)	934	918
» »	Устьцылемской	161	145
» »	Ижемской	480	389
	И того	2,390	2,105

Самоѣды издревле владѣли тундрами, пользовались на нихъ промыслами рыболовными и звѣриными и имѣли участіе даже въ тоняхъ Болванской Губы, какъ видно изъ грамматъ, хранящихся въ Мезенскомъ Земскомъ Судѣ, гдѣ двѣ тони въ сказанной губѣ называются самоѣдскими. Вслѣдствіе жалобы Самоѣдовъ на притѣсненія, дѣланныя имъ жителями Печоры, и отнятіе тоней въ губѣ, одной на себя, а другой на церкви пустозерскія, грамматою, данною царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 7053 (1545 году), права ихъ на тундру и промыслы утверждены, но мелкая тоня предоставлена церквамъ пустозерскимъ. Второю грамматою 7196 (1688) года, данною царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами на имя мезенскаго воеводы Воейкова, снова подтверждена безспорность правъ Самоѣдовъ на владѣніе тундрами; въ этой послѣдней грамматѣ упоминается еще о дани съ нихъ по 5 алтынъ съ лука. Право владѣнія тундрою признано потомъ закономъ, которымъ за Самоѣдами утверждены всѣ земли, безспорно владѣемыя ими до 1763 года. Самоѣды кочевали въ тундрѣ сотни лѣтъ и никто на владѣніе дикою пустыней сѣвера не предъявлялъ никакого спора; слѣдовательно и тундра, бывшая родовою собственностью и нынѣ оставшаяся

*) Ижемскіе Самоѣды называются также Лѣсными, по кочевью ихъ большею частью въ лѣсныхъ мѣстахъ, по берегамъ Усы и ея истоковъ.

въ пользованіи этихъ бродячихъ племенъ, за владѣніе которою они платили ясакъ Великому Новгороду съ давнихъ временъ, а потомъ и самодержцамъ Руси. Эту дань составляли шкуры песцовъ, соболей, бѣлокъ, горностаевъ, лосей и оленей, или деньги, если не было звѣриныхъ кожъ: за песца по нѣскольку алтынъ, за бѣлку по одной или по двѣ деньги. Ясакъ взимался съ каждаго, кто владѣлъ лукомъ, и распредѣлялся по мѣстностямъ, гдѣ кочевали Самоѣды: приморскіе взносили шкуры песцовъ и другихъ звѣрей, а лѣсные— бѣлокъ и горностаевъ. По 5 ревизіи платящихъ ясакъ было больше 1,500 луковъ; по послѣдней, въ уѣздѣ Мезенскомъ сочтено ясачныхъ Самоѣдовъ мужескаго пола 2,390 человѣкъ. Впослѣдствіи сборъ звѣрями замѣненъ сборомъ по 26 к. асс. съ души, который взимался лосинными и олеьими кожами по оцѣнкѣ; а потомъ увеличенъ до 3 р. 30 к. асс.

Самоѣды, до принятія св. Крещенія, были послѣдователями древней шаманской вѣры, неимѣющей никакой разницы съ вѣрою другихъ инородцевъ сибирскихъ. Они имѣли понятіе о Богѣ, котораго именовали Нумъ, почитая его существомъ высшимъ, творцомъ неба и земли; но вѣрили и въ Тадепцыевъ, то есть злыхъ духовъ, сатану и дьявола, которыхъ должны были умилостивлять жертвами и мольбой. Идоловъ называли они хегами. По мнѣнію Самоѣдовъ, злые духи имѣли на людей вредное вліяніе противъ воли Нума, котораго считали они милостивымъ и имя его произносили съ величайшимъ благоговѣніемъ, не иначе какъ въ случаѣ крайней нужды или радости, благодаря и умоляя. Идолы ихъ были изображенія людей самой грубой работы, часто же простой, заостренный колъ съ двумя или тремя зарубками, или даже дикій камень какой-нибудь особенной формы. Но они никогда не представляли въ нихъ самого Нума, ибо считали его неизобразимымъ — такъ высоко было ихъ вѣрованіе о Богѣ. О будущей жизни имѣли они самое слабое понятіе.

Обряды богослуженія Самоѣдовъ состояли главнымъ образомъ въ боѣ въ «пезеръ», инструментѣ, въ родѣ барабана, сопровождаемомъ криками: «гой! гой! гой!» Жертвоприношеніе Нумѣ совершалось на высокихъ холмахъ; причемъ обыкновенно употреблялся бѣлый олень, котораго они давили и потомъ мясо съѣдали сырымъ. Дьяволу и духамъ приносились къ жертву олени и собаки.

Главнымъ мѣстомъ общественнаго богослуженія былъ у Боль-

ше-земельскихъ Самоѣдовъ Болванскій Мысъ на островѣ Вайгачѣ, куда стекались всѣ племена Самоѣдовъ, даже изъ губерніи Тобольской. Бури, воющія въ пещерѣ Болванскаго Мыса, наводили на дикарей суевѣрный страхъ и внушали особенное благоговѣніе къ главному идолу, стоявшему на этомъ пустынномъ мѣстѣ среди множества другихъ. Англійскій капитанъ Барро, приставашій къ Вайгачу въ 1556 году, нашелъ на Болванскомъ Мысу множество идоловъ съ окровавленными глазами и ртами: это происходило оттого что Самоѣды, во время жертвоприношенія, намазывали кровью оленей ротъ и глаза своихъ хеговъ. Штурманъ Ивановъ, въ 1824 году, на томъ же мысу нашелъ, сдѣлавшіяся уже негодными къ употребленію, принесенныя въ жертву идоламъ разныя металлическія и деревянныя вещи, обрывки веревокъ, и т. п.

Второе мѣсто общественнаго богослуженія Самоѣдовъ находилось на Канинской Землѣ. Это былъ священный лѣсъ, на деревьяхъ котораго навѣшено было множество разноцвѣтныхъ лоскутковъ.

Въ ученіи Самоѣдовъ, которое, какъ преданіе, передавалось изъ рода въ родъ, было много чистыхъ нравственныхъ правилъ, можетъ быть, сообщенныхъ имъ христіанами. Если они строго исполняли эти изустные законы, то были людьми весьма добродѣтельными. Имъ запрещалось воровать, обижать другъ друга, отнимать чужую собственность; предписывалось быть воздержными, благоговѣть предъ Богомъ, почитать духовъ, уважать родителей и старшихъ, быть заботливыми о семействѣ, оказывать пособіе бѣднымъ, и проч.

Жрецы или кудесники самоѣдскіе назывались Тадибеями. Это званіе было родовое. Тадибеи очень искусно обманывали своихъ простодушныхъ соотечественниковъ, увѣряя ихъ, что имѣютъ непосредственное сношеніе съ духами, могутъ провидѣть будущее, имѣютъ силу наводить и исцѣлять болѣзни. Во время жертвоприношеній, они одѣвались въ особыя одежды.

Въ брачныхъ союзахъ строго соблюдался законъ не жениться на дѣвушкѣ одного племени. Впрочемъ, по женской линіи у нихъ не признавалось никакого родства. Вообще, женщина считалась существомъ нечистымъ. Выкупъ за невѣсту, вносимый въ пользу родителей, по общему обычаю всѣхъ азіатскихъ народовъ, платился оленями. Дозволено было многоженство.

Умершихъ, надѣвъ на нихъ лучшее платье, выносили черезъ

нарочно сдѣланное въ чумѣ отверстіе, въ сторонѣ отъ дверей; потомъ увозили и клали, если былъ лѣсъ, то въ срубѣ, а въ мѣстахъ безлѣсныхъ, въ яму, и тутъ же, на могилѣ, поражали ножами оленя, на которомъ привезенъ былъ умершій.

Клятва произносилась надъ остроконечнымъ кускомъ земли или снѣга, отъ котораго клянущійся долженъ былъ отрѣзать часть ножемъ. Это значило, что клятвопреступникъ долженъ разсыпаться какъ земля, растаять какъ снѣгъ. Клялись также и надъ головой медвѣдя, приговаривая: «если я лгу, то пусть онъ меня съѣстъ».

Въ настоящее время, свѣтъ истинной Вѣры мало-по-малу разгоняетъ глубокій мракъ невѣжественныхъ понятій этихъ кочевыхъ племенъ, съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаютъ у нихъ постепенно и прежніе суевѣрные обычаи и обряды.

Въ промышлености Самоѣдовъ самая главнѣйшая и выгоднѣйшая отрасль есть оленеводство. Олени кормятъ ихъ своимъ мясомъ; шкурами доставляютъ одежду, обувь, кровъ и постель; живые, перевозятъ тяжести, замѣняютъ лошадей и всѣхъ прочихъ домашнихъ животныхъ. Безъ оленей Самоѣдъ все равно, или хуже, чѣмъ бездомный сирота: онъ принужденъ или просить милостыню, или наниматься въ работу къ богатымъ.

Затѣмъ слѣдуютъ промыслы звѣроловные, рыболовные и птицеловные. Самоѣды, кочующіе въ прибрежныхъ къ морю мѣстахъ, промышляютъ нерпъ, тюленей, морскихъ зайцевъ, частью же моржей, бѣлугъ и бѣлыхъ медвѣдей; въ тундрѣ ловятъ песцовъ, лисицъ, волковъ и дикихъ оленей. Тѣ, которые ближе къ лѣсамъ, стрѣляютъ бѣлокъ, горностаевъ, зайцовъ, россомахъ и черныхъ медвѣдей. Прежде были у нихъ выдры и даже бобры; но теперь не слыхать объ этихъ дорогихъ звѣряхъ. Въ рѣкахъ и озерахъ ловятъ рыбу, какъ красную, т. е. семгу и кумжу, такъ и бѣлую, то есть нельму, чировъ, пелядей, омулей, щукъ, налимовъ, окуней и проч. Изъ птицъ, добываютъ гусей, утокъ, гагаръ, лебедей, но всего болѣе куропатокъ. Въ тундрахъ родятся ягоды: брусника, черника, голубица и въ особенности морошка.

Для примѣра, въ какомъ порядкѣ идутъ здѣсь приморскіе промыслы, возьмемъ Югорскій Шаръ, куда приходятъ для промысловъ и Самоѣды и Постозеры, и гдѣ было до десятка промысловыхъ избъ и часовня Николаю Чудотворцу. Здѣсь солнце съ 8 мая по 20 іюля не закатывается. Съ Егорьева дня (23 апрѣля) начинается

на льдахъ звѣриный промыселъ и продолжается до Иванова-дня (24 іюня). Это время самое гибельное для тюленей: ихъ стрѣляютъ выманивая на льды сквозь сдѣланныя проруби. Между-тѣмъ вскрываются рѣки и начинается въ нихъ рыбная ловля; затѣмъ слѣдуетъ промыселъ птицъ, что́ бываетъ уже около половины іюля; линялыхъ гусей ловятъ, загоняя въ сѣти, стрѣляютъ, даже неводятъ въ озерахъ. Въ это же время производятся и морскіе промыслы. Смѣлые моряки прибрежья Сѣверной Тундры отважно борются съ волнами океана, пускаясь въ открытыхъ небольшихъ карбасахъ въ дальнія плаванія по бурной пучинѣ. Въ концѣ августа опять принимаются за ловъ рыбы въ рѣкахъ, и оканчиваютъ его только тогда, какъ рѣки покроются уже льдомъ. Послѣ того начинается обратный походъ съ крайнихъ предѣловъ сѣвера и производится ловъ лѣсныхъ звѣрей, кочеванье въ тундрѣ, сбытъ товаровъ и размѣнъ ихъ на немногія необходимыя потребности бродячаго народа.

Почти такимъ же порядкомъ идутъ промыслы въ Тундрахъ Тиманской и Канинской. Но Самоѣды Лѣсной Тундры, кочующіе около прибрежьевъ Усы, не занимаются промысломъ морскихъ звѣрей; они ловятъ только рыбу, да лѣсныхъ звѣрей и птицъ. Прежде Ижемскіе или Лѣсные Самоѣды зимой выѣзжали иногда на берега Ижмы, Кедвы, Ухты, Яюги и другихъ рѣкъ. Проходитъ зима, и въ исходѣ ея, начинается новый походъ къ сѣверу. Такъ идутъ годъ за годомъ, такъ проходили вѣка. Общежитіе и гражданственность, съ своими усовершенствованіями, медленно проникаютъ въ дикую глушь этихъ отдаленныхъ, малопосѣщаемыхъ пустынь.

Пространство тундръ, гдѣ кочуютъ Самоѣды, весьма значительно. Самая обширная изъ нихъ тундра Больше-земельская. Длина ея отъ запада къ югу простирается въ прямой линіи по-крайней-мѣрѣ отъ 1,000 до 1,150 верстъ, дорогою же, по которой ѣздятъ, еще дальше; ширина, отъ 300 до 450 верстъ. Полагая, примѣрно, хотя 1,100 верстъ въ длину и 400 верстъ въ ширину, выйдетъ всего пространства до 440,000 квадратныхъ верстъ.

Сѣверный, а частью и сѣверо-восточный край Большой Земли окруженъ Ледовитымъ Моремъ и его частями, называемыми Печорской Губой, Югорскимъ Шаромъ и Карскимъ Моремъ; съ запада и частью съ юга служитъ ей границею рѣка Печора, съ востока же и съ юго-востока ограничиваютъ ее рѣка Кара и хребетъ Павдинскаго Камня или Уральскій.

Каменныя Горы, извѣстныя подъ именемъ Самоѣдскаго Хребта, отдѣляясь отъ Урала, пересѣкаютъ сѣверо-восточную часть тундры съ вершины рѣки Кары до Югорскаго Шара на пространствѣ около 400 верстъ; онѣ являются высокими, грозными утесами, и тянутся, какъ всѣ предполагаютъ, черезъ помянутый Шаръ и Вайгачскій Проливъ на острова Вайгачъ и Новую Землю. Въ разстояніи отъ Печоры около 40 верстъ, начинается Земляной Хребетъ, называемый также Хребтомъ Больше-земельскимъ, который, простираясь во всю длину тундры до Уральскихъ Горъ, съ изгибами составляетъ гряду по-крайней-мѣрѣ около 1500 верстъ, или даже и больше. Отъ него во всѣ стороны идутъ другіе хребты, такъ-что большая часть этой тундры представляетъ безпрерывный рядъ холмовъ, мѣстами очень высокихъ, покрытыхъ растеніями и разноцвѣтными мхами, которые, разстилаясь по ихъ склонамъ на большое пространство, представляютъ ихъ издали покрытыми прелестнѣйшимъ ковромъ.

Часть тундры, ближайшая къ Печорѣ, особенно гдѣ эта рѣка дѣлаетъ заворотъ къ юго-западу, покрыта во многихъ мѣстахъ топяти и болотами; сопредѣльная же рѣкѣ Усѣ, довольно-лѣсиста. Есть небольшіе лѣса и въ другихъ мѣстахъ тундры; они, какъ острова, являются среди безлѣсной пустыни. Лѣса эти произрастаютъ даже около рѣки Хайпудырки и возлѣ нѣкоторыхъ озеръ; въ нихъ больше еловыя деревья; есть и лиственичныя. Они служатъ кладбищами Самоѣдамъ.

Въ долинахъ, образовавшихся между холмами, а иногда и на возвышенностяхъ, находится безчисленное множество озеръ. Однихъ большихъ, изъ которыхъ самое малое въ окружности около 15, а другія больше 30 верстъ, считается до двадцати-пяти.*) Эти водоемы — тундры, въ которыхъ вода необыкновенно чистая и прозрачная, наполнены рыбою. Въ нихъ ловятъ нельму, чировъ, пелядей, сиговъ и другую рыбу.

Въ хребтахъ Самоѣдскомъ и Земляномъ и въ озерахъ начинается множество рѣчныхъ истоковъ, которые потомъ превращаются въ значительныя рѣки. Главнѣйшія изъ нихъ: Кара, Коро-

*) Главнѣйшія изъ нихъ: Сыръ-Яры (нѣсколько озеръ); хоромыги — Войнуйково, Торовье, Ватеры, Сундуй, Болванско, Сѣтно, Хорьи, Лонково и Нижній Хорбей.

таиха и Хайпудырка, впадающія въ океанъ и въ Карское-Море; за тѣмъ, Шапкина, Колва, Азьва или Хырморъ, Роговая или Хурморъ, Елесуя, Лёмва, Косья, Ольховая, Сыня и множество другихъ, вливающіяся въ Печору прямо, или черезъ главный притокъ ея Усу. Эти рѣчные бассейны прорѣзываютъ тундру во всѣхъ направленіяхъ и изобилуютъ рыбою. Кара и Коротаиха славятся особенно ловомъ омулей. Рѣки, впадающія въ море, вскрываются въ половинѣ и въ концѣ сентября. Уса вскрывается большею-частью въ половинѣ мая, замерзая въ концѣ октября, но въ верховьѣ ея лѣто еще короче.

Что сказать о климатѣ подъ широтою 70°? Гдѣ находится сѣверный предѣлъ тундры, не можетъ быть климатъ благорастворенный. Но если въ непрерывномъ почти мракѣ продолжительной зимы природа здѣсь вообще сурова и негостепріимна, зато лѣтомъ — приволье. Съ 10 мая до половины іюля солнце не скрывается за горизонтомъ; часто вѣютъ теплые южные вѣтры; бываютъ даже жары, но всегда съ прохладными ночами, а это-то и нужно кочевымъ обитателямъ Сѣвера: оттого почти не бываетъ тамъ во-все комаровъ, которыхъ неочень жалуютъ необходимые краю олени.

Тиманская или Малоземельская Тундра, начинаясь отъ лѣваго берега Печоры, съ сѣвера и сѣверо-запада омывается волнами океана и Чешской Губы, съ запада она сопредѣльна съ Канинскою Землею, отъ которой раздѣляется рѣкою Пезою, къ югу же служатъ ей гранью бассейны рѣкъ Цыльмы и Пезы. Она занимаетъ пространство меньше Больше-земельской. Длина ея отъ Пезы до Печоры около 400, ширина отъ 200 до 250 верстъ, слѣдовательно, она содержитъ въ себѣ только около 80,000 квадр. верстъ. Отъ океана, въ направленіи къ рѣкѣ Цылмѣ, прорѣзываетъ ее хребетъ Каменныхъ Горъ, называемый Тиманскимъ или Чайчинымъ Камнемъ, по мысу, выдавшемуся въ море, именуемому Чайчинымъ или Чайцынымъ, по множеству, какъ говорятъ, чаекъ, гнѣздящихся около его утесовъ. Тиманскій Камень едва ли не есть отрасль Уральскаго Хребта; мѣстами онъ покрытъ лѣсомъ. Отъ него идутъ нѣсколько грядъ земляныхъ хребтовъ съ довольно-высокими холмами. Но большую часть Тиманской Земли составляютъ широкія долины, изобилующія моховыми пастбищами, изрѣзанныя по всѣмъ направленіямъ бассейнами многихъ рѣкъ и усѣянныя многими озе-

рами, изъ которыхъ есть нѣсколько довольно-значительныхъ, имѣющихъ въ окружности отъ 10 до 15 верстъ. Какъ рѣки, такъ и озера чрезвычайно обильны рыбою.*)

Самая малая изъ тундръ Канинская Земля, сосѣдственная Тиманской. Съ трехъ сторонъ ее омываютъ моря: съ запада Бѣлое, съ сѣвера Океанъ, съ востока Чешская Губа, къ югу служатъ ей границею рѣки Мезень и Пеза. Длину ея полагаютъ около 300, а ширину мѣстами около 60, далѣе же къ сѣверу отъ 130 до 160 верстъ. Кромѣ хребта Каменныхъ Горъ, называемаго Канинскимъ, который идетъ отъ Чешской Губы до Бѣлаго Моря, черезъ всю тундру тянутся нѣсколько земляныхъ, довольно-высокихъ хребтовъ, которые, развѣтвляясь, холмятъ поверхность ея, особенно въ сѣверной сторонѣ. Изъ нихъ берутъ начало весьма много рѣчныхъ истоковъ, прорѣзывающихъ тундру по всѣмъ направленіямъ. Онѣ покрываются льдомъ въ началѣ и половинѣ октября, вскрываются же въ половинѣ и въ концѣ мая. Множество большихъ и малыхъ озеръ находятся между горными хребтами и въ долинахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ въ окружности отъ 20 до 30 и болѣе верстъ.**)

Суровость климата въ сѣверной части всѣхъ тундръ почти одинакова, съ тою разницею, что чѣмъ ближе къ Уральскому Хребту, тѣмъ лѣто короче, рѣки покрываются льдомъ раньше и вскрываются позже; въ полосѣ же южной нѣсколько-умѣреннѣе, особенно гдѣ лѣса останавливаютъ стремленіе грозныхъ бурь полуночнаго борея.

Тундра уѣзда Мезенскаго принадлежитъ пользованію Самоѣдовъ. Изъ записокъ академика Лепехина видно, что въ 1800 году жители мезенскіе начали присвоивать себѣ часть этихъ земель съ платою въ казну оброка, и селились по берегамъ рѣкъ Канинской Земли: Вижаса, Ома, Пезы, Индеги и другихъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, было много споровъ о правѣ владѣнія во всѣхъ тундрахъ; но эти споры должны были кончиться постановленіемъ, по которому велѣно отмежевать Русскимъ, поселившимся уже къ краю, по 60 десятинъ на душу. Въ Ижемской Волости жителей мужескаго по-

*) Главнѣйшія изъ нихъ: Острогисто, два Лебяжьихъ, Омзово, четыре Индегскихъ: Щучье, Пятово, Сорваны, Иксуя и Мыши.

**) Главнѣйшія изъ нихъ: Курипчино, Алексѣевско, Копющенско, Дѣсницынско, Долго, Каменно, Новипошно, Волосовско, Буторкино, Криво, Щучье, Выляково, Болванско, Богато и Сампово.

ла считается 3,140 душъ, слѣдовательно имъ приходится около 188,400 десятинъ, или около 1,809 квадратныхъ верстъ, что̀ составляетъ поперечникъ въ длину и ширину около 43 верстъ. Только этимъ пространствомъ они и должны пользоваться, не трогая другихъ мѣстъ, принадлежащихъ Самоѣдамъ, или доставшихся на часть Устьцылемцевъ и Пустозерцевъ, которые имѣютъ на тундру такое же право, какъ и Ижемцы. Вслѣдствіе того, главнѣйшими владѣльцами тундры, ея озеръ, рѣкъ и многочисленныхъ стадъ оленей должны бы быть Самоѣды; но на дѣлѣ выходило другое.

Благодѣтельныя послѣдствія произвела эпоха — крещеніе бѣдныхъ кочевыхъ племенъ сѣвера!

Ижемцы, дѣятельные, сметливые, жадные къ пріобрѣтенію, производя прибыльный торгъ съ полудикими Самоѣдами, особенно чрезъ привозъ къ нимъ крѣпкихъ напитковъ, очень хорошо поняли выгоду собственнаго обзаведенія оленьими стадами въ тундрѣ. Въ концѣ минувшаго столѣтія они едва-ли имѣли 10,000 своихъ оленей, тогда какъ Самоѣды Больше-земельской Тундры владѣли многочисленными стадами, число которыхъ простиралось до 150,000 головъ.*) Но съ того времени, какъ въ тундрѣ начали усиливаться Ижемцы, стада туземцевъ постепенно стали уменьшаться. Въ настоящее время у Самоѣдовъ считаютъ неболѣе 30,000 оленей, а у Ижемцевъ, около 124,000, а можетъ быть и гораздо больше. Такой быстрый переходъ однихъ отъ изобилія къ бѣдности, другихъ отъ бѣдности къ богатству, не могъ произойдти отъ причинъ естественныхъ, безъ ошибокъ и упущеній съ одной стороны и безъ крайнихъ усилій съ другой. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ стада переходили изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ къ новымъ, бо̀льшая часть и самихъ владѣльцевъ подверглась той же участи. Потерявши оленей, многіе Самоѣды обѣднѣли. Необходимость въ жизненныхъ потребностяхъ, всего же болѣе непреодолимая страсть къ вину, вовлекли ихъ въ долги, которые, не оплачиваясь никакою работою, никакимъ усердіемъ, переходили отъ отца къ дѣтямъ и предавали всю семью въ зависимость.

Но вотъ внезапно во мракъ холодныхъ степей сѣвера проникаетъ немерцающій свѣтъ Вѣры, достигаетъ благовѣстіе Евангелія. Крестъ, символъ спасенія, водружается въ дикой пустынѣ. Кочевой

*) Еще въ 1803 году многіе изъ Больше-земельскихъ Самоѣдовъ имѣли по 1,500 и больше оленей. «Путешествіе Лепехина» часть IV.

храмъ переносится быстроногими оленями съ одного конца тундры до другаго; къ нему собираются дикіе жители сѣвера; святое Крещеніе присоединяетъ ихъ къ сонму христіанъ, и два блага совершаются надъ ними: они извлечены изъ тмы язычества и съ тѣмъ вмѣстѣ становятся свободными отъ притѣсненія пришельцевъ, противъ которыхъ они находятъ защиту въ своихъ духовныхъ пастыряхъ. Можетъ быть, обычаи, водворенные издавна, несовсѣмъ еще истребились и теперь, по-крайней-мѣрѣ положено доброе начало къ ихъ искорененію; а будетъ время, когда посѣянное созрѣетъ и принесетъ прекрасный плодъ.

Въ настоящее время бѣдные жители тундры, и съ небольшими стадами оленей, едва имѣютъ свободный просторъ на своей родовой собственности. Стада Ижемцевъ многочислены. Они уже понеобходимости должны были завладѣть лучшими пастбищами, и не однимъ Самоѣдамъ нанесли и наносятъ вредъ, безъ всякаго права на тундру, передвигая по ней своихъ оленей и вытравляя моховыя пространства Устьцылемцевъ и Пустозерцевъ. Мнѣ сказывали о какомъ-то условіи Самоѣдовъ съ Ижемцами, заключенномъ будто бы въ 1803 году; но въ чемъ состоитъ оно, я не могъ узнать. И въ Мало-земельской тундрѣ дѣйствуютъ Ижемцы; но до Канинской, какъ болѣе отдаленной и сопредѣльной городу Мезени, не простирается ихъ вліяніе. Почему тамъ, какъ я слышалъ, Самоѣды и по сіе время довольно богаты: нѣкоторые имѣютъ у себя до 3,000 оленей.*)

Дальше, при случаѣ, я разскажу подробнѣе о дѣйствіяхъ Ижемцевъ, сметливыхъ и ловкихъ производителей промышлености въ этомъ дальнемъ краѣ.

Въ Колвинскомъ Погостѣ огородные овощи растутъ плохо; говорятъ, будто старались развести картофель, но безуспѣшно; по всей вѣроятности, оттого, что не умѣли взяться за дѣло. Къ тому же въ этой полярной странѣ огородничество должно быть подчинено другимъ правиламъ, чѣмъ на югѣ. Капуста растетъ хорошо, но не коченится; огурцы тоже растутъ, цвѣтутъ, даютъ богатую завязь, но не дозрѣваютъ; даже рѣпа и рѣдька растутъ худо, и потому всѣ овощи получаются изъ Ижмы. При недостаткахъ во многомъ, природа щедро надѣлила эту страну разными ягодами и гри-

*) Г. Савельевъ въ путешествіи на Калчуевъ Островъ въ 1841 году былъ въ Канинской Тундрѣ. По его замѣчанію, нѣкоторые Самоѣды этой тундры имѣютъ до 3,000 оленей и болѣе.

бами. Морошка, смородина, черемуха, брусника родятся и, годомъ, бываетъ ихъ очень много, особенно морошки; грибы всѣхъ родовъ растутъ въ большомъ изобиліи. Рыбой и дичью край вообще обилуетъ. Замѣчателенъ способъ, употребляемый для ловли дикихъ гусей. Въ іюлѣ гуси линяютъ и летать не могутъ; тогда нѣсколько человѣкъ, отыскавъ стаю, сгоняютъ ее осторожно въ рѣку и вмѣстѣ плывутъ до сборнаго мѣста. Весь трудъ состоитъ въ наблюденіи, чтобъ стая не разъединялась; мѣстами, останавливаются на роздыхъ и кормятъ гусей. По прибытіи на сборное мѣсто, обставляютъ бока дороги тенётами и такимъ образомъ подгоняютъ всю стаю къ подмостамъ, постепенно поднимающимся, съ которыхъ гуси соскакиваютъ въ загонъ; тамъ ихъ колютъ. Мясо дичи, битой на мѣстѣ ловли, бываетъ очень жирно и вкусно; мясо пригонныхъ гусей хуже, но зато трудъ описанной ловли легче и притомъ убитыхъ гусей на мѣстѣ ловли сберегать труднѣе. Иногда подобная охота бываетъ такъ удачна, что въ продолженіе часа загоняютъ отъ 500 до 700 штукъ. На гусиный промыселъ ѣздятъ вверхъ по Колвѣ. Зимой ловятъ много куропатокъ, также, какъ и въ Усть-Усѣ, по тысячѣ, по двѣ и больше на семью. Ловятъ также и звѣрей. Медвѣдей много; ихъ видятъ нерѣдко близъ домовъ; иногда кормятъ лисицъ и стрѣляютъ зайцовъ и бѣлку. Рыбы много и въ Колвѣ и Усѣ.

Привычка къ кочевой, привольной жизни въ тундрѣ не оставила еще жителей Колвинскаго Погоста; они преданы праздности и любятъ потолковать расхаживая въ бездѣльѣ около своихъ новыхъ домовъ. Меня увѣряли, что лѣтомъ они часто ложатся спать съ восходомъ солнца, когда трудолюбивые земледѣльцы встаютъ и принимаются за работу. Не даромъ говоритъ пословица: «Что городъ, то норовъ, что деревня то обычай».

По словамъ отца Иннокентія, Губа Хайпудырская называется по имени впадающей въ нее рѣки Хейвы-де-Педеры*), что̀ значитъ по-самоѣдски страшный лѣсъ, который получилъ это названіе оттого, что служитъ кладбищемъ кочующимъ около него Самоѣдамъ; слѣдовательно губа эта должна именоваться не Хайпудырскою, а Хайвы-де-Педерскою.

*) Лепехинъ называетъ эту рѣку Хайвыдепы.

VII.

Слѣдованіе по Усѣ. — Мѣстности по берегамъ этой рѣки. — Р. Азьва. — Гора Адакъ. — Олень. — Рыболовы. — Р. Косья. — Р. Роговая. — Оленеводство. — Разсказъ Самоѣда. — Слѣды медвѣдей. — Р. Лёмва. — Торговля на устьѣ Лёмвы. — Путь на Обь изъ Карскаго Моря. — Хлопоты съ комарами. — Р. Кэчь-Пель. — Рыболовы.

Въ 10 часовъ утра я простился съ моими колвинскими знакомыми. Отецъ Иннокентій и г. Кастренъ проводили меня до рѣки Колвы и желали мнѣ счастливаго пути, предполагая, что я ранѣе 30 дней не возвращусь къ нимъ съ верховьевъ Усы. Около часа плыли мы по Колвѣ, и теперь потянулись бечевой по Усѣ. Она здѣсь очень широка, едва-ли не больше версты, а потому никакъ не вѣрится, чтобъ до истоковъ такой рѣки было ближе тысячи верстъ. Привыкши къ свѣтлой водѣ Печоры, какъ-то непріятно плыть по грязной водѣ Усы, которая такъ мутна, что на глубинѣ въ четверть аршина не видно ничего. Гдѣ брать воду для чая? подумалъ я, а изъ воды Усы нельзя надѣяться сдѣлать его, даже изъ лучшихъ цвѣтковъ ханскаго чая. Но проводникъ нашъ сказалъ, что у лѣваго берега вода чище. Въ Усу съ правой стороны впадаютъ рѣчки, текущія по болотистой почвѣ, а съ лѣвой — горные потоки. Мы убѣдились въ этомъ при первой надобности въ водѣ.

Вѣтеръ дуетъ съ востока, намъ противный. На бечевой двое рабочихъ; чрезъ каждые 4 часа одному смѣна.

10 часовъ вечера.

Здѣсь нѣтъ и чемкосовъ для исчисленія разстояній. Богъ знаетъ, много ли мы проплыли; но, разсчитывая ходъ по 3½ версты въ часъ, въ 11 часовъ мы проплыли около 40 верстъ. По разсказу

проводника, я записываю извѣстныя ему рѣки; въ какой степени справедливы его слова — не знаю.

Отъ устья Колвы въ 7 верстахъ, проплыли мы устье истока изъ 4-хъ озеръ, весьма обильныхъ рыбой, впадающаго въ Усу съ лѣвой стороны. Въ 15 верстахъ съ той же стороны впадаетъ рѣчка Седъ-ю, т. е. Черная Рѣка; она течетъ изъ болотъ. Затѣмъ мы шли около 7 верстъ параллельно съ высокимъ, глинистымъ материкомъ, на которомъ видны высокія и здоровыя лиственницы, и съ котораго стекаютъ двѣ маленькія рѣчки; теченіе рѣки постоянно съ SW.

Я былъ увѣренъ, что по Усѣ совершенно нѣтъ лѣсовъ, а теперь вижу, что ошибался. Въ 35 верстахъ отъ устья Колвы начинается большой островъ; за нимъ устье рѣки Сыни, впадающей съ лѣвой стороны; она течетъ изъ-за горы Сабли, до которой считаютъ отсюда около 300 верстъ. Отъ Сыни, въ отдаленіи отъ берега тянутся горы, мѣстами довольно-высокія покрытыя лѣсомъ.

20 іюля 4 часа пополудни.

Не останавливаясь, шли мы всю ночь; утромъ, я едва успѣлъ выкупаться, какъ подняли парусъ и западный вѣтеръ понесъ насъ довольно-скоро. Хорошо, что такъ, а то рабочіе начинали жаловаться на боль ногъ, съ непривычки.

Небо покрыто сырыми облаками; порой накрапываетъ дождь. Сегодня мы шли вдоль лѣваго берега.

Вчера въ 11 часовъ вечера подошли мы къ высокому острову, называемому Базанъ-ди*); онъ довольно-высокъ и покрытъ лѣсомъ.

Здѣсь впала съ лѣвой стороны рѣчка Таблядъ, шириной до 20 саж. и съ правой — двѣ маленкія; онѣ называются Базанъ-Ель.

Не доходя до острова, отъ праваго берега выдались въ рѣку нѣсколько плоскихъ каменныхъ мысовъ, или отмелей; особенно одинъ замѣчателенъ: за нимъ образовалась глубокая покойная гавань.

Около полуночи подошли мы къ лѣвому материку, и вдоль его тянулись до рѣки Макарихи, текущей изъ тундры; она шириной до 50 саж. Къ ней мы подошли въ 8 часовъ утра. Горы около нея называются Макариха-Щелья; подлѣ нихъ ровный, прекрасный бечевникъ.

*) Ди, по-зырянски — островъ.

Въ 10 часовъ вѣтеръ усилился; рѣка порядочно волновалась; мы довольно быстро неслись по ней; со всѣхъ сторонъ представлялись прекрасные виды. Горы, которыя мы миновали и къ которымъ подходимъ, отлогими холмами тянулись по обоимъ берегамъ, мѣстами покрытыя порядочнымъ сосновымъ лѣсомъ, индѣ мелкимъ ельникомъ; на горахъ зеленѣли кустарники, которые казались издали полями, засѣянными хлѣбомъ.

Въ 11 часовъ плыли мы немного въ направленіи къ N., а потомъ къ NW., но скоро поплыли по настоящему румбу на NO.

Въ 12 часовъ обошли крутой мысъ; подлѣ него широкая песчаная отмель; въ 2 часа вѣтеръ сталъ еще крѣпче; между высокими берегами материка русло рѣки сдѣлалось нѣсколько уже; обходили мысъ лѣваго берега. Здѣсь встрѣчаются довольно-крутые завороты съ NO къ NW, и обратно; мѣстами подлѣ рѣки лежатъ луга, а возвышенности тянутся въ отдаленіи. Въ 3 часа вѣтеръ началъ стихать. Теперь подошли къ рѣкѣ Пашъ-Піянъ-ю (рѣка Павловыхъ-Дѣтей); она течетъ изъ тундры; ширина ея до 20 саженъ; при устье рыболовная изба.

Мы плыли прямо, съ мыса на мысъ, по широкому раздолью Усы; волны покачивали лодку, разбиваясь о борты ея, и несли насъ все дальше и дальше въ пустыню. Меня радовало вѣянье попутнаго вѣтра; мнѣ казалось, Богъ благословляетъ трудъ мой на пользу общую и споспѣшествуетъ моему странствованію. Эта свѣтлая мысль навѣваетъ неизъяснимое спокойствіе, отгоняющее темныя думы.

Утромъ рабочіе смѣнились: двое спали, а двое были въ дѣлѣ; одинъ у руля, другой у паруса; послѣднюю должность исправлялъ Самоѣдъ Иванъ и съ любопытствомъ посматривалъ на меня, когда я писалъ мой дневникъ; казалось, онъ хотѣлъ спросить меня, для чего я мараю бумагу черной палочкой? между-тѣмъ онъ человѣкъ отлично-образованный для тундры: онъ свободно говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, хорошо по-зырянски, по-остяцки, языкомъ Ёгровъ или Манчей и порядочно по-русски. Знать пять языковъ — не бездѣлица. Днемъ долго лилъ дождь.

11 часовъ вечера.

Въ 5 часовъ опять подняли парусъ; вѣтеръ сталъ крѣпче; плыли

подлѣ высокаго сѣвернаго материка; бечевникъ очень хорошъ; въ дали видны возвышенности.

Въ 7 часовъ плыли къ N и къ NW. На южномъ низменномъ берегу есть озеро, въ версту длины; оно называется Заостровское, богато рыбой, которая заходитъ въ него въ большую воду; но зато сѣверный берегъ, и особенно мысъ его, покрытый темнымъ еловымъ лѣсомъ, очень высокъ.

Въ 8 часовъ плыли мы къ NW и все еще парусомъ. Уса замѣтно стала уже. Мѣстоположеніе сѣвернаго берега чрезвычайно красиво; по всему протяженію его рядъ отлогихъ холмовъ, обращенныхъ къ югу. Здѣсь течетъ рѣчка Панъ-ю, по которой видны такіе же холмы; нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, послѣ недавняго пожара, обнажены, другіе поросли березнякомъ и издали кажутся полями, за которыми невольно ищешь селенія.

Эти холмистыя мѣста должны быть сухи; почва хороша и, вѣроятно, удобна для хлѣбопашества. Южный берегъ луговой; трава на немъ въ два аршина; въ лѣсахъ дичь, въ рѣкахъ и озерахъ рыба; луговъ много. Для поселенія здѣсь приволье, только нужны трудъ и дѣятельность.

Въ 9 часовъ стихло и мы пошли бечевой. Сегодня, слава Богу, подвинулись далеко безъ труда рабочимъ; они хорошо отдохнули, что очень порадовало меня: въ случаѣ усталости или болѣзни, въ дикой пустынѣ ожидать пособія неоткуда.

Теперь идемъ къ NO. Между красивыхъ холмовъ сѣвернаго берега впадаетъ рѣчка Кушъ-шоръ. Слово кушъ значитъ голое или безлѣсное; шоръ — ручей; и дѣйствительно, мѣсто это безлѣсно. Окрестность похожа на обработанную землю; и невольно заходитъ въ голову мысль, что тутъ когда-то было поселеніе. Теперь тутъ слышенъ только вой волковъ и видны повсюду слѣды медвѣдей; приставая къ берегу, только ихъ и видишь — это настоящіе обитатели края.

2 часа пополудни.

Въ 11 часовъ шли къ NO. Здѣсь выпала изъ тундры рѣчка Миронъ-ю.

Въ 12 часовъ прошли мимо устья рѣки Азь-вы или Хырмора, которая течетъ изъ тундры; ширина ея въ устьѣ около 100 саж.;

течетъ же она, какъ говорятъ, нѣсколько сотъ верстъ, начинаясь отъ озера Вашуткина, которое въ окружности будто бы нѣсколько десятковъ верстъ. Въ Азь-ву впадаютъ рѣки: въ 150 верстахъ отъ устья Средняя Нядей-ты, т. е. Моховая-Рѣка, а въ 40 верстахъ—Харутъ. По берегамъ Азь-вы превосходныя пастбища, покрытыя разноцвѣтными мхами, на которыхъ пасутся тысячи оленей.

Ночь довольно-темна; небо въ тучахъ; едва ли не будетъ дождя.

Нѣсколько дней какъ мы въ пути, а уже не стало нѣкоторыхъ припасовъ. Правда, я не позаботился запастись мясомъ и хлѣбомъ; перваго почти не было, когда мы пошли по Усѣ; втораго взяли мои товарищи одинъ коровай; но у насъ ѣсть сухари, крупа, масло и квашеное молоко — шома евъ по-зырянски; изъ сухарей и крупы варимъ кашу; молоко замѣняетъ квасъ, вино и все, что́ угодно. Мы обѣдаемъ послѣ труда прекрасно, съ удовольствіемъ, какъ едва ли обѣдаютъ за роскошнымъ столомъ, составленнымъ изъ множества фантастическихъ кушаньевъ: трудъ и слѣдствіе его — аппетитъ, чудная приправа; а чай — это наша роскошь; я съ наслажденіемъ сижу за чаемъ въ моей маленькой лодкѣ, подъ парусинной крышей. Чай я пью утромъ послѣ купанья въ 7 часовъ; вечеромъ— въ 6 часовъ и никогда не нарушаю этого порядка. Изъ немногихъ оставшихся намъ привычныхъ удовольствій — питье чая лучшее, и я берегу его.

21 іюля, полдень.

Въ 5 часовъ утра, недоходя трехъ верстъ до горы Адакъ, мы прошли мимо Каменнаго Острова. Онъ отстоитъ, отъ сѣвернаго берега не далѣе 100, отъ южнаго около 200 саж. Этотъ островъ, длиною до 80, а шириною до 15 саж., возвышается надъ горизонтомъ воды около 4 аршинъ. Средина его выпуклая, края отлогіе; онъ состоитъ изъ сплошной массы известяка; въ полноводье Усы онъ бываетъ глубоко подъ водой, которая поднимается отъ 4 до 5 саженъ, что́ видно по чертѣ на береговыхъ горахъ. Идемъ прямо къ О и скоро поворотимъ на SO.

Въ 6 часовъ прошли мимо устья рѣчки Адакъ-бежъ-ель, впадающей съ сѣвернаго берега; отъ нея начинается круть горы Адака. Здѣсь Уса не шире 300 саженъ; дно каменистое. Противъ горъ

мѣста очень глубокія. Гора Адакъ служитъ рубежомъ, котораго дальше не поднимается, сельдь, по-зырянски зельдь, которой очень много въ Усѣ, и ловъ ея составляетъ немаловажную статью промысла. Ижемцы нарочно пріѣзжаютъ сюда ловить ее.

Утромъ мы видѣли въ ущельяхъ высокихъ береговъ глубокіе слои снѣга.

Всю ночь комары не дали спать—такъ было ихъ много; иногда сидишь въ такомъ густомъ дыму, что едва можно дышать, но и это отраднѣе, чѣмъ борьба съ безчисленной ватагой назойливыхъ насѣкомыхъ. Спасибо отцу Иннокентію: онъ подарилъ мнѣ сѣтку, которая порой защищаетъ меня отъ нихъ.

Уса измѣнилась здѣсь во многомъ: берега болѣе каменисты, вода свѣтлѣе, особенно у южнаго берега; это, видно, вода рѣки Косьи, или Косвы.

Въ 7 часовъ подошли къ Адаку. Прорвавши каменный хребетъ этихъ горъ, рѣка течетъ между высокихъ скалъ; онѣ известковой породы, цвѣта сѣраго, бѣловатаго и краснаго; нѣсколько каменныхъ глыбъ, отдѣлясь отъ горы, стоятъ какъ колонны; въ скалахъ лѣваго берега есть пещеры; между лѣсовъ, покрывающихъ горы, видѣнъ бѣлый мохъ. Въ верхнемъ концѣ горъ, съ праваго берега течетъ маленькая рѣчка Адакъ-Шоръ, а немного выше съ той же стороны — рѣчка Адакъ.

Хребетъ Адака, вѣроятно, отрасль Урала. Направленіе его отъ сѣвера къ югу и отъ русла Усы прямо къ верховью рѣки Косьи и къ Уральскимъ Горамъ, изъ которыхъ она истекаетъ. До него Уса течетъ въ направленіи къ сѣверу, въ горахъ заворачивается къ западу, а потому, пойдя скалы Адака, мы пошли почти прямо на S; передъ нами открылось предлинное плесо, верстъ на 15; вдали на южномъ горизонтѣ виднѣлись выси Уральскаго Хребта. Оба берега рѣки состояли изъ прекрасныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ и березовыми рощами. Въ одномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, мы видѣли слѣды цѣлаго стада оленей. Самоѣдъ, разсмотрѣвъ эти слѣды, увѣрялъ, что стадо было здѣсь небольше какъ за часъ до нашего прихода. Хребетъ Адака тянется вблизи отъ лѣваго берега Усы; мѣстами скалы его бѣлѣютъ среди темнаго еловаго лѣса и зеленыхъ кустарниковъ. Около трехъ верстъ выше мѣста, гдѣ Уса прорывается черезъ Адакъ, на лѣвомъ берегу есть ручей, въ которомъ течетъ тепловатая, мутная вода, имѣющая очень дурной запахъ и

будто-бы вредное влiянiе на здоровье. Миклей расказалъ мнѣ, что когда-то онъ, кочуя съ своими одноземцами, остановился чумомъ у этого ручья; олени съ жадностью пили изъ него воду и вскорѣ многiе пали. «Мы бережемся этого ручья», прибавилъ мой проводникъ: «это худое мѣсто».

Въ эти мѣста, около сентября мѣсяца, прикочевываютъ много Самоѣдовъ и Ижемцевъ; здѣсь есть хорошiя моховыя пастбища для оленей.

Плывя вдоль берега, мы издали увидѣли питомца тундръ — бѣлаго оленя, который, не замѣчая насъ, преспокойно пилъ воду. Мы подошли къ нему довольно-близко; его легко было застрѣлить, но мнѣ не хотѣлось лишить жизни это прекрасное животное. Лишь только онъ увидѣлъ насъ, поднялъ голову, быстро понесся по косогору, нѣсколько разъ останавливался, смотрѣлъ на насъ и наконецъ скрылся изъ виду.

Довольно-крѣпкiй вѣтеръ съ SO дулъ намъ почти на встрѣчу; мы поднимаемся вдоль праваго берега. Кругомъ прекрасные виды; мѣстами горы и холмы, покрытые зеленью; порой видны скалы Адака; впереди темнѣютъ возвышенности, изъ которыхъ течетъ рѣка Косья. Такихъ ландшафтовъ на Печорѣ немного; но кругомъ безжизненность, пустыня. Вдругъ Миклей прервалъ мои думы: «Вонъ лодка видно!» — сказалъ Самоѣдъ. Я едва въ трубу разсмотрѣлъ ее вдали. Зрѣнiе Самоѣдовъ удивительно: ихъ узкiе глаза видятъ далеко. Мы видѣли только чернѣющую точку, а онъ различилъ лодку и сосчиталъ число проѣзжихъ. Лодка — необыкновенное явленiе на Усѣ — привлекла наше общее вниманiе. Скоро темное пятно стало принимать и для насъ форму лодки. Мы думали, что плывутъ Самоѣды; но когда они поравнялись съ нами, мы узнали въ проѣзжихъ Ижемцевъ, возвращавшихся съ рыбнаго промысла отъ устья Косьи, и они давно замѣтили насъ и давно перестали грести, увидя лодку съ парусинной крышей. Ихъ четверо. 27 iюня выѣхали они изъ дому, и по Косьѣ въ двѣ недѣли успѣли выловить и посолить до 100 пудъ чировъ, сиговъ и пелядей; ловъ идетъ удачно. На обратномъ пути они будутъ еще неводить у горы Адака. Еслибъ имъ поймать еще столько же рыбы — то они и довольны. Въ половинѣ августа они надѣются быть дома; по Косьѣ они видѣли до 30 рыболововъ. Я купилъ у нихъ свѣжей рыбы и икры и попотчивалъ виномъ. Затѣмъ мы простились съ взаимнымъ

желаніемъ успѣха. Разстоянія по Усѣ у нихъ измѣрены по-своему; близко ли къ настоящему ихъ измѣреніе, повѣрить трудно, но должно думать, что они едва-ли ошиблись во многомъ: отъ устья Усы вверхъ до Косьи считаютъ путь на 7 дней, отъ Косьи до Лёмвы на 4 дня и отъ Лёмвы до Ельца на 4 дня; стало-быть, устье Косьи почти на половинѣ пути. Мы шли до него безостановочно бечевой и парусомъ 52 часа; полагая среднiй ходъ по 5 верстъ въ часъ, значитъ мы прошли 260 верстъ. Ижемцы считаютъ 250. Мы сходимся въ исчисленіи довольно-близко. Здѣсь видимъ много большихъ съ голубыми крыльями чаекъ.

10 часовъ вечера.

Сегодня раза три шелъ сильный дождь; рабочіе перемокли, но тепло и тихо — лучшая пора для комаровъ, нашихъ недруговъ.

Въ часъ пополудни начали заворачиваться къ O, въ 2 часа къ NO, а въ три часа уже къ NNO. Здѣсь впадаетъ, съ лѣвой стороны по теченію Усы, которую я называлъ южной, большая рѣка, Косья, вытекающая изъ Уральскихъ Горъ; она шириной едва-ли менѣе 150 саженъ. Утромъ видны были вдали горы хребта, подлѣ которыхъ она течетъ съ юга. Отъ устья Косьи Уса становится гораздо у́же. Съ заворотомъ къ NO, мы начали отходить отъ высокихъ мѣстъ, между которыми текутъ свѣтлыя воды Косьи и отъ хребта Адака. Здѣсь берега Усы низменные, луговые. Какое обширное скотоводство можно бы имѣть на этихъ пространныхъ пастбищахъ!

Нѣсколько верстъ выше устья Косьи, съ той же стороны, впадаетъ рѣчка Малая-Кочьма; еще немного выше — Большая-Кочьма, которая шириной около 50 саженъ; обѣ онѣ текутъ изъ горъ.

Сегодня мы сдѣлали большой обходъ, думаю около 40 верстъ, а прямымъ путемъ было бы не больше 10. Сначала долго шли къ S и къ SO, потомъ къ O и къ NO и даже къ NNO, а въ 9 часовъ заворотили опять къ O. Здѣсь встрѣтили мы острова и отмели. Уса разливается широко. Слава Богу, начинаетъ выяснивать; не будетъ ли холоднѣе? это отгонитъ комаровъ.

22 іюля, полдень.

Въ три часа пополуночи прошли мимо устья рѣки Малой, а въ

4 часа Большой-Роговой, текущихъ въ Усу съ праваго берега; Большая называется по-самоѣдски Хурморъ; она неменьше Колвы; устье ея въ 3 верстахъ отъ Малой. Эта рѣка образуется довольно-далеко въ тундрахъ, изъ озеръ, вблизи одной изъ отраслей Больше-земельскаго Хребта. По берегамъ ея много моховыхъ равнинъ; противъ устья есть изба, принадлежащая одному изъ богатѣйшихъ ижемскихъ оленеводовъ. По словамъ Миклея, у него до 8000 оленей; кромѣ того, значительный наличный капиталъ. Въ концѣ ноября стада подходятъ къ устью Хурмора, гдѣ часть ихъ бьютъ. Назначеніе — сколько убить, зависитъ частью отъ приплода, частью отъ здоровья оленей. Говорятъ, бывали годы, что у этого оленевода убивали здѣсь больше тысячи оленей. Мясо идетъ въ продажу или въ мѣну Самоѣдамъ на пушные товары; обыкновенная цѣна отъ 3 до 4 р. за тушу. Языки и сало везутъ въ Ижемскій Погостъ, откуда отправляютъ въ Архангельскъ или на ярмарки; изъ кожъ въ Ижмѣ дѣлаютъ замшу, которую продаютъ Галичанамъ и въ Москву, а часть употребляютъ на перчатки, приготовляемыя для продажи. Полагая все въ цѣну, выходитъ, что олень даетъ до 10 р. ассигн., а именно: мяса на 4 р., сала до 10 ф. по 15 к. — на 1 р. 50 к., языкъ — 20 к., кисы, т. е. кожа съ ногъ — 30 к., кожа — 4 р.; слѣдственно, отъ 1000 оленей можно выручить до 10,000 р. асс. Сверхъ того, мѣна даетъ еще значительныя прибыли промышленикамъ отъ привозныхъ товаровъ въ тундру и вымѣниваемыхъ отъ Самоѣдовъ; а содержаніе стадъ стоитъ имъ очень немного, да и за трудъ они платятъ оленями, или мясомъ, но рѣдко деньгами. Разумѣется, и въ этой промышлености бываютъ черные годы: иногда распространяются въ стадахъ болѣзни; иногда много оленей гибнетъ отъ недостатка корма.

Мѣста все еще низменны; идемъ въ направленіи къ NO и порой къ N. Въ 8 часовъ подняли парусъ; вѣтеръ отъ SW; но вотъ забѣжали за острова въ мелководный протокъ и должны версты двѣ спуститься обратно. Въ 9 часовъ вѣтеръ крѣпче; берега однообразно-низки, только мѣстами есть небольшіе боровые мысы.

Въ 11 часовъ видѣли на сѣверномъ берегу рыболовную избу: здѣсь и промышленная хижина привлекаетъ вниманіе. «Что это за изба?» спросилъ я Миклея по-зырянски. Съ флегматическимъ спокойствіемъ Самоѣдъ отвѣчалъ: «Изьватасъ лэнъ керка» т. е. Ижемцевъ изба, и замолчалъ. Его нескоро вызовешь на разговоръ.

Въ 12 часовъ спустили парусъ; обходимъ мысъ южнаго берега по направленію къ O, но скоро пойдемъ къ N и, кажется, къ NW. Сѣверный берегъ высокъ, и такимъ ровнымъ крутымъ скатомъ склоняется къ гладкому, чудесному бечевнику; рѣки и кустарники такой красивой аллеей расположены на немъ, что невольно подумаешь, не набережная ли это, устроенная искусствомъ человѣка?

22 іюля, 9 ч. вечера.

Въ часъ пополудни рабочіе отдыхали. Мы опять бѣжали подъ парусомъ. Самоѣдъ Миклей сидѣлъ на носу лодки и мы разговаривали съ нимъ по-зырянски о тундрѣ. Передаю въ переводѣ его разсказъ.

«Въ тундрѣ намъ весело (говорилъ онъ); зиму откочевавши въ лѣсахъ, или около камня, гдѣ боръ и мохъ, тамъ и житье зимой со стадомъ; лѣтомъ идемъ въ тундру, на сѣверъ. На одномъ мѣстѣ живемъ день, иногда два, три и даже пять, пока есть кормъ для оленей. Зимой олень добываетъ бѣлый мохъ изъ-подъ снѣга, а лѣтомъ иногда питается травой и листьями керча,*) котораго въ тундрѣ много. Зимой тамъ бываютъ страшныя вьюги и мятели, а потому жить нельзя; но лѣтомъ хорошо: днемъ тепло, даже иногда жарко, а ночью прохладно. Ну, и одѣнешься потеплѣ, да за то нѣтъ комаровъ: не обидно ни намъ, ни оленямъ. Въ тундрѣ мы почти всѣ знаемъ другъ друга; бываемъ рады встрѣчѣ съ родными и пріятелями. Лѣтомъ берестяные чумы видны далеко; иногда на виду по холмамъ нѣсколько чумовъ; мы даже по дыму узнаемъ кочевья не за одинъ десятокъ верстъ, и знаемъ чей долженъ быть тамъ чумъ. Богатымъ, вѣстимо, вездѣ лучше. Иной только встанетъ, запряжетъ въ легкія сани отличную тройку быковъ **) и летитъ по тундрѣ къ чуму друга; тамъ его принимаютъ радушно; иногда для дорогаго гостя заколютъ жирнаго оленя, полакомятся его теплымъ мясовъ и кровью (мы ѣдимъ сырое и пьемъ кровь: это намъ кажется очень вкуснымъ); пируютъ и ѣдятъ цѣлый день, иногда два, три; гостей сбирается много, до десятка, и больше. Если есть вино — такъ ужъ полный пиръ. Да, богатые живутъ весело;

*) Растеніе, не выше 3 четвертей аршина съ мелкими листьями.

**) Быками называютъ кладеныхъ оленей.

и о чемъ имъ думать, когда есть сотъ пять оленей? Для присмотра у нихъ наняты работники; обыкновенная плата въ годъ пять и шесть оленей, готовая пища и платье; то и другое отъ оленя. Для присмотра за стадомъ людей нужно немного: на пятьсотъ, даже на тысячу довольно двухъ человѣкъ, а троимъ можно управиться и съ двумя тысячами, потому-что настоящіе-то сторожа — сабаки. Зато ихъ и цѣнятъ дорого: за лучшую собаку даемъ два, три и даже четыре оленя. Къ тысячѣ оленей довольно трехъ добрыхъ собакъ. Олени, на которыхъ мы ѣздимъ, цѣнятся дороже: за иного не возьмутъ пяти простыхъ, особенно за передоваго; такихъ холятъ какъ лошадей. Зимой пара, а лѣтомъ тройка, или четверка одного сѣдока несутъ довольно-быстро, безъ остановки, верстъ по пятидесяти. Большими стадами кочевать неудобно, и потому раздѣляютъ ихъ. Лѣтомъ въ одномъ стадѣ ходитъ оленей по тысячѣ и больше, а зимой меньше: тогда трудно находить кормъ. Жены и дочери наши дѣлаютъ чумы, приготовляютъ изъ жилъ оленя нитки, шьютъ платья и обувь, готовятъ пищу; есть такія, которыя только и живутъ шитьемъ. Да́, лѣтомъ въ тундрѣ очень весело! Иногда подвигаешься понемногу впередъ и вдругъ видишь вдали, на высокомъ мѣстѣ домы; подумаешь, деревня—откуда взялась? Знаешь, кругомъ нѣтъ жилья; вотъ и подойдешь ближе и увидишь одни бугры. Тундра неровна, все холмы; иные круты, другіе отлоги, а есть и высокія горы; виды красивы; почти вездѣ сухо; иногда ѣдешь цѣлый день—и олень копыта не замочитъ. Мѣстами бѣлый, черный и красный мохъ. Сырыя и болотистыя мѣста покрыты бѣлоголовчатою травой*), издали словно снѣгъ лежитъ. Правда, и его есть немало за холмами, въ рытвинахъ и подъ крутыми берегами рѣкъ. Озеръ у насъ много; иныя очень велики и глубоки. Мы спускали въ одномъ озерѣ камень на веревкѣ до 100 саж. и не достали дна, а вода такъ свѣтла, что на двѣ сажени видѣнъ песокъ. Въ одномъ мѣстѣ на большомъ озерѣ есть островъ; онъ весь, я думаю, изъ мѣдной руды разныхъ цвѣтовъ: зеленаго, чернаго и мѣдянистаго. А сколько въ озерахъ всякой рыбы—и сиговъ, и пелядей, и чировъ! Ловимъ большими неводами. Бывало, закинешь и столько вытянешь, что достанетъ рыбы не на одинъ день; иногда мелкую дѣвать некуда: соли у насъ нѣтъ. Крупная рыба жирна и вкусна. Ну, хлѣ-

*) Болотный пухъ.

бомъ мы небогаты; иногда муку привозимъ отъ Ижемцевъ. Да можно и безъ нея жить. Рѣкъ по всей тундрѣ много; есть быстрыя и съ каменными берегами. Множество гусей и утокъ прилетаютъ на рѣки и озера; но и кромѣ ихъ, въ тундрѣ много разныхъ птицъ; кажется, тамъ птицы всѣхъ родовъ, какія есть на свѣтѣ. Послѣ этого, какъ же не весело въ тундрѣ! То кочуешь, то остановишься у озера неводить рыбу, или кулемами ловишь песцовъ; проворный промышленикъ поймаетъ ихъ много, до сотни и больше. Лѣтній звѣрь недорогъ; отдаемъ песца по рублю, а зимніе по три рубля; голубыхъ мало; за нихъ-то платятъ по 7 руб. и дороже. Годомъ родится морошка; мы запасемъ ее на зиму. Когда самъ и стадо здорово, да промыселъ удаченъ — гдѣ же можно жить веселѣе, какъ не въ тундрѣ?

Зачѣмъ же ты переселился къ Колвинскому Погосту, когда такъ весело въ кочевьѣ по тундрѣ?» спросилъ я.—«Да, такъ, и самъ не знаю зачѣмъ. Женился; а жена хочетъ жить въ деревнѣ — и я отъ того не прочь. Можетъ быть, и здѣсь будетъ хорошо» — отвѣчалъ онъ. «Въ погостѣ, разумѣется, будетъ лучше» сказалъ я: — тамъ и благовѣстъ слышишь, тамъ и въ церковь — помолиться сходишь. — «Да, правда, веселѣе, веселѣе», съ выраженіемъ удовольствія отвѣчалъ Миклей.

По разсказамъ Миклея и другихъ, тундра представляется пространствомъ неровнымъ, топкимъ и болотистымъ. Это безлѣсная степь сѣвера, богатая птицами и животными, по которой тянутся высокіе хребты, холмы и горы; она усѣяна множествомъ свѣтловодныхъ озеръ, прорѣзана рѣками и рѣчками, изобилующими рыбой, покрыта разноцвѣтными моховыми коврами, гдѣ пасутся сотни тысячъ оленей и кочуютъ коренные обитатели страны, Самоѣды, и дѣятельные пришельцы съ береговъ Ижмы, завладѣвшіе всѣми выгодами края, богатаго, по своему положенію, дарами природы. Развѣ не богатство — мохъ, питающій оленей, дичь и рыба, обезпечивающія существованіе полудикихъ обитателей тундры?

Въ 2 часа открылось передъ нами, въ направленіи къ О, предлинное плесё, верстъ около 13. Оба берега становятся высоки; холмы доходятъ мѣстами до самой рѣки; они покрыты еловымъ лѣсомъ; паденіе воды довольно-сильно. Вдали на горизонтѣ видны выси Урала. Въ 4 часа мы прошли мимо устья рѣки Ольховой, впадающей съ южной стороны. Противъ нея, по сѣверному берегу

тянется прекрасный боръ. Въ 5 часовъ миновали устье рѣки Безъимянной. Она впадаетъ между высокихъ горъ южнаго берега, покрытыхъ мѣстами лѣсомъ и бѣлымъ мохомъ. Эта рѣчка около 25 саж. ширины. Идемъ къ N. Довольно-долго шелъ я пѣшкомъ по высокому моховому бору, покрытому рѣдкимъ лѣсомъ, но попалъ на свѣжій слѣдъ большаго медвѣдя, и не рѣшился отдалиться отъ берега, чтобъ не встрѣтиться съ косматымъ обитателемъ пустыни. Медвѣдей здѣсь очень много; слѣдовъ ихъ пропасть.

Съ берега чудные виды; на восточномъ горизонтѣ, въ туманѣ облаковъ, порой видны громады Урала; противоположный берегъ уравненъ какъ-будто по ватерпасу и обсаженъ ельникомъ.

Въ 6 часовъ прошли мы мимо устья рѣки; это едва-ли не Большая Ольховая; она впадаетъ съ южной стороны, а на сѣверномъ берегу въ этомъ мѣстѣ изба рыболововъ.

Если бы не было облачно, то хребетъ Урала постоянно былъ бы виденъ на SO.

Здѣсь Уса неширока, едва ли больше 200 саж.; иногда высокій материкъ подходитъ къ самой рѣкѣ, иногда даетъ мѣсто низменному берегу съ каменистымъ бечевникомъ. Въ 10 часу такъ стемнѣло, что я досталъ огня. Идетъ дождь; вѣтеръ съ востока.

Въ 11 часовъ стало тихо; комаровъ опять тма. Идемъ въ направленіи къ О.

Около полуночи прошли устье рѣки Лёмвы, впадающей съ южной стороны; она едва ли здѣсь не больше Усы. Лёмва течетъ изъ Уральскихъ Горъ; на протяженіи 50 верстъ отъ Устья въ нее впадаютъ три довольно-большія рѣки, названія которыхъ не могли мнѣ сказать. На низменномъ мысу, при сліяніи Усы и Лёмвы, стоитъ нѣсколько избъ, временно обитаемыхъ; вокругъ до десятка амбаровъ, занятыхъ товарами и припасами Ижемцевъ. Зимой здѣсь бываетъ порядочный торгъ — размѣнъ произведеній тундры на потребности ея жителей. Самоѣды и Ёгры тогда прикочевываютъ къ этимъ мѣстамъ, или пріѣзжаютъ сюда, какъ на рынокъ, съ плодами своихъ промысловъ; они привозятъ сало, оленьи кожи, шкуры звѣрей, рыбу, кожи морскихъ животныхъ и проч. Ижемцы вымѣниваютъ эти товары на хлѣбъ, иногда на оленье мясо и разныя мелочи и покупаютъ на деньги. Прежде они привозили вино — самый выгодный товаръ для размѣна, потому-что на чарку водки Самоѣды охотно промѣнивали иногда шкуру песца, или лисицы. При-

страстіе къ крѣпкимъ напиткамъ, свойственное всѣмъ дикимъ племенамъ, объясняетъ такой невыгодный для нихъ торгъ; но оно также есть одинъ изъ источниковъ нынѣшняго благосостоянія ижемскихъ оленеводовъ и быстраго разстройства въ этой промышлености Самоѣдовъ.

Здѣсь живутъ иногда и рыболовы. Извѣстно, по преданіямъ, что въ старину по Усѣ доставлялись произведенія Зауралья къ торговцамъ Великаго Новгорода. Тогда, можетъ быть, размѣнъ дѣлался на значительныя суммы; можетъ быть, здѣсь былъ огромный базаръ, куда стекались тысячи кочующихъ Уральцовъ, потому-что это былъ едва-ли не единственный путь изъ Сибири; но теперь проложены другіе пути, и здѣсь сбываются только одни избытки сѣверныхъ тундръ.

Кромѣ судоходнаго пути по Усѣ и Соби, были еще за Уралъ пути по Щугорѣ и Илыдзѣ къ рѣкамъ Сосвѣ и Вогулкѣ, которыя современемъ замѣнились морскимъ путемъ на судахъ, называвшихся кочами. На нихъ отправлялись изъ самаго Архангельска, мимо Острова Калгуева черезъ Вайгачскій Проливъ и Карское Море, изъ котораго входили въ устье Рѣки Мутной. Бассейнъ водъ этой рѣки перерѣзываетъ мысъ Елмаль. Пройдя пять дней по Рѣкѣ Мутной и черезъ два озера, въ окружности каждое отъ 10 до 12 верстъ, доходили до волока, гдѣ, чрезъ перешеекъ около 2 верстъ, перетаскивали кочи въ Озеро Зеленое, изъ котораго истекаетъ Рѣка Зеленая, и по ней спускались въ Обскую Губу. Сколько извѣстно, на этомъ пути имѣли дѣла жители города Архангельска, но также производили торгъ Англичане и Голландцы, которымъ, однакожъ, въ 1620 году, плаваніе по Сѣверному Океану было воспрещено, въ томъ предположеніи, что, покупая пушные товары отъ кочующихъ инородцевъ, они затрудняли сборъ ясака.

Предпріимчивый торговецъ, изъ граждан устьсысольскихъ А. Л. Сухановъ производилъ много лѣтъ торговлю съ Самоѣдами; онъ неоднократно зимовалъ на Лёмвѣ; изба его и теперь еще существуетъ въ трехъ верстахъ отъ устья; иногда тамъ живутъ Ижемцы. Въ дѣтствѣ я слыхалъ о его поѣздкахъ на Усу. Какъ отдаленны казались мнѣ тогда эти мѣста! Теперь случай самого привелъ посѣтить ихъ. Нѣньче я не заѣхалъ въ Лёмву; побываю на возвратномъ пути.

Тороплюсь, чтобъ не остановить ходъ лодки даже и на полчаса.

Рабочіе ужинаютъ попеременно. Ночь темна; на очагѣ пылаетъ огонекъ.

10 часовъ утра 23 іюля.

Отъ Лёмвы Уса стала уже на половину. Ночью были мѣста, неудобныя для хода бечевой; но это случалось рѣдко: бечевникъ вездѣ почти хорошъ, а оттого идемъ довольно-успѣшно.

Направленіе постоянно къ O, съ небольшими уклоненіями къ NO, и иногда къ N. Теперь Уса течетъ въ твердомъ руслѣ; берега каменисты и довольно-высоки; ни островов, ни мелей нигдѣ нѣтъ кромѣ устья Лёмвы. Въ 9 часу обошли крутой каменистый мысъ; по берегамъ мелкій еловый лѣсъ, разсѣянный по красивымъ возвышенностямъ, мѣстами покрытымъ мохомъ. Теченіе воды тихо; рѣка очень глубока. Подняли парусъ. Отъ берега тянутся длинныя косы, усѣянныя булыжникомъ; на нихъ теченіе довольно-быстро. Продолжается дождь. Здѣсь уже рѣдки длинные плёсы; рѣка становится извилистой; вода цвѣта зеленоватаго.

Проводникъ мой когда-то былъ ниже Лёмвы, по Усѣ, но этими мѣстами всѣ мы идемъ въ первый разъ; угадаемъ ли устье Ельца? Не своротимъ ли вмѣсто этой рѣки въ другую? — иногда думаю я.

Часъ за полночь.

Съ полдёнъ шли мы къ N и даже нѣсколько къ NNW; берега каменисты; теченіе становится быстрѣе. Въ 2 часа, подлѣ каменной косы, круто поворотили къ SW. Уса начинаетъ походить на горный потокъ; берега и дно устланы камнемъ. Нерѣдко наша утлая ладья испытываетъ сильные толчки. Днемъ на юго-восточномъ горизонтѣ, между облаковъ, были видны Уральскія Горы. Одинъ отрогъ возвышался надъ массой; его называютъ Самоѣды Лагорта, какъ говоритъ Миклей, по имени богатаго оленевода изъ племени Ёгровъ, котораго постоянное кочевье у подошвы этой горы.

Часто льетъ дождь. Двойная досада на ненастье: во-первыхъ, идемъ медленнѣе; рабочіе, промокши скорѣе устаютъ; во-вторыхъ, сколько прекрасныхъ картинъ скрыли отъ насъ эти темныя тучи! Уральскія Горы цѣлый день были въ виду.

Рабочіе гонялись за линялыми гусями, но ни одного не поймали, а эта добыча улучшила бы нашу провизію: каша надоѣла.

Въ 3 часу проходили мимо прекраснаго крутаго берега, мѣстами поросшаго то мелкимъ ельникомъ, то бѣлымъ мохомъ. Здѣсь лѣсовъ уже меньше и притомъ они негусты.

Въ 4 часу опять шли нѣсколько къ NW; направленіе рѣки безпрерывно измѣняется; чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться каменныя косы. Выдаваясь въ рѣку, онѣ образуютъ не большія, но очень глубокія гавани. Берега отмѣнно красивы, мѣстами опушены березникомъ; въ рѣкѣ подлѣ берега большіе камни.

Въ 9 часовъ было тихо; нельзя пробыть и 5 секундъ, не отмахиваясь отъ комаровъ; они насъ замучили. Подлѣ меня поставленъ котелъ съ угольемъ, на него безпрерывно подкладываю можжевельникъ; сижу въ густомъ дыму. Рабочіе мои изъ мѣстъ, обильныхъ комарами, но и они удивляются множеству ихъ по Усѣ.

Здѣсь очень много бѣлыхъ небольшихъ чаекъ; только онѣ и оживляютъ безмолвіе пустыни; голубокрылыхъ уже нѣтъ.

Часу въ 11 я шелъ по берегу и любовался прелестно-чудною картиною горъ, на которыхъ играли лучи заходящаго солнца. Мѣстами тянулись блестящія бѣлыя полосы снѣжныхъ сугробовъ; мѣстами казалось, что цѣлыя скалы были покрыты свѣтлорозовыми, темными и синими цвѣтами; вершины нѣкоторыхъ горъ виднѣлись въ блескахъ. Я шелъ по безлѣсной, холмистой долинѣ; вдали кое-гдѣ торчали группы елей — это уже тундра; кругомъ холмы; ихъ перерѣзываетъ свѣтлая полоса рѣки — это нашъ путь въ невѣдомую для насъ пустыню. Берегъ покрытъ каменьями; въ одномъ мѣстѣ складена изъ нихъ колонна, вышиной около сажени; вѣроятно, въ память чьего-либо ночлега. Множество птичекъ, въ родѣ воробьевъ, порхали въ мелкихъ кустарникахъ. Вѣтеръ съ N вѣетъ холодомъ, и немудрено: мы уже вблизи полярнаго круга и не вдалекѣ отъ Уральскихъ Горъ.

Въ 12 часу прошли мимо устья рѣчки, впадающей съ южной стороны; шириной она до 20 саженъ.

11 часовъ утра, 24 іюля.

Ночью былъ вѣтеръ. Холодно, но зато давно не наслаждались такимъ спокойствіемъ: комары исчезли. Мы теперь среди настоящей тундры; рѣдко видимъ лѣсъ; всюду мѣста открытыя, холмы и долины. Берега такъ красивы, какъ-будто нарочно выровнены,

сглажены, выстланы дерномъ и индѣ усажены кустарниками. Вы не успѣете полюбоваться однимъ мѣстомъ, какимъ-нибудь дальнимъ холмомъ, и вотъ, по направленію рѣки, нѣсколько далѣе, показываются новыя долины, рощицы; возвышенности еще красивѣе прежнихъ. Ручьи и рѣчки разрѣзываютъ тундру, образуютъ овраги; берега ихъ опушены кустарниками, кой-гдѣ даже елями, а они здѣсь становятся рѣдкостью.

Сегодня прекрасная погода; небо ясно.

Часовъ въ 11 я вышелъ на берегъ посмотрѣть не видно ли горъ. У самаго берега замѣтили, сажени на двѣ квадратныхъ, измятую траву: нетрудно было рѣшить кто покоился здѣсь въ эту ночь; потомъ мы увидѣли и слѣды большаго медвѣдя. Говорятъ, что комары и медвѣдямъ не даютъ покоя; отбиваясь отъ нихъ, медвѣдь валяется по травѣ и губитъ назойливыхъ насѣкомыхъ. Когда я поднялся выше, передо мной открылась широкая долина, усѣянная холмами, изрѣдка группами елей и кустарниковъ и прорѣзанная широкимъ русломъ Усы. Вдали на горизонтѣ, какъ темная туча, тянулся хребетъ Урала; на южныхъ склонахъ рѣчнаго берега пестрѣло множество цвѣтовъ; вдали кое-гдѣ группы елей покрывали отдѣльные гребни возвышенностей, похожихъ издали на небольшие хребты горъ; мѣстами лежали сугробы снѣга — здѣсь будто все еще начало весны.

12 часовъ ночи.

Въ полдень шли прямо къ N. Впереди отъ запада въ направленіи къ востоку тянулся высокой хребетъ горы; подлѣ нея русло Усы заворачивается къ O.

Миклей увѣряетъ, что мѣстоположеніе Больше-земельской Тундры точно таково, какъ мы видимъ здѣсь. Если это правда, то неудивительно, что онъ съ восторгомъ говоритъ о своихъ кочевьяхъ. Жаль, что въ эту пору Самоѣды откочевываютъ къ сѣверу и мы не увидимъ ихъ переходныхъ поселеній съ многочисленными стадами, оживляющими мертвенность этой пустыни; да, мы не увидимъ того, что́ составляетъ жизнь края.

Въ 1 часу встрѣтили мы у сѣвернаго берега стадо гусей, которые торопливо тянулись на гору. Мы пристали къ берегу и пустились за ними въ погоню; четыре гуся были добычею нашей ловли.

Въ часъ пополудни подошли мы къ устью рѣки Сейда-ю, или Сіо-яго. Она течетъ изъ озера Хорвея, или Харвея, и впала въ Усу подлѣ сказаннаго кряжа горъ отъ W. Вода въ этой рѣкѣ такъ мутна, что едва ли можно употреблять ее въ пищу: это гуща грязи. Изъ русла этой рѣки вѣяло холодомъ; истоки ея, говорятъ довольно-далеко. Въ устьѣ она шириной около 40 саженъ.

Вотъ и по берегамъ Усы показались снѣжные сугробы.

Немного бѣжали парусомъ; но здѣсь плёсы рѣки уже не длинны; рѣдко идемъ версту по одному направленію.

Въ 4 часа круто поворотили къ N и потомъ къ NNW; миновали нѣсколько каменныхъ косъ. Мѣстоположеніе также красиво; виды безпрерывно измѣняются. Здѣсь уже лѣсъ не достигаетъ полнаго возраста; самыя высокія деревья не больше 4 и много уже 5 саженъ; часто видишь группы посохшихъ елей.

6 часовъ.

Ближе и ближе подходимъ къ Уральскому Хребту; почти постоянно видимъ его на югѣ. Я шелъ по сѣверному берегу рѣки и поднялся на вершину одного холма. Мнѣ кажется, отъ русла рѣки онъ возвышается неменьше ста саженъ. Долго я стоялъ на немъ — такъ прекрасны казались мнѣ окрестности! Съ южной стороны, противъ холма, впадаетъ въ Усу рѣчка Кэчь-пель, чтó значитъ по-зырянски заячье-ухо. Она, какъ горный потокъ, шумѣла и пѣнилась по довольно-крутому скату въ каменистомъ руслѣ, окруженномъ высокими берегами. До меня доносился шумъ ея стремленія. При устье Кэчь-пелы, на лѣвомъ берегу ея, среди еловой рощи и березника, находится рыбачья изба; подлѣ нея амбаръ. Здѣсь порой живутъ промышленики. Кэчь-пель обильна рыбой.

По берегу много цвѣтовъ, особенно незабудокъ. Здѣсь мѣстами берегъ покрытъ рѣдкимъ лѣсомъ, но между нимъ много посохшихъ деревъ.

Въ 9 часовъ шли къ NO; и въ той сторонѣ показались на горизонтѣ горы Урала, ближе и ближе подходимъ къ нему, быстрѣе и быстрѣе становится Уса, особенно, гдѣ есть каменныя косы. На бечевѣ работаютъ уже двое.

Въ 10 час. прошли мимо устья рѣчки Воркоты. Она течетъ изъ болотъ и впадаетъ съ сѣверной стороны. Противъ устья этой рѣки большой островъ.

Въ полночь мы увидѣли на сѣверномъ берегу огонь и вокругъ него людей. Это были ижемскіе рыболовы; я обрадовался встрѣчѣ съ ними, въ надеждѣ узнать что-либо отъ нихъ объ Ельцѣ, о пути къ Уральскимъ Горамъ и къ порубежнымъ озерамъ. Немедля мы пристали къ берегу. Рыболововъ было пятеро; они надняхъ приплыли отъ Ельца; тамъ у нихъ другая артель. Прежде до этихъ мѣстъ рыболовы рѣдко поднимались; но хорошій промыселъ въ прошломъ году одной артели, которая наловила до 200 пудъ рыбы, возбудилъ охоту и въ другихъ. Теперь ловъ еще неудаченъ; ждутъ хода харьюзовъ.

По нашему соображенію, мы прошли по Усѣ около 500 верстъ; а какъ отъ Ижмы до Усы до 400, слѣдовательно Ижемцы за 900 верстъ отъ своего дома ходятъ на рыбные промыслы.

Отъ этого мѣста начинается большой островъ. Рыбаки совѣтовали намъ идти подлѣ лѣваго берега. По одному руслу до Ельца около 20 верстъ, по другому — больше 30.

Они подарили намъ на дорогу рыбы, а я попотчивалъ ихъ водкой. Ночью густыя тучи скрыли горизонтъ; поднялся сильный вѣтеръ; полилъ дождь.

VIII.

Чумъ рыбаковъ на устьѣ р. Ельца. — Рыбакъ Никита. — Путь по Ельцѣ. — Виды по берегамъ Ельцы. — Пороги. — Охота за гусями. — Пѣшеходный путь къ Уралу. — Раздѣльный пунктъ. — Озера. — Лебедь. — Богородская трава. — Мѣстность въ ложбинѣ. — Возвращеніе къ лодкѣ. — Возвратъ въ чумъ на Усѣ. — Предположеніе о судоходномъ пути съ Оби къ Печорѣ. — Рѣка Чусовая. — Искусственные пути къ Петербургу съ Волги. — Промышленость въ Сибири. — Встрѣча съ рыболовами. — Чумъ на устьѣ Лёмвы. — Разсказъ Самоѣда о Карачеяхъ, объ Ижемцахъ. — Разсказы ночью. — Успѣшный сплавъ по Усѣ. — Возвратъ въ Колвинскій Погостъ.

10 *часовъ утра 25 іюля, въ чумѣ рыболововъ, на устьѣ рѣки Ельца.*

Какъ тепло и хорошо въ берестяномъ чумѣ, хоть и дымно! Огонекъ пылаетъ въ срединѣ; на таганахъ висятъ котлы; кругомъ и хозяева и гости; кто сидитъ, кто лежитъ, кто готовитъ обѣдъ. Всѣхъ насъ 11 человѣкъ. Шумно воетъ кругомъ буря въ безлѣсномъ пространствѣ; порой крупныя капли дождя стучатъ въ бересто чума, а дымъ, встрѣчая отъ дождя препятствіе къ выходу, густымъ облакомъ стелется внутри нашего пріюта. По привычкѣ, дымная атмосфера кажется намъ уже небольшимъ неудобствомъ. Всю ночь лилъ дождь и уже въ 4 часа утра мы подошли къ устью Ельца и увидѣли противъ него, на сѣверномъ берегу Усы, чумъ рыбаковъ. Они еще спали; двѣ собаки сторожили ихъ жилище. Какъ же удивились Ижемцы, когда пришли и разбудили ихъ нежданые гости! Скоро достали огня, съ лодки принесли самоваръ — и мы расположились въ чумѣ какъ у себя дома.

Сегодня воскресенье, и рыбаки отдыхаютъ. Вообще только по нуждѣ они рѣшаются въ воскресный день идти на работу.

Одинъ изъ рыбаковъ, старикъ Никита, прежде имѣлъ до тысячи оленей и кочевалъ около Урала; онъ разорился отъ невоз-

держной жизни. Онъ бывалый въ здѣшнемъ краю человѣкъ. Мѣстность около озеръ у истоковъ Соби и Ельца ему была знакома въ старые годы, а потому я убѣдилъ его отправиться со мной.

Къ обѣду сварили двухъ гусей и подали невареныхъ сиговъ. Здѣшніе рыболовы любятъ ѣсть невареную рыбу, и подчивали меня и моихъ рабочихъ. «Сѣй-буръ-мортъ», безпрерывно повторяли мои хозяева, что́ значитъ: «кушай добрый человѣкъ». Ласково и привѣтливо услуживали они: кто подавалъ соль, кто хлѣбъ, другой подчивалъ сырнымъ молокомъ. Такое радушіе нечасто встрѣтишь. Для себя они еще приготовили саламату изъ ячной муки, на маслѣ. Саламатъ составляетъ у нихъ самое лакомое блюдо; но я довершилъ пиръ, предложивъ имъ по стакану чаю и водки. Зато они говорили, что сегодня у нихъ настоящій праздникъ: и гости и гостинцы. Между-тѣмъ Никита то-и-дѣло потягивалъ табачокъ изъ огромной берестяной тавлинки, а разсказамъ его и конца не было. Онъ старый холостякъ и, какъ видно, былъ гуляка безсемейный. Теперь онъ рѣдко ѣздитъ на Ижму, почти постоянно проживая на устьяхъ рѣкъ Лёмвы, или Кэчь-пеля. «Отчего же не ѣздишь на родину?» спросилъ я его, «неужели одному въ лѣсу жить лучше, чѣмъ въ селѣ?» Онъ отвѣчалъ, что домикъ съ елкой поглотилъ все состояніе его и что онъ не можетъ удержаться, чтобъ не посѣщать этого домика. Бѣднякъ пилъ запоемъ и отъ соблазна удалился въ пустыню. Встрѣча Миклея и старика Никиты взаимно обрадовала ихъ. Разговорившись, они узнали, что они нечужіе другъ-другу; наконецъ и для меня объяснилось это странное родство Самоѣда съ Ижемцомъ: радость и ласки старика выказывали ясно его родственную связь съ Самоѣдомъ. Онъ одарилъ, чѣмъ могъ, дорогаго нежданнаго гостя.

Рыболовы сказали, что по рѣкѣ Ельцѣ есть значительныя быстрины; что вода была очень велика, но теперь сбываетъ; что Уса отъ этого мѣста постепенно заворачиваетъ къ N, къ NW и даже нѣсколько къ W, а потомъ уже вершина ея идетъ прямо къ NO, къ горамъ Урала и находится въ недальнемъ разстояніи отъ рѣки Кары, по берегамъ которой кочующіе Самоѣды называются Карскими; что теченіе Усы еще верстъ на 200.

Дождя теперь нѣтъ; сильный вѣтеръ разнесъ тучи и передъ нами открылась на большое пространство громада Уральскаго Хребта; казалось, до него недальше двухъ-трехъ верстъ, а едва ли еще

не больше 50. Уса на прибыли и потому очень быстра. Скоро отправляемся въ путь; но и новый проводникъ мой никогда не бывалъ на Ельцѣ. Онъ знаетъ, по словамъ другихъ, путь къ озерамъ, гдѣ кочевалъ съ своими стадами. Хорошо было бы встрѣтить около горъ хоть одинъ чумъ Самоѣдовъ; на оленяхъ я могъ бы съѣздить до Оби.

4 часа пополудни.

Въ 3 часа мы сѣли въ лодку; двое рабочихъ пошли бечевой; но лишь только отчалили отъ берега, кормщикъ зазѣвался, быстриной лодку заворотило, бечева натянулась, и еслибъ, по нашему крику, рабочіе не успѣли въ ту же секунду отпустить ее, лодка неминуемо опрокинулась бы; спасеніе въ кипящемъ потокѣ было бы трудно и сомнительно. По срединѣ Усы торчитъ нѣсколько камней; около нихъ шумитъ рѣка какъ въ водоворотѣ. Моя лодка крайне-узка, и я убѣдился, что она негодится для быстрыхъ мѣстъ, особенно въ порогахъ Ельца. Рыбаки посовѣтовали мнѣ ее оставить и предложили свою, и я рѣшился взять ихъ некрытую, небольшую лодку. Припасовъ взяли на одну недѣлю, а прочее все оставляемъ, и сложили въ бочку, поставленную на берегу близъ чума, покрыли парусиной и берестомъ; украсть здѣсь некому. Рыбаки хотѣли на два дня спуститься по Усѣ и въ чумѣ никого не будетъ.

Дай Богъ хорошей погоды, а то въ ненастье, безъ крыши, будетъ несовсѣмъ удобно, тѣмъ больше, что здѣсь нѣтъ и лѣсовъ, не найдешь нигдѣ пріюта.

10 часовъ утра 26 іюля, по рѣкѣ Ельцѣ.

Вчера съ трудомъ поднимались по рѣкѣ Ельцѣ: она быстра; есть пороги, въ нихъ сильное стремленіе; лодка наша широка и потому хотя и менѣе опасна, но неудобна для хода. Мы шли въ направленіи къ NO. Русло рѣки почти прямое, съ небольшими уклоненіями къ O, и иногда къ SO; берега постоянно высоки и каменисты, изъ плитняка темнаго цвѣта; вода такъ чиста, что на глубинѣ больше сажени видны малѣйшіе камешки. Часовъ въ 9 вечера мы пристали къ лѣвому берегу, сварили рыбы, расположились на камняхъ вокругъ котла и порядочно поужинали.

Въ 10 часовъ остановились на ночлегѣ у праваго берега и раскинули кое-какъ палатку; всѣ улеглись въ ней на голой, сыроватой землѣ, и спали крѣпко.

Въ 4 часу утра встали и опять за работу. Теперь ужь нѣтъ съ нами ни очага, ни другихъ удобствъ, какими пользовались въ моей лодкѣ. Въ 9 часу прошли подлѣ скалистыхъ береговъ. Русло рѣки мѣстами довольно-широко, больше 50 саж. Пройдя черезъ порогъ, мѣстами встрѣчаются тихіе и глубокіе плёсы.

Я долго шелъ пѣшкомъ по длиннымъ склонамъ холмовъ, покрытыхъ мѣстами кустарниками, между которыми есть сырыя низменности, усѣянныя колокольчиками, купальницей, бѣлыми и розовыми цвѣтами и множествомъ незабудокъ, мелкихъ и крупныхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, особенно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега; много и керчи — это родное растеніе тундры. Кругомъ холмы выше и выше, а за ними хребетъ Урала, съ бѣлыми, снѣжными долинами, вершины котораго скрыты въ облакахъ и въ туманѣ. Иногда взоръ обманывается: видишь цѣлую деревню, нѣсколько домовъ, наводишь трубу — а это или бугры, или группы кустарниковъ. Кажется недалеко до хребта, но еще долго надобно идти къ нему. Теперь ближе къ намъ одна отдѣльная гора, столь же высокая, какъ и другія; ее по-самоѣдски называютъ: Энгыльпай, т. е. сторонній камень: пай — гора или камень. Сильно шумятъ свѣтлыя струи Ельца, встрѣчая преграду въ камняхъ, разбросанныхъ по самому руслу и въ узкихъ проливахъ между островами, стѣсняющихъ рѣку въ небольшой каналъ. Въ такихъ мѣстахъ медленно поднимается лодка, волны крутятся и брызжутъ около нея, а потому на кормѣ и на носу надобно дѣятельно и осторожно дѣйствовать шестами, съ желѣзными наконечниками.

11 часовъ.

Отъ устья Ельца мы отошли около 20 верстъ и перетащились черезъ два значительные порога. Въ одномъ мѣстѣ, посреди рѣки, образовался каменный островъ, который почти заперъ ея теченіе. Мы проходили по узкому, но глубокому каналу и едва-едва, съ помощью шестовъ и бечевы, тянулись противъ страшной быстрины: волны, крутясь и пѣнясь готовы были, казалось, заплеснуть лодку. Другой порогъ былъ такъ же быстръ; теченіе рѣки стѣснено низ-

менной каменной косой, которая тянется отъ лѣваго берега. Здѣсь ходъ, подлѣ высокой скалистой крутизны праваго берега каналомъ, не шире 6 или 7 саженъ. Борты лодки скрывались въ пѣнистыхъ волнахъ; нужна была величайшая осторожность при управленіи ею. Въ большую воду въ обоихъ порогахъ плаваніе могло быть довольно-удобно, потому-что и камни и острова покрываются водой и теченіе, небудучи стѣснено, должно быть покойнѣе.

Противъ перваго порога небольшая еловая рощица, какъ-будто нарочно разсаженная по косогору; это уже послѣдній лѣсъ къ Уралу, а потому замѣтна и сотня невысокихъ елей.

8 часовъ вечера.

Въ полдень мы достигли мѣста, гдѣ Елецъ раздѣляется на два русла; однимъ течетъ рѣка съ горъ отъ SO и S. Мы пошли по другому въ направленіи къ N и NO; мы теперь уже среди горъ; впереди и направо горы, изъ которыхъ течетъ протокъ Ельца; въ лѣвой сторонѣ, почти противъ насъ, гора Энгыль-пай; онѣ испещрены покрывающими ихъ снѣжными сугробами, отъ которыхъ вѣетъ холодомъ. Вѣтеръ отъ NO. Комаровъ меньше, но все же они есть, что́ удивляетъ насъ: здѣсь и комары привычны къ дыханію сѣвернаго борея.

Горы, слитыя издали въ одинъ хребетъ, начинаютъ отдѣляться одна отъ другой: вотъ Энгыль-пай, вблизи гора Гусей-пай, дальше еще и еще. Поднялся сильный вѣтеръ и разнесъ облака; на нѣкоторыхъ вершинахъ хребта держатся еще обрывки тучъ.

Останавливались сварить обѣдъ, но съ трудомъ отыскали дровъ; кое-гдѣ попадался сухой сукъ ивняка, или какого-нибудь другаго дерева. Какъ дорогую вещь, складывали мы ихъ въ лодку для ночлега. По берегамъ очень много цвѣтовъ; но всего больше незабудокъ; я не зналъ, что незабудка настоящій цвѣтокъ Сѣвера.

Проводникъ нашъ сказывалъ, что въ горахъ бываютъ ужасные ураганы, такъ-что тогда надобно спасаться въ пещерахъ или за камнемъ, ибо вихри уносятъ все, что́ попадается на пути. На горахъ опасность еще бо́льше.

Путемъ-дорогой мы еще разъ поохотились за гусями; стадо было большое; мы поймали 11 штукъ; теперь у насъ много свѣжей провизіи.

Часа въ три пополудни проходили подлѣ скалы изъ темнаго сланца, который колется на тончайшія пластинки; его много по всему Ельцу. Рѣка становится у́же, пороги чаще, теченіе быстрѣе; но въ большую воду сплавъ долженъ быть удобенъ: нигдѣ нѣтъ крутыхъ заворотовъ; мѣстами рѣка очень широка, глубока и тиха, какъ озеро, и вездѣ хорошій бечевникъ.

9 часовъ.

Мы рѣшились остановиться на ночлегѣ; дальше идти довольно-трудно, хотя русло рѣки широко; индѣ оно усѣяно островками, такъ-что рѣка въ иномъ мѣстѣ раздѣляется на нѣсколько мелководныхъ протоковъ. Не всегда попадешь на фарватеръ и надобно останавливаться, перетаскивать лодку, терять время и тратить силы напрасно. Завтра собираемся идти пѣшкомъ къ горамъ. Можетъ быть, по указанію, хотя и нерѣшительному, нашего новаго проводника, мы попадемъ на раздѣльный пунктъ водъ Печоры и Оби. Къ сожалѣнію, Никита, по старости и слабости здоровья, самъ идти съ нами не можетъ. Мнѣ кажется, до хребта не дальше 5 или 6 верстъ — такъ онъ повидимому недалеко отъ насъ; но старикъ увѣряетъ, что едва ли завтра успѣемъ вернуться, если пойдемъ до него.

Къ сѣверу отъ насъ гора Энгыль-пай, а въ направленіи къ О въ хребтѣ Урала видна ложбина, хотя дальше и замыкаютъ ее горы. Не въ ней ли истокъ Соби и озера? Старикъ думаетъ то же. Къ S и къ SW видны холмы тундры и за ними горы, такъ-что мы теперь со всѣхъ сторонъ окружены ими. Облака облегаютъ иныя вершины и спускаются между ними въ видѣ густаго тумана.

Солнце закатилось въ 8 часовъ 10 минутъ.

Сегодня и мнѣ приходилось работать немало. Мы всѣ утомлены и рады отдыху; разбили палатку. Сухихъ сучьевъ едва достало приготовить чай и ужинъ. Ночь будетъ холодная, вѣтеръ дуетъ прямо изъ ложбины хребта; комаровъ какъ не бывало. Теперь я вблизи рубежа, раздѣляющаго Европу и Азію, вблизи цѣли моей поѣздки: что если мой трудъ откроетъ новый торговый путь въ Сибирь!

27 іюля, утра 7 часовъ.

Мы встали въ 4 часа. Ночью было очень холодно; чаемъ и кашей согрѣлись и вчетверомъ идемъ въ путь. Припасовъ беремъ

на два дня; у нашего становья остаются двое работниковъ и старикъ Никита; онъ ночевалъ у палатки, по-самоѣдски, закутавшись въ совикъ.

На зарѣ было совершенно-ясно; красоты горныхъ видовъ привлекали наше вниманіе; но вдругъ изъ-за горъ принеслось густое облако тумана и мгновенно скрыло всѣ окрестности, такъ-что не знаемъ куда идти. Не будетъ ли еще дождя? не порадуетъ же онъ насъ, странниковъ въ пустынѣ, всѣмъ намъ незнакомой.

Утро 11 часовъ.

Сидимъ на одномъ изъ холмовъ, составляющихъ хребетъ Урала. Шли безъ отдыха $4^1/_2$ часа; для обѣда у насъ одни сухари; воды нѣтъ. Мы поднялись уже высоко; истокъ рѣчки Ельца, отъ впаденія въ нее другой рѣчки, по направленію которой мы идемъ въ горы, отошелъ къ SO.

Сильный вѣтеръ съ Урала вѣетъ холодомъ; хотя мы шли довольно-скоро, но онъ пронимаетъ и сквозь платье. Далеко ли до озеръ, никто не знаетъ; кругомъ насъ горы; до ложбины еще неблизко, а ужь прошли навѣрное около 17 верстъ. На холмъ мы поднимались очень долго, едва ли не больше часа. Кажется, недалеко до вершины, идешь-идешь, а все она еще впереди; едва перевели духъ, добравшись до нея.

Здѣсь уже все камень, мѣстами прикрытый дерномъ или мохомъ, мѣстами обнаженный; индѣ множество камней набросано грудами по большому пространству. Они какъ-будто пережжены въ вулканы, имѣютъ цвѣтъ красноватый и большею частью круглы. Отъ этого-то издали нѣкоторыя мѣста горъ имѣютъ розовый отливъ что́ насъ нерѣдко удивляло.

Но вотъ яснѣетъ — пора въ путь. Доселѣ я былъ въ лѣтнемъ платьѣ, а теперь пришлось надѣть ватный сюртукъ; но и въ немъ не могу согрѣться — такъ прохватилъ меня вѣтеръ изъ ущелья.

4 часа пополудни.

Вотъ мы и на раздѣльномъ пунктѣ, на западномъ берегу главнаго озера, при истокѣ изъ него рѣчки Симарухи. Грѣемся у небольшаго огонька; между-тѣмъ буря шумитъ въ ложбинѣ и волну-

етъ поверхность этого замѣчательнаго горнаго бассейна водъ; волны плещутся въ юго-западный берегъ; облака быстро несутся изъ-за Урала; нѣкоторыя останавливаются на вершинахъ горъ и особенно на одной; эту гору называютъ Пад-яга, по имени потока, образующагося изъ снѣговъ, которые покрываютъ ея отлогости и наполняютъ глубокія разсѣлины, отдѣляющія ее отъ другихъ горъ. Этотъ потокъ Русскіе называютъ Собью.

Теперь разскажу о моемъ путешествіи съ ночлега.

Въ половинѣ 8 часа мы перешли въ бродъ проливъ, отдѣляющій материкъ отъ острова, на которомъ ночевали, и пошли въ направленіи къ О, стараясь не отдаляться отъ рѣки, а потому часто должны были проходить низменности между холмовъ, продираться сквозь густые кустарники, покрывающіе болотистыя мѣста, усѣянныя высокими кочками, между которыми топь и вода. Поднявшись выше, на гребни холмовъ, мы едва ли встрѣтили бы болота, а они утомили насъ до крайности. Въ 2 часа пути, мы какъ-будто ни сколько не приблизились къ горамъ, онѣ, казалось, были въ одномъ разстояніи отъ насъ; только гора Гусей-пай стала къ намъ ближе. Скоро мы поравнялись съ ея южнымъ скатомъ, усыпаннымъ длинными сугробами снѣга. Не зная навѣрное, гдѣ должны быть озера, мы пошли въ направленіи къ ней по курсу къ NO; спустившись къ рѣкѣ, мы перешли ее въ бродъ на правый берегъ. Ширина русла около 20 саж.; она мѣстами до $1^1/_2$ аршина глубины; теченіе быстро. Долго мы шли по низменностямъ близъ берега рѣки, перешли нѣсколько рѣчекъ, ручьевъ, топей съ густымъ ивнякомъ, сквозь который едва продирались, и мягкихъ моховыхъ мѣстъ; потомъ начали подниматься по отлогому скату на высокій холмъ и, чрезвычайно утомленные, добрались до его вершины. Къ сѣверу возвышалась гора Гусей-пай; у подошвы ея былъ виденъ небольшой лиственничный лѣсъ; къ юго-востоку гора Пад-яга, съ высокими вершинами, на которыхъ постоянно висѣли облака; между этими горами холмистая низменность, къ востоку замкнутая горами, болѣе или менѣе высокими. Къ югу тянулся на необозримое пространство Хребетъ Уральскій, а къ западу холмы, которые, сливаясь въ одну массу, составляютъ безпредѣльную долину, по которой въ глубинѣ тонкой струйкой мѣстами была видна рѣка Елецъ, вытекающая съ юга изъ горы, называемой по-зырянски Елецъ-изъ.

Русло рѣчки, по направленію которой мы шли, протекающей сквозь два озерка, едва было можно различить въ глубинѣ долины.

Отдохнувши около $^1/_2$ часа, мы пошли дальше, по направленію къ О; пройдя нѣсколько, поднялись выше на другой холмъ, съ котораго виды открывались еще шире. Отсюда мы увидѣли среди горъ небольшое озеро, и начали спускаться въ ложбину. Камни огромными грудами лежали по скату холма; мѣстами они взгромождены буграми, мѣстами какъ-будто набиты въ глубокую рытвину. Надобно было идти съ камня на камень, кое-гдѣ по крутымъ уступамъ. Около часа шли мы до озера и, подойдя къ нему, увѣрились, что это должно быть то самое, которое лежитъ на раздѣльномъ пунктѣ; оно длиной около версты, шириной до 300 саженъ, окружено довольно-высокими берегами, такъ-что, если запереть его у истока рѣчки, которая должна быть Симаруха, то можно поднять горизонтъ воды сажени на три. Два порядочные ручья впадаютъ въ него изъ горъ съ юга.

Здѣсь хребетъ Урала какъ-будто раздвинулся, чтобъ дать мѣсто этому бассейну, отъ котораго текутъ воды въ Елецъ и близъ котораго истокъ Соби.

Мы остановились у истока Симарухи, хотѣли сварить обѣдъ, но нигдѣ не нашли дровъ, чтобъ развести огонь. Я послалъ работниковъ поискать хоть сухаго тростника, а самъ пошелъ далѣе по сѣверному берегу озера; пройдя его, я увидѣлъ за небольшею возвышенностью еще два озера и русло рѣки Соби. Она текла съ юга изъ-за самыхъ горъ; принявъ нѣсколько ручьевъ, она становится порядочной рѣчкой, впадаетъ въ одно изъ сказанныхъ озеръ, переливается въ другое и въ крутыхъ, довольно-высокихъ берегахъ, течетъ дальше. Около шести верстъ ходилъ я отъ большаго озера. Къ сѣверу отъ него, нѣсколько выше, еще порядочное озеро и много мелкихъ.

Осмотрѣвши всю эту мѣстность, я по другому берегу воротился къ товарищамъ, утомленный продолжительною ходьбой по камнямъ, и крайне обрадовался, увидавъ еще издали разведенный огонекъ, и торопился уже, увѣренный, что найду готовый обѣдъ. Не надѣясь, чтобъ товарищи мои нашли дровъ, я тащилъ съ собою большой кусокъ сухаго дерева, который нашелъ на берегу Соби. Для этого огня и обѣда должно было нарушить право собственности — разобрать одинъ капканъ, по-самоѣдски кулёму, которыми здѣсь ловятъ

лисицъ и песцовъ. Товарищи мои рѣшились на это только въ крайности. Такихъ двѣ кулёмы я видѣлъ за озерами; онѣ сдѣланы изъ толстыхъ и тяжелыхъ досокъ лиственничнаго дерева, длиной до двухъ саженъ.

Полночь, 27 іюля. Становище на берегу Ельцы.

Сегодня прошли едва ли не больше 50 верстъ, и еще недавно, крайне-утомленные, возвратились къ нашему становью.

Послѣ обѣда у озера я напился чаю и хотѣлъ-было остаться здѣсь ночевать, чтобъ утромъ идти дальше по берегу Соби, но дулъ порывистый холодный вѣтеръ; у насъ не было ни теплаго платья, ни дровъ; укрыться негдѣ; это заставило насъ подумать о возвратномъ пути. Я надѣялся около горъ найдти Самоѣдовъ: тогда, на оленяхъ, не трудно было бы обозрѣть все теченіе Соби до впаденія ея въ Обь; но, не имѣя проводника и никакой возможности взять припасовъ по-крайней-мѣрѣ на 10 дней, я, къ сожалѣнію, не могъ исполнить своего желанія.

Только временно оживляются эти мѣста переходомъ чрезъ нихъ кочевыхъ племенъ въ тундру въ началѣ іюля и обратно въ сентябрѣ. Тогда десятки тысячъ оленей пасутся по отлогимъ косогорамъ Урала; тогда, закутанный съ ногъ до головы въ оленью кожу, житель пустыни быстро несется на легкихъ санкахъ, запряженныхъ тройкой оленей, въ дальній чумъ пріятеля на разгульную бесѣду кочевыхъ товарищей, изрѣдка приправленную чаркой водки и трубкой табаку; тогда бываютъ здѣсь и бивачные огни и слышно гиканье погонщиковъ, крикъ пастуховъ при поимкѣ оленей, лай собакъ и шумъ перехода многочисленныхъ стадъ; тогда оживаетъ эта пустыня, но ненадолго; потомъ воцаряется опять безмолвіе; только свистъ вѣтра въ ущельяхъ, только шумъ горныхъ потоковъ и крикъ какой-нибудь пустынной птицы возмущаютъ ея мертвенную тишину.

Бродивши по каменнымъ грудамъ береговъ Соби, и обозрѣвая кругомъ громады такихъ же камней, мѣстами будто-недавно изверпутыхъ изъ жерла огнедышащаго волкана, мѣстами поднимающихся до облаковъ грозными утесами, я удивлялся величію видовъ этой пустыни. Вдали отъ людей, среди страны необитаемой, невольно мысль, отчуждаясь отъ земнаго, предается созерцанію див-

наго строенія вселенной. Здѣсь больше чувствуешь присутствіе непостижимой разуму Воли, устроившей все видимое нами.

Я шелъ по берегу Соби и вдругъ слуха моего коснулся гармоническій звукъ, раздавшійся въ вышинѣ: это былъ голосъ лебедя; онъ долго леталъ и выше и ниже, порой оглашая окрестность звуками своей пѣсни и скрылся въ горахъ. Вѣроятно, на одномъ изъ озеръ было его гнѣздо.

По утесамъ и между камней на Уралѣ много растетъ богородской травы; одни собираютъ ее какъ лакарственное растеніе, другіе употребляютъ вмѣсто чаю; промышленики привязываютъ ее къ ловушкамъ, увѣренные, что эта трава, будучи набрана на истокахъ рѣкъ, гдѣ находятся ловушки, привлекаетъ къ нимъ птицъ и звѣрей, и что утки и гуси, пролетая съ юга на сѣверъ, удержанныя таинственною силою этого растенія, невольно останавливаются, и промыселъ бываетъ обильнѣе.

Въ 5 часовъ мы пошли обратно по правому берегу Симарухи и, пройдя второе озеро, перебрались на лѣвый берегъ; чрезъ два часа хода, перешли бродомъ порядочную рѣчку, которую называютъ Серединной; она текла отъ горы Елецкаго Камня. Черезъ часъ послѣ того дошли до Ельца. Солнце уже закатилось, когда мы, усталые, взобрались на высокій холмъ, гдѣ и отдохнули, любуясь чудно-прекрасною картиной. Небо было ясно, только на горѣ Падягѣ, какъ было и во весь день, висѣло темное облако. Въ густѣвшемъ вечернемъ сумракѣ яснѣе выказывался свѣтлый шаръ полной луны и наводилъ матовый свѣтъ на выси хребта; русло Ельцы темною лентою извивалось внизу долины, а къ западу свѣтлая заря окаймливала холмистую степь тундры.

Дорогой мы видѣли много куропатокъ: онѣ порхали въ кустарникахъ; иногда вылетали изъ-подъ самыхъ ногъ нашихъ и своимъ крикомъ оглашали окрестность. Здѣсь много также зёрнъ — такъ называется небольшая птица, немного меньше рябчика; вездѣ было слышно ихъ насвистыванье.

До нашего становья было еще далеко; ночью нельзя идти скоро по кочковатымъ топямъ, въ которыхъ мы нерѣдко спотыкались и падали. Уже въ 11 часу добрались мы до стана, перешли бродомъ на островъ и нашли товарищей въ глубокомъ снѣ. Черезъ минуту запылалъ огонь, закипѣлъ чайникъ, заварили кашу, и едва успѣлъ

я записать дневныя замѣтки, какъ каша была готова и, поужинавъ наскоро, мы, утомленные, предались покою.

Утро 28 іюля.

Сегодня мы встали съ восходомъ солнца и отправились внизъ по Ельцу. Хотя лодка требовала воды около 2 четвертей, однакожъ мы вездѣ прошли хорошо; мѣстами лодка летѣла стрѣлой по узкимъ каналамъ, мимо грудъ камней. Почти на половинѣ пути до Усы, встрѣчается хребетъ горы, черезъ который прорывается Елецъ. Здѣсь берега высоки, скалисты, но рѣка широка и глубока. Гусей линялыхъ и молодыхъ попадается много; мы поймали 6 большихъ и 8 молодыхъ.

Около полудня поднялся противный вѣтеръ и затруднилъ наше плаваніе.

Въ чумѣ на устьѣ Ельцы, 6 часовъ пополудни.

Днемъ было такъ холодно, что мы должны были остановиться, чтобъ отогрѣться около огонька и чайника. Въ три часа пополудни мы завидѣли знакомый намъ берестяный чумъ рыболововъ, скоро остановились на пристани усть-елецкой и немедля занялись устройствомъ собственной лодки. Рыболововъ не было въ чумѣ: они спустились по Усѣ неводить рыбу; но едва мы расположились въ ихъ жилищѣ, какъ явились хозяева; промыселъ ихъ былъ неудаченъ; вода все еще велика, а потому рыба не ловится. Теперь они будутъ ждать, пока вода сбудетъ на межень, т. е. до нормальной глубины, и затѣмъ опять немного прибудетъ; тогда рыба начнетъ спускаться изъ маленькихъ рѣчекъ въ большія и промышленики надѣются воспользоваться этимъ. Вообще Эльца необильна рыбой и постояннаго рыболовства здѣсь нѣтъ. Рыбаки пріѣзжаютъ сюда навремя и наудачу.

Здѣсь я имѣлъ случай убѣдиться, что свѣжепросольная сырая рыба очень вкусна: я съ удовольствіемъ участвовалъ въ паужнѣ*) рыбаковъ.

По берегамъ Усы я замѣчалъ много подсыхавшихъ деревъ, что

*) Поужною называютъ ѣду между обѣдомъ и ужиномъ — полдникъ.

немало удивляло меня. По увѣренію Ижемцовъ, это случилось въ послѣдніе годы и по Ижмѣ и, какъ думаютъ, отъ весеннихъ морозовъ, случившихся тогда, какъ деревья пошли уже въ ростъ.

По обозрѣнію рѣки Ельцы, озеръ находящихся въ горахъ на раздѣльномъ пунктѣ, бассейновъ Усы и Оби и начала Соби, а равно по даннымъ, собраннымъ мною прежде, я вполнѣ убѣдился въ возможности устройства водянаго сообщенія Оби съ Печорою. Мысль объ устроеніи судоходнаго сообщенія между западными рѣками Сибири и восточными рѣками Европейской Россіи давно занимала Правительство. Изыскивали, гдѣ бы провести этотъ путь; но хребетъ Урала всегда являлся непреодолимымъ препятствіемъ къ исполненію этого полезнѣйшаго предпріятія. Предполагали соединить рѣки Чусовую, вливающуюся въ Каму, и Исеть, впадающую въ Тоболъ. Эта мысль и теперь занимаетъ многихъ; но, даже и при возможности соединить каналомъ эти рѣки, здѣсь представляется трудность побѣдить чрезвычайно крутое паденіе водъ Чусовой и въ устроеніи постояннаго судоходства. Нерѣдко для сплава судовъ и весной по этой рѣкѣ встрѣчается недостатокъ въ водѣ, и тогда только одновременнымъ открытіемъ заводскихъ прудовъ помогаютъ спуску каравановъ; лѣтомъ же она чрезвычайно мелководна. Тѣмъ болѣе истощается въ ней вода, что почти на всѣхъ притокахъ ея устроены заводскіе пруды, которые запираются для скопа воды на все лѣто; къ устроенію же резервуаровъ въ верховьяхъ Чусовой едва ли есть возможность.

Допустивъ, что и эти препятствія были бы преодолѣны, то какая была бы польза отъ соединенія Оби съ Камой посредствомъ рѣкъ Исети и Чусовой! Для вывоза недорогихъ произведеній сибирскаго края и чтобъ было возможно отпускать ихъ за море, нуженъ путь удобный, т. е. скорый и дешевый; а черезъ Чусовую грузы изъ Сибири должны пройдти огромное пространство, плыть по Оби до впаденія Иртыша около 1,000 верстъ, подниматься противъ теченія по Иртышу до устья Тобола около 500 верстъ, и потомъ идти немало времени по Тоболу и Исети. Весьма вѣроятно, что, при обиліи водъ въ этихъ рѣкахъ, онѣ будутъ приходить къ каналу въ концѣ августа или въ сентябрѣ, а при мелководьи рѣкъ едва ли дойдутъ и до Исети. Затѣмъ остается еще ходъ по каналу, сплавъ по мелководью Чусовой и Камѣ побольше 1,000 верстъ, потомъ Волгой противъ теченія около тысячи и изъ Рыбинска до

Петербурга Волгою и Вышневолоцкою судоходною системою отъ 1,200 до 1,500 верстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое сообщеніе потребуетъ не менѣе двухъ навигацій. Наконецъ, во что́ обойдется доставка? Теперь за грузы съ чусовскихъ пристаней къ С. Петербургу, при сплавѣ ихъ весенней полной водой, платятъ по 23 р. 32 к. сереб. съ пуда, а доставка грузовъ въ двѣ навигаціи по Оби и противъ теченія по Иртышу, Тоболу и Исети, вѣроятно, удвоитъ и утроитъ издержки; дороговизна же поставки нисколько не поощритъ отпуска дешевыхъ произведеній земли сибирскаго края.

Я не могъ самъ изслѣдовать теченія Соби, но мнѣ сказывали, что, не дальше 10 верстъ отъ первыхъ видѣнныхъ мною озеръ, она соединяется съ значительною рѣкою Пайпыденою, впадающею въ Собь съ сѣвера, и что отсюда она становится уже судоходною, а далѣе тиха и глубока; при впаденіи же въ Обь, въ 25 верстахъ выше Обдорска, ширина ея около 200 саженъ. До соединенія съ Пайпыденою паденіе Соби довольно-сильно; мѣстами есть пороги, но зато обиліе воды, и въ ней и во впадающихъ въ нее горныхъ потокахъ, даетъ возможность устроить судоходное сообщеніе. Берега ея круты, каменисты; русло рѣки сначала не очень широко, такъ-что, построивъ нѣсколько шлюзовъ, можно превратить ее въ прекрасный каналъ. Отъ русла Соби до Большаго Озера, изъ котораго вытекаетъ Симаруха, впадающая въ Ельцу, разстояніе не больше версты; и на этомъ пространствѣ два порядочныя озера и только небольшая возвышенность отъ горизонта воды въ помянутомъ озерѣ до четырехъ саженъ. Рѣчка Симаруха, по крутизнѣ около 2 саженъ, изливается изъ этого озера и на разстояніи около 2 верстъ впадаетъ въ другое, довольно-большое озеро. Если устроить судоходное сообщеніе, то, по моему мнѣнію, надобно начать каналъ изъ послѣдняго озера, подлѣ южной стороны главнаго черезъ другія четыре озера, находящіяся на пути. Разстояніе отъ озера, гдѣ долженъ начинаться каналъ, до русла Соби не больше 3 верстъ, и на этомъ пути сказанныя четыре озера имѣютъ протяженіе до 300 саж.; слѣдовательно, прокопать нужно немного болѣе двухъ верстъ. Горизонтъ воды во второмъ озерѣ ниже чѣмъ въ Главномъ около 3 саженъ, а противъ горизонта воды въ рѣкѣ Соби едва ли больше одной сажени. Всѣхъ озеръ на этомъ мѣстѣ до 25 (по описанію инженеръ-полковника Попова, 28). Нѣкоторыя изъ нихъ значительны, особенно одно, черезъ которое течетъ

рѣчка Симаруха, и другое, находящееся къ NO отъ главнаго озера, на довольно-высокомъ уступѣ холма; они, при нѣкоторомъ устройствѣ, могутъ служить значительными резервуарами воды, которыя увеличиваются безпрерывно горными потоками, текущими съ снѣжныхъ сугробовъ по отлогостямъ и между горъ Урала. Резервуары могутъ быть также устроены по рѣчкамъ, впадающимъ въ Ельцу и Симаруху. Шлюзы нужны будутъ по Соби до Пайпыдены, по Симарухѣ и частью по Ельцѣ, всего, какъ я думаю, на протяженіи 35 верстъ, небольше. Рѣка Ельца во многихъ мѣстахъ имѣетъ тихое, глубокое и довольно-широкое теченіе; крутыхъ поворотовъ, неудобныхъ при сплавѣ, очень мало; быстрыя мѣста въ большую воду, когда рѣка не стѣсняется, какъ теперь, въ узкихъ каналахъ, будутъ неопасны. Вообще кажется, что эта рѣка для сплава гораздо удобнѣе Чусовой, которая въ малую воду чрезвычайно опасна, по множеству камней, а въ большую потому, что затопляетъ низменности и заноситъ на нихъ суда. Сверхъ того, по ней много крутыхъ заворотовъ около отвѣсныхъ каменныхъ скалъ. По руслу Ельцы тоже есть камни, но ихъ можно или срыть или сдѣлать отводы; впрочемъ, высокихъ камней нѣтъ, а потому въ большую воду плаваніе по Ельцѣ не должно быть сопряжено съ большою опасностью. Надобно замѣтить и то, что въ продолженіе здѣшняго короткаго лѣта вода въ рѣкахъ прибываетъ нѣсколько разъ на аршинъ, на два, а иногда на три; небольшой дождь въ горахъ и снѣгъ таетъ и русло рѣкъ наполняется какъ весной; движенію судоходства это будетъ доставлять большое пособіе. Отъ озеръ по Симарухѣ разстояніе немного больше 10; по Ельцѣ же до Усы около 50; всего до 60 верстъ. Бечевникъ вездѣ очень хорошъ; нужно только въ немногихъ мѣстахъ ничтожное исправленіе.

Изъ всего этого я заключаю, что устройство здѣсь судоходнаго пути совершенно возможно и едва ли будетъ стоить дорого. Возвышенность, съ которой стекаютъ эти рѣки, незначительна; особенно, если взять въ сравненіе судоходную тихвинскую систему, по которой спускъ отъ озера Эглина до Ладоги, на разстояніи 200 верстъ, около 850 футовъ; равно маріинскую систему, по которой спускъ отъ озера Матки до Вытегры на разстояніи около 70 верстъ больше 200 фут. и, наконецъ, сплавъ боровицкими и волховскими порогами вышневолоцкой системы, по которымъ, отъ озера Мстина до потерпельской пристани, на разстояніи 130 верстъ спускъ

до 350 футовъ. Здѣсь и половины нѣтъ тѣхъ препятствій, какія дожно было преодолѣть при устроеніи помянутыхъ путей сообщенія. — Но пусть найдутся и препятствія, да зато и выгоды будутъ чрезвычайныя; ибо грузы, въ одну навигацію, отъ вершинъ Оби, Иртыша и Тобола, прорѣзывающихъ плодоноснѣйшія мѣста западной Сибири, могутъ приходить къ устью Печоры и отправляться за море, потому-что доставленіе будетъ по теченію рѣкъ, и только по Соби, на разстояніи около 100 верстъ, будетъ противъ теченія; и обошлось бы не дороже четвертой части провоза къ С. Петербургу черезъ Чусовую. Тогда произведенія Сибири: пшеница, сѣмя льяное и даже рожь, теперь запертыя для Европы, сдѣлаются ей легко доступны; возможность сбыта возбудитъ промышленную дѣятельность, выгоды разовьютъ соревнованіе между промышлениками и цѣнность земель и лѣсовъ, теперь почти несуществующая, возвысится; избытокъ въ трудѣ привлечетъ въ этотъ богатый край переселенцовъ — и страна, омываемая водами Оби, Иртыша и ихъ притоковъ оживетъ, обогащаемая коммерческою дѣятельностью, съ Европою, и современемъ отпускная торговля изъ Сибири могла бы увеличиться на десятки милліоновъ рублей. Давно ли приволжскія степи въ Саратовской Губерніи были почти незаселены; давно ли оттуда отпускалось въ Рыбинскъ не болѣе 100 т. четвертей плохой русской пшеницы? И еще недавно узнали тамъ свойство земли, произращающей пшеницу бѣлотурку, чѣмъ этотъ край обязанъ одному изъ саратовскихъ помѣщиковъ. Едва ли 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ-поръ, а край этотъ заселенъ и отпускаетъ до полутора милліона четвертей пшеницы, которая цѣнится несравненно дороже русской; земли, продававшіяся тамъ по 2, по 3, по 5 р. асс., теперь черноземныя, цѣнятся 25, 50 и 75 рублей за десятину. Въ Самарѣ, главнѣйшемъ рынкѣ для закупки пшеницы, еще недавно было два-три покупателя; теперь сотни торговцовъ ведутъ значительные обороты съ этимъ краемъ. И все это измѣнилось въ 25, 30 лѣтъ. Когда же устроится болѣе-дѣятельное пароходство по Волгѣ, то край между Волгой и Ураломъ пріобрѣтетъ еще болѣе важности.

Другой примѣръ. До открытія одесскаго порта, отпускъ хлѣба изъ южнаго края Россіи производился большею частью черезъ Таганрогъ, откуда пшеницы и теперь отпускается неменьше прежняго — ежегодно до 400 т. четвертей; когда же, въ концѣ минувшаго столѣтія, открылся новый портъ на берегу Чернаго Моря и черезъ

него удобный путь для сбыта хлѣба, то изъ губерній: Кіевской, Волынской, Подольской, Харьковской, частью Екатеринославской, Бессарабской и Таврической, отпускъ пшеницы, постепенно возрастая, достигъ въ 1817 году огромнаго количества, и въ настоящее время ежегодно отпускается отъ 900 до 1.300,000 четвертей*), тогдакакъ подвозъ оной къ Одессѣ производится сухимъ путемъ. Быстрое возрастаніе этого города и цвѣтущее состояніе его внѣшней торговли есть слѣдствіе неусыпной заботливости Правительства о пользѣ края, которое, дарованіемъ особенныхъ правъ и учрежденіемъ порто-франко, ежегодно жертвуетъ значительными суммами. Милліоны рублей, полученные въ пользу города, прежде съ питейныхъ сборовъ и пошлины съ привозныхъ товаровъ, дали огромныя средства къ его устроенію, а льготы привлекли народонаселеніе.

Безъ Одессы едва ли бы могъ быть изъ этого края почти ежегодный отпускъ пшеницы на сумму отъ 5 м. до 7., и другихъ товаровъ на сумму отъ 4 м. до 5 м. рублей серебромъ; а давно ли на мѣстѣ этого города была небольшая татарская деревня? То же самое можно сказать и о Петербургѣ: что́ бы могла сдѣлать эта мѣстность безъ путей сообщеній? а теперь С. Петербургъ главнѣйшій пунктъ нашей отпускной торговли. Въ быстромъ увеличеніи населенія, при возможности сбыта произведеній, можетъ служить примѣромъ Оренбургская Губернія и заволжскіе уѣзды Губерніи Саратовской. Назадъ тому около 30 лѣтъ, въ Оренбургской Губерніи было 500,000 жителей; теперь тамъ болѣе 1.800,000; заволжская сторона саратовской мѣстами была необитаема; теперь заселилась сотнями тысячъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ.

Одесса, низовье Волги и С. Петербургъ служатъ неоспоримыми доказательствами, что проведеніе удобныхъ путей сообщеній и открытіе возможности къ сбыту продуктовъ содѣйствуютъ быстрому населенію края и увеличенію массы его произведеній.

Какое огромное вліяніе имѣло всегда на населеніе края и его производительность устройство путей сообщеній—объ этомъ, думаю, извѣстно каждому. Гдѣ бы ни устроивали пути сообщеній, каналы или дороги, всегда они наполнялись и путешественниками и грузами

*) Свѣдѣнія эти простираются по 1843 годъ. Отпускъ хлѣба черезъ Одессу въ 1847 году простирался до 3.240,000 четвер. на сумму около 23 мил. руб. сер., въ томъ числѣ одной пшеницы 2,798,000 четвертей.

и пустыми оживали, какъ по мановенію волшебника. Такъ во многихъ мѣстахъ Англіи, прорытой каналами, опасались, что желѣзныя дороги, раскинувшіяся подлѣ нихъ, отнимутъ дѣло у судоходныхъ путей; но и дороги и каналы, не мѣшая одни другимъ, имѣютъ достаточно работы. Вотъ еще фактъ, подтверждающій это. Для соединенія рѣки Гудзона въ Сѣверной Америкѣ съ озеромъ Эріо, Американскіе капиталисты предприняли сооруженіе канала. Компанія, рѣшившаяся на это предпріятіе, хотя и предполагала, что капиталъ будетъ не напрасно истраченъ, но не ожидала, чтобъ дѣло пошло слишкомъ хорошо; мѣста были еще пустынныя. Сооруженный въ теченіе 8 лѣтъ каналъ, шириною 40 и глубиною въ 4 фута, съ своими отраслями прорѣзывалъ пространство на 640 миль (960 верстъ) На этомъ огромнѣйшемъ пространствѣ построено 894 шлюза, 72 водопровода, 165 мостовъ и употреблено до 12 мил. долларовъ (болѣе 16 мил. руб. сер.). Движеніе промышлености вскорѣ обратилось къ этому пути до такой степени, что компанія должна была каналъ углубить до 7 и расширить до 70 футовъ. Но впослѣдствіи и этого оказалось недостаточно; вблизи этихъ же пунктовъ провели желѣзную дорогу на 318 миль, и каналъ и дорога запружены и грузами и пассажирами. На устроенныхъ удобныхъ путяхъ вездѣ увеличивается число путешественниковъ въ большой прогресіи. До построенія желѣзной дороги между Брюсселемъ и Антверпеномъ было до 200 проѣзжихъ въ день, а по устроеніи ея, число ихъ увеличилось до 3,000 человѣкъ*). Много ли было проѣзжихъ въ Царское-Село изъ Петербурга до построенія желѣзной дороги? а теперь за дѣломъ и безъ дѣла зимой и лѣтомъ ежедневно сотни, тысячи человѣкъ летятъ впередъ и обратно по этому, даже и некоммерческому пути.

Съ открытіемъ удобнаго пути для сбыта сибирскихъ произведеній — вѣроятно Сибирь населится такъ же скоро и въ той же мѣрѣ увеличитъ государственный доходъ посредствомъ отпускной торговли.

Сибирь, какъ сказано выше, и теперь развиваетъ свое хозяйство: тамъ мѣстами засѣваются большія пространства пшеницей, льномъ, коноплей; во многихъ мѣстахъ выдѣлывается полотно.**) Когда

*) Коммерч. Газет. 1842 года № 4.

**) Въ одномъ Ишимскомъ Уѣздѣ, Тобольской Губерніи, высѣвываютъ на 2,200 десятинахъ 1,900 четвертей льнянаго сѣмени и на 1,260 десят. 2,000 четв. конопли; изъ одного этого уѣзда ежегодно отпускается полотна до 200,000 аршинъ. «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за 1843 годъ № 5.

проведенъ будетъ удобной путь для сбыта — и посѣвы по теченію Оби, Иртыша и другихъ рѣкъ увеличатся во сто, въ тысячу разъ; тогда и желѣзо наше, котораго цѣна такъ высока, частью отъ провоза, удешевится, пойдетъ за границу и съ выгодою выдержитъ соперничество съ Швеціею, которая отпускаетъ его милліоны пудъ; тогда и обширное скотоводство Сибири, неимѣющее теперь надлежащаго значенія и развитія, получитъ другой видъ; ибо сало, кожи и шерсть легче могутъ быть отправляемы за границу.

Заведеніе мериносовыхъ овецъ въ Сибири съ 1832 года доказало полную возможность разводить ихъ съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ ихъ разводятъ въ южной и средней Россіи. Къ сожалѣнію, недостатокъ требованія на шерсть подорвалъ компанію, которая занималась этимъ въ Енисейской и Иркутской Губерніяхъ; но будь сбытъ — и овцеводство распространилось бы тамъ такъ же быстро.

Трудно исчислить всѣ выгоды отъ устройства здѣсь сообщенія Запада съ Востокомъ. Можетъ быть, каналъ и пугаетъ своими издержками, затрудненіями провести его черезъ хребетъ Урала; въ такомъ случаѣ можно устроить желѣзную дорогу, то или другое, лишь бы воспользоваться сосѣдствомъ Оби съ Печорою, по которымъ вплоть до океана суда пойдутъ по теченію.

Средства для исполненія этихъ предложеній найдутся: въ Россіи много капиталовъ, которые лежатъ безъ употребленія и приносятъ по 4% своимъ владѣльцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ капиталистовъ найдутся многіе, которые рѣшатся употребить часть своихъ капиталовъ на подобное предпріятіе.

Подобными мыслями занято было мое воображеніе, когда я обозрѣвалъ площадь на рубежѣ двухъ частей свѣта; гдѣ Уралъ какъ нарочно раздвинулъ свою громаду, чтобъ облегчить сообщеніе между этими странами, отдѣленными его каменною гранью.

Мнѣ предстоитъ еще поѣздка къ устьямъ Печоры и я возвращусь къ настоящему предмету съ новыми фактическими доказательствами.

Пообѣдавши въ чумѣ, мы сложили наши вещи и припасы въ мою лодку и отправляемся въ обратный путь по Усѣ, напутствуемые добрыми желаніями рыболововъ. Теперь я опять въ своемъ кочевомъ жильѣ, къ которому привыкъ, и уже не замѣчаю неудобствъ его.

11 часовъ вечера, въ лодкѣ.

Когда мы поплыли отъ чума, вѣтеръ дулъ съ NO; бѣжали парусомъ; въ 8 часовъ стало холодѣть. Проходя мимо становья другой артели рыболововъ, мы купили большаго чира, фунтовъ въ 9. Чиры считаются на Печорѣ лучшей рыбой послѣ семги; и справедливо: они очень вкусны и жирны. Въ 9 часовъ мы встрѣтили еще рыболововъ, ѣхавшихъ вверхъ на ловъ харьюзовъ. Рыбный промыселъ здѣсь выгоденъ: на пай почти всегда приходится пудъ отъ 30 до 40, даже до 50, т. е. на 75 — 125 р. асс. за двухъ или трехмѣсячный трудъ, не считая того, что рыболовы почти даромъ прокормятся на промыслѣ. Здѣсь они не скупятся на рыбу, сберегая хлѣбъ. На сегодняшній ужинъ 4 человѣка употребили сначала пять сырыхъ сиговъ, потомъ шесть вареныхъ харьюзовъ, а затѣмъ уху съ сухарями. У Ижемцевъ свой обычай: они ѣдятъ уху послѣ рыбы; у другой артели рыболовы сварили на ужинъ двухъ большихъ чировъ. Цѣна рыбы и хлѣба одинакова; потребляя больше первой и сберегая хлѣбъ, они лакомятся свѣжей пищей и сберегаютъ соль.

Небо совершенно безоблачно; только лишь теперь закатилась полная луна.

Вечеромъ мы поймали еще троихъ гусей.

Холодно; вѣтеръ усиливается. Бѣжали немного парусомъ. Ночь похожа на осеннюю.

29 іюля, 8 часовъ вечера.

Плывемъ успѣшно; крѣпкій сѣверный вѣтеръ съ утра нагналъ такой холодъ, что мы перезябли; но зато онъ натянулъ парусъ и избавилъ насъ весельной работы. Только одинъ изъ рабочихъ бодрствуетъ на кормѣ, прочіе спятъ. И ночь и сегодняшній день мы не спускали паруса, кромѣ двухъ или трехъ разъ на поворотахъ рѣки. Это очень сокращаетъ путь и радуетъ меня; потому-что, надѣюсь, достанетъ времени на поѣздку къ устью Печоры.

Недавно проплыли мы устье Лёмвы, гдѣ не надолго оставливались, чтобъ обозрѣть зимній рынокъ пустыни. Въ избахъ никто теперь не живетъ; но вблизи ихъ чумъ, занятый семьей Самоѣда. Этотъ Самоѣдъ въ работникахъ у одного изъ Ижемцовъ, и теперь

замѣняетъ караульщика. Когда мы вошли въ чумъ, вся семья, только-что возвратясь съ рыбной ловли, отдыхала; между-тѣмъ хозяйко разводила огонь и ласкала годоваго черномазаго ребенка, которага въ берестяной люлькѣ возила съ собой на ловлю; малютка улыбался на ласки матери. Вся семья состояла изъ 7 человѣкъ: молодаго и красиваго Самоѣда съ полурусской физіономіей, жены, четверыхъ дѣтей—чистыхъ Самоѣдовъ, и еще молодой Самоѣдки, которой отецъ въ тундрѣ у Ижемцовъ; а она предпочла сообщество съ ними житью съ земляками. Съ ними было до 10 собакъ, и всѣ люди и собаки лежали вмѣстѣ на пространствѣ какихъ-нибудь 4 или 5 квадратныхъ саженъ. На вопросъ мой: почему не живутъ въ избѣ, Самоѣдъ отвѣчалъ, что хотя тамъ просторнѣе и удобнѣе и что хоть они было тамъ и поселились, да скоро наскучило и они перебрались въ чумъ. «Есть ли у васъ хлѣбъ?» спросилъ я. «Есть немного, для примѣси въ уху и въ щи» отвѣчалъ онъ; «да и на что́ намъ хлѣбъ? Мы привыкли жить безъ него; если есть рыба, то и слава Богу». Одна изъ избъ на устьѣ Лёмвы довольно-просторна, но стара и покосилась. Возлѣ нея, на небольшой площадкѣ, поставленъ деревянный крестъ, вышиной около $2^1/_2$ саженъ.

Подъ навѣсами у амбаровъ сложено много оленьихъ саней и лямокъ для упряжи изъ кожи бѣлаго медвѣдя, что составляетъ щегольство ѣздоковъ Тундры. Невдалекѣ отъ избы и амбаровъ баня. Пространство между строеніями порасло высокой травой, почти въ ростъ человѣка; только отъ чума караульщика въ рѣкѣ Усѣ проложена узкая тропа.

Можетъ быть, въ старину не такъ пустынно было здѣсь, какъ теперь, и мѣстность на устьѣ Лёмвы не зарастала такой высокой травой, а вытаптывалась торговцами и производителями промышлености, собиравшимися на этомъ торжищѣ кочевыхъ племенъ.

Отъ устья Ельцы до Лёмвы считаютъ около 150 верстъ. Мы плыли съ небольшимъ сутки; цѣлый день былъ виденъ хребетъ Уральскихъ Горъ.

11 часовъ вечера.

Ужинать останавливались у берега. Вѣтеръ съ N свѣжѣетъ; рѣка порядочно волнуется. Ночь очень похожа на осеннюю.

Сегодня вечеромъ только на короткое время появлялись комары; погода не по нихъ, они не замедлили скрыться.

30 іюля, 9 часовъ вечера.

Ночью былъ сильный вѣтеръ; однакожъ мы плыли безостановочно.

Въ 8 часовъ утра стало тихо; накрапывалъ дождь.

Вскорѣ послѣ полдня проплыли мимо устья рѣки Роговой или Хырморъ. Немного ниже, на лѣвомъ берегу видѣли двухъ дикихъ оленей, большаго и недоростка. Замѣтивъ насъ, они побѣжали-нѣсколько разъ останавливались и скрылись въ кустарникахъ.

Сегодня проводникъ мой, Миклей, разсказывалъ мнѣ о событіи, будто бы случившемся назадъ пому лѣтъ десять. Разумѣется, оно прикрашено баснями, преувеличено, и я, не ручаясь за вѣрность разсказа, передаю его изъ слова въ слово. «За рѣкою Обью есть камень, за этимъ камнемъ живутъ Карачеи, племени Манчи, народъ злой, хищный, крайне-бѣдный. У нихъ очень мало оленей, а потому они живутъ грабежемъ и приходятъ иногда къ нашему камню, вооруженные длинными луками, изъ которыхъ мѣтко стрѣляютъ Если нападутъ на какой чумъ, то нерѣдко убиваютъ Самоѣдовъ и уводятъ стада. Въ послѣдній разъ, передъ весной, приходило ихъ человѣкъ 60; одни изъ нихъ шли пѣшкомъ, другіе ѣхали на оленяхъ; вели ихъ двое самые злые Карачеи, которыхъ не беретъ ни пуля, ни ножъ: пули отскакиваютъ отъ нихъ какъ отъ камня, ножи упираются въ нихъ словно въ дерево. Проходили они даже до Ельцы, стояли и тамъ, у озеръ, гдѣ мы были. Самоѣды, зная ихъ злость, добровольно давали имъ десятую часть стадъ. Они перебили много людей въ землѣ около моря; тамъ вздумали имъ противиться. Когда попадетъ оленей немного, они тутъ же и съ ѣдятъ ихъ, и пускаются дальше. Мясо они ѣдятъ всегда сырымъ; на пирушкахъ часто ссорятся и убиваютъ другъ друга; они такъ злы, что имъ все равно свой, или чужой, лишь бы убить кого-нибудь. Много, много они разорили и убили Манчей! За Карачеями живутъ еще чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь ближе, они скроются, а куда, никто не знаетъ, видно, въ землю уходятъ.*)

*) Не преданье ли это о древнихъ жителяхъ Печоры, которые жили въ норахъ и пещерахъ?

Къ морю за камнемъ есть богатые Манчи; у нихъ оленямъ и счету нѣтъ; много и сала, и масла, и хлѣба; они даже и чай пьютъ и живутъ въ привольи; избъ не строятъ, а лѣто и зиму проводятъ въ чумахъ.»

Миклей жаловался также на Ижемцовъ. Они, по его словамъ, немного лучше Карачеевъ, хоть и не убиваютъ. «Я зналъ одного Остяка за камнемъ» говорилъ Миклей, «который часто кочевалъ близъ кочевья моихъ родныхъ; у него оленей было безъ счету; бѣднаго много обманывали Ижемцы, поили виномъ и довели до того, что у старика ни одного оленя не осталось и ношелъ онъ жить по чужимъ чумамъ; а у моего дѣда силой отняли сотню оленей. Да, у Ижемцевъ была своя политика, и они твердо, постоянно шли къ цѣли и уже достигли ее: стада Самоѣдовъ перешли въ ихъ руки, а сами Манчи превратились въ пожизненныхъ работниковъ у своихъ смѣлыхъ, предпріимчивыхъ сосѣдей.»

Вечеромъ работникъ былъ на берегу и видѣлъ свѣжіе слѣды медвѣдя. Сегодня тихій и теплой вечеръ, небо облачно, а комаровъ опять тма. Теперь стало такъ темно, что едва-видны берега рѣки, но мы будемъ плыть всю ночь.

31 іюля, 3 часа пополудни.

Вчера около часа за полночь проплыли устье рѣки Косьи, а въ 6 часу утра прибыли къ горѣ Адакъ. Всю ночь былъ противный вѣтеръ, а потому подвигались впередъ неуспѣшно.

Сумракъ вчерашняго вечера расположилъ моихъ товарищей къ воспоминаніямъ фантастическихъ событій, и они долго тѣшили меня наивными разсказами о мертвецахъ, колдунахъ и проч. Трусливые жались другъ къ другу, оглядывались, вздрагивали; но все чудесное такъ заманчиво, что разсказы не прерывались до полуночи. Между-прочимъ, Миклей разсказывалъ, кàкъ мертвецы напугали Ижемцевъ. У Самоѣдовъ и Манчей мертвыхъ не всегда закапываютъ, а кладутъ въ срубы изъ тонкихъ бревенъ. «Однажды» началъ Миклей, «человѣкъ 20 Ижемцевъ проходили ночью между горъ, и вдругъ слышатъ шумъ, крикъ и пѣнье; пошли на голоса, думали, что тамъ самоѣдскіе чумы, а нашли нѣсколько срубовъ съ покойниками и кругомъ все тихо. Ижемцы, въ испугѣ, ушли отъ

такого страшнаго мѣста, но долго гналось за ними пѣнье мертвыхъ и слышна была снова ихъ пляска. Манчи вѣрятъ, что мертвые встаютъ. Чтобъ воспрепятствовать этому, стоитъ только поворотить неугомоннаго покойника въ срубѣ ничкомъ и сдѣлать заговоръ.»

Сегодня разбудило меня веселое пѣнье одного изъ работниковъ, Филиппа; онъ безъ милосердія коверкалъ русскія пѣсни на зырянскій ладъ. У Зырянъ нѣтъ своихъ пѣсенъ, они какъ попало затверживаютъ русскія; пѣсни, переходя отъ одного къ другому съ новыми ошибками, наконецъ дѣлаются не русскими и не зырянскими, такъ-что добраться нельзя до смысла. Многіе и сами не понимаютъ, что̀ поютъ. Филиппъ не говоритъ по-русски, а поетъ много пѣсенъ и псалмовъ, которымъ научился въ Троицкомъ Погостѣ.

Подъ горой Адакъ, у праваго берега рабочіе завтракали. На этомъ берегу есть пещеры; одна изъ нихъ въ утесѣ, саженъ на десять выше рѣчнаго горизонта воды. Я поднимался къ ней; во внутренности ея можетъ помѣститься человѣкъ 15; вышина сажени полторы. Нѣсколько ниже по рѣкѣ есть другая пещера, обширнѣе первой; къ ней подниматься круче, однакожъ мы взобрались. На днѣ пещеры узкое отверзтіе; глубоко ли оно — неизвѣстно. Говорятъ, что тутъ живетъ черная лисица; впрочемъ, это частью и доказывается оглоданными костьми, которыхъ много при входѣ. До свода пещеры сажени двѣ; въ стѣнахъ глубокія норы, какъ нарочно устроенныя для гнѣздъ птицамъ. Можетъ быть, онѣ и жили здѣсь, но опасная сосѣдка изгнала ихъ изъ покойнаго убѣжища.

Не служили ли эти пещеры жилищами первобытнымъ обитателямъ края? подумалъ я.

Въ разсѣлинахъ скалъ много богородской травы, а по берегу растетъ дикій лукъ.

Останавливались у каменнаго острова, о которомъ я говорилъ прежде.

Къ 10 часу проплыли мимо устья рѣки Азьвы или Хырмора; оттуда направленіе Усы къ SW, и потомъ къ S; вѣтеръ дуетъ съ N; подняли парусъ и плыли довольно-скоро.

Завтра начнется успенскій постъ, а потому рабочіе рѣшились съѣсть сегодня всѣхъ наловленныхъ гусей, и уже во второй разъ варятъ щи.

По всѣй Усѣ много крупныхъ гагаръ. Я видѣлъ ихъ стаями штукъ по десятку и больше; утромъ и вечеромъ онѣ иногда поднимаютъ такое завыванье со всѣхъ сторонъ, что кажется, будто ихъ сотни кругомъ.

6 часовъ вечера.

Въ часъ пополудни спустили парусъ и плыли до 3 часовъ на веслахъ; въ 5 часу подулъ попутный вѣтерокъ и лодка, при пособіи паруса, быстро понеслась по мутнымъ струямъ Усы. Если вѣтеръ не стихнетъ, то къ утру надѣемся быть въ Колвинскомъ Погостѣ, куда рѣшаюсь опять заѣхать. Съ самаго отправленія моего изъ Троицкаго Погоста вѣтеръ помогалъ намъ и сокращалъ пространство пути.

Видя кругомъ по островамъ и по берегу огромныя пространства густой и высокой травы, я не могу понять, какъ эти мѣста остаются незаселенными; при обширномъ скотоводствѣ рыболовная промышленость помогала бы добывать деньги. Отчегожъ люди живутъ по Печорѣ до самаго устья и въ Мезени, которая сѣвернѣе этой полосы? не оттого ли, что берега Печоры и Мезени ближе къ мѣстамъ сбыта?

Въ тундрѣ и въ лѣсахъ здѣшнихъ множество оленьихъ роговъ; никто ихъ не собираетъ. Кость оленьяго рога годна на подѣлки, а изъ остатковъ можно приготовлять клей, который продается вдвое дороже шубнаго. Олени каждый годъ роняютъ рога: сколько же должно быть здѣсь этихъ роговъ? Вотъ еще капиталъ безъ употребленія.

10 часовъ вечера.

Въ началѣ 9 часа солнце закатилось, вѣтеръ сталъ свѣжѣе и порядочно взбугрилъ поверхность рѣки. Лодка моя, покачиваясь, быстро неслась по волнамъ, которыя съ шумомъ разбивались объ ея борты. Въ это время мы проплыли устье рѣки Макарихи, впадающей съ правой стороны. Теперь небо заносится грудами облаковъ, изъ-за которыхъ порой выглядываетъ луна. Вѣтеръ шумитъ въ лѣсу и кустарникахъ, покрывающихъ острова; темно; крѣпко надулся парусъ, спущенный до половины мачты; порой надобно подбирать его, чтобъ не опрокинуло лодку; для этого одинъ рабочій сидитъ у паруса. Плывемъ прямо съ мыса на мысъ; мѣстами из-

рядно качаетъ. Рабочіе сытно поѣли въ четвертый разъ гусиныхъ щей, и двое крѣпко спятъ.

Полночь.

Ночь стала темна, какъ осенью; вѣтеръ съ сѣверовостока крѣпко дуетъ. Желаніе воспользоваться попутнымъ вѣтромъ заставляетъ забывать объ опасности — бѣжать парусомъ въ темную ночь по волновавшейся рѣкѣ, въ маленькой лодкѣ.

7 часовъ утра, 1 августа, на Колвѣ.

Въ 2 часа ночи проплыли устье рѣки Сыни, отъ которой направленіе Усы перемѣнилось и сѣверный вѣтеръ сдѣлался боковымъ; поэтому пришлось плыть медленнѣе и мѣстами работать веслами. Съ трудомъ переѣхали мы рѣку, отъ лѣваго берега къ устью Колвы.

Пространство отъ устья Косьи, отъ котораго считаютъ до 200 верстъ, мы проплыли въ 28 часовъ, тогда-какъ противъ теченія до этого пункта шли безостановочно 57 часовъ.

Теперь поднимаемся по Колвѣ къ погосту; итакъ обратный путь нашъ по Усѣ совершился.

Что значитъ привычка: когда отъ Троицкаго Погоста я поплылъ въ моей лодкѣ, она показалась мнѣ до того мала и опасна, что я, при случаѣ, готовъ былъ ее перемѣнить. Съ большимъ опасеніемъ въ первые дни поднимали парусъ, а теперь въ темную ночь, при сильномъ и частью боковомъ вѣтрѣ, по срединѣ большой рѣки, спокойно бѣжали на парусѣ, какъ въ безопасномъ суднѣ, и я, укачиваемый зыбью, крѣпко спалъ подъ звуки вѣтра и всплески волнъ. Черезъ часъ надѣемся быть въ погостѣ.

5 часовъ пополудни, въ лодкѣ по Усѣ.

Почти 11 часовъ пробылъ я въ Колвинскомъ Погостѣ, удерживаемый радушными священниками. Они сказывали, что здѣсь во все время моей поѣздки на Усу были постоянно сильныя бури.

По прибытіи моемъ въ погостъ, скоро заблаговѣстили къ обѣднѣ, по окончаніи которой пошли съ святыми хоругвями на воду;

до десятка прихожанъ, въ малицахъ, нѣсколько женщинъ и семьи священниковъ сопровождали крестный ходъ. Когда совершилось водоосвященіе, двѣ Самоѣдки троекратно погрузились въ рѣку; ихъ примѣру послѣдовали дѣти и началось общее купанье.

Радушные хозяева подчивали меня, чѣмъ Богъ послалъ, и, между прочимъ, морошкой. Этой ягоды нынче мало, а бываетъ такъ много, что жители для зимы запасаютъ пудъ по 25 на семейство, а иногда и больше. Болота въ полуверстѣ, и въ иной день набираютъ по пуду.

Послѣ обѣда я простился съ моими колвинскими пріятелями, г. Кастреномъ, который еще здѣсь, и проводникомъ моимъ, Миклеемъ. Почти все народонаселеніе погоста провожало меня до берега.

Такъ я кончилъ поѣздку мою въ верховье Усы и скоро и счастливо; попутные вѣтры помогали намъ и ускоряли наше плаваніе по этой пустынной рѣкѣ. Времени истрачено немного на довольно-дальній путь (около 1,200 верстъ), и я частью достигъ цѣли. Я обозрѣлъ раздѣльный пунктъ между Печорою и Обью, хотя и не имѣлъ возможности проплыть до устья Соби. Теперь буду стремиться ко второму пункту — къ устью Печоры, обозрѣніе котораго считаю такъ же необходимымъ, какъ обозрѣніе перваго.

ДНЕВНИКЪ

ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА

ЛАТКИНА,

ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ПЕЧОРУ,

въ 1840 и 1843 годахъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Деревня Усть-Уса. — Пассажиръ Самоѣдъ. — Ловъ семги поплавнемъ. — Одежда жителей. — Деревня Андрюшино. — Деревня Праскапъ. — Деревня Сазонова. — Рѣка Ижма. — Ижемскій Погостъ. — Село Усть-Цыльма. — Лѣтопись. — Преданія. — Грамматы Царя Іоанна IV. — Ивашка Ластка. — Церковь Усть-Цыльмы.

1 августа 8 часовъ вечера, по Усѣ.

Скоро простимся съ мутными водами Усы и поплывемъ по широкому лону Печоры. Вдали уже виденъ высокій мысъ, образовавшійся при сліяніи этихъ пустынныхъ рѣкъ, и чернѣетъ въ туманѣ лѣсистый лѣвый берегъ Печоры. Свѣжій вѣтеръ съ NW произвелъ волненіе и покачиваетъ нашу лодку, которой грузъ теперь увеличился однимъ пассажиромъ — Самоѣдомъ. Мы нашли его на берегу Усы и взяли съ собой. Служа работникомъ у одного Ижемца, онъ былъ съ нимъ въ тундрѣ. Оттуда хозяинъ вздумалъ послать его домой, т. е. въ Ижемскій Погостъ, а на дорогу далъ ему только топоръ, огниво и хлѣба дня на два, хотя пути предстояло, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дней на десять. Бѣднякъ не смѣлъ ослушаться своего хозяина, и пошелъ одинъ съ своей шершавой собакой. У верховьевъ рѣки Азь-вы онъ сдѣлалъ плотикъ и поплылъ по теченію; голодъ начиналъ уже томить его, когда, по счастью, онъ встрѣтилъ Самоѣдовъ на гусиномъ промыслѣ. Они взяли его съ собой. Ловъ былъ довольно-удачный, и на его часть досталось до 40 гусей. Съ этой добычей Самоѣдъ поплылъ опять по Азь-вѣ на своемъ плотикѣ, вычистилъ гусей и сталъ сушить ихъ на солнцѣ; нѣкоторые начали скоро портиться; попорченныхъ онъ ѣлъ и кормилъ ими собаку, а сухіе берегъ въ запасъ. Часто сильные вѣтры захватывали и задерживали его;

одинъ разъ большой медвѣдь неотступно слѣдилъ его вдоль берега неширокой рѣки Азь-вы. Бѣдняга-Самоѣдъ думалъ уже, что насталъ его послѣднiй часъ, однакожь рѣшился попугать медвѣдя: началъ кричать, стучалъ топоромъ, а медвѣдь шелъ, да шелъ рядомъ съ плотомъ Самоѣда. Наконецъ косматый житель пустыни, видно, сжалился надъ бѣднякомъ, или наскучило ему: посмотрѣлъ на пловца и поднялся на берегъ. Самоѣдъ много разъ былъ въ опасности во время сильныхъ вѣтровъ, на своемъ утломъ плотѣ, но судьба хранила его. Однажды донеслись до него звуки человѣческихъ голосовъ изъ-за острова... онъ обрадовался; но крику его никто не услышалъ, и онъ опять остался одинъ въ пустынѣ. Издали онъ видѣлъ нашу лодку, когда мы бѣжали парусомъ; надѣялся завернуть въ погостъ, да не нашелъ устья Колвы. Онъ сидѣлъ на берегу у огня, когда мы плыли, и просилъ насъ остановиться и взять его съ собой. Мы приняли его съ условiемъ, чтобъ онъ бросилъ полугнилыхъ, вонючихъ гусей, и обѣщались кормить его. Онъ долго не рѣшался на такое пожертвованiе; наконецъ необходимость заставила согласиться; онъ взялъ одного гуся въ запасъ, другаго въ руки — глодать, и сѣлъ въ лодку; но долго съ грустью поглядывалъ на свой плотикъ, гдѣ остались гнилые гуси. Павлу, такъ звали Самоѣда, было около 25 лѣтъ; онъ хорошо говоритъ по-русски, знаетъ языкъ Манчей и зырянскiй. Все платье его состояло изъ плохой малицы, худыхъ штановъ и обуви; рубахъ онъ давно не знаетъ; шапкой служатъ ему густые черные волосы. Жалованья онъ получаетъ по 11 рублей серебромъ въ годъ.

Но каковъ же хозяинъ Павла — послать бѣднаго Самоѣда пустыней, черезъ сотни верстъ, и не дать даже хлѣба! Поступокъ этотъ не лучше грабежей Карачеевъ.

2 августа пополудни 2 часа. Деревня Усть-Уса.

Вчера противный вѣтеръ такъ затруднялъ насъ, что, при всѣхъ усилiяхъ, едва въ 10 часовъ вечера мы добрались до деревни Усть-Усы. Непогода продолжается здѣсь уже нѣсколько дней и не пускаетъ за Печору: надобно ждать, пока вѣтеръ стихнетъ — и я рѣшился остаться на это время въ Усть-Усѣ.

Крестьяне заняты сѣнокосомъ; они запасаютъ немало сѣна и

для себя и для проѣзжихъ, которыхъ зимой бываетъ много. Хозяинъ мой ставитъ до 22 вытей (такъ опредѣляютъ здѣсь количество сѣна въ 44 копны; 22 выти составляютъ 880 большихъ копенъ).

Скоро начнется ловъ семги поплавнями: это рѣдкія, прямыя сѣти, длиной около 100 саженъ и вышиною три и четыре аршина. Лучшій ловъ въ ненастныя и бурныя ночи; въ пять или шесть ночныхъ тоней налавливаютъ иногда рыбъ по 10, иногда и по 20, а бываетъ, и ни одна не попадетъ. Въ этомъ промыслѣ соблюдается очередь: выѣзжаетъ лодка съ поплавнемъ на середину рѣки къ мѣсту, гдѣ начинается тоня, и бросаетъ одинъ конецъ сѣти, къ которому прикрѣпленъ кусокъ дерева — поплавень, чтобъ сѣть не тонула; потомъ лодку направляютъ поперегъ рѣки и поспѣшно выбрасываютъ весь поплавень, оставляя въ лодкѣ другой конецъ его. Такъ проплывъ извѣстное пространство (всю тоню), версты двѣ или три, начинаютъ сбирать поплавень въ лодку вмѣстѣ съ пойманной рыбой. Пока эта лодка возвращается назадъ, другая тѣмъ же порядкомъ закидываетъ сѣть; потомъ третья, четвертая. . . На промыслъ выѣзжаетъ здѣсь лодокъ до семи; если же ихъ больше, то одна артель ловитъ полныя сутки, потомъ столько же времени работаетъ другая.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей имѣютъ въ тундрѣ оленей; но малыми стадами держать ихъ считаютъ невыгоднымъ дѣломъ; потому-что самому крестьянину, для небольшаго числа оленей, нельзя оставить другихъ промысловъ; надобно довѣриться Самоѣдамъ, а эти, платя за притѣсненія Ижемцевъ, не всегда добросовѣстно берегутъ оленей: часто стада, вмѣсто приращенія, убываютъ. Теперь же въ тундрѣ, какъ говорятъ, большое воровство. Пороки проникли и въ пустыню сѣвера.

Въ Усть-Усѣ есть хорошая пристань, образовавшаяся въ заливѣ; въ ней теперь стоитъ чердынской каюкъ, нагруженный рыбой лѣтняго промысла Усть-усинской деревни; всего рыбы скуплено до 600 пудъ, по 2 рубля ассигнаціями за пудъ; на соленье употребляется лѣтомъ по 5, а осенью по 3 и по 4 фунта соли на пудъ рыбы.

При богатствѣ здѣшнихъ промысловъ, крестьяне живутъ въ довольствѣ: рыбы, птицъ, разнаго рода пушнаго звѣря здѣсь много; для скотоводства—приволье... не полѣнись только жители, былъ бы и картофель, и хлѣбъ свой.

Обыкновенную одежду жителей здѣшняго края Самоѣдовъ и Ижемцевъ составляютъ: малица, совикъ, пимы, люпты и шапка. Малицу шьютъ изъ шкуръ полугодовыхъ оленей, шерстью внутрь; она въ родѣ мѣшка съ отверстіями внизу и вверху, чтобы просунуть голову, и съ двумя рукавами. По подолу обшиваютъ оборкою тоже изъ оленьихъ шкуръ, черныхъ и бѣлыхъ, шерстью вверхъ; у рукавовъ и на шеѣ отвороты изъ пыжиковъ; чѣмъ чернѣе пыжики на отворотахъ, тѣмъ дороже и щеголеватѣе малица. Въ морозы, а иногда и въ обыкновенное время, сверхъ малицы, надѣваютъ совикъ, который шьютъ изъ старыхъ и молодыхъ оленей; совикъ шьется такъ же, какъ малица, только шерстью наружу и съ капишономъ, который надѣвается на голову. Совикъ носятъ и безъ малицы. На ноги надѣваются пимы — длинные сапоги, едва не до пояся; ихъ шьютъ изъ шкуръ оленьихъ ногъ; подошвы дѣлаютъ изъ мягкихъ обрѣзковъ щетки оленьихъ копытъ. Люпты, родъ чулокъ; шьются изъ пыжиковъ и надѣваются на босую ногу, шерстью къ тѣлу. Шапка дѣлается тоже изъ пыжиковъ; она бываетъ обыкновенно двойная. Наконецъ рукавицы также изъ оленины; онѣ пришиваются къ рукавамъ малицы или совика.

Одежда Самоѣдокъ приготовляется тоже изъ оленьихъ шкуръ, съ тою только разницею, что малица ихъ разрѣзная и украшается лоскутками звѣриныхъ шкуръ и сукна разныхъ цвѣтовъ. На женскихъ шапкахъ тѣ же прикрасы. Подъ малицу надѣваютъ онѣ, сшитыя изъ пыжиковъ, янды, въ родѣ рубахи, шерстью къ тѣлу. Женщины Зырянъ носятъ сарафаны и мужскія малицы.

Платье это шьется нитками изъ оленьихъ жилъ, или верхней перепонки кишокъ; онѣ приготовляются искусно и очень крѣпко.

Надѣвши на ноги люпты и пимы, а на себя малицу и совикъ, и подпоясавшись ремнемъ съ пряжкой и мѣдными прикрасами, Самоѣды и Русскіе переносятъ самый ужасный морозъ, не чувствуя холода, и могутъ ночевать въ снѣгу. Это платье, однакожъ, портится отъ дождя и, будучи промочено разъ, легко принимаетъ сырость.

Лѣтомъ носятъ тоже малицы, только легкія, изъ самыхъ молодыхъ оленей, или поношенья; кто богаче, тотъ въ праздники, или отправляясь въ гости, надѣваетъ сверхъ малицы ситцовую, или холстинковую рубашку. Вчера въ церкви Колвинскаго Погоста всѣ Самоѣды были въ малицахъ, съ надѣтыми на нихъ рубашками.

Зыряне и Ижемцы лѣтомъ носятъ парки, сшитыя изъ сукна, покроя совика или малицы. Зипунъ, или халатъ, попадаются здѣсь рѣдко. Форма одежды, хотя однообразна, надобно согласиться, что она очень удобна. У Самоѣдовъ другой одежды, кромѣ шитой изъ оленей, никогда не бываетъ; бо́льшая часть не знаетъ бѣлья, надѣвая малицу на голое тѣло.

При мнѣ въ деревню на Усть-Усы приплыли 10 человѣкъ Печорцевъ; они спѣшатъ на встрѣчу чердынскимъ каюкамъ наняться въ работу.

Несмотря на то, что все еще очень вѣтрено, мы сейчасъ отправляемся въ дальнѣйшій путь.

7 часовъ вечера, на лѣвомъ берегу Печоры.

Едва мы вышли на средину Печоры, какъ встрѣтилъ насъ сильный сѣверный вѣтеръ; нѣсколько дней бурливой непогоды развели большое волненіе, и мы съ трудомъ переѣхали рѣку. Высоко вздымались волны надъ лодкой. «Сынэёна, локтэ-ыджмыдъ-гы!» (гребите сильнѣе, идетъ большой валъ!) кричалъ мой лоцмамъ; валъ подходилъ и вода заплескивалась въ лодку, между-тѣмъ облакомъ несло песокъ съ широкихъ косъ Печоры. Это еще первая буря, встрѣтившая насъ на этой рѣкѣ и мы долго боролись съ ней, пока пристали къ берегу. Въ 4 часа ходу мы проѣхали только 12 верстъ. Теперь мы стоимъ противъ новой деревушки Новикъ-бэжъ, построенной на правомъ берегу.

Лодка моя въ спокойной гавани, только немного покачивается рѣчною зыбью. Мы поужинали кашей; Самоѣдъ Павелъ гложетъ остатки полугнилаго гуся. Буря грозно бушуетъ, пѣнитъ рѣку и гнетъ деревья.

Здѣсь, на Печорѣ, много острововъ. Весной рѣка разливается на большое пространство, поднимаясь саженъ на пять и больше.

3 августа, утро 11 часовъ.

Сегодня и холодно и ненастно; дождь льетъ ливмя; въ 4 часа утра, когда мы поплыли съ ночлега, было нѣсколько тише.

Теперь подплываемъ къ мысу, отъ котораго теченіе Печоры начинаетъ склоняться къ NW, потомъ къ W, и наконецъ къ SW.

Не знаю, почему этотъ уголъ называется Андрюшино. Здѣсь считается половина пути отъ Троицкаго Погоста къ Пустозерску, или, какъ говорятъ, вторая четверть: первая считается при устьи Щугора, вторая въ Андрюшинѣ, третья въ Усть-Цыльмѣ и четвертая въ Пустозерскѣ.

Утромъ противный вѣтеръ заставилъ насъ тянуться бечевой; очередной работникъ шагалъ по берегу; за нимъ, склонивъ голову, шла самоѣдская собака. Вдругъ она залаяла, бросилась къ лѣсу... работникъ подумалъ, что тутъ медвѣдь и закричалъ. Произошла тревога. Хотя никого не видали, но мы всѣ увѣрены, что собака даромъ не залаетъ.

По высокому берегу мѣстами сосновый и еловый лѣсъ; по руслу рѣки множество островов и мелей; материкъ лѣваго берега остался за песками и заливами; нѣкоторые изъ нихъ шириной около полуверсты. Вѣтеръ опять засвѣжѣлъ, сильно волнуетъ широкую рѣку, и мы съ трудомъ переплывали заостровья; потомъ опять тянулись бечевой, а гдѣ нельзя, плыли на веслахъ. Мы спѣшили добраться до деревни Праскан; были бы рады пріютиться въ тепломъ жильѣ — платье на рабочихъ перемокло; полуночный вѣтеръ навѣялъ холодъ.

5 часовъ вечера. Деревня Прасканъ или Новикъ-Бэжская.

Деревню Прасканъ мы нашли по указанію рыболововъ: она за островами, состоитъ изъ 6 домовъ, изъ которыхъ одинъ пустой, и расположена на низменномъ полуостровѣ; съ одной стороны рукавъ Печоры, съ другой — озеро до трехъ верстъ въ длину. Около 50 лѣтъ назадъ тому, одинъ изъ Ижемцевъ, Ѳома, переселился сюда; у него было пять сыновей, изъ которыхъ живъ одинъ, но осталось много внуковъ; и только года два, какъ померъ основатель деревни.

Во время его переселенія рукава Печоры еще не было; она текла вдали подлѣ праваго материка, и только въ послѣднія 20 лѣтъ рѣка устремилась къ деревнѣ, прорвала острова, образовавъ рукавъ шириной около версты, и въ каждую весну тревожитъ жителей, затопляя низменности на большое пространство, а нерѣдко и деревню. Въ иной годъ груды льда несутся мимо домовъ — жители того и ждутъ, что разломаетъ и снесетъ ихъ дворы. Минув-

шей весной вода была очень велика и ледяныя массы угрожали гибелью поселенію; а проливъ съ каждымъ годомъ становится шире. Прасканцы думаютъ уже переселитьтся куда-нибудь.

Нельзя не удивляться рѣшимости перваго переселенца на эти пустынные берега Печоры. Деревня Усть-Уса отъ Праскана въ 75 верстахъ, а по низовью Печоры ближайшее селеніе въ 60 верстахъ, но зато здѣсь приволье для промысловъ. Куропатокъ бываетъ чрезвычайно много: въ иной годъ налавливаютъ на семью по нѣскольку тысячъ. Въ продолженіе зимы 1842 года, пять семей деревни поймали до 43,000 штукъ; въ томъ числѣ, на одно изъ людныхъ семействъ досталось до 12,000. Сюда пріѣзжаютъ для ловли куропатокъ даже изъ Ижмы; въ 1842 году и Ижемцы поймали около 15,000 штукъ. Разумѣется, такое обиліе бываетъ не часто, но каждый годъ добыча этой птицы бываетъ все-таки довольно велика. Весь промыселъ, какъ говорятъ, производится на пространствѣ не болѣе 7 или 10 верстъ. Цѣна куропаткамъ въ богатый годъ бываетъ не выше 1 к. сер. за штуку. Близость тундры и множество острововъ, покрытыхъ кустарниками, привлекаютъ сюда этихъ пернатыхъ въ такомъ множествѣ. У нѣкоторыхъ крестьянъ до 800 ловушекъ. Куропатки зимой составляютъ ихъ ежедневную здоровую пищу и дѣлаютъ большое подспорье въ хлѣбѣ; тетеревей и рябчиковъ бываетъ мало. Скота рогатаго и овецъ у жителей довольно; скотъ, какъ и по всей Ижемской Волости, хорошей породы; руно овецъ очень мягкое и тонкое. Рыболовство здѣсь тоже прибыльно. По Печорѣ есть удобныя тони, и особенно въ озерѣ много рыбы. Хлѣбопашества и огородничества не существуетъ; за пудъ хлѣба платятъ по 3 р. асс. что̀ составляетъ цѣнность почти сотни куропатокъ; за соль та же цѣна, что̀ и за пудъ хлѣба, а бываетъ и дороже. Въ томъ и другомъ жители часто нуждаются. Домы въ Праскане построены худо, хотя сосновый лѣсъ и недалеко отъ нихъ. Въ этомъ отношеніи въ Прасканцахъ замѣтна какая-то небрежность: отдалясь отъ людей, они сдѣлались настоящими жителями лѣсовъ и не думаютъ объ удобствѣ, лишь бы было тепло. На лугу, близъ двора Ѳомы, поставленъ деревянный крестъ. Непріятно было слышать, что, живя въ такой пустынѣ, вдали отъ другихъ селеній и на привольѣ для промысловъ, жители Праскана ссорятся между собой и, повозможности, стараются вредить одинъ другому.

11 часовъ вечера.

Въ 6 часовъ отравились мы изъ Праскана; часа четыре плыли между островами, пока добрались до Печоры. Она здѣсь широка; прямые плёсы очень длинны. Теперь тихо, но крайне-темно: едва можно различить высокій берегъ праваго материка, подлѣ котораго плывемъ на веслахъ.

3 часа пополудни, 4 августа.

Сегодня съ утра опять ненастье, словно осенью; дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ. Мы плывемъ съ пособіемъ паруса въ направленіи къ SW.

Кажется, никогда съ такимъ удовольствіемъ не пьешь горячій настой китайской травы, какъ въ подобное ненастье, на водѣ и въ безлюдьи; я всегда съ удовольствіемъ сижу за самоваромъ, въ своей тѣсной каютѣ, и длю время въ этомъ занятіи.

Недавно встрѣтили мы 7 чердынскихъ каюковъ; они тянутся бечевой съ низовья Печоры съ грузомъ рыбы, ворваннаго сала и другихъ товаровъ.

Около полудня вѣтеръ усилился такъ, что мы съ трудомъ подвигались впередъ. Здѣсь начинается ловъ сельдей, но ненастная погода неблагопріятствуетъ промыслу. На берегу Печоры видѣли рыболововъ изъ деревни Кыдзь-Кыръ, т. е. березовая гора, или Сазонова: она отъ Праскана въ 160 верстахъ; мы до нея на половинѣ пути.

9 часовъ вечера.

Холодно, но бѣжимъ парусомъ. Вечеромъ встрѣтили еще шесть чердынскихъ каюковъ и видѣли много рыбачьихъ артелей на берегахъ Печоры. Рыбаки поджидаютъ тепла, и видно, въ надеждѣ на удачный ловъ, привезли много бочекъ для сельдей.

Соленыя сельди продаются въ Ижемскомъ Погостѣ по 2 р. за пудъ, а иногда и дешевле; если на артель, изъ 5 человѣкъ, достанется пудовъ 150, то ловъ считается удачнымъ. Сельдей ловятъ неводами, причемъ иногда попадаетъ и семга.

2 часа пополудни, 5 августа.

Вчера поздно вечеромъ мы проплыли деревню Кыдзь-Кыръ, или Сазонову. Около 50 домовъ этого селенія расположены на высокомъ правомъ берегу. Жители занимаются хлѣбопашествомъ; но главный промыселъ ихъ — рыболовство лѣтомъ и звѣриная охота зимою. Ловкій охотникъ продаетъ здѣсь отъ 300 до 500 заячьихъ шкуръ. Куропатокъ мало, потому-что тундра далеко. Скотоводство большое: нѣкоторые изъ крестьянъ выкармливаютъ отъ 5 до 10 быковъ, другіе имѣютъ въ тундрѣ оленей. Вообще жители довольно-зажиточны.

Вечеромъ встрѣтили еще одинъ чердынскій каюкъ и нѣсколько рыбачьихъ лодокъ. Здѣсь замѣтно уже нѣкоторое движеніе промышлености.

Противъ деревни Сазоновой выдалась большая песчаная отмель, отъ которой рѣка начинаетъ склоняться опять къ WSW. При сильномъ вѣтрѣ, мы едва обогнули эту широкую отмель, съ трудомъ перегребли чрезъ заливъ къ правому берегу, и расположились ночевать за вѣтромъ.

Сегодня въ 9 часу утра проплыли мимо деревни Няша-бэжъ, или Полигорской; въ ней до десятка домовъ, расположенныхъ на весьма красивомъ косогорѣ праваго берега при устьѣ рѣчки Вольмы. Въ часъ пополудни миновали большое селеніе Щелья-Юръ, въ которомъ 60 домовъ и до 300 человѣкъ жителей; оно на лѣвомъ берегу. Нѣсколько ниже его крутыя горы, а потому и деревня названа Щелья-Юръ, т. е. въ головѣ горъ.*) По Печорѣ много острововъ; отсюда направленіе рѣки еще больше къ W и WNW; берега очень высоки и покрыты еловымъ лѣсомъ, мѣстами и сосновымъ.

11 часовъ вечера. Деревня Усть-Ижма.

Въ 8 часовъ вечера приплыли къ устью Ижмы и пошли по ней въ направленіи къ S; отъ устья до перваго селенія около пяти верстъ.

*) У Ижемцевъ гора называется щелья, тогда-какъ Зыряне на Вычегдѣ называютъ горы — кыръ.

Я рѣшился подняться до Ижемскаго Погоста: можетъ быть, возвращаясь осенью по Печорѣ, не успѣю заѣхать въ это богатое село.

9 часовъ вечера, 6 августа.

Идемъ тихо. Ижма крайне-мелководна, хотя и считаютъ около 30 большихъ и малыхъ притоковъ, въ нее вливающихся: или косы во всю рѣку, или каменистыя отмели и одинокіе камни безпрерывно затрудняютъ ходъ; кромѣ того, много остановокъ при обходѣ заколовъ, сдѣланныхъ для рыбной ловли. Заколы состоятъ изъ часто-набитыхъ кольевъ, которыми перегораживаютъ рѣку отъ берега иногда до средины и дальше. Къ заколамъ прикрѣпляютъ сѣти, чтобъ рыба не проходила между кольями, а въ отверзтіяхъ между ними становятъ морды; но рыбы попадаетъ мало: на небольшой мелководной рѣкѣ и при сотнѣ ловцовъ, гдѣ же и быть рыбѣ? Мѣстами заколы тянутся отъ обоихъ береговъ, и сряду отъ 5 до 10, на небольшомъ пространствѣ; бечевника вовсе нѣтъ; по берегу грязь, валежникъ, или крутизны, покрытыя лѣсомъ, а потому во многихъ мѣстахъ мы шли на веслахъ и больше къ S и иногда къ SSO. Миновали уже шесть деревень и одно село, и всѣ онѣ находятся на правомъ, довольно-высокомъ берегу; лѣвый берегъ низменный; мѣстами попадаются хорошіе луга.

Во всѣхъ деревняхъ домы порядочные, а у нѣкоторыхъ крестьянъ даже очень хорошіе; вообще всѣ избы съ трубовыми печами и большими окнами; внутри соблюдается большая опрятность. Лѣсъ на постройки идетъ съ верховьевъ Ижмы и ея притоковъ; тамъ, говорятъ, строевыхъ лѣсовъ много; здѣшніе лѣса идутъ иногда на продажу въ Пустозерскъ.

Погода начинаетъ поправляться: днемъ было ясно и тепло. Ненастье и холода продолжались долго, что́, кажется, имѣло вліяніе на сѣнокосы: вообще мало видно сѣнныхъ стоговъ, да и хлѣба̀ повсюду зелены.

Проходимъ зимовую избу; она на лѣвомъ берегу рѣки. Отсюда до погоста 25 верстъ. Въ цѣлый день прошли только 35 верстъ. По берегамъ Ижмы мѣстами много лиственничныхъ лѣсовъ.

9 часовъ утра, 7 августа.

До погоста остается недалеко. Теперь идемъ противъ деревни

Кересъ или Сазябской; сикты, или околотки*) этого поселенія разбросаны на большомъ простанствѣ по отлогимъ возвышенностямъ лѣвато берега Ижмы. Говорятъ, многіе изъ жителей этой деревни очень богаты; несмотря на то, что отъ нихъ недалеко Ижемскій и Мокчинскій Погосты, они собрали значительную сумму денегъ, до 8,500 р. сер., на построеніе церкви.

5 часовъ вечера 8 августа. Ижемскій Погостъ.

Сегодня, въ 11 часовъ утра, прибыли мы въ Ижемскій Погостъ, находящійся на правомъ берегу рѣки, въ 60 верстахъ отъ ея устья. Въ серединѣ села, состоящаго изъ 120 домовъ, двѣ церкви: каменная и деревянная. Здѣшніе жители усердные христіане и дѣлаютъ много приношеній храму Божію, а потому въ церкви есть нѣсколько иконъ съ дорогими ризами и довольно-богатая ризница.

За рѣкой противъ Ижемскаго Погоста село Мокчинское, съ большою каменною и богато-украшенною церковью. Въ немъ до 100 домовъ. Я собралъ кой-какія свѣдѣнія объ Ижемской Волости, но помѣщу ихъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ Ижмѣ живетъ помощникъ окружнаго начальника, завѣдывающій всѣми селеніями Мезенскаго Уѣзда Печорскаго Края.**)

Сейчасъ отправляюсь обратно; погода благопріятная, и я спѣшу ею воспользоваться.

Полночь, 9 августа.

Сегодня въ 5 часовъ утра я былъ въ селѣ Красный-Боръ, заходилъ въ церковь; въ это время въ ней совершалась заутреня;

*) Многія зырянскія селенія состоятъ изъ нѣсколькихъ околотковъ, или группъ домовъ, стоящихъ отдѣльно одно отъ другаго; околодокъ называется сиктъ; ему придается названіе часто по имени первыхъ поселенцевъ, или по мѣстности, чѣмъ-нибудь замѣтной, или по ручью, на берегу котораго лежитъ сиктъ.

**) Здѣсь я узналъ случайно превосходное средство отъ обвара: надобно прикладывать пепелъ пережженнаго мочала, смѣшаннаго со сливками. Сынъ помощника окружнаго нечаянно вылилъ себѣ на лицо котелъ горячей воды и леченіе сказаннымъ способомъ шло такъ успѣшно, что не осталось ни малѣйшаго знака отъ обвара.

народу въ церкви было много и много усердно молившихся. Около полудня мы были уже на устьѣ Ижмы; крѣпкій вѣтеръ отъ N волновалъ Печору, и мы съ трудомъ переѣхали за вѣтеръ, къ правому материку, и медленно плыли подлѣ него. Вечеромъ стало тише. Въ 30 верстахъ отъ устья Ижмы, на отдѣльномъ холму праваго берега, находится деревня Полушина; въ ней до 25 домовъ. Отсюда начинается Усть-Цылемская Волость. Въ Полушинѣ говорятъ уже по-русски. Отъ нея до Усть-Цылемскаго Погоста проплыли еще мимо двухъ небольшихъ деревень въ пяти и въ трехъ верстахъ отъ погоста. Цѣлый день шумѣлъ сильный вѣтеръ, и только въ 11 часу мы пристали въ Усть-Цыльмѣ. Ночь темная. Я рѣшился остаться ночевать и помѣстился у добраго и гостепріимнаго князя Палавандова, завимающаго здѣсь должность лѣсничаго.

Утро, 10 августа.

Народонаселеніе Усть-Цылемской Волости состоитъ изъ 2,655 обоего пола жителей; въ ней много деревень, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ Печоры, Цыльмы и Пижмы, и число ихъ, кажется, ежегодно увеличивается; изъ погоста и другихъ селеній переселяются на приволье по пустынным берегамъ рѣкъ, гдѣ, не стѣсняясь, могутъ усиливать скотоводство — промышленость, на которую теперь, какъ на самую выгоднѣйшую, они обратили большое вниманіе.

Село Усть-Цыльма находится на правомъ, довольно-низменномъ берегу Печоры, противъ устья впадающей въ нея съ лѣвой стороны рѣки Цыльмы. Въ немъ 240 домовъ, которые растянуты на пространствѣ по-крайней-мѣрѣ четырехъ верстъ. По низовью рѣки къ нему примыкаетъ еще нѣсколько деревень.

Домы крестьянъ порядочны и много есть очень хорошихъ съ нѣсколькими комнатами; въ срединѣ поселенія деревянная, ветхая церковь; вблизи ея дѣлается фундаментъ для новой, деревянной же. Усть-Цыльва самое многолюдное селеніе въ Печорскомъ Краѣ. Здѣсь живутъ двое чиновниковъ: становой приставъ и лѣсничій, завѣдывающіе всѣми селеніями и лѣсами Мезенскаго Уѣзда по Печорѣ и ея истокамъ. Желая узнать о преданіяхъ края, я разспрашивалъ, нѣтъ ли чего письменнаго? Мнѣ сказали, что церковнослужителями ведется лѣтопись. По просьбѣ моей, принесли отъ

священника довольно-толстую тетрадь. Изъ нея узналъ я, только что при устьѣ рѣки Цыльмы поселились, въ 1542 году, двое Новогородцевъ: Ивашка Дмитріевъ Ластка и Власко; потомъ къ нимъ присоединились пришельцы изъ разныхъ мѣстъ. Для бо́льшаго удобства, они переселились за Печору, противъ Устья Цыльмы на гари (т. е. на мѣста, гдѣ выгорѣлъ лѣсъ); что это поселеніе наименовали они Усть-Цыльмскою Слободкою и завели небольшое хлѣбопашество. Что жители ловятъ рыбу, бѣлую и красную, и звѣрей, продаютъ ихъ торговцамъ, покупая на эти деньги хлѣбъ и другіе припасы, что́ дѣлается и понынѣ; что первая церковь построена на гари Ивашкой Ласткой и Власкомъ, во имя Чудотворца Николая, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, въ 1547 году, и сгорѣла вмѣстѣ съ деревней въ 1745 году; и что неизвѣстно, первоначальная ли это была церковь, или уже другая; что если это была первая, то она существовала 198 лѣтъ; что послѣ пожара новая церковь построена на другомъ мѣстѣ, тоже во имя Святителя и Чудотворца Николая, деревянная, одноэтажная, теплая; что на ней поставленъ деревянный восьмиконечный крестъ; выстроена же на казенное иждивеніе съ помощью прихожанъ; освящена на антиминсѣ бѣлаго полотна, который священнодѣйствованъ Венедиктомъ, епископомъ архангельскимъ и холмогорскимъ въ 1751 году. Кромѣ этихъ свѣдѣній, сохранилось въ памяти, что прежнія церкви и домы жителей были ближе къ Печорѣ, и есть преданіе, что, послѣ перваго церковнаго пожара, образъ Святителя не разъ переносился на мѣсто нынѣшняго храма, хотя его относили обратно на мѣсто сгорѣвшаго, предполагая тамъ же начать постройку новой церкви. Наконецъ рѣшились, повинуясь волѣ Святителя, построить храмъ на новомъ мѣстѣ. Скоро и все поселеніе перешло сюда подъ защиту Божіяго храма, между-тѣмъ, какъ отъ стараго мѣста остался небольшой холмъ: все размыло и унесло напоромъ рѣки.

Образъ Святителя, находящійся въ церкви, весьма уважается въ здѣшнемъ краѣ: рѣдкіе проплываютъ мимо Усть-Цыльмы, не отслужа молебна и не помолившись Угоднику.

Въ волостномъ правленіи я нашелъ двѣ грамматы, изъ которыхъ видно, что основателемъ здѣшняго поселенія былъ дѣйствительно Новогородецъ Ивашка, Дмитріевъ сынъ, Ластка съ товарищемъ Власкомъ. Чтобъ обезпечить благосостояніе новой колоніи и упрочить права свои на окрестныя земли и воды, смѣлый пере-

селенецъ поѣхалъ въ Москву. Годъ перваго путешествія его неизвѣстенъ; видно, однакожъ, что тогда самодержцы Руси именовали себя только Великими Князьями, безъ царскаго титула, ибо и вторая граммата, въ которой упоминается о прежней, дана ему Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ 7053 (1545) году.

При первомъ путешествіи своемъ онъ билъ челомъ Великому Князю, и сказалъ, «что по Печорѣ до Усы, по Цыльмѣ до рѣки Косьи, по Ижмѣ и Пижмѣ до Великой Пожни пески, рыбныя ловли, малыя рѣчки, и озерки, лѣсъ, дичь, мхи, болота, сокольи и кречетьи садбища; а пашень, покосовъ и рыбныхъ ловль ни чьихъ изстари нѣтъ; и что отъ пашенныхъ людей двинскихъ и пинежскихъ эти мѣста отошли верстъ на 500 и больше, и просилъ позволить ему поселиться въ этихъ мѣстахъ и пользоваться ихъ угодьями.» Вслѣдствіе этой просьбы, ему разрѣшено: «копить слободу» т. е. селиться, принимая переселенцевъ и со всѣхъ угодьевъ давать оброка въ годъ: «по кречету или по соколу, или по рублю деньгами.» При переѣздѣ съ этимъ оброкомъ въ Москву, съ Ивашки новогородскаго повсюду «мытчики, мостовщики и перевощики брали: мытъ, мостовщину и за перевозы;» а потому онъ просилъ Великаго Князя освободить его отъ этихъ тягостныхъ повинностей. Великій Князь не только исполнилъ просьбу, вновь подтвердивъ права его, и взносъ оброка, назначенный прежнею грамматою, но, чтобъ какими-либо притязаніями намѣстники пинежскіе и тіуны ихъ не затруднили производства промысловъ, Ивашкѣ предоставлено надъ всѣми слобожанами судъ и расправа «кромѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ», а слобода освобождена отъ взноса кормовыхъ, отъ присылки къ нимъ «ни почто предвѣдчиковъ и доводчиковъ», которымъ даже не велѣно въѣзжать въ слободу. За судъ позволено Ивашкѣ взимать съ виноватаго по 5 денегъ новгородскихъ; если же случится имѣть тяжбу слобожанамъ съ людьми городскими, или волостными, то Ивашкѣ предоставлено быть судьей вмѣстѣ съ намѣстниками и ихъ тіунами, и защищать своихъ; если же кто будетъ имѣть претензію на самомъ Ивашкѣ, то судъ его Великій Князь предоставилъ себѣ или своему сокольничему; еслиже кто поселится въ слободѣ, не явясь Ивашкѣ, съ того назначено взыскивать на В. К. рубль московскій. Подлинная граммата въ 1769 году взята въ Правительствующій Сенатъ.

Обезпеченный въ своихъ правахъ еще прежнею грамматою, дѣ-

ятельный Ивашка увеличилъ народонаселеніе слободы новыми переселенцами, пригласивъ ихъ изъ своей родины, и построилъ церковь на правомъ берегу Печоры, противъ Цылмы, на гари.

Въ этой второй грамматѣ *) не упоминается еще о построеніи церкви; но извѣстно по преданіямъ, что она построена въ 1547 году, и этотъ первый храмъ на пустынныхъ берегахъ Печоры посвященъ Святителю и Чудотворцу Николаю.

Вѣроятно, поселеніе Ивашки, обезпеченное столь важными правами и преимуществами, вышепомянутой второй грамматой, ему предоставленными, быстро увеличивалось, и онъ уже былъ человѣкомъ въ краю томъ именитымъ, потому-что имѣлъ власть судьи надъ переселенцами, будучи самъ подчиненъ суду только Великаго Князя.

Изъ третьей грамматы, данной ему Царемъ и В. К. Іоанномъ Васильевичемъ, видно, что Ивашка, названный въ этой грамматѣ Ласткою, по правамъ, присвоеннымъ прежними грамматами, «Населялъ слободу и поставилъ церковь и попа устроилъ, въ чемъ ему убытки учинились великіе»; и потомъ, «что били челомъ Царю и В. К. Кервольцы, Чакольцы и Мезенцы, Вахрамейко Яковлевъ, да Ивашка Семеновъ Бѣляевы, отъ всѣхъ волостей, что-будто бы Ивашка Ластка платилъ всего оброку по полтинѣ, а они соглашались надбавить полтретья рубля (2 р. 50 к.)», вслѣдствіе чего имъ, вѣроятно, дана была жалованная граммата; но Ивашка Ластка оправдался, а потому сказано въ грамматѣ, «что Кервольцы, Чакольцы и Мезенцы оболгали его, сказавъ, что Ивашка платитъ оброку по полтинѣ, а притомъ же, что они живутъ отъ Печоры больше тысячи верстъ»; почему жалованная граммата отъ нихъ отобрана и слободкой вѣдать попрежнему велѣно Ивашкѣ. Однакожъ противники колониста не унимались, и 2 марта 7060 года (1554 года) опять били челомъ царю датъ имъ его промысла, увѣряя «что объ Ивашкѣ Ласткѣ нѣтъ никакой вѣсти». Имъ повѣрили и просьбу исполнили: по приказу царскому, дьякъ Василій Ступа Андреевъ отдалъ имъ промыслы на два года на 7061 и 7062 съ оброкомъ по три рубли въ годъ; но въ апрѣлѣ неожиданно пріѣхалъ въ Москву Ивашка и билъ челомъ, «что съ оброкомъ на срокъ не поспѣлъ потому, что на Печорѣ при промыслахъ Вахрамейко съ товарищами

*) Первой грамматы, о которой упоминается во второй грамматѣ — нѣтъ.

нарочно его задержали», и просилъ, чтобъ опять отдали ему промыслы Печорскіе, наддавая оброку, противу своихъ противниковъ, еще рубль. Царь вновь утвердилъ его въ прежнихъ правахъ, а Ивашка Ластка обязался оброкъ по четыре рубля московскихъ привозить въ Москву на Срѣтеньевъ-день, начавъ платить его (вѣроятно, съ прибавкой) съ 7063 г. (1545 г.). Граммата дана въ Москвѣ, 7062 года, въ 28 день апрѣля, за подписью царя и съ печатью.

Но Ивашку Ластку и засимъ не оставили въ покоѣ, потому-что изъ надписи на оборотѣ гр҄амматы видно, что изъ Двинскаго Уѣзда Пинежане: староста Куземка, Ѳедоровъ сынъ, Кудреватой да Михейко Терентьевъ, въ 63 (1555) году въ 30 день марта, били челомъ казначею Ѳедору Ивановичу Сукину, да хозяину Юрію Юрьевичу Тютину, «что они платили по жалованной оброчной грамматѣ за промыслы по рѣкамъ Цыльмѣ и Печорѣ по 3 рубли; но что эти ихъ ловли взялъ на оброкъ Ивашка Ластка, Дмитріевъ сынъ, наддавъ рубль, а они соглашаются наддать еще по 2 рубли». Послѣ же ихъ, въ апрѣлѣ, вѣроятно, желая кончить дѣло дома и не доводить до Москвы, Ивашка Ластка билъ челомъ Сукину и Тютину, прося оставить за нимъ промыслы, наддавая уже 6 рублей, и казначей велѣлъ отдать ему; эта надпись скрѣплена дьякомъ Васильемъ Ступой Андреевымъ сыномъ и подписана такъ: «приказалъ окольничій, Алексѣй Ѳедоровичь Адашевъ» *). И въ эту даль дошелъ приказъ умнаго совѣтника Царя Грознаго, Адашева!

О дальнѣйшемъ ходѣ прежней промышлености въ Усть-Цыльмѣ и объ остальной жизни дѣятельнаго Ивашки Ластки болѣе ничего неизвѣстно.

Нынѣшняя церковь построена вскорѣ послѣ пожара и освящена въ 1751 году, слѣдовательно существуетъ около вѣка.

Сегодня утромъ я пошелъ въ этотъ старинный храмъ; вокругъ его старая деревянная ограда и нѣсколько могильныхъ крестовъ; наружная крытая лѣсница ведетъ къ двери. Я постучался желѣзнымъ кольцомъ, привѣшеннымъ къ ней: старикъ, сторожъ, изъ отставныхъ солдатъ, отворилъ ее. Черезъ сѣни я вошелъ въ просторную паперть, или трапезу, занимавшую главнѣйшую часть строенія; въ ней на лѣвой сторонѣ поставлена пребольшая печь, на право столъ, въ углу какія то вещи, около стѣнъ и печи лавки.

*) Два списка съ жалованныхъ грамматъ приложенны къ сему дневнику.

Изъ паперти я вошелъ въ церковь: иконостасъ самый простой, бѣдный и старинной формы; окна въ церкви и паперти только съ южной стороны, а съ сѣверной одно, и то не больше четверти въ діаметрѣ. Старые люди любили, чтобы было тепло въ Божьемъ храмѣ и, опасаясь бурь полуночныхъ, освѣщали его только со стороны полуденной. Мнѣ понравилась сельская простота церкви; но бѣдность украшеній и ветхость покосившагося зданія ясно показываютъ, что жители Усть-Цыльмы не заботились о благолѣпіи храма. Два большіе образа Святителя Николая поставлены въ иконостасѣ, а явленная икона Угодника, длиною небольше шести вершковъ, покрыта серебряною ризою со стразами. Старый ветеранъ Трофимъ Чупровъ, посвятившій церкви послѣдніе дни своей жизни, разсказывалъ мнѣ, что онъ, вскорѣ послѣ женитьбы, вступилъ въ военную службу въ концѣ минувшаго столѣтія и оставилъ молодую жену; много ходилъ въ чужихъ земляхъ, много разъ былъ въ сраженіяхъ и чрезъ 26 лѣтъ возвратившись на родину, не нашелъ ни кого родныхъ: всѣ уже умерли и онъ поселился въ церкви, подлѣ которой покоятся его ближніе и гдѣ онъ питается подаяніемъ прихожанъ.

О промышлености, занятіяхъ и нравахъ Устьцылемцевъ скажу послѣ, когда побольше узнаю ихъ.

Вечеръ провелъ я въ бесѣдѣ съ добрымъ княземъ; онъ сообщилъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ; но говорили также много и объ Грузіи, его родинѣ, съ которой несчастный случай разлучилъ его, можетъ быть, навсегда.

10 августа, 11 часовъ утра.

Въ 4 часу утра мы уже плыли по Печорѣ. Сѣверный вѣтеръ дулъ намъ на встрѣчу; было очень холодно; едва ли сегодняшній утренникъ не сдѣлаетъ вреда хлѣбу. Противъ погоста большой островъ, а за иимъ рѣка Цыльма, которая, неподалеку отъ впаденія, сливается съ рѣкою Пижмою.

Въ 5 часовъ останавливались на тонѣ рыболововъ; я купилъ 10-ти фунтовую семгу и 10 крупныхъ сиговъ за 80 к. сер.

На удобныхъ пескахъ начался уже ловъ семги, но еще нѣтъ ходу рыбы, какъ выражаются здѣсь о неудачномъ промыслѣ.

Проплывъ 30 верстъ, мы видѣли на одной тонѣ до 30 лодокъ. Семгу Усть-Цыльмцы ловятъ тоже поплавнями: для этого собираются въ артель отъ 10 до 30, а иногда до 50 лодокъ и бросаютъ поплавни поочередно; въ одни сутки работаютъ пять, шесть или восемь лодокъ, завтра другія, и такъ далѣе; смѣняются не иначе, какъ чрезъ сутки. Случается, что въ большой артели на лодку достанется не больше 14 или 15 дней во все время промысла, который продолжается пять и шесть недѣль; но если ловъ успѣшенъ, то налавливаютъ отъ 30 до 40 пудъ; но это довольно-рѣдко. У поплавня работаютъ два человѣка взрослыхъ и одинъ небольшой, на кормѣ. Я видѣлъ мальчишекъ и дѣвчонокъ лѣтъ десяти, которыя правили рулемъ: одинъ бросаетъ поплавень, другой работаетъ веслами, а малютка сидитъ на кормѣ у руля. Поплавни здѣсь такіе же, какъ и въ верховьяхъ Печоры, только нѣсколько шире, потому что плёса глубже.

Отъ села Усть-Цыльмы проплыли мы уже нѣсколько деревень, и всѣ онѣ больше на правомъ берегу рѣки. Со стороны лѣвой впала рѣка Путъ; по ней, говорятъ, есть порядочные лѣса. На Печорѣ много островов и мелей.

10 часовъ вечера.

Въ часъ пополудни миновали устье рѣки Хабарихи. Она впадаетъ въ Печору съ правой стороны, въ 40 верстахъ отъ села; на устьѣ деревня, въ коей 8 домовъ.

Въ 6 часовъ вечера проплыли боръ, называемый «Бѣлая-Слуда»; онъ тянется на нѣсколько верстъ по правому берегу; ближе къ лѣвому большой Бугаевъ Островъ; за островомъ три дома деревни Бугаевой; нѣсколько выше ея, столько же домовъ деревни Лавриной. Въ концѣ бора Бѣлой-Слуды впадаетъ рѣчка Сосья; невдалекѣ отъ нея зимовая изба — это третья станція на разстояніи 65 верстъ по зимнему пути изъ Усть-Цыльцы въ Пустозерскъ. Зимой дорога прокладывается по рѣкѣ; ѣздятъ всегда на однѣхъ лошадяхъ и на каждой станціи кормятъ часа три, четыре, а въ худую погоду и больше. Здѣсь по берегамъ мѣстами некрупный сосновый и лиственничный лѣсъ. Теченіе Печоры постоянно къ N, а иногда нѣсколько къ NNO. Плёса очень длинны; иногда впереди и назади вóды Печоры сливаются съ горизонтомъ. Заостровья, или проливы,

которые по Двинѣ и Вычегдѣ называются полоями, по Волгѣ и Камѣ — волжками, здѣсь зовутъ — шарами.

Подплываемъ къ высокому материку: онъ въ 70 верстахъ отъ Усть-Цыльмы; нѣсколько ниже много острововъ, которые называются Мѣщанскими; никто не знаетъ, отчего произошло такое названіе.

Теперь тихо, но становится темнѣе и темнѣе; густой мракъ ночи скрылъ окрестности; кругомъ совершенная тишина, которая въ пустынѣ наводитъ невольное уныніе на душу, а потому и весь экипажъ моей лодки безмолвствуетъ въ какомъ-то раздумьи: только слышны всплески воды подъ веслами и, порой, крикъ какой-нибудь ночной птицы.

Полночь.

Выяснѣло. Горизонтъ сіяетъ множествомъ звѣздъ. Еще несовсѣмъ потухла вечерняя заря на сѣверозападѣ, какъ показались въ сторонѣ полуночи носящіяся струи свѣта, сѣвернаго сіянія, то ярче, то блѣднѣе переливались онѣ по лазури яснаго неба, а на востокѣ медленно всходилъ серпъ новой луны; но ярче всего сіяетъ звѣзда вечерняя, отражаясь на гладкой поверхности рѣки.

Въ 90 верстахъ отъ Усть-Цыльмы впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Крестовка; высокій берегъ этого мѣста называютъ Крестовскимъ Материкомъ, гдѣ, между вѣковыми соснами, охотники до легкихъ пріобрѣтеній ищутъ клада, будто бы схороненнаго «Чудями», какъ говорятъ здѣшніе жители; но никто еще ничего не нашелъ.

II.

Мольское Озеро. — Рѣка Шапкина. — Селенія Пустозерскія. — Пустозерскъ. — Церкви. — Хромовъ. — Деревня Устье. — Павловъ. — Деревня Тильвиска. — Деревня Куя. — Деревня Никитцы.

11 августа, 9 часовъ утра.

Довольно-холодно: дуетъ свѣжій вѣтеръ отъ SO. Мы бѣжимъ парусомъ; проплыли уже 130 верстъ. На лѣвомъ берегу Печоры видны два поселенія, и оба называются: Колотолковыми, по имени переселенцевъ; нѣсколько выше, на томъ же берегу, находится Мольское Озеро, которое около пяти верстъ длины и двѣ ширины; оно чрезвычайно рыбно. Говорятъ, въ продолженіе зимы налавливаютъ въ немъ не одну тысячу пудъ: щукъ, чировъ, нельмы, сиговъ и другой рыбы; оно принадлежитъ Усть-Цылемцамъ. Въ минувшую осень ловили въ немъ 174 человѣка: на пай доставалось около двѣнадцати пудъ; ловъ продолжался только съ 1 октября до половины ноября. Кромѣ Мольскаго, есть много другихъ рыбныхъ озеръ по обоимъ берегамъ Печоры. О владѣніи нѣкоторыми Усть-Цылемцы ведутъ споръ съ Пустозерцами; тяжба тянется, а между-тѣмъ на промыслѣ нерѣдко дерутся.

Теперь мы между Шапкиными Островами; порой открывается пять, шесть рукавовъ рѣки. То плывемъ наудачу, то по примѣтамъ попадаемъ на фарватеръ. Миновали устье рѣки Шапкиной, по-самоѣдски «Пиль-воръ-яга» (т. е. очень глубокая рѣка), впадающей съ правой стороны въ Печору; по ней Ижемцы поднимаются на лодкахъ далеко въ Больше-Земельскую Тундру.

Весной вода въ Печорѣ прибываетъ отъ 4 до 5 саженъ и больше, разливаясь мѣстами на 20 и болѣе верстъ. Тогда какое раздолье

водъ представляетъ эта сѣверная рѣка! По всему пространству ея луга: сколько превосходныхъ пастбищъ для скотоводства!

Въ 11 часовъ проплыли съ правой стороны материкъ, называемый Замаксимовымъ; на немъ порядочный лиственный лѣсъ.

Вообще меня удивляетъ, что такъ далеко къ сѣверу есть лѣса, годные для домашнихъ нуждъ жителей. Я полагалъ черту растительности лѣсовъ гораздо южнѣе, чѣмъ оказывается теперь.

8 часовъ вечера.

Днемъ видѣли много рыбаковъ; принимаются порядкомъ за ловъ семги, для чего и здѣсь употребляютъ одни поплавни; только бѣлую рыбу ловятъ неводами.

Сегодня, слава Богу, много бѣжали парусомъ, и это подвинуло насъ впередъ; около 12 часовъ за насъ работалъ вѣтеръ; теперь парусъ спустили и плывемъ на веслахъ.

Послѣ материка Замаксимова не видали горъ и плыли между островами. Нѣкоторые изъ нихъ даже не поросли кустарниками, а покрыты густою высокою травой (пыреемъ), весьма питательной для скота.

Полночь.

Въ 9 часовъ вечера подплыли къ высокому материку праваго берега. Здѣсь уже тундра; лѣсовъ, кромѣ мелкаго кустарника и елей недоростковъ, нѣтъ. Въ 10 часу небо занесло тучами. Стало темно; накрапывалъ дождь и вѣтеръ до того усилился, особенно когда мы отошли отъ материка, что едва-едва не унесъ насъ въ широкое раздолье волнующейся Печоры отъ печаной косы, подлѣ которой мы плыли. Съ величайшимъ усиліемъ мы добрались до острова, въ концѣ отмели, и остановились на ночлегѣ за вѣтромъ; очень рады, что нашли покойное убѣжище; а буря завываетъ, рѣка кипитъ и волнуется. Всѣ спятъ, и я послѣдую примѣру моихъ товарищей. Мы не оставляемъ сторожеваго: положивъ якорь на берегу, спимъ покойно.

12 августа, 9 часовъ утра.

Сегодня сильный вѣтеръ произвелъ большое волненіе въ широкомъ руслѣ Печоры; мы рано утромъ съ трудомъ переѣхали къ

лѣвому берегу. Отплывъ верстъ 10, мы увидѣли деревню и были увѣрены, что это село Великовисочное, отъ Усть-Цыльмы первое селеніе Пустозерскаго Края; но, удивляясь, что не видно церкви, мы узнали, что это деревня Лабазская, а село Великовисочное проплыли вчера въ сумеркахъ: оно въ сторонѣ, на небольшомъ рукавѣ Печоры. Деревня Лабазская находится на островѣ Лабазскомъ; въ ней 25 домовъ; жители ловятъ семгу и для эгого ѣздятъ къ устью Печоры, потому, будто бы, что здѣсь нѣтъ мѣстъ удобныхъ; что прежде была богатая тоня подъ самой деревней, на которой рыбы ловилось много, и въ иной разъ попадало въ одинъ замётъ по 20 семгъ; но, къ несчастію, песокъ, гдѣ была тоня, смыло. Отсюда до Пустозерска побольше 30 верстъ. Холодно; сѣверный вѣтеръ усиливается.

2 часа пополудни. Деревня Пылемецъ.

Цѣлые четыре часа мы плыли 10 верстъ до деревни Пылемецъ. При переѣздѣ черезъ Печору къ правому берегу, лодку едва не залило — такъ было сильно волненіе! Еслибъ не устье рѣчки, которая впадаетъ въ Печору выше деревни, то негдѣ бы поставить лодку у берега: волны ей не подъ-силу.

Въ деревнѣ Пылемецъ всего шесть домовъ, изъ которыхъ два порядочные, а остальные похожи на лачуги. Она на правомъ берегу среди безлѣсной тундры. Отсюда русло Печоры заворачивается къ NW, и дѣлаетъ большой сгибъ, а потому до Пустозерска водой около 70, а горами не больше 25 верстъ. Нѣсколько ниже Пылемца прежде былъ шаръ, или проливъ къ Городецкому Озеру, по которому ходили суда; но ужъ давно его занесло пескомъ, и теперь во время лѣта онъ обсыхаетъ.

Въ деревнѣ, кромѣ слѣпой женщины и ребятъ, всѣ жители на сѣнокосѣ. Изба слѣпой очень плоха; у нея былъ мужъ, родомъ изъ Мезени, и давно ее бросилъ; она осталась съ двумя дѣтьми: дѣвочкѣ 12, а мальчику 11 лѣтъ. Съ ней живетъ еще старуха-мать. 70-ти лѣтъ, которая съ двумя внуками - малютками пошла убирать сѣно. Я удивился, когда слѣпая сказала мнѣ, что ея дѣти уже третій годъ ходятъ на работу съ своей бабушкой: нужда заставляетъ рано приниматься за тяжелый трудъ. Слѣпая тоже живетъ не безъ дѣла:

она беретъ себѣ чужихъ дѣтей, няньчится съ ними и за это получаетъ небольшую плату; но и это подкрѣпляетъ скудныя средства бѣдной, оставленной семьи. «Здѣсь не просятъ милостыни», говорила слѣпая, «хлѣбъ дорогъ, какъ-нибудь надобно пропитываться! Слава Богу, у насъ есть лошадка и коровка: онѣ и кормятъ насъ, сиротъ — зимою на лошадкѣ возимъ проѣзжихъ; корова даетъ молочко; сѣна на двѣ выти дѣти со старухой понемногу уберутъ. Часто у насъ нѣтъ хлѣба — ну, есть мережа, такъ ребята же со старухой ловятъ рыбу, то мы и безъ хлѣба пробиваемся! только мнѣ, слѣпой, тяжело возиться съ чужими ребятишками; теперь у меня ихъ четверо, да нужда неволитъ». — Но гдѣ же матери этихъ дѣтей? почему онѣ отдаютъ своихъ ребятъ въ чужіе люди? спросилъ я. «Да вѣдь, батюшка, имъ нельзя имѣть дѣтей у себя: это такія матери» сказала, улыбаясь, слѣпая.» Понятно, кто матери этихъ сиротъ: слѣпая раститъ дѣтей любви.

Отсюда я поѣду въ Пустозерскъ сухимъ путемъ. Запрягаютъ лошадь въ простые дроги; одинъ изъ моихъ рабочихъ будетъ кучеромъ. Хорошо, если найдемъ дорогу.

10 часовъ вечера. Пустозерскъ.

Вотъ, наконецъ, я въ Пустозерскѣ, въ бывшей резиденціи Печорскаго Края, или городкѣ, какъ называютъ его Чердынцы, Саръдорѣ, какъ говорятъ Зыряне. Въ половинѣ 3-го я сѣлъ на плохіе роспуски, кучеръ мой — на лошадь, и мы поѣхали. Вѣтеръ завывалъ въ широкой тундрѣ; туча за тучей неслись по небу; порой накрапывалъ дождь. «Поѣзжайте сначала по берегу, потомъ отъ бѣлаго песка своротите направо, и тутъ видна будетъ уже дорога» сказала слѣпая, «да поберегите мою лошадку и покормите ее въ городкѣ. Дай Богъ счастливо» прибавила она. Вотъ мы и поѣхали; дороги вовсе не было; отъ бѣлаго песка замѣтили тележный слѣдъ направо: поворотили на него, и рысью понеслись по тропѣ. Долго ѣхали; грязнѣе и грязнѣе стала дорога; пошли болота: чѣмъ дальше, тѣмъ мягче топь; наконецъ заѣхали въ настоящую трясину, лошадь вязла, слѣдъ пропалъ—куда ѣхать? Думали, думали, и вернулись опять къ берегу; едва выбрались изъ болота, поѣхали подлѣ рѣки; скоро попали на настоящій слѣдъ, и больше уже не теряли его.

Скучна была эта дорога: кругомъ мелкія озера, мѣстами песчаные, довольно-высокіе бугры; на нихъ изрѣдка стоятъ одиноко и группами листвени, рѣдко стройныя, а болѣе уродливыя; индѣ эти бугры окружаютъ какое-нибудь небольшое озерко, или глубокую рытвину, и издали кажутся городками, или укрѣпленіями съ башнями странной формы; на нихъ едва держатся оконечностями корней малорослыя деревья, какъ стражи этихъ городковъ, воздвигнутыхъ прихотью сѣверныхъ бурь, которыя когда-то занесли песокъ съ береговъ Печоры, въ даль тундры, изрыли глубокія ямы и подкопались подъ корни бѣдныхъ полярныхъ растеній.

Начало смеркаться, а мы все еще не видимъ церквей Пустозерска — не заблудились ли мы, подумалъ я? Не совсѣмъ-то весело было бы провести такую ненастную ночь въ пустынѣ! Вѣтеръ пробиралъ насквозь; а чтобъ развести огонь и согрѣться около него, нужны дрова — здѣсь же не сыщешь и куска сухаго дерева. Наконецъ съ одного холма увидѣли вдали что-то похожее на поселеніе и церкви, и обрадовались; но еще долго ѣхали, пока достигли городка. Я остановился на квартирѣ у Ф. Г. Хромова, извѣстнаго своимъ гостепріимствомъ. За самоваромъ, въ теплой комнатѣ, долго говорили мы съ добрымъ старикомъ. Онъ разсказывалъ мнѣ про свою молодость, про труды своей несовсѣмъ покойной жизни и о краѣ, въ которомъ наконецъ поселился, чтобъ провести на покоѣ остатокъ дней.

11 часовъ утра, 13 августа. Пустозерскъ.

Я всталъ сегодня рано. Буря и дождь не утихали во всю ночь, но, не смотря на ненастье, я уже обходилъ городокъ.

Пустозерскъ расположенъ на довольно-возвышенномъ полуостровѣ, который съ трехъ сторонъ окруженъ пустымъ, или, какъ нынѣ называютъ, Городецкимъ Озеромъ. Ширина полуострова около 700 саженъ, со стороны сѣверозападной онъ засыпанъ песками, другая половина — болото и цѣлыя озера грязи; здѣсь-то расположены 21 домъ этого стариннаго городка, въ которомъ считается 117 человѣкъ жителей*). Невдалекѣ винный и провіантскій магазины, а къ сѣверу отъ поселенія четыре деревянныя церкви;

* Въ 1800 году въ Пустозерскѣ было около 47 домовъ. Записки Лепехина.

пятая, по ветхости, недавно сломана. Между домами, черезъ болота и грязь устроены деревянные мостки, которые, говорятъ, ведутся со временъ воеводства. Видно, и въ старину грязи было не меньше. Старый домъ Воеводской Канцеляріи еще существуетъ; отсюда воеводы пустозерскіе вѣдали здѣшнимъ обширнымъ краемъ и чинили судъ и расправу. Старики еще помнятъ воеводъ Орѣховцова и Тимоѳея Ивановича Нелюбовтина, при которомъ воеводство переведено въ Мезень *). Тогда 120 человѣкъ солдатъ находились при Пустозерскомъ Острогѣ. Вся эта команда солдатъ, породнившаяся съ коренными жителями, весной отъѣхала на судахъ въ Мезень, оставивъ въ памяти жителей замѣчательную эпоху прощанья, которое разорвало много сердечныхъ связей, и выразилось горькими слезами; разставались друзья и родные надолго, иные навсегда; и теперь путь въ Мезень считается путемъ дальнимъ, но тогда, вѣроятно, казался путемъ безъ возврата.

Въ Пустозерскѣ есть порядочные домики, особенно Хромова, съ выходами, или балкономъ, почти кругомъ всего строенія; домы для церковнослужителей построены прихожанами, но всѣ стоятъ безъ порядка, то тамъ, то сямъ, по старинному обычаю.

Заблаговѣстили къ часамъ, и мы пошли въ новую церковь. Она построена въ 1837 году, почти вся изъ лиственничнаго дерева, приготовленнаго для церкви въ Тиманской Землѣ, или Малоземельской Тундрѣ; въ ней два теплые придѣла, во имя Введенія Божіей Матери и святыхъ Аѳанасія и Кирилла; холодная, во имя Преображенія Господня, еще не освящена. Церковь эта довольно обширна и хорошо украшена; иконы: Введенія Божіей Матери, Георгія Великомученика и Николая Чудотворца покрыты богатыми серебряныни съ позолотой ризами. Много и другихъ иконъ въ серебряныхъ ризахъ и окладахъ, серебряныхъ сосудовъ и другихъ дорогихъ вещей, что̀ доказываетъ усердіе прихожанъ къ церкви. Изъ храма виды очень красивы: онъ находится на сѣверномъ краю полуострова; передъ нимъ лежитъ Городецкое Озеро, за нимъ песчаные мысы и боръ, покрытый мелкимъ сосновымъ лѣсомъ; вдали видна деревня Устье. По окончаніи службы, мы пошли въ Никольскую церковь, которая построена въ 1780 году; она много осѣла на нетвердомъ грунтѣ; видно, что этотъ храмъ уже соору-

*) Это было, вѣроятно, вскорѣ послѣ открытія города Мезени.

женъ для небольшаго числа прихожанъ, оставшихся послѣ переѣзда въ Мезень воеводы съ солдатами и канцеляріей, и сообразно съ ограниченными средствами жителей. Въ трапезѣ огромная печь, кругомъ лавки, а въ переднемъ углу большой столъ; нѣсколько мелкихъ оконъ съ южной стороны освѣщаютъ ее; но ни одного окна нѣтъ на сѣверъ. Служба зимой совершается здѣсь потому, что церковь очень тепла. Потомъ мы прошли мимо церкви Преображенія, построенной въ 1685 году. Въ ней уже не служатъ; невдалекѣ развалины церкви Введенія, построенной въ 1734 году. Были церкви и прежде Преображенской, ибо въ грамматѣ Царя Іоанна IV, данной Самоѣдамъ въ 1545 году, упоминается о церкви пустозерской съ двумя придѣлами, въ пользу которой предоставлена была рыбная тоня мелкая.

Нѣсколько въ сторонѣ къ сѣверозападу отъ селенія, среди песчаныхъ бугровъ и могильныхъ крестовъ, одиноко стоитъ кладбищенская церковь во имя Великомученика Георгія, построенная въ 1706 году, и до-сихъ-поръ хорошо сохранившаяся. Есть преданіе, что она построена изъ лиственничнаго лѣса, вырубленнаго въ сосѣднихъ борахъ. Этотъ небольшой храмъ полузанесенъ песками, а старики еще помнятъ, что здѣсь песку не было. Нынѣшней весной церковь была затоплена необыкновеннымъ разливомъ воды; крыльцо, выходы и полъ большею частью разломаны, и потому вся утварь вынесена въ новую церковь; три маленькія окна, прорубленныя на разной высотѣ стѣнъ, освѣщаютъ ея внутренность съ полуденной стороны. Трапезы нѣтъ; но два большія крылоса поставлены почти въ срединѣ церкви. Сильныя сѣверныя бури разрываютъ могилы и нерѣдко обнажаютъ гробы. Ходя по кладбищу, я видѣлъ много обломковъ гробовъ, много костей человѣческихъ; а въ нынѣшнее лѣто уже два раза собирали и хоронили ихъ. Невольно раждаются грустныя думы при видѣ этихъ останковъ нашихъ отжившихъ собратій. Чьи эти кости и черепы валяются съ обломками изгнившихъ гробовыхъ досокъ, разбросанныя полуночными вихрями по уединенному кладбищу? подумалъ я. Отдаленный Пустозерскъ былъ часто мѣстомъ ссылки. Здѣсь жилъ благородный другъ Царя Алексѣя, бояринъ Матвѣевъ; здѣсь влачилъ бѣдственную жизнь любимецъ царевны Софіи, сильный временщикъ, князь Васалій Васильевичъ Голицынъ со всѣмъ семействомъ*) и, вѣ-

*) Голицынъ жилъ въ Пустозерскѣ больше 20 лѣтъ; тамъ онъ и умеръ, а похороненъ въ Красногорской Обители, близъ города Пинеги.

роятно, много другихъ менѣе извѣстныхъ; можетъ быть, здѣсь лежатъ кости знаменитыхъ изгнанниковъ, которыхъ жизнь текла подъ лучезарною звѣздою счастія, среди богатства, величія и славы, и погасла въ полярной, холодной сторонѣ, въ горькомъ сѣтованіи.

Весною Печора заливаетъ кругомъ всѣ окрестности Пустозерска, и здѣсь образуется островъ, а иногда довольно долго сообщеніе съ твердой землей производится на лодкахъ. Городецкое Озеро длиною верстъ семь, шириною мѣстами больше версты; мѣстами оно глубиной саженъ на пять и на шесть; оно обильно рыбой, которую ловятъ неводами и ветелями. Но въ нынѣшній годъ рыбы меньше; полагаютъ, что большой водой, затопившею тундры, рыба прошла и въ другія озера. Это замѣчаніе довольно основательно.

Полагаютъ, что Пустозерскъ выстроенъ въ усторонье, и довольно далеко отъ Печоры, во-первыхъ, потому, что мѣстность эта выше и, во-вторыхъ, при озерѣ, обильномъ рыбой, которое въ старину удобно соединялось съ Печорой проливомъ, теперь почти несуществующимъ.

Хозяева мои живутъ въ довольствѣ. Бури сѣвера, холодъ зимы суровой и всѣ неудобства климата не лишаютъ покоя и счастья, доступнаго намъ по нашимъ нравственнымъ качествамъ. Старикъ Ф. Г. Хромовъ, родомъ изъ Вельска, Вологодской Губерніи, живетъ здѣсь 30 лѣтъ; служилъ сначала по дѣламъ откупа, потомъ устроился въ Пустозерскѣ, завелъ домъ и женился. У него была дочь— его радость, любимица; нашелся хорошій женихъ, крестьянинъ изъ деревни Куи; отдали замужъ; свадьба была послѣ Пасхи. Былъ еще зимній путь; съ открытіемъ Печоры родители съ нетерпѣніемъ ждали въ гости свое любимое дѣтище; но проходили дни за днями, рѣка очистилась отъ льда — и вотъ она, давно жданная гостья пріѣхала, но какъ? въ гробу, на вѣчный покой къ родному кладбищу. Всего 20 дней она была замужемъ, захворала и умерла. Вѣсти дать въ распутицу не могли, и привезли къ погосту гробъ съ умершей, когда оказалась возможность ѣхать въ лодкѣ. Старика поразилъ этотъ ударъ; онъ цѣлый годъ былъ боленъ, чуть не отправился за дочерью, но понемногу горесть обратилась въ тихую скорбь, и здоровье медленно возвратилось. Вчера, разсказывая мнѣ объ этомъ, онъ не могъ удержать слезъ; онѣ текли по блѣдному, доброму лицу его, а уже прошло полтора года, какъ случилось не-

счастіе. У него еще есть сынъ семи лѣтъ — надежда его преклонныхъ дней. Хромовъ ведетъ небольшую торговлю, участвуетъ въ ловлѣ семги, покупая паи, и извѣстенъ въ здѣшнемъ краю честностью, кротостью, добрыми правилами и радушнымъ гостепріимствомъ. Къ нему ходятъ просить совѣтовъ, и слушаютъ ихъ, въ полной увѣренности, что Хромовъ не посовѣтуетъ на худое; къ нему заѣзжаютъ всѣ, кого случай, или обязанности по службѣ занесутъ въ эту сторону, и 67 лѣтній старикъ доживаетъ дни въ покоѣ, пользуясь уваженіемъ своихъ соотчичей.

Теперь сидимъ около самовара. Собесѣдниками моими хозяинъ и здѣшніе священникъ и дьячокъ; они знакомятъ меня съ краемъ.

Работника своего я отправилъ въ Пылемецъ съ приказаніемъ, чтобъ въ лодкѣ моей сплыли до деревни Тельвиски, куда я поѣду горами.

9 часовъ вечера. Деревня Тильвиска.

Простившись съ добрымъ старикомъ Хромовымъ, я сѣлъ на роспуски; возницей былъ дьячекъ; его маленькая лошадка довольно скоро помчала насъ мимо кладбища. Здѣсь обратилъ мое вниманіе большой осьмиконечный крестъ съ развалившимся навѣсомъ, стоящій нѣсколько въ сторонѣ отъ Георгіевской церкви. На вопросъ: для чего поставленъ этотъ крестъ? дьячокъ отвѣчалъ. «Здѣсь крестовъ поставленомного (прибавилъ онъ), а въ память чего поставлены иные—неизвѣстно; но лишь только какой крестъ истлѣетъ и упадетъ, то жители немедля ставятъ новый. Вотъ, напримѣръ, есть крестъ за озеромъ, на высокомъ, песчаномъ бугрѣ; тамъ были чудскіе истуканы. Когда проникла сюда христіанская вѣра, ихъ низвергли и поставили крестъ». И точно, мы видѣли нерѣдко въ сторонѣ отъ дороги деревянные кресты. Мы ѣхали въ направленіи къ сѣверу по низменностямъ и лугамъ, и чрезъ полчаса были уже на берегу протока, или виска, изъ озера *), впадающаго въ Малый Шаръ Печоры. За проливомъ деревня Устье, въ которой 22 дома. Меня перевезъ чердынскій работникъ, а дьячокъ остался переправлять

*) Здѣсь, и даже между Зырянами Вологодской Губерніи — протокъ изъ озера называется — вискъ.

телегу и лошадь. На берегу встрѣтилъ я высокаго старика въ малицѣ и обратился къ нему съ вопросомъ: не знаетъ ли онъ домъ Михайла Павлова? «Я и есть Михайла Павловъ»—отвѣчалъ онъ:— «Милости просимъ! Меня, старика, не проѣзжаетъ никто; ко мнѣ однажды изволилъ пожаловать и губернаторъ. Слава Богу, добрые люди не чуждаются моего двора.

Домъ Павлова большой, въ два этажа; помѣщеніе, хоть бы и не для крестьянина; комнаты убраны порядочно. Старикъ снялъ малицу и надѣлъ полукафтанье. Столъ накрыли бѣлою, чистою скатертью и поставили на немъ пять тарелокъ съ чердынскими калачами, пряниками, орѣхами разныхъ родовъ; вскипятили самоваръ и подали чай. Михайлу Павлову около 90 лѣтъ; онъ живетъ съ своей старухой болѣе 60, а она и сегодня еще ткала холстъ. У старика только одинъ сынъ, и тотъ на промыслѣ въ морѣ, куда ѣздитъ сряду 35 лѣтъ. Павловъ и самъ занимался этимъ дѣломъ около 30 лѣтъ; много разъ боролся съ бурями океана, часто ѣздилъ въ Югорскій Шаръ и къ Новой Землѣ, до Костина, и даже Маточкина Шара. Однажды, на возвратномъ пути домой, буря увлекла его карбасъ съ рабочими къ берегамъ Новой Земли; 12 дней сидѣли они безъ хлѣба, на безлюдномъ берегу; питались остатками моржеваго сала, и не могли выйдти въ море; но отчаяніе придало имъ силы, и они пустились въ бурный океанъ; долго еще носили ихъ ураганы, долго не имѣли они надежды на спасеніе и, обезсиленные, кое-какъ достигли большеземельскаго берега, гдѣ наткнулись на рыбаковъ, и пѣшкомъ пришли домой. Бывая на Новой Землѣ, замѣчалъ онъ тамъ много песцовъ и оленей, а лѣтомъ — огромныя стада гусей и утокъ; въ рѣкахъ же и озерахъ чрезвычайно много рыбы, называемой гольцами. Дѣятельный Павловъ два раза пробовалъ отправляться туда съ оленями чрезъ Карскія Ворота (проливъ этотъ иногда замерзаетъ), чтобъ зимовать и провести тамъ лѣто; но оба раза льды не пустили его. Этотъ проливъ, какъ нарочно, во время его попытокъ былъ полонъ льду; не могли ни проѣхать, ни перевести оленей. Павлова всѣ уважаютъ за честность и за пособія, которыя онъ не разъ оказывалъ нуждавшимся. Между прочимъ, экспедиція штурмана Иванова, посланнаго для описанія устья Печоры, много обязана ему: онъ далъ въ распоряженіе экспедиціи три карбаса безъ всякой платы, и, какъ опытный морякъ, знающій мѣстность, снабдилъ путешественника

разными свѣдѣніями и совѣтами: Павловъ помнитъ отставнато солдата Сергѣя Кузьмина Ладмина, умершаго 125-ти лѣтъ, при которомъ жили въ Пустозерскѣ сосланные за расколъ. Жители усть-печорскіе отчасти придерживаются старины; но это не мѣшаетъ имъ быть усердными къ церкви.

Нынѣшней весной вода въ Печорѣ поднималась очень высоко, такъ-что почти всѣ деревни пустозерскія были затоплены *). Въ деревнѣ Устье между домами вода поднималась на сажень; жители были въ страхѣ; лёдъ быстриной Печоры несло черезъ деревню; они ожидали разрушенія домовъ; но бѣда обрушилась только на одномъ: его снесло быстриной Печоры.

У Павлова есть свои примѣты, основанныя на полувѣковыхъ наблюденіяхъ. По его замѣчаніямъ, лѣто бываетъ по зимѣ: нынче была зима теплая, дули южные вѣтры, за то лѣто холодное, и вѣтеръ дуетъ постоянно съ сѣвера; какъ зима, такъ и лѣто, подобныя нынѣшнимъ, здѣсь рѣдки. Если въ Духовъ-день есть вѣтеръ, то все лѣто бываетъ бурное; какой вѣтеръ дуетъ 1-го сентября, на томъ вѣтрѣ становится ледъ въ Печорѣ. Но у старика есть и предразсудки: не даромъ у него сорóка щебечетъ у дома; не даромъ прилетаетъ вóронъ и каркаетъ.

«Вчера (сказалъ онъ) смотрю: прилетѣла бѣлобокая, и ну щебетать! Откуда ждать гостя? думалъ я, ни о комъ не слышно, а вотъ тебя и принесъ Богъ! Грѣшно угадывать будущее, а вѣрится». По словамъ старика, по дорогѣ изъ Пылемца въ городокъ былъ порядочный лѣсъ; но его ужь давно разломало льдомъ и смыло весенней водой, какой давно не бывало — «тогда и дёрнъ-то въ тундрѣ во многихъ мѣстахъ содрало» — сказалъ старикъ. Нынѣшнія лиственницы и ивы выросли вновь; около 1815 года было то же наводненіе, но не столь-сильное.

Погостивъ у добраго старика, а поѣхалъ къ-вечеру въ Тельвиску. По дорогѣ, на чертѣ, до которой поднималась вода, валялось множество наноснаго лѣсу, большею-частью годнаго только на дрова; изъ него заготовляютъ Пустозерцы топливо, покупая его очень немного у Устьцылемцевъ, которые приплавляютъ сюда и строевой лѣсъ съ Цыльмы и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Пе-

*) Только Пустозерскъ и Тельвиска не затоплялись весенней водою въ 1843 году.

чору, а изрѣдка съ рѣки Ижмы. Сосновыя бревна, толщиною въ отрубѣ отъ 4 до 6 вершковъ, длиною 3 и 4 маховыхъ саженъ (которая около $2^1/_2$ аршинъ), приплавленныя въ Пустозерскія деревни, продаются отъ 25 до 30 р. асс. сотня; лѣсъ толще и ровнѣе — дороже. Недавно доставленъ въ деревню Оксину на построеніе церкви лѣсъ вершковъ отъ 5 до 7 въ отрубѣ, по 40 р. за сотню. Сажень аршинныхъ дровъ продается здѣсь по 1 р. 50 к.; лѣсъ сплавляютъ плотами, по тысячѣ деревъ, но не въ самую большую воду.

На пути къ Тельвискѣ тѣ же виды, чтó и по пути къ Пустозерску: повсюду большія и малыя озера, множество песчаныхъ бугровъ и рытвинъ съ мелкимъ кустарникомъ, который, скрѣпляя кореньями подвижной грунтъ, образуетъ индѣ довольно-высокія кучки, похожія на колонны разныхъ размѣровъ; мѣстами видны нанесенные льдомъ большіе пласты дёрна; кругомъ безлѣсье. Не доѣзжая Тельвиски, издали видна на пригоркѣ деревня Макарова. Деревня Тельвиска видна тоже издали; въ ней всего 21 домъ, но здѣсь волостное управленіе, въ вѣдомствѣ котораго двѣ Сельскія Управы — одна въ Пустозерскѣ, а другая въ деревнѣ Никитцѣ; Тельвиска расположена на довольно-высокомъ берегу залива, близъ устья Малаго Шара.

Буря не утихаетъ. Едва ли можно будетъ завтра отправиться къ устью Печоры, потому-что волненіе на Печорѣ велико; вѣтеръ дуетъ ужасными порывами и порой несетъ снѣгъ.

Въ комнатѣ, которую я здѣсь занимаю, налѣплено много лубочныхъ картинъ, и двѣ изъ нихъ съ поучительною надписью: «Если въ то время людямъ помогать хочешь, когда дождешься большаго богатства, то людямъ вспоможенія отъ тебя никогда не видать». «Если въ то время хочешь учиться, когда досугъ тебѣ придетъ, то, конечно, раскаяваться будешь во весь свой вѣкъ».

Полночь. 14 августа. Деревня Куя.

Погода не перемѣнилась; но я рѣшился спуститься до послѣдней деревни, если не найду возможности плыть до Болвановскаго Носа. Съ трудомъ нашли рабочихъ; пятеро бойкихъ рыбаковъ согласились плыть со мной въ ихъ широкой, пузатой лодкѣ, способной для плаванія даже и въ заливѣ. Долго мы боролись съ волнами, тяну-

лись бечевой, а гдѣ нельзя, работали веслами. Сначала мы миновали деревню Якущытскую, на лѣвомъ берегу Малаго Шара, въ трехъ верстахъ отъ Тельвиски; въ ней девять домовъ; потомъ въ 17 верстахъ деревня Никитцы, на правомъ берегу Большой Печоры. Это одно изъ лучшихъ поселеній Усть-Печорскихъ; хотя въ ней всего 19 домовъ, но здѣсь бо́льшая часть крестьяне зажиточны, а потому и строенія очень хороши.

На Печорѣ мы встрѣтили нѣсколько рыбачьихъ лодокъ; онѣ возвращались съ тоней и бѣжали на парусахъ съ полнымъ грузомъ, несмотря на сильное волненіе. Рабочіе мои догадывались, что промыселъ былъ удаченъ и что молодцы, на радости, завернули въ деревню Кую, гдѣ ихъ, вѣроятно, порядкомъ поподчивали. И въ самомъ дѣлѣ, видно, такъ: волненіе захлестывало ихъ лодки, а они бѣжали на парусахъ, весело напѣвая пѣсни. Даже Пустозерцы удивлялись ихъ смѣлости. Недаромъ говоритъ пословица: «пьяному море по колѣно». Съ большимъ трудомъ обогнули мы отмель, при заворотѣ съ Большой Печоры въ Куйскій Шаръ; здѣсь порядкомъ поработали и въ три часа приплыли въ деревню Кую, отъ которой получилъ наименованіе этотъ Шаръ. Деревня Куя на правомъ берегу Шара и состоитъ изъ 31 дома. По Печорѣ много вездѣ гагаръ и и особенно крупныхъ чаекъ; ихъ можно встрѣтить вездѣ, гдѣ ловятъ рыбу и гдѣ больше водится рыбы; но въ Куйскомъ Шару и на берегу возлѣ деревни ихъ такъ много, что онѣ покрывали песчаную отмель залива.

Мы остановились на квартирѣ у опытнаго моряка Михаила Карепанова: онъ еще старше Павлова и тоже нѣсколько десятковъ лѣтъ занимался звѣроловнымъ промысломъ; сынъ его недавно возвратился съ моря. Они сообщили мнѣ много любопытнаго объ этой промышлености, подчуя, между-тѣмъ, по здѣшнему обыкновенію, чаемъ, орѣхами, пряниками и калачами.

Деревня Куя извѣстна по удобной гавани въ Куйскомъ Шарѣ, въ которомъ совершенно безопасно отъ бурь и шкваловъ. Поэтому сюда приходятъ за сборомъ семги отъ рыболововъ всѣ чердынскіе каюки; здѣсь же опредѣляется и цѣна рыбы. Чердынскій купецъ Алинъ строитъ уже амбаръ для складки привозимыхъ сюда товаровъ; его примѣру, можетъ быть, послѣдуютъ и другіе, и Куя, вѣроятно, скоро будетъ центромъ, общимъ базаромъ торговли для произведеній края.

Рѣчка Куя впадаетъ въ Печору близъ деревни; она имѣетъ два притока: рѣчку Бѣлую и Кернъ-ягу.

Ниже Куи, въ 7 верстахъ, на правомъ берегу есть еще деревня Пойлово, въ которой всего 6 или 7 домовъ.

Отсюда хотѣлъ я съѣздить до Болванскаго Носа, еще 80 верстъ ниже Куи, но помѣшала буря, которая продолжается ужь двѣ недѣли, и Богъ-вѣсть когда прекратится; къ тому же, имѣя полныя свѣдѣнія объ устьяхъ Печоры отъ опытныхъ моряковъ, здѣшнихъ жителей, я считаю это излишнимъ; личнымъ обозрѣніемъ нельзя повѣрить этихъ свѣдѣній, а осень не за горами: пора домой.

Дойдя до предѣловъ Печорскаго Края, надобно сказать о его обширности. Печорскій Край, гранича къ сѣверу съ Ледовитымъ Океаномъ, къ востоку съ цѣпью горъ Уральскаго Хребта, къ югу съ вершинами притоковъ Камы, къ западу съ кряжемъ Тиманскихъ Горъ и возвышенностями, образующимися между притоками Печоры, Выми и Вычегды, составляетъ пространство, по мнѣнію ученыхъ путешественниковъ, съ островами Калгуевымъ и Вайгачемъ до 6,500 географическихъ миль, съ населеніями отъ 15,000 до 16,000 человѣкъ. Вся эта обширная площадь омывается водами Печоры и ея притоковъ; болѣе 80 рѣкъ и рѣчекъ вливаются въ этотъ огромный бассейнъ.

Завтра большой праздникъ. Добрый старикъ Корепановъ засвѣтилъ нѣсколько свѣчъ и лампаду предъ иконами въ комнатѣ, гдѣ я находился, а самъ со всей семьей ушелъ молиться въ другую; моленье это продолжалось часа полтора. Женѣ Корепанова 85 лѣтъ; а живутъ вмѣстѣ старики около 70 лѣтъ, и она еще бойкая хозяйка; но меня удивило, что у этой старушки жива мать, которая поселилась у правнучекъ, за пять верстъ, въ деревнѣ Никитцѣ, и нерѣдко навѣщаетъ пѣшкомъ чуть не 90 лѣтнюю дочь свою. Примѣры такой долгой и здоровой жизни здѣсь не рѣдкость.

15 августа. Тельвиска.

Вчера въ 11 часовъ отправился я изъ Куи и, лишь только выбрались изъ Шара на Большую Печору, подняли парусъ. Рыбаки, особенно печорскіе, смѣлы: для нихъ не страшна буря и въ открытомъ морѣ. Лодка наша была безъ груза, и когда находилъ порывъ вѣтра, часто такъ накренивалась, что едва не зачерпывала воду.

Волны яростно пѣнились около нея; туча за тучей проносились надъ нами; порой лилъ дождь и порошилъ снѣгъ. Ночь была очень темна; только небольшое сѣверное сіяніе озаряло часть полуночнаго горизонта. Мы быстро неслись до деревни Никитцы, гдѣ и остановились. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на бытъ нѣкоторыхъ изъ ея жителей.

Противъ этой деревни нѣтъ удобной пристани, а потому останавливаются здѣсь ненадолго; но если приходится, въ крайности, ночевать, то оттягиваются въ рѣку подальше отъ берега, у котораго прибой очень силенъ. Здѣсь Печора и глубока и широка, а бури съ океана разыгрываются иногда страшныя, и волненіе бываетъ большое — каюкамъ чердынскимъ не подсилу.

Я пошелъ въ домъ Хайминыхъ, которые считаются изъ самыхъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ Пустозерскаго Края. Хозяева спали уже, но встали и приняли меня радушно. Хайминыхъ три брата и два племянника; дома только одинъ младшій, женатый на внучкѣ старика Павлова, прочіе на промыслахъ и въ тундрѣ у оленей. Все семейство помѣщается въ одномъ домѣ, но у каждаго своя комната. Молодой хозяинъ принялъ меня въ своей свѣтлицѣ, которая была не велика, но тепла, чиста, оклеена обоями розоваго цвѣта и убрана порядочно. Все въ ней такъ удобно помѣщено, что всего много, но не тѣсно. Въ переднемъ углу стоитъ кіота съ образами, изъ которыхъ нѣкоторые въ серебряныхъ ризахъ; предъ ними горѣла лампада; вокругъ стѣнъ лавки, два стола, нѣсколько стульевъ, кроват за занавѣской, и шкапъ съ посудой, въ коемъ блестѣло и серебро; у печки мѣдный рукомойникъ и тазъ, свѣтло вычищенные; надъ дверьми посудникъ съ фаянсовыми тарелками, подносы и порядочное зеркало на стѣнѣ; полы устланы коврами — все такъ хорошо, что лучше и желать нельзя на устьѣ Печоры. Конечно, подробности эти могутъ показаться излишними; но если принять въ соображеніе, что я описываю житье крестьянина близъ устья Печоры, то разсказъ мой получитъ нѣкоторую цѣну, особенно если вспомнить образъ жизни поселянъ цѣлой Россіи, не исключая и самыхъ промышленныхъ и самыхъ хлѣбородныхъ губерній. Пусть также подробности моего описанія послужатъ доказательствомъ благодарной памяти моей добрымъ обитателямъ Усть - печорскаго Края, которые принимаютъ странника радушно, не съ однимъ хлѣбомъ - солью, но и съ ласковымъ словомъ, съ

привѣтомъ. Кто не скажетъ спасибо, когда усталаго, промокшаго подъ дождемъ ночнаго путешественника напоятъ хорошимъ чаемъ, поподчиваютъ привозными калачами, пряниками, орѣхами, хотя, конечно, не всегда свѣжими. Кто же не выразитъ удивленія, видя въ этомъ отдаленномъ и пустынномъ краѣ тихое счастіе, посреди довольства и нѣкоторой роскоши, добытыхъ честнымъ трудомъ, промышленной дѣятельностью, или смѣлою предпріимчивостью. Вскорѣ подали самоваръ, свѣтлый, какъ золоченый. Хозяйка подавала чай; часа два длилась наша бесѣда—и опять въ путь. Вѣтеръ шумѣлъ попрежнему, и мы во мракѣ ночи быстро неслись по волнамъ Печоры. Въ 4 часа прибыли въ Тельвиску.

Сегодня вѣтеръ не утихаетъ; волненіе на Печорѣ сильное; поутру шелъ снѣгъ. Рыбаки всѣ съѣхались домой къ празднику, на разговѣнье, тѣмъ болѣе, что праздниковъ три дня сряду: 15 августа Успеніе Божіей Матери, 16 — память Нерукотвореннаго Образа Спасителя и 17 — праздникъ мѣстный, установленный издавна, но въ память чего—я не могъ добиться, вѣроятно, въ воспоминаніе какого-нибудь важнаго событія. 17-ое августа здѣсь уважается: никто безъ крайней нужды не станетъ работать въ этотъ день, а въ постъ успенской нѣкоторые Печорцы не ѣдятъ даже рыбы. Отпраздновавъ эти дни, они отправляются снова на тони.

Въ Тельвискѣ я живу въ квартирѣ волостнаго головы, крестьянина деревни Никитцы, Сазонова. Онъ хоть и молодъ, но разуменъ и усерденъ въ исправленіи своихъ обязанностей; кромѣ того, гостепріименъ и радушенъ, какъ всѣ пустозерскіе жители.

III.

Свѣдѣнія о прежнихъ промыслахъ. — Новая Земля. — Открытіе ея. — Русскіе путешественники: Родіонъ Ивановъ, Савва Лошкинъ, Кротовъ и Пахтусовъ. — Пашинъ. — Островъ Калгуевъ. — Промыслы въ Болвановской Губѣ. — Участіе въ промыслахъ. — Скупъ участковъ. — Морскіе промыслы: моржи, киты, бѣлуги. — Ошкуи, или бѣлые медведи. — Промыслы въ тундрѣ. — Оленеводство. — Торгъ съ Чердынцами. — Оффиціальныя свѣдѣнія о промыслахъ. — Бытъ Пустозеровъ.

О промышлености въ здѣшнемъ краѣ я собралъ довольно-подробныя свѣдѣнія; но считаю нелишнимъ коснуться и прошедшаго. Еще въ началѣ XII столѣтія Новгородъ платилъ дань великимъ князьямъ Руси за свои сѣверныя владѣнія, и эта дань называлась Печорскою.*) По сохранившемуся списку съ указа, даннаго Пустозерской Воеводской Канцеляріи, видно, что въ 1574 году въ здѣшній край приходили Двиняне, Устюжане и Пинежане промышлять моржей и акулъ, за что вносили великому князю оброка десятую часть моржеваго зуба; оброкъ взимали съ нихъ пустозерские цѣловальника.

Въ 1601 году наложенъ былъ оброкъ на Самоѣдовъ за пользованіе водами рѣкъ Колоколковой, Песчаницы и другихъ по 2 р. 50 к., значитъ, постоянныхъ жителей на устьѣ Печоры тогда еще не было, а край заселился уже впослѣдствіи; иначе какъ же бы мѣстные жители не участвовали въ промыслахъ, производимыхъ пришельцами съ береговъ двины и Пинеги? Для разработки серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ въ новооткрытомъ заводѣ, на берегу рѣки Цыльмы еще въ концѣ XV столѣтія взяты были рабочие изъ Устюжанъ 60, Двинянъ 100, и Пинежанъ 80 человѣкъ.**) Если

*) Исторія Гос. Росс. Карамзина, часть II стр. 207.

**) Двинскій Лѣтописецъ.

бы здѣсь были поселенія, то не могли бы не участвовать въ такомъ важномъ, по тогдашнему времени, предпріятіи. До Устюга отъ Усть-Цыльмы вчетверо дальше чѣмъ до Пустозерска.

По мнѣнію автора, описавшаго Архангельскую Губернію, пустозерскій острогъ заложенъ въ началѣ XVI столѣтія; но тогда, вѣроятно, тамъ жили необходимая стража городка, цѣловальники, или сборщики оброковъ и ясака съ кочующихъ инородцевъ; они же и наблюдали за краемъ и отражали набѣги Карачейскихъ Самоѣдовъ часто производимые и продолжавшіеся даже и въ XVIII столѣтіи.*) Уже послѣ мало-по-малу стали селиться пришельцы съ береговъ Ильменя; а съ увеличіемъ народонаселенія увеличивался и оброкъ. Въ окладной книгѣ записано, что въ 1684 году получено оброка съ самоѣдской тони 6 рублей, съ дресвянской 4 руб. 6 алтынъ и 4 деньги; а въ 1691 году въ Болвановской Губѣ, съ самоѣдской и дресвянской тоней получено оброка тоже 10 руб. 6 алтынъ 4 деньги, и новоприбылаго оброка съ крестовой, прилучной и носовой тоней, съ рѣкъ: Усы, Косьи и Лёмвы 4 р. 16 алт. 4 деньги, всего 14 рублей 23 алтына и 2 деньги, и что всѣ эти деньги получены сполна. Въ 1698 году всѣ здѣшніе промысловыя угодья отданы были въ оброкъ Устюжанину, переселившемуся на Ижму, Ивашкѣ Гаврилову, на пять лѣтъ за 16 р. 23 алт. и 2 деньги въ годъ съ пошлиною по 10 денегъ съ рубля, а всего за 17 р. 17 ал. и 5 денегъ. Эта значительная, по тогдашнему времени, сумма должна была, что видно изъ того же Указа, обезпечиться поручною записью съ добрыми поруками, и съ другими доходами отсылаться сполна въ Москву съ надежными людьми. Однакожъ въ 1699 году Пустозерцы, видно, не допустили оброкосодержателя, вѣроятно, опасаясь, чтобъ Ивашка не завладѣлъ навсегда ихъ промыслами; и заплативъ прежній оброкъ, отправили въ Москву ходатаевъ посадскихъ: Абрамку Кожевина и Ваську Шевелева бить челомъ Государю, «чтобъ пожаловалъ имъ Болвановскую Губу съ угодьями, съ рыбными ловлями, съ тонями: крестовой, носовой, прилучной, дресвянской, самоѣдской, вмѣсто пашенной земли, обѣщаясь платить попрежнему 14 р. 23 алт. и 2 деньги въ годъ, и объясняя, что хотя въ прошломъ

*) Въ I части Дневника сказано: что племя Карачейской Самоѣди дѣлало набѣги на Самоѣдь Пустозерскую, а вѣроятно, и на Пустозерскій Острогъ очень часто. Извѣстны послѣднія нападенія въ 1710, 1739, 1732 и 1746 годахъ.

году Ивашка Гавриловъ и просилъ Государя, но что онъ живетъ теперь въ Ижемскомъ Уѣздѣ, будучи пришлецъ изъ иного города, ложно назывался Ижемцемъ и взялъ на оброкъ промыслы для передачи, и тѣмъ бы ихъ разорилъ; ибо они выгодою отъ этихъ промысловъ платили всѣ повинности, и что они съ Ижемцами и Устьцылемцами угодья по рѣкамъ раздѣлили полюбовно». Просьба Пустозерцевъ была исполнена; но оброкъ наложенъ не 14 р. 23 алт. и 2 деньги, какъ они желали, а увеличенъ до 17 р. 17 алт. и 5 денегъ, какъ предлагалъ Ивашка Гавриловъ, которому велѣно отказать. Что угодья и промыслы были раздѣлены между тремя волостями полюбовно, то упоминается въ записи, учиненной ижемскими крестьянами 16 іюля 1782 года, по указу Мезенскаго Земскаго Суда.

Теперь раждается вопросъ: гдѣ доставали хлѣбъ эти поселенія? Вѣроятно, хлѣбопашества въ низовьѣ Печоры и тогда не существовало; а если и было въ Усть-Цыльмѣ и по Ижмѣ, то все-таки не могло удовлетворять потребности всего края. Производили ли тогда торговлю съ Чердынцами? По-крайней-мѣрѣ ни въ грамматахъ, данныхъ Ивашкѣ Ласткѣ, ни въ указѣ объ этомъ ничего не упомянуто. Не доставляли ли сюда хлѣбъ съ устья Двины? или, можетъ быть, и тогда уже торговцы Чердына, снабжая хлѣбомъ Край Пустозерскій, вымѣнивали на него произведенія дальняго сѣвера? Но въ настоящее время все перемѣнилось: теперь тони въ Болвановской Губѣ и Печорѣ цѣнятся уже дорого; и не алтынами, не рублями стали бы наддавать за нихъ, но сотнями рублей. Теперь эти тони даютъ доходъ, достаточный на пропитаніе, даже съ избыткомъ, всему населенію Усть-Печорскаго Края. Еще недавно, какъ разсказывали мнѣ въ Пустозерскѣ, тони въ Болвановской Губѣ отдавались на оброкъ Мезенцамъ и Пинежанамъ съ платою за нѣкоторые по 1,400 и 1,700 р. ас. въ годъ.

Вотъ свѣдѣнія, собранныя мною о Новой Землѣ.

Новая Земля отдѣлена отъ материка островомъ Вайгачемъ и двумя проливами: Югорскимъ Шаромъ и Проливомъ Вайгачскимъ, называвшимся въ старину Желѣзными Воротами. Югорскій Шаръ шириной около пяти, мѣстами до 15 верстъ, а проливъ Вайгачскій отъ 60 до 70 верстъ. Какъ островъ Вайгачъ, такъ и Новую Землю считаютъ продолженіемъ Уральскаго Хребта. И дѣйствительно, отрасль горъ, называемая Хребтомъ Самоѣдскимъ, отдѣляющаяся

отъ Уральскаго Хребта, тянется къ Югорскому Шару, который его перерѣзываетъ. Островъ Вайгачъ, по своему положенію, представляетъ дальнѣйшее протяженіе хребта, также, какъ и Новая Земля. Каменистое дно сказанныхъ проливовъ и одинаковое минеральное образованіе горныхъ хребтовъ, проходящихъ по всему Вайгачу и Новой Землѣ, убѣждаютъ въ этомъ изслѣдователей. Новую Землю раздѣляетъ надвое Маточкинъ Проливъ; *) южная часть ея, оканчивающаяся Кусовымъ Носомъ, находится подъ 71°; сѣверную же оконечность, никѣмъ, впрочемъ, неизвѣданную, ставятъ подъ 77° широты.

Новая Земля — необитаемая пустыня; тамъ царство зимы суровой, продолжающейся около 9 мѣсяцевъ. Промышленики пріѣзжаютъ сюда на лѣто и нерѣдко остаются на зимовку. Въ Пустозерскѣ много встрѣчаешь людей, которые, въ продолженіе своей жизни, провели 10 — 15 зимъ на Новой Землѣ. Зимовки предвидѣнныя сходятъ съ рукъ довольно-счастливо; но бываютъ зимовки неожиданныя: разобьетъ судно, затретъ льдомъ — тогда, при недостаткѣ припасовъ и теплаго помѣщенія, несчастные рѣдко спасаются, и спасаются только немногіе. На Новой Землѣ свирѣпствуетъ цынга — болѣзнь, истребительница смѣлыхъ промышлениковъ и путешественниковъ. Уже многіе поплатились ей жизнью въ глубокихъ снѣговыхъ сугробахъ этого дальняго острова.

Несмотря на ужасный климатъ этой страны, каменистой и почти лишенной всякой растительности, въ ней водится множество оленей, песцовъ, волковъ и бѣлыхъ медвѣдей; на короткое лѣто прилетаетъ туда безчисленное множество птицъ: гусей, лебедей, утокъ, гагаръ и чаекъ. Изъ путешествія г. Пахтусова видно, что тамъ моховыя пространства мѣстами покрыты множествомъ незабудокъ— это цвѣтокъ Сѣвера.

Долго думали, что на Новой Землѣ есть серебряная руда и что названіе губы Серебрянки произошло отъ серебра, которое въ ней находили. Преданіе говоритъ, что Славяне новгородскіе, посѣщая Югорію за дорогими звѣриными шкурами, доставали въ Новой Землѣ чистое серебро. Другое преданіе гласитъ, что отъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго было повелѣніе искать серебряную руду на

*) Мнѣ сказывали, что названіе Маточкина Пролива произошло отъ обилія въ немъ моржевыхъ матокъ.

берегахъ губы Серебрянки. Но всего вѣроятнѣе, что эта губа получила названіе по обманчивому виду береговыхъ горъ, содержащихъ много сѣрнаго колчедана, сланца и слюды, блескъ которыхъ и привлекалъ неопытныхъ надеждою открыть тамъ серебряную руду. Теперь уже достовѣрно извѣстно, что на Новой Землѣ нѣтъ этой руды, а преданія — чего не разсказываютъ они, переходя изъ рода въ родъ!

Многіе полагаютъ, что двинскіе мореходцы первыя открыли Новую Землю; это доказывается тѣмъ, что англійскіе мореплаватели XVI вѣка, стараясь открыть путь въ Индію черезъ Сѣверный Океанъ и попадая на Новую Землю, находили на ней кресты съ славянскими надписями. Открытый Русскими, этотъ островъ названъ Новою Землей, и это названіе осталось за нимъ. Что обитатели Двинской Области съ давнихъ временъ упражняются въ мореплаваніи, и что Новая Земля была имъ извѣстна задолго до открытія ее Англичанами — въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Въ любопытномъ обозрѣніи путешествій, Ф. П. Литке, составляющемъ введеніе къ описанію четырекратнаго путешествія его въ Сѣверный Океанъ, изложены въ порядкѣ попытки двинскихъ мореплавателей.

О поѣздкахъ на Печору и въ Югрь, или Югорію, Новогородцевъ XI столѣтія, даже за Желѣзныя Ворота, или Вайгачскій Проливъ, говоритъ преподобный Несторъ, *) который полагаетъ, что чудскій народъ, называемый Печорою, былъ подвластенъ Славянамъ еще до Рюрика. Когда Новгородцы ходили въ Вайгачскій Проливъ, то нѣтъ сомнѣнія, что тогда же знали и посѣщали Новую Землю.

Итакъ, Новая Земля, издавна извѣстная Двинянамъ, открыта Англичанами въ 1553 году. Общество Англійскихъ купцовъ, обольщаемое выгодами Португальцевъ отъ торговли съ Индіей, снарядило въ этомъ году экспедицію подъ коммандою Виллоби для отысканія пути въ богатую страну Индовъ черезъ Сѣверный Океанъ. Они наткнулись на Новую Землю, остались зимовать на ней и поплатились за то гибелью начальника экспедиціи съ многими товарищами; немногіе, спасенные Лапландцами, разсказали на родинѣ о Бѣломъ Морѣ, объ устьяхъ Двины и, вслѣдствіе этихъ разсказовъ, капитанъ Борро, отправленный компаніею, составившеюся для тор-

*) Печатный списокъ Несторовой Лѣтописи. Исторія Г. Р. Карамзина 2 части, примѣч. 64.

говли съ вновьоткрытыми странами, въ 1556 году, прибылъ въ Колу и нашелъ тамъ многихъ мореходцевъ, готовыхъ отправиться къ устью Печоры на звѣроловный промыселъ. Одинъ изъ нихъ, Гаврило, взялся быть у нихъ кормщикомъ. Голландцы въ 1595 году тоже пытались открыть здѣсь путь въ Восточный Океанъ для ближайшаго сообщенія съ Китаемъ. Корнелій Най, командовавшій экспедиціею, прибывъ къ острову Вайгачу, встрѣтилъ тамъ русскихъ промышлениковъ, которые сказывали ему, что изъ Холмогоръ ежегодно нѣсколько ладей отправляется моремъ не только къ устью Оби, но даже къ устью Енисея, гдѣ торгуютъ разными товарами. Эти извѣстія были подтверждены Самоѣдами, которыхъ встрѣчала экспедиція. Въ слѣдующій годъ извѣстный мореплаватель Баренцъ счастливо прозимовалъ на Новой Землѣ, принужденный къ тому поврежденіемъ своего корабля. Въ XVIII столѣтіи Голландцы еще производили около Новой Земли китоловные промыслы; въ этомъ свидѣтельствуютъ салотопныя ямы на Оленьемъ и Бритвиномъ Островахъ.*)

Всѣ эти свѣдѣнія путешественниковъ, посѣщавшихъ Ледовитый Океанъ, почти за 3 вѣка до настоящаго времени, доказываютъ, какъ давно Русскіе производятъ здѣсь промыслы и упражняются въ мореплаваніи.

Русскіе ходили черезъ Карское Море къ устьямъ Оби и Енисея въ кочахъ и карбасахъ, и всегда Югорскимъ Шаромъ въ Обь; иногда ходили, о чемъ я уже говорилъ, и чрезъ мысъ Ельмалъ, по рѣкѣ Мутной, впадающей въ Карское Море, и перетаскивались въ рѣку Зеленую, по которой спускались въ Обь. Плаваніе изъ Архангельска до Оби продолжалось не болѣе трехъ или четырехъ недѣль, а отъ Оби до Енисея — двѣ и три недѣли. Нерѣдко промышленики отправлялись отъ Оби прямо на Новую Землю, для чего строили суда на этой рѣкѣ.**) Говорятъ, этотъ путь былъ также извѣстенъ Англичанамъ и Голландцамъ.

Для изслѣдованій края, первое путешествіе предпринято было въ 1690 году кормщикомъ Родіономъ Ивановымъ. Судно его разбилось у восточнаго берега Карскаго Моря на отмели Шараповой Комкѣ, и онъ принужденъ былъ остаться на зимовку на одномъ

*) Путешествіе Лепехина IV часть.

**) Обозрѣніе Морскихъ путешествій г. Литке.

изъ холмовъ этой отмели. Тутъ смастерили они избу изъ глины, связанной моржевою и тюленьей кровью и шерстью; питались мясомъ этихъ животныхъ, а иногда морской капустой и мясомъ бѣлыхъ медвѣдей. Большая часть товарищей Иванова померли отъ недостатка въ пищѣ и движеніи; оставшихся спасли промышленики, случайно открывъ ихъ весной слѣдующаго года.

Съ 1734 по 1739 годъ продолжалось путешествіе большой экспедиціи, отправленной для описанія всего сѣвернаго берега Сибири до Америки. Командирами судовъ въ разное время были: Муравьевъ, Павловъ, Скуратовъ, Сухотинъ, Мальгинъ и Головинъ. По недостатку средствъ и по разнымъ непреодолимымъ препятствіямъ, они описали только часть береговъ до Обской Губы.

Въ 1757 году директоръ Шуваловской Конторы, Кинъ, отправлялъ Лоцмана Юшкова на Новую Землю отыскивать серебро; но предпріятіе кончилось смертью Юшкова.

Въ 1760 году новоземельскій кормщикъ, Олончанинъ Савва Лошкинъ, въ надеждѣ найти на восточномъ берегу Новой Земли, рѣдко посѣщаемомъ звѣроловами, больше звѣрей, рѣшился отправиться туда для промысла. Онъ прошелъ въ Карское Море Вайгачскимъ Проливомъ, или Карскими Воротами, и пустился къ сѣверу. Несмотря на безпрерывныя препятствія отъ льдовъ и на страшныя опасности, которымъ подвергался въ плаваніи по неизвѣстному морю и отъ недостатка въ припасахъ, онъ первый прошелъ мимо сѣверной оконечности Новой Земли до ея западнаго берега. Это отважное путешествіе продолжалось двѣ зимы и три лѣта; но, къ сожалѣнію, сохранилось только извѣстіе о смѣломъ путешествіи Лошкина въ сочиненіи г. Крестинина, безъ дальнѣйшихъ подробностей. Въ 1833 году г. Пахтусовъ на восточномъ берегу Новой Земли нашелъ старую, сгнившую избу и возлѣ нея крестъ съ надписью, «что оный поставленъ въ 1742 году Саввой Фофановымъ.» По мнѣнію г. Пахтусова, это было зимовье отважнаго Лошкина въ первыя поѣздки его въ Карское Море, назвавшагося Фофановымъ, вѣроятно, по отцѣ.

Въ 1768 году архангельскій купецъ Баршинъ отправилъ на Новую Землю кочмару,*) подъ командою штурмана Розмыслова, для отысканія металловъ. Эта экспедиція, пройдя Маточкинъ Шаръ, принуждена была зимовать въ двухъ избахъ на восточномъ берегу

*) Кочмарами назывались суда, поднимающія грузу до 500 пудъ.

Бѣлужьей Губы; на другой годъ она возвратилась въ Архангельскъ, не найдя ничего. Въ 1806 году государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, на собственномъ иждивеніи, поручилъ бѣломорской компаніи снарядить экспедицію подъ командою штурмана Поспѣлова, съ тою же цѣлью; но она возвратилась безъ всякаго успѣха.

Въ 1819 году, подъ командою Лазарева, вновь снаряжена экспедиція для описанія Новой Земли; но она не могла дойти и до Маточкина Шара, и возвратилась въ сентябрѣ въ Архангельскъ.

Съ 1821 по 1825 годъ продолжалось замѣчательное путешествіе къ Новой Землѣ Ф. П. Литке; подъ его же распоряженіемъ производилось описаніе устья рѣки Печоры. Въ это путешествіе описаны многіе острова, гавани и рейды по берегу Лапландіи, западный и южный берега Новой Земли до Нассавскаго Мыса, Маточкинъ Шаръ, устье Печоры и берегъ океана до устья рѣки Оби.

Совѣтникъ Сѣвернаго Округа Клоковъ составилъ проектъ о возобновленіи мореходства изъ Архангельска къ рѣкѣ Енисею. Нужно было убѣдиться опытомъ: въ какой степени безопасно плаваніе Маточкинымъ Шаромъ и Карскимъ Моремъ? Для изслѣдованія этого пути снаряжена была въ 1832 году экспедиція, въ которой дѣятельно участвовалъ коммерціи совѣтникъ Вильгелмъ Брандтъ. Экспедиція, состоявшая изъ шкуны «Енисей», подъ командою лейтенанта Кротова, и изъ карбаса «Новая Земля», подъ командою подпоручика Пахтусова, должны были — первая идти чрезъ Маточкинъ Проливъ къ устью Енисея, и измѣрить его; второй же предписано заняться описаніемъ восточнаго берега Новой Земли. На случай зимовки на Новой Землѣ, отправлены были, на особомъ суднѣ, подъ управленіемъ крестьянина Гвоздарева, въ Маточкинъ Шаръ двѣ избы. Экспедиція отправилась изъ Архангельска 1 августа 1832 года; но конецъ ея былъ несчастливъ: шкуна «Енисей» пропала безъ вѣсти и только обломки ея видѣлъ Пахтусовъ въ 1835 году на берегахъ губы Серебрянки. Другое судно, не достигнувъ восточнаго берега Новой Земли, принуждено было зимовать въ губѣ Каменкѣ въ старой избѣ, случайно найденной и кое-какъ исправленной выкиднымъ лѣсомъ; она служила путешественникамъ жилищемъ въ продолженіе 297 дней. На другой годъ г. Пахтусовъ описалъ восточный берегъ до Маточкина Шара, и на обратномъ пути принужденъ былъ войти въ устье Печоры; оттуда возвратился въ Петербургъ. Второе путешествіе Пахтусова и зимовка на Новой

Землѣ совершены въ 1835 и 1836 годахъ. Засимъ слѣдуетъ путешествіе г. Цыволки, который уже въ 1835 и 1836 годахъ сопутствовалъ г. Пахтусову и въ слѣдующемъ году ѣздилъ снова на Новую Землю. Вѣроятно, поѣздки и особенно зимовки въ холодной пустынѣ сѣвера, разстроили здоровье этихъ замѣчательныхъ путешественниковъ. По возвращеніи своемъ съ Новой Земли, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ ихъ, они оба вскорѣ умерли.

За тѣмъ посѣщалъ Новую Землю ученый естествоиспытатель г. Беръ, и привезъ о ней много любопытныхъ свѣдѣній.

Къ числу отважныхъ двинскихъ мореходцевъ можно причислить архангельскаго гражданина Пашина. Въ бѣломорской ладьѣ, непрочной постройки, съ плохимъ рангоутомъ, въ 1837 году онъ приходилъ изъ Архангельска въ С. Петербургъ съ грузомъ трески. Но, къ сожалѣнію, пустившись во второе путешествіе, въ 1839 году, онъ погибъ со всѣми товарищами. Еслибъ Пашинъ имѣлъ средства обзавестись прочнымъ судномъ, еслибъ у него былъ хотя незначительный капиталъ на производство промысловъ и сбытъ рыбы кромѣ рынковъ своей родины, онъ бы много полезнаго могъ сдѣлать при своей предпріимчивости для промышлености Бѣломорскаго Края. Сограждане его не помогли этому отважному мореходу; въ крайности онъ рисковалъ, чтобъ пріобрѣсть что-нибудь—и погибъ. А жаль его, и сограждане должны бы пожалѣть о немъ.

Прежде бѣломорскіе мореходцы не имѣли способовъ учиться мореплаванію; ихъ училъ опытъ съ дѣтства; но теперь, благодаря попечительности Правительства, открыты училища мореплаванія въ Архангельскѣ и Кеми. Для моряка необходимъ опытъ, но неменѣе того необходимы и знанія, которыя руководили бы въ борьбѣ съ бурями моря.

Большая часть путешественниковъ, проходя изъ Бѣлаго Моря къ Новой Землѣ, шли мимо Острова Калгуева. Этотъ островъ знакомъ также Пустозерцамъ, Мезенцамъ и Поморянамъ. Онъ лежитъ подъ 69° сѣверной широты, имѣетъ въ окружности около 300 верстъ; около него нѣтъ ни одной гавани, въ которой могло бы укрыться порядочное судно; устья его рѣкъ мелководны, особенно во время отлива; постоянныхъ жителей и на этомъ островѣ нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ семей Самоѣдовъ, нанимаемыхъ Мезенцами и Пустозерцами для производства промысловъ рыбныхъ, звѣриныхъ и птичьихъ. Хозяева, пріѣзжая туда весной, привозятъ припасы и

все нужное для зимовщиковъ и вмѣстѣ съ ними ловятъ лебедей, утокъ, гусей. Въ иной годъ одного чистаго пуху добывали пудовъ до 60. Птицъ прилетаетъ туда и теперь чрезвычайно много, хотя и меньше прежняго. Дѣятельность производимыхъ промысловъ заставляетъ пернатыхъ гостей искать болѣе-покойныхъ убѣжищъ на дальнихъ островахъ Сѣвернаго Океана. Говорятъ также, что на островѣ Калгуевѣ было прежде много и оленей, но теперь и они тамъ почти перевелись.

Обращаюсь къ промысламъ усть-печорскимъ.

Семга ловится преимущественно въ Болвановской Губѣ; но въ иной годъ довольно-много ея попадаетъ въ поплавни и въ самой Печорѣ; это бываетъ тогда, когда сѣверные вѣтры задержатъ рыболововъ и они не могутъ попасть въ губу до хода семги, которая въ такомъ случаѣ безпрепятственно входитъ въ устье рѣки. Напротивъ, если вѣтеръ дуетъ по направленію къ губѣ, и если рыболовы во́время поставятъ въ ней сѣти, тогда лучшій ловъ на тамошнихъ тоняхъ, и въ Печорѣ семги попадетъ мало. Въ губѣ Болвановской считается 9 тоней, изъ которыхъ 7 принадлежатъ Пустозерцамъ, а двѣ—церковно-служителямъ. Названіе тоней: Селезневская, Крестовая, Прилучная, Носовая, Дресвянка, двѣ Самоѣдскихъ, Мелкая и Іевка. Лучшими тонями считаются три: Крестовая, Носовая и одна изъ Самоѣдскихъ. Первыя семь тоней расположены по западному берегу губы, а двѣ, Мелкая и Іевка, по восточному берегу. Дальше по берегу материка есть еще четыре тони: Двойникъ, у Двойничнаго Носа, Погорѣлка, Алексѣевка и Черная, при устьяхъ рѣкъ Алексѣевки и Черной; но въ нихъ ловъ не всегда удаченъ. Да и Болвановскія тони не одинаковы: на одной ловится больше, на другой несравненно-меньше; на одной придетъ на пай иногда 70, на другой едва 15 пудъ. Во всѣхъ этихъ тоняхъ ловъ производится съ точнѣйшимъ и замѣчательнымъ соблюденіемъ правъ всѣхъ и каждаго; а права имѣютъ всѣ одинакія, какъ богатые, такъ и бѣдные; даже вдовы и сироты имѣютъ участіе въ паяхъ; разница только въ томъ, что одни дѣйствуютъ капиталомъ денежнымъ, а другіе капиталомъ труда. Тони погодно переходятъ въ пользованіе отъ одной деревни къ другой; причемъ каждая деревня, въ свою очередь, имѣетъ хорошую и худую тоню. Порядокъ этотъ необходимъ, потому-что здѣсь преимущественно живутъ рыбнымъ промысломъ.

Тони Болвановской Губы дѣлятся на участки по числу душъ волости; $13^1/_2$ душъ имѣютъ пай. Желающіе, продаютъ свои пай, или участіе въ паѣ; скупаютъ ихъ особенно тѣ, которые имѣютъ всѣ нужныя орудія, лодки и необходимые запасы. Скупъ производится осенью; скупать позволено другъ отъ друга людямъ одного пятисотка т. е. общества.*) Плата за паи бываетъ разная, смотря по улову предшествовавшихъ лѣтъ: такъ, въ минувшіе годы, рыбы попадало много и потому платили по 3 рубля за участокъ, т. е. по 40 р. 50 к. за пай, а бывали годы, что участокъ продавался по рублю и по два. Цѣна зависитъ также и отъ тони, на которую скупаются паи: за пай въ хорошей тонѣ платятъ дороже, въ худой — дешевле. Имѣетъ вліяніе на цѣны также число покупателей-промышлениковъ; большая конкуренція въ скупѣ паевъ поднимаетъ на нихъ цѣну, малая дешевитъ ее. Разумѣется, отпускать на промыслы, какъ говорятъ здѣсь, т. е. скупать участки, имѣютъ возможность люди зажиточные, потому-что это сопряжено съ рискомъ; бѣднякъ рисковать не смѣетъ, да и не можетъ; а продавши участокъ, нанимается къ скупщику въ работу и больше не изъ платы деньгами, а изъ части; слѣдовательно, не жертвуя ничѣмъ, можетъ иногда много выиграть. Условливаются работать изъ четвертой и третьей части и даже иногда изъ двухъ пятыхъ частей промысла. Въ хорошій ловъ наживаютъ много и хозяева и работники. Первые выручаютъ расходы, пріобрѣтаютъ хорошіе проценты на капиталъ, трудъ и рискъ, а послѣдніе, не жертвуя, кромѣ труда, ничѣмъ, получаютъ на часть 10 — 20, а иногда и 30 пудъ. Въ худой годъ откупатели терпятъ убытокъ и разоряются.

Ловъ въ тоняхъ производится слѣдующимъ образомъ: отъ берега набиваютъ колья одинъ отъ другаго въ четырехъ и пяти ручныхъ саженяхъ; на каждый пай дается 300 саженъ, въ иной тонѣ двѣнадцать паевъ, а потому она простирается въ губу на 3,600 ручныхъ саженъ или около 6 верстъ. На эти колья прикрѣпляютъ переметъ или порѣдникъ**) вышиной около сажени. Каждый пайщикъ на свой, или купленный имъ участокъ, обязанъ наколотить колья и приготовить переметъ. Рыба съ одной тони дѣлится поровну между пайщиками. Переметы осматриваютъ, смотря

*) 1,000 жителей Пустозерска дѣлятся на два пятисотка.

**) Рѣдкая сѣть, сдѣланная изъ крѣпкихъ конопляныхъ нитокъ.

по погодѣ и лову рыбы, а обыкновенно, одинъ разъ въ день; когда же ловъ худой, то однажды въ три дня. Если промышленикъ не досмотритъ, то на запутавшуюся въ переметѣ семгу, во время отлива, нападаютъ тучи чаекъ, которыя, слѣдуя за рыболовами, стараются при каждомъ случаѣ поживиться рыбой.

На тони Болвановской Губы отправляются около 20 іюня; ловъ продолжается до 14 сентября.

Полагаютъ, что семга, слѣдуя изъ моря по фарватеру подлѣ восточнаго материка, заходитъ въ Болвановскую Губу и попадаетъ преимущественно въ тѣ тони, въ которыя въ это время бываетъ большее направленіе вѣтра. По примѣтамъ рыбаковъ, рыба идетъ по направленію стремленія воды и бурь и попадаетъ въ тони больше не при входѣ въ губу, а при выходѣ изъ нея; а потому въ тони западнаго берега губы попадаетъ больше рыбы.

Въ минувшемъ 1842 году, въ нѣкоторыя тони Болвановской Губы попало семги на пай отъ 60 до 75 пудъ, а всего въ губѣ больше 8 тыс. пудъ; но такой обильный ловъ бываетъ нечасто.

Ловъ семги поплавнями въ рѣкѣ раздѣленъ тѣмъ же порядкомъ между всѣми жителями на участки и на паи, которые также скупаются. Число поплавней на каждомъ плёсѣ опредѣляется заранѣе; всѣхъ считается до 45. Плёсы Печоры неодинаково рыбны, а потому въ пользованіи ихъ наблюдается та же очередь, какъ и въ пользованіи тонями Болвановской Губы. Здѣсь, какъ и тамъ, успѣхъ зависитъ отъ счастія: иногда, на хорошомъ плёсѣ ловъ неудаченъ, и неожиданно-хорошъ на худомъ. Цѣна участковъ зависитъ также отъ достоинства плёса и отъ удачи предшествовавшихъ лѣтъ; она бываетъ отъ 2 р. до 6 р. асс. Замѣчательно, что при этомъ соблюдаются такая правота и такой порядокъ, что ни споровъ, ни жалобъ никогда не бываетъ: все придумано и распоряжено съ самою строгою и благоразумною справедливостью.

Ловъ семги поплавнями въ Пустозерскѣ производится такъ же, какъ описалъ я выше ловлю въ Усть-Усѣ, только съ тою разницею, что здѣсь поплавни несравненно-длиннѣе — отъ 9 до 10 аршинъ; а потому въ каждую лодку садятся пять взрослыхъ рыбаковъ, чтобъ могли бороться съ бурями, которыя высоко вздымаютъ волны Печоры. Я говорилъ уже, что ловъ поплавнями бываетъ удачнѣе въ ненастье и въ бурныя, темныя ночи, а потому въ осенній холодъ и въ дождь рыболовы много терпятъ:

иногда, промокши, какъ говорится, до костей, они иззябнутъ до того, что едва могутъ отогрѣться.

По моему мнѣнію, поплавни едва-ли такъ удобны для ловли семги, какъ невода; во-первыхъ, потому, что въ поплавень попадаетъ только та рыба, которая въ быстромъ ходу насунется на прямую сѣть его, переброшенную черезъ рѣку и въ ней запутается; а такъ-какъ семга, по замѣчанію рыбаковъ, въ тихое время очень осторожна и, подошедъ къ сѣти, или возвращается, или обходитъ ее, то попадается только небольшая часть рыбы; потому и лучшій ловъ въ ненастное и вѣтряное время; во-вторыхъ, поплавни не выше 7 и 10 аршинъ, а ловятъ ими на мѣстахъ, гдѣ глубина въ нѣсколько саженъ, слѣдовательно они захватываютъ рыбу только на этой глубинѣ — глубже рыба проходитъ свободно.

Неводъ—другое дѣло: можно приготовить неводъ шире и длиннѣе поплавня. Лодка, отправляясь съ неводомъ отъ тони, охватываетъ извѣстное пространство рѣки и увлекаетъ всю рыбу, въ этомъ пространствѣ находящуюся; покуда его вытягиваютъ на берегъ, отправляется другой неводъ и ловитъ на томъ же пространствѣ; три, четыре невода могутъ дѣйствовать рядомъ, безпрерывно чередуясь и не пропуская рыбу. Тутъ, мнѣ кажется, нужно и меньше труда и меньше рабочихъ силъ. Опытные рыбаки совершенно съ этимъ согласны. Но какъ для этого нужно общее согласіе, нуженъ трудъ расчистки удобныхъ для тоней мѣстъ и приготовленіе неводовъ, а главное — измѣненіе привычной работы, то улучшеніе это едва-ли войдетъ въ употребленіе, тѣмъ болѣе, что многіе находятъ нынѣшній способъ болѣе удобнымъ. Измѣнить понятія людей, привыкшихъ заниматься промысломъ по старинѣ— не маловажный трудъ.

Въ 1843 году Пустозерцы отправились на рыбный промыселъ 20 іюля и возвратились къ 15 августа; одни наловили пудъ по 10, другіе по 20, по 30 и даже по 40 пудъ, это, говорятъ, «густая семга», Проведя дома праздники, они снова выѣзжаютъ на ловъ и продолжаютъ его до половины сентября; эта вторая половина промысла бываетъ и хуже и лучше.

Бѣлую рыбу, какъ въ Пустозерскѣ, такъ и въ Усть-Цыльмѣ ловятъ неводами, съ тою только разницею, что въ Пустозерскѣ соблюдается опредѣленная и строгая очередь, а въ Усть-Цыльмѣ ловъ производится безъ всякихъ правилъ.

Кромѣ семги, Пустозерцы ѣздятъ ловить омулей въ устьяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ въ море. Въ Печорѣ омулей немного.

За промысломъ рыбнымъ слѣдуютъ звѣриные и морскіе промыслы, которыми здѣсь занимаются издавна. Это видно по граммматамъ и свѣдѣніямъ, полученнымъ первыми путешественниками въ этомъ краю. Свѣдѣнія, сообщаемыя мною, я собралъ отъ старыхъ моряковъ печорскихъ, которые были въ море отъ 30 до 40 разъ.

Изъ Печоры за промыслами отправляются въ море въ первыхъ числахъ іюля и нѣсколько позже. Прежде Пустозерцы откочевывали на оленяхъ по тундрѣ къ Югорскому Шару, откуда отправлялись на промыслы; нынче они, и кажется, по недостатку оленей, начинаютъ выходить въ море съ устьевъ Печоры.

Карбасы промысловые дѣлаются изъ досокъ, толщиною около вершка; длина карбаса отъ 6 до 7 саженъ, ширина отъ 4 до 6 аршинъ, глубина до $2^1/_2$ аршинъ; они совершенно открыты; на рѣдкихъ есть маленькія каюты для припасовъ; они всегда объ одномъ прямомъ парусѣ; поднимаютъ грузу отъ 200 до 500 пудъ, а иногда и больше; при полномъ грузѣ углубляются на 8 четвертей; тогда къ бортамъ прикрѣпляютъ еще по одной доскѣ. На карбасахъ садятся отъ 8 до 12 человѣкъ; припасовъ берутъ мѣсяца на три. На этихъ-то утлыхъ ладьяхъ промышленики смѣло выходятъ въ Сѣверный Океанъ, идутъ мимо острова Ворондея, къ Югорскому Шару, на острова Вайгачъ, Долгій, Матвѣевъ и другіе, часто на Новую Землю по Карскому Морю, или подлѣ западнаго берега этого острова до Костина и до Маточкина Шара. Нерѣдко бури носятъ ихъ между льдами въ продолженіе многихъ дней, черезъ большія пространства; нерѣдко затираетъ ихъ между льдовъ, выбрасываетъ на необитаемые острова, гдѣ они должны бываютъ зимовать; иногда гибнутъ они. Несмотря на это, выгоды промысла, привычка, природная смѣлость превозмогаютъ труды, лишенія и опасность, и морскіе промыслы не уменьшаются. Къ-тому же, зная мѣстность и направленіе вѣтровъ, они счастливо отдѣлываются отъ бурь, и рѣдко возвращаются безъ добычи: развѣ затретъ ихъ неожиданно между льдами, или буря заставитъ выбросить грузъ, или противный вѣтеръ забросить на берегъ на зимовку. Въ 10 лѣтъ бываетъ три и четыре года удачныхъ, когда возвращаются съ полнымъ грузомъ; два посредственныхъ, два неудачныхъ и два и три несчастныхъ,

когда, въ бури, грузъ принуждены бываютъ выкидывать въ море. Удача цѣнится не по числу добытаго звѣря, но по величинѣ его: иной моржъ даетъ сала 25 и 27 пудъ, роговъ 20 и 30 фун., а другой 6 и 7 пудъ сала, и роговъ 5 и 6 фунтовъ; кожа одного моржа стóитъ 10 и 15 р., другаго 35 и 40 р. Лучшіе промыслы считаются около Югорскаго Шара. Прежде было чрезвычайно много звѣря около Костина Шара, гдѣ будто бы водятся моржи съ большими клыками.*) Часто попадаются стада моржей въ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячами штукъ. Случается, что ловъ бываетъ такъ счастливъ, что нѣсколько карбасовъ добываютъ полный грузъ на одномъ мѣстѣ, а бываетъ и то, что количество сала не помѣщается въ суда, и тогда его оставляютъ на берегу. Моржей бьютъ больше на берегу и на льдахъ: замѣтивъ издали стадо, подходятъ къ нему съ навѣтренной стороны, потому-что моржи надѣлены тонкимъ обоняніемъ, и зачуявъ близость человѣка, немедленно опускаются въ воду. Если удастся подойти къ нимъ незамѣтно, то промышленики стараются загородить дорогу къ морю и съ крикомъ: тару, тару, или тпру тпру бросаются на стадо, и покуда испуганные моржи, въ страхѣ, ища спасенія, бросаются другъ на друга, громоздятся одинъ на другаго, ихъ колютъ пиками, или, поздѣшнему, спицами. Эти спицы состоятъ изъ желѣзнаго, длиною въ 6 вершковъ, хорошо отпущеннаго острія, которое прикрѣпляется къ древку въ $4\frac{1}{2}$ аршина. Ими стараются бить въ грудь, подъ пазуху, или въ бокъ около почекъ: другія части звѣря, трудно пробить. Отъ удачнаго удара моржъ тотчасъ издыхаетъ; но неудачный ударъ часто бываетъ опасенъ для промышленика, потому-что моржъ, хотя неповоротливъ, но одаренъ большою силою и вооруженъ клыками, которыми нерѣдко проламываетъ карбасъ. Бой съ моржами—зрѣлище страшное, хотя неочень опасное. Когда охотники бросаются на нихъ съ крикомъ, моржи отвѣчаютъ имъ страшнымъ ревомъ, тѣснятъ другъ друга, ища свободнаго выхода въ море, или вступаютъ въ борьбу съ нападающими; между-тѣмъ кровь льется ручьями, трупы издыхающихъ звѣрей перегораживаютъ дорогу живымъ; разъяренные, они сами идутъ на смерть.

*) Мнѣ сказали, что въ Костиномъ Шарѣ моржи съ особенно-большими клыками, и потому промышленики считаютъ ихъ моржами другаго рода, который будто живетъ только въ этомъ проливѣ.

Когда много звѣря, хорошо подойдутъ къ нему и стадо спутается, ища выхода, то бьютъ по выбору, однихъ большихъ. Моржей бьютъ спицами и на водѣ, и потомъ втаскиваютъ въ карбасъ большими острыми крючками. Иногда ихъ и стрѣляютъ, когда не находятъ на берегахъ или на льдахъ. Чтобъ застрѣлить моржа, надобно попасть въ лобъ, или въ високъ; отъ раны въ другомъ мѣстѣ моржъ не скоро умретъ. По словамъ промышлениковъ, я заключаю, что моржей чрезвычайно много въ Карскомъ Морѣ, на которомъ льды иногда препятствуютъ промысламъ.

При удачномъ промыслѣ, промышленики, нагрузивъ карбасъ, иногда и нѣсколько карбасовъ, укладываютъ остальное сало въ моржевыя шкуры, которыя привязываются къ карбасу и тянутъ за собой. Разумѣется, что эта добыча рѣдко доходитъ до пристани, потому-что первая буря оторветъ мѣшки; да въ бурю промышленикъ готовъ выбросить весь свой грузъ, что́ и случается нерѣдко.

Одинъ промышленикъ разсказывалъ мнѣ случай, доказывающій ка̀къ моржи стоятъ другъ за друга. Въ Маточкиномъ Шарѣ промышленики поймали двухъ моржей; плѣнники подняли страшный ревъ, на который явилось цѣлое стадо ихъ собратій на выручку, и они такъ сгустились около карбаса, что, несмотря на всѣ усилія рабочихъ, онъ не могъ сдвинуться съ мѣста; скоро въ карбасѣ показалась течь: моржи сдѣлали въ немъ восемь проломовъ своими клыками и тогда только удалились, когда промышленики отпустили пойманныхъ звѣрей. Промышленики считали себя погибшими, дѣлали обѣты и спаслись, добравшись кое-какъ до берега, гдѣ починили карбасъ и снова отправились на промыселъ, который кончился весьма удачно.

Моржевой промыселъ, ограниченный теперь нѣсколькими тысячами пудъ, могъ бы занять важное мѣсто въ промышлености русской, еслибы капиталисты захотѣли обратить на него свою дѣятельность. Моржей въ сказанныхъ мѣстностяхъ неимовѣрное множество. Мнѣ сказывали промышленики, что однажды стадо ихъ заходило въ Печору верстъ на двѣсти. Но промыселъ этотъ будетъ тогда только обѣщать выгоды, когда безпалубные карбасы будутъ замѣнены большими палубными судами, поднимающими грузу до 3 или 4 тысячъ пудъ, и всѣми необходимыми орудіями и припасами. Моржъ даетъ сало, кожу и цѣнные клыки. Объ этомъ стоитъ по-

думать: суда строить легко на Печорѣ, а рабочихъ, смѣлыхъ и опытныхъ нетрудно найти въ пустозерскихъ селеніяхъ.

Тогда можно подумать и о китоловномъ промыслѣ, который теперь вовсе не существуетъ здѣсь, хотя китовъ очень много. Присутствіе китовъ доказывается трупами этихъ огромныхъ животныхъ, нерѣдко находимыми на отмеляхъ. Въ 1835 году крестьяне деревни Куи, Иванъ Корапановъ съ товарищами, нашли на отмели близъ острова Вайгача двѣнадцать выброшенныхъ изъ моря китовъ, которые были длиной отъ 11 до 13 саженъ, вышиной до 3 аршинъ; промышленики нарѣзали сала полный карбасъ и воротились домой, не только не позаботившись сберечь такую богатую находку, но даже опасались, годно ли будетъ китовое сало. Оно однакожъ, оказалось очень хорошо; пошли на другой годъ, но волны моря уже унесли добычу. Привезенные ими китовые языки вѣсили до 18 пудъ; сколько же сала можно было бы добыть, еслибъ, вмѣсто карбаса, у промышлениковъ было порядочное палубное судно! На лапландскомъ берегу есть небольшая гавань, извѣстная поморцамъ подъ именемъ озерка и названная г. Литке гаванью Новой Земли, въ которой ежегодно выкидываетъ отъ 1 до 10 китовъ; нѣкоторые бываютъ длиною до 15 саженъ. Берега этой гавани покрыты костями и остатками этихъ животныхъ. Все выброшенное моремъ Лопари считаютъ своимъ, и китовъ продаютъ поморцамъ очень недорого. *)

Въ Югорскомъ Шарѣ ловятъ бѣлугъ. Промыслы эти тоже даютъ большія выгоды. Бѣлугъ ловятъ неводами, которые тянутъ вóротомъ, или крюками (гарпунами). Большая бѣлуга, закрюченная, или загарпленная, долго водитъ за собою большіе карбасы, пока устанетъ, или изойдетъ кровью; тогда ее подтягиваютъ и убиваютъ спицами. Отъ одной бѣлуги получаютъ сала до 30 пудъ. Бѣлуги попадаются иногда и въ Болвановской Губѣ, но мало. Сверхъ того, промышленики ловятъ морскихъ зайцевъ, тюленей, нерпъ и другихъ мелкихъ звѣрей. Отъ нерпы получается сала фунтовъ 30 и до 2 пудъ, а иногда и больше; цѣна кожи отъ 50 к. до рубля.

На этихъ промыслахъ нерѣдко попадаются бѣлые медвѣди. Ихъ бьютъ на сало и для кожъ; сала добываютъ изъ одного звѣря отъ 7 до 10 пудъ; кожа продается отъ 10 до 15 руб. асс. Ошкуи —

*) Третье путешествіе г. Литке въ Сѣверный Океанъ.

такъ называютъ здѣсь бѣлыхъ медвѣдей—бываютъ иногда длиной около сажени, даже нѣсколько больше; они чрезвычайно сильны. Случается, что медвѣдь, поймавъ довольно большаго моржа, вытаскиваетъ его на льдину, хотя средній моржъ вѣсу отъ 20 до 40 пудъ. Ошкуи умѣютъ отыскивать спрятанное на становищахъ моржевое сало и выпиваютъ его; одинъ ошкуй можетъ выпить до 10 пудъ. Если его захватятъ на дѣлѣ, то убиваютъ и сало вычерпываютъ изъ его желудка обратно въ бочку. Бѣлаго медвѣдя безопаснѣе убивать, когда онъ на водѣ, а моржей, когда они на берегу; а потому у промышлениковъ есть присловье: «Дай Богъ промышлять моржа на берегу, а ошкуя на водѣ».

Сало, какое бы оно ни было, т. е. моржевое, нерповое, китовое и проч. продавалось здѣсь прежде по 1 р. 50 к. асс. за пудъ; въ Мезени за него платятъ по 5 р. за пудъ, но до Мезени далеко. Съ нѣкотораго времени цѣна на сало поднялась до 6 руб., потому-что явилось требованіе изъ Чердына для кожевенныхъ заводовъ Пермской Губерніи. Всего добываютъ здѣсь сала отъ 6 до 8 тысячъ пудъ.

Всѣ эти промыслы, къ сожалѣнію, не одушевлены присутствіемъ значительныхъ капиталовъ, а потому размѣръ ихъ не широкъ. Но если и въ настоящее время промышленики съ плохими карбасами, поднимающими небольшой грузъ, въ борьбѣ съ страшными опасностями и лишеніями, выручаютъ большіе барыши, то какія выгоды ожидаютъ тѣхъ, которые станутъ посылать на промыселъ большія суда. Еще разъ повторю, что за рабочими ходить далеко незачѣмъ. Пустозерцы и сосѣди ихъ, Самоѣды, славные и ловкіе моряки; послѣдніе служатъ первымъ, получая припасы, хлѣбъ, порохъ и пр. и дѣятельно промышляютъ въ морѣ звѣрей; осенью Пустозерцы ѣздятъ въ тундру забирать произведенія морскаго промысла Самоѣдовъ и дѣлаютъ въ ними разсчетъ. Самоѣды служатъ также и въ качествѣ работниковъ на звѣроловныхъ судахъ и считаются отличнѣйшими моряками; иногда бо́льшая часть экипажа состоитъ изъ рабочихъ этого племени.

Независимо отъ этихъ промысловъ, стороннихъ или на сторонѣ производимыхъ, промыслы домашніе доставляютъ жителямъ порядочныя выгоды: здѣсь есть и лисоводство, т. е. откармливанье лисицъ. Во всѣхъ пустозерскихъ селеніяхъ и въ нынѣшнемъ году растятъ нѣсколько сотъ лисицъ; но Пустозерцы не большіе ма-

стера въ этомъ дѣлѣ: Чердынцы выкормленныхъ Пустозерцами лисицъ не хвалятъ. Въ тундрѣ ловятъ кулемами песцовъ и другихъ звѣрей, и много звѣриныхъ шкуръ забираютъ отъ Самоѣдовъ. Куропатокъ налавливаютъ по 50, по 1 тыс. и даже по 2 тыс. штукъ на семейство. Ловля гусей и утокъ довольно значительна по рѣкамъ и озерамъ; мясо солятъ и употребляютъ сами, или вмѣстѣ съ пухомъ и перьями птицы эти идутъ въ продажу Чердынцамъ. Впрочемъ, лучшій ловъ гусей производится, какъ сказано выше, на островахъ, и особенно на островѣ Калгуевѣ. Заводятъ также рогатый скотъ, для котораго вездѣ почти приволье, потому-что травы по теченію Печоры превосходныя; скотъ хорошей породы, съ красивыми рогами, что составляетъ мѣстную особенность, потому-что въ Устьцыльмѣ рѣдко встрѣчается корова или быкъ съ рогами. Но значительною прежде промышленостью было оленеводство. Нѣкоторые изъ Пустозерцевъ имѣли ихъ по 1 по 2, а нѣкоторые по 3 и даже по 4 тысячи оленей. Тогда Пустозерцы, вмѣстѣ съ Самоѣдами, были главными дѣйствователями въ этой промышлености, и жалобъ на нихъ въ тундрѣ не было. Ижемцы еще только начинали обзаводиться стадами. Несчастные случаи лишили Пустозерцевъ большей части стадъ, и всѣ обвиняютъ въ этомъ Ижемцевъ, утверждая, что они захватили мѣста въ тундрахъ, принадлежавшія Пустозерцамъ, и не разъ вытравляли и вытаптывали ихъ мохъ, который сберегался для зимняго кочевья; недостатокъ въ необходимомъ кормѣ зимою для оленей производилъ болѣзни и падежи. Теперь у Пустозерцевъ немного оленей: счастливъ, кто сохранилъ четвертую часть. Всѣхъ считаютъ только до 30 тыс. головъ.

Надобно при этомъ замѣтить, что лѣтнія кочевья въ тундрахъ надолго оставляютъ по себѣ слѣды: гдѣ побываетъ стадо оленей, тамъ земля будто вспахана и мохъ, втоптанный ими, вновь появляется не ранѣе 30 или 40 лѣтъ; слѣдственно, легко повѣрить, что Ижемцы, съ умноженіемъ своихъ стадъ, должны были искать и новыхъ пастбищъ. Они дѣйствительно подкочевывали какъ къ Усть-Цыльмѣ, такъ и къ самому Пустозерску, останавливаясь иногда въ 15 и 20 верстахъ съ чумами и стадами оленей, хотя не имѣли на это никакого права; препятствовать же имъ было некому, потому-что лѣтомъ жители Печоры бываютъ на дальнихъ промыслахъ. Вытоптавъ моховыя пастбища Пустозерцевъ, выловивъ рыбу

въ озерахъ Тундры, Ижемцы откочевывали къ зимѣ въ обширные лѣса на берега Печоры, Усы и Ижмы, и такимъ образомъ Пустозерцы лишались возможности прокормить оленей зимой. Эти захваты повторяются часто; на нихъ жалуются и Устьцылемцы и, какъ сказано выше, Самоѣды; но усмотрѣть за ними невозможно, или, по-крайней-мѣрѣ, очень трудно въ этомъ обширномъ и малонаселенномъ краѣ. Въ лѣсахъ своеволіе Ижемцевъ влечетъ за собою нарушеніе правъ собственности въ другихъ отношеніяхъ: стада ихъ, ломаютъ капканы, разставленные для поимки звѣрей и тетерьи ловушки, по-зырянски чесъ-туй, и тутъ теряютъ многіе.

Замѣчательно, что Пустозерцы не держатъ домашней птицы, потому, какъ говорятъ они, что кормить ее покупнымъ хлѣбомъ накладно; дичь замѣняетъ дворовую птицу.

Чердынцы или Усольцы, какъ ихъ называютъ въ Пустозерскѣ, издавна производятъ мѣновой торгъ на Печорѣ.*) Впрочемъ, старики еще помнятъ, что Усольцы имѣли мелкія и очень плохія суда; но теперь они съ каждымъ годомъ улучшаютъ устройство своихъ каюковъ,**) и даже нѣкоторые начинаютъ строить прочныя суда, нѣсколько похожія на волжскія разшивы съ удобными каюками и поднимающія грузу отъ 3 до 5 тысячъ пудъ. Выгодная торговля увеличиваетъ число торговцевъ; въ настоящее время съ якшинской пристани отправляется иногда до 30 каюковъ; на нихъ сплавляютъ хлѣбъ, соль, чай, сахаръ, медъ, крупчатку, разныя крупы, красные товары, холстъ, цвѣтныя сукна для Самоѣдовъ, веревки, коноплю, ленъ, посуду разныхъ сортовъ и металловъ, орѣхи, калачи, пряники, свѣчи сальныя, кожевенный товаръ, однимъ словомъ все, что̀ нужно для бѣдныхъ и богатыхъ жителей селеній и чумовъ Печорскаго Края. Товары эти составляютъ предметъ довольно-значительной торговли. Были годы, когда одной ржаной муки отпускали съ якшинской пристани на Печору до 150 тысячъ пудъ; въ нынѣшнемъ году муки отпущено только около 60 тысячъ пудъ, почему и цѣна держалась на хлѣбъ высокая—отъ 2 р. 60 к. до 2 р. 90. к. ассиг. за пудъ. Каюки Усольскіе представляютъ родъ малень-

*) Въ описаніи Архангельской Губерніи Козьмы Молчанова сказано, что прежде въ Пустозерскѣ торговали и устьсысольскіе купцы; но это едва ли справедливо. Я слышалъ только о торговлѣ Суханова съ Самоѣдами на Лёмвѣ.

**) Нынѣшніе каюки Чердынцевъ длины отъ 8 до 9 саженъ.

нихъ походныхъ магазиновъ, гдѣ Печорецъ, или Самоѣдъ можетъ, найдти все, что́ нужно для его потребностей. Усольцы торгуютъ очень искусно, не вредя одинъ другому и не сбивая цѣнъ на свои товары, не возвышая на произведенія мѣстныя. Они заранѣе распредѣляютъ, кому гдѣ остановиться для торговли; одинъ пристаетъ въ Тельвискѣ, другой въ Куѣ, третій въ Никитцѣ и такъ далѣе. Товары отпускаютъ на вѣру, въ долгъ; покупатели большею частью берутъ не спрашивая о цѣнѣ; цѣна обнаруживается при разсчетѣ, когда оканчивается лѣтній промыселъ. Приплылъ давно-ожидаемый каюкъ и товары разбираются очень скоро. До разсчета половина ихъ съѣдена или употреблена въ дѣло; но вотъ появились промысловыя лодки съ бѣлой рыбой, и начинается добросовѣстная расплата съ одной стороны и часто несовсѣмъ совѣстная съ другой. Но когда, съ одной стороны есть желаніе упрочить кредитъ, пользоваться и впредь довѣріемъ, а съ другой, полное сознаніе, что довѣріемъ сдѣлано одолженіе, добро, то при разсчетѣ неминуемо проявляется сильная и слабая сторона, и особенно, когда чай выпитъ, хлѣбъ вполовину съѣденъ, холстинки и ситцы пошли на платья и рубахи, изъ пеньки дѣлаются сѣти и канаты, солью засолена рыба споръ—коротокъ: «не нравятся цѣны, заплати долгъ, а рыбы не надо» скажутъ торговцы; иногда немного поспорятъ, и дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что бочки съ рыбой переходятъ въ каюки Усольцевъ и отправляются вверхъ по Печорѣ. Между-тѣмъ дѣлаются новые заборы хлѣба и другихъ товаровъ, за которые расплата производится семгою. Ждутъ Успеньева дня: тогда оказывается, каковъ промыселъ; хорошъ — слава Богу, худъ — и торговцы и промышленики почесываютъ затылокъ; однимъ надобно получить деньги, другіе думаютъ, какъ бы заплатить заборъ; цѣна семгѣ устанавливается по количеству улова. Вотъ поторгуются, поторгуются и дѣло какъ-нибудь сладятъ. Такъ было прежде и въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ.

Въ 1842 году ловъ семги былъ необыкновенно-удачный; цѣна состоялась около 3 р. 50 к. асс. за пудъ. Ныньче ловъ былъ хуже и цѣна возвысилась до 4 р. асс.; когда же семги бываетъ очень мало, то цѣна поднимается до 7 р. и дороже. Вообще неоплаченныхъ долговъ остается мало, развѣ совершенная неудача въ промыслѣ помѣшаетъ расплатиться.

Изъ Пустозерска отпущено было въ 1842 году сала морскихъ

звѣрей, бѣлой и красной рыбы, звѣриныхъ и оленьихъ кожъ на 183 тысячи руб. ассиг. *). Присоединя къ этой суммѣ доходъ отъ скотоводства, т. е. отъ продажи сала, масла и кожъ, а равно отъ продажи кожъ моржей и другихъ морскихъ животныхъ, выручку за мясо и сало оленей, за перья и пухъ птицъ, все это, безъ сомнѣнія, составитъ сумму болѣе 250 тысячъ руб. асс., часть которыхъ идетъ Самоѣдамъ Приморской Тундры. Если на долю Пусто-

*) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за послѣдніе четыре года, изъ Пустозерска отпущено промысловыхъ товаровъ:

Въ 1839 году:	Семги	до 10,000	пудъ.
	Омулей	« 1,200	«
	Сиговъ	« 2,000	«
	прочей мелкой рыбы	« 15,000	«
Въ 1840 году:	Семги	« 12,500	«
	Омулей	« 1,500	«
	Сиговъ	« 2,900	«
	прочей мелкой рыбы	« 17,000	«
Въ 1841 году:	Семги	« 12,000	«
	Омулей	« 1,600	«
	Сиговъ	« 4,800	«
	прочей мелкой рыбы	« 18,000	«
Въ 1842 году:	Семги	« 13,000	«
	Омулей	« 2,000	«
	Сиговъ	« 3,000	«
	прочей мелкой рыбы	« 20,000	«

Въ 1840 году было поймано морскихъ звѣрей: моржей 44, нерпъ, сѣрокъ и зайцевъ до 350 головъ. Изъ нихъ вытоплено сала чистаго:

Изъ моржей	до 440	пудъ.
Изъ другихъ звѣрей	« 400	«

Лѣснаго звѣря поймаио:

Волковъ	25	штукъ.
Лисицъ	150	«
Песцовъ	50	«
Зайцевъ	300	«

Свѣдѣній за прежніе годы нѣтъ, да и кому какая надобность собирать ихъ.

По свѣдѣніямъ частнымъ, болѣе вѣрнымъ, отпущено въ 1842 году:

Семги	15,000	по	3 р. 50 к.	за пудъ	на 52,500 р.
Бѣлой рыбы	30,000	«	2 «	«	60,000 «
Ворваннаго сала	6,000	«	5 «	«	30,000 «
Лисицъ	1,500	штукъ	10 «	за штуку	15,000 «
Песцовъ	4,000	«	3 «	«	12,000 «
Оленьихъ кожъ	3,000	«	4 « 50 к.	«	13,500 «
					Всего на 183,000 р.

зерцевъ достанется и 150 тысячъ руб., то, при раздѣлѣ на 344 двора всѣхъ жителей этой волости, на каждый дворъ придетъ около 440 р. асс. Такимъ доходомъ можно бы жить безбѣдно, особенно при оленеводствѣ, при изобиліи въ рыбѣ, мясѣ и дичи; но, при большихъ доходахъ, у Пустозерцевъ много и нуждъ и расходовъ. Они любятъ потратить деньги на лакомство, на щегольство, на прихоти, а потому постоянно остаются въ зависимости отъ Усольцевъ. А надобно было бы беречь деньгу про черный день, т. е. на случай неудачи въ промыслахъ. Неудачи случаются, правда, не часто, но бываютъ. Были, напримѣръ, годы, хотя и давно, около 1815 года, что семги не было почти вовсе; это продолжалось четыре года сряду. Передъ этою несчастною эпохою, которая оставила въ этомъ краѣ грустное воспоминаніе, церковнослужители пустозерскіе отдали свои тони на откупъ на четыре года, по 800 р. асс. въ каждый, какому-то Шомчину — и арендаторъ разорился.

Отпускъ товаровъ лѣтняго промысла, какъ сказано было, производится чрезъ посредство Чердынцевъ или Усольцевъ; затѣмъ промыселъ осенній, получаемый послѣ 1-го сентября, или перевозится самими Пустозерцами на ярмарки въ Пинегу и въ Вашку, куда еще недавно начали ѣздить Пустозерцы, частью же закупается зимою на мѣстѣ пріѣзжими Ижемцами и Мезенцами.

Такимъ образомъ весь этотъ торгъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей серебромъ производится безъ денегъ, мѣною товара на товаръ, а монеты и ассигнацій въ оборотѣ мало; иногда оканчивается разсчетъ отдачей въ долгъ части товаровъ, подъ расписку, на условіяхъ, свято соблюдаемыхъ съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь расписка, по добросовѣстности должниковъ, вѣрнѣе многихъ векселей и обязательствъ съ громкими прилагательными къ имени подписавшихся.

Прежде, когда Пустозерцы были побогаче, говорятъ, они производили дѣятельную торговлю съ Березовымъ на Оби, куда ѣздили на оленяхъ къ крещенской ярмаркѣ; иногда тамъ покупали хлѣбъ и другіе нужные имъ товары; теперь только Ижемцы имѣютъ небольшія дѣла съ Зауральемъ. Однакожь, дѣла Пустозерцевъ нехуды и теперь; но, повторю, не обстоятельства, а они сами подчиняютъ себя тѣсной зависимости отъ Усольцевъ, которые, въ настоящемъ положеніи, истинные кормильцы того края, какъ иногда и называютъ ихъ Пустозерцы. Дѣйствительно, Чердынцы содѣйствуютъ

сбыту ихъ товаровъ, хотя это содѣйствіе обходится иногда довольно-дорого. Впрочемъ, кто же, на мѣстѣ Чердынцевъ, поступилъ бы иначе? Безъ обмѣна на мѣстѣ произведеній края, пришлось бы производителямъ везти ихъ самимъ, употребляя для этого удобное для промысловъ время. Это было бы хуже: посредство Чердынцевъ въ торгѣ, въ сбытѣ произведеній, содѣйствуетъ правильному ходу промысловъ. Я сказалъ выше, какъ возвысилась цѣна на ворванное сало, когда начали покупать его Чердынцы. Конечно, будь у Пустозерцевъ деньги, они могли бы имѣть прикащиковъ и вести торгъ, отправляя семгу въ столицу, сало на пермскіе заводы, и закупая для себя потребные товары, гдѣ они дешевле; при этомъ они выиграли бы много; но для этого нуженъ капиталъ, нуженъ коммерческій духъ, нужно умѣнье, навыкъ; Пустозерцы же не умѣютъ даже солить свою превосходную семгу какъ слѣдуетъ, хотя въ Архангельскѣ это дѣлается весьма хорошо, а это одно увеличило бы ихъ доходы десятками тысячъ рублей.

Нынѣшній (1843 годъ) считаютъ годомъ тяжелымъ, потому-что 1) весенній разливъ водъ надѣлалъ много страху, а отчасти и убытковъ: луга занесены пескомъ, вода простояла на нихъ долго и травы низки; сѣнокосы начались только съ 1 августа; 2) лѣтніе холода уничтожили надежду на сборъ ягодъ — черники, брусники, и особенно морошки — которыя составляютъ здѣсь существенную часть зимняго продовольствія; ибо всѣ семейства набираютъ ягоды, а иныя запасаютъ на зиму морошки отъ 30 до 40 пудъ, и часть ея продается Чердынцамъ по 1 р. 50 к. ас. за пудъ; 3) сильные вѣтры задержали рыбаковъ въ рѣкѣ, и потому тони въ губѣ поставлены поздно; 4) снѣга зимою были необыкновенно-глубоки: олени съ трудомъ доставали мохъ, отчего много ихъ погибло; 5) по причинѣ холоднаго лѣта, мало наловлено бѣлой рыбы.

Должно полагать, что устье Печоры было давно знакомо Новгородцамъ, предпріимчивымъ и дѣятельнымъ производителямъ тогдашней торговли. Я упомянулъ уже о печорской дани, извѣстной еще въ XII столѣтіи; они владѣли Задвинскимъ Краемъ; заселеніе здѣсь началось позже и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода. Сюда шли селиться, частью, можетъ быть, по выгодности промысловъ, частью для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега роднаго Волхова во время разгрома новгородскаго. Позже, въ XVII столѣтіи, сюда и за Онегу бѣжали раскольники,

укрывая свои заблужденія въ непроходимыхъ пустыняхъ и лѣсахъ; ибо не только здѣсь, но на Новой Землѣ и на островѣ Калгуевѣ есть признаки поселеній новгородскихъ, погибавшихъ тамъ отъ суровости климата. Но развалины ихъ избъ, ихъ могильные кресты съ надписями гласятъ о ихъ горькомъ существованіи въ пустынѣ. У Пустозерцевъ передается преданіе, что они потомки выходцевъ изъ Новгорода; и дѣйствительно эти люди сохранили типъ сѣверныхъ Славянъ: ихъ обычаи и домашній бытъ рѣзко отличаютъ ихъ отъ типа и обычаевъ сосѣднихъ Устьцылемцевъ и Ижемцевъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ. Пустозерцы любятъ жить просторно; у нихъ нѣтъ своего лѣса, но они строятъ большіе домы съ нѣсколькими комнатами, хорошо убранными; вездѣ порядокъ, опрятность, чистота, даже въ бѣдныхъ избахъ; а гдѣ есть маленькій достатокъ, тамъ непремѣнно встрѣчаешь самоваръ для собственнаго употребленія и чтобъ угостить пріятеля, потому-что чай здѣсь — предметъ первой необходимости. Прежде нѣкоторые чай покупали мѣстами, или цибиками, издерживая въ годъ до 60 фунтовъ; теперь, когда доходы поубавились, покупаютъ фунтами. Одинъ изъ жителей Пустозерска говорилъ мнѣ, что, при недобротности нынѣшнихъ чаевъ, онъ находитъ лучше покупать его фунтами, тогда-какъ прежде всегда покупалъ цыбиками. Невозможность жить попрежнему они стараются прикрыть, и какъ-будто не отъ недостатка, а отъ осторожности поступаютъ такъ.

Входитъ гость, въ какое бы ни было время — и тотчасъ на столѣ является чайный приборъ и при немъ калачи и разныя закуски. Не поподчивать чаемъ здѣсь считается обидой, разрывомъ дружбы и Богъ знаетъ чѣмъ; а потому чаю выходитъ все еще очень много, въ томъ числѣ немало цвѣточнаго.*) Пусть бы только чай бралъ деньги у Пустозерцевъ, но ихъ губитъ роскошь. Прежде былъ и тотъ грѣхъ, что любили попивать французскую водку и виноградныя вина, но эти времена миновали, и Пустозерцы ведутъ трезвую жизнь, будучи обязаны этимъ уменьшенію расходовъ. Но сколько денегъ у нихъ выходитъ на ненужныя мелочи, на

*) Куцецъ Алинъ увѣрялъ меня, что онъ продалъ нынѣ въ Пустозерскѣ до 400 фун. чаю, а привезли его и другіе; сверхъ того, зимою привозятъ много чаю изъ Ижмы. Пустозерцы закупаютъ чай и сами на ярмаркахъ.

черствые калачи и пряники, на гнилые орѣхи, на ситецъ, холстинки и проч.! Здѣшнія женщины неохотно показываются въ сарафанѣ изъ крашенины — дай ей ситецъ или холстинку; только крайность заставляетъ отказываться отъ щегольства, а когда есть излишки, то они немедля переходятъ въ каюки Усольцевъ.

Мнѣ сказывали про жену одного смѣлаго моряка-звѣролова, который сорокъ лѣтъ сряду ежегодно пускался въ Карское Море или на Новую Землю. Ему теперь 70 лѣтъ, но онъ и ныньче, по обыкновенію, на дальнемъ промыслѣ. Чтожъ? онъ постоянно въ борьбѣ съ страшными опасностями и лишеніями, а жена дома проматываетъ его заработки на чаѣ, ситцахъ и т. п. Однажды вѣсть о немъ запала; полагали, что онъ погибъ; жена, какъ слѣдуетъ, совершила поминки о покойникѣ, продала домъ въ Пустозерскѣ, выдала дочь и стала на послѣднія деньги запивать чаемъ свое горе, одинокое, горемычное вдовство — какъ вдругъ, въ февралѣ, мужъ явился чуть не съ того свѣта. Карбасъ его разбило и онъ съ товарищами долго скитался по берегамъ океана, пока не наткнулся на чумы Самоѣдовъ и, съ ихъ помощью, доплелся до дому.

Гостепріимство здѣсь самое радушное: едва ли кто возьметъ деньги за ночлегъ, за обѣдъ, или за ужинъ, несмотря на то, что все потребное для жизни покупается дорогой цѣной. Таковъ обычай, изстари заведенный. Такъ проживали и проживаютъ теперь свои избытки жители Пустозерскаго Края; но за это-то только и заслуживаютъ они нареканіе; въ семейномъ же быту, въ уваженіи старшихъ, въ доброй нравственности, въ гостепріимствѣ, въ набожности, въ усердіи къ церкви — они премѣрно-хороши.

Пустозерцы довольно-высокаго роста, красивы, особенно женщины; всѣ говорятъ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. Продолжительная жизнь, до 80 и 90 лѣтъ здѣсь не рѣдкость, и потому стариковъ и старухъ много, вообще крѣпкихъ и бодрыхъ. Мужикъ въ 60 и 70 лѣтъ еще ѣздитъ на морскіе промыслы, требующіе силы и проворства. Я говорилъ уже о старухѣ, которая ходитъ пѣшкомъ за пять верстъ къ своей любимой 85 лѣтней дочкѣ, занимающейся и теперь хозяйствомъ. Такихъ примѣровъ не мало. Труды и воздержная жизнь поддерживаютъ и укрѣпляютъ ихъ силы.

Пустозерскія селенія разбросанныя на холмахъ, безъ огородовъ подлѣ домовъ или за домами, безъ полей кругомъ деревни, съ нѣсколькими чумами Самоѣдовъ, необходимою принадлежностью при

концѣ поселенія, имѣютъ особенный характеръ. Кругомъ безплодная и безлѣсная тундра; нѣтъ ни зеленѣющихъ кустарниковъ, ни рощицъ, ни привольно растущихъ вѣковыхъ деревьевъ — всюду голые холмы, индѣ унизанные мелкими лиственницами и низкимъ, кривоствольимъ березникомъ, да песчаные бугры, изрытые полуночными бурями.

Чумы расположены всегда около деревень, въ почтительномъ разстояніи отъ домовъ; какъ-будто кочевой пріютъ отдаетъ первенство постоянному жилищу человѣка, который, только лишь съ нѣкоторымъ образованіемъ, мѣняетъ пастушескую, бродячую жизнь на осѣдлую, общественную.

У многихъ пустозерскихъ крестьянъ около домовъ поставлены большие деревянные кресты, такъ-что въ иной деревнѣ ихъ больше десяти, и это тоже мѣстная особенность.

Вотъ списокъ здѣшнихъ селеній, взятый изъ Тельвисскаго Волостнаго Правленія:

Пустозерское Сельское Общество:

					число душъ по 8 ревиз.	
				домовъ.	м. п.	ж. п.
1.	Деревня	Городецкая		22	63	65
2.	«	Устинская	въ 3 верст.	23	83	88
3.	«	Бѣдовская	« 15 «	17	45	49
4.	«	Соточная	« 18 «	12	37	49
5.	«	Голубковская	« 18 «	5	15	30
6.	«	Оксинская	« 20 «	36	88	95
7.	«	Пылемская	« 20 «	6	6	11
8.	«	Лабазская	« 30 «	23	64	73
9.	«	Великовисочная	« 40 «	60	178	189
			Итого	204	579	649

Никитцынское Сельское Общество:

				домовъ	м. п.	ж. п.
1.	Деревня	Тельвисочная	въ 18 верст.	23	62	64
2.	«	Екушенская	« 21 «	13	30	27

3.	«	Никитцынская	«	35	«	19	69	58
4.	«	Куйская	«	40	«	33	69	75
5.	«	Пойловская	«	48	«	7	37	41
6.	«	Андѣевская	«	60	«	12	46	48
7.	«	Норыганская	«	40	«	26	76	93
8.	«	Макарьевская	«	25	«	7	29	26
					Итого	140	418	432
		Всего же въ обоихъ обществахъ				344	997	1081

По свѣдѣніямъ церковнымъ, считаются 1,014 мужск. и 1,163 женск. пола.

IV.

Пахтусовъ. — Пути изъ Пустозерска. — Предположенія мои. — Рыбный промыселъ. — Саловареніе. — Окрытіе порта. — Соображеніе о торговлѣ сибирскимъ саломъ. — Фарватеръ устья Печоры. — Гавань. — Мореплаваніе въ другихъ странахъ. — Поощренія къ развитію мореплаванія. — Польза отъ мореплаванія. — Екатерининская гавань. — Путь съ Оби къ устью Печоры. — Торговля лѣсомъ. — Доставленіе товаровъ черезъ устье Печоры въ Сибирь.

Утро, 16 *августа. Деревня Тельвиская.*

Буря продолжается. Лодки моей еще нѣтъ.

Долго сегодня сидѣлъ у меня 90-ти лѣтній старецъ Кожинъ, Отецъ его былъ богатъ, имѣлъ до 1,000 оленей; а онъ, какъ опытный морякъ, при описаніи устья Печоры Пахтусовымъ, былъ лоцманомъ и получалъ по 100 р. въ мѣсяцъ жалованья; но послѣ пришелъ въ крайнюю нужду, и теперь питается подаяніемъ. Здѣсь еще многіе помнятъ экспедицію Пахтусова и хвалятъ его за благонравіе, трудолюбіе, доброту. Похвала этихъ простыхъ людей нелицемѣрна и пріобрѣтается только истиннымъ достоинствомъ. Г. Пахтусовъ, двукратнымъ путешествіемъ и зимовками на Новой Землѣ, и отважностью въ мореплаваніи доказалъ, что онъ отличный морякъ; но что онъ, притомъ, и добрый человѣкъ — говорятъ всѣ Пустозерцы, знавшіе Пахтусова во время его четырехлѣтняго здѣсь пребыванія.

Въ деревнѣ Куѣ я купилъ совикъ изъ черныхъ молодыхъ оленей. Замѣчательно, что въ Большеземельской Тундрѣ, какъ сказывали мнѣ оленеводы, олени больше бѣлые, тогда-какъ на тиманской землѣ больше черные. Зимній щегольской нарядъ здѣшней молодежи состоитъ въ совикѣ изъ самыхъ бѣлыхъ оленей, а у Ижемцевъ — изъ самыхъ черныхъ.

Мнѣ сказывали, что въ 10 верстахъ отъ Пустозерска, или немного дальше, есть еловые и лиственничные лѣса, годные на дрова; но рубить ихъ не позволено. Здѣсь, по климату, лѣсъ не можетъ имѣть порядочнаго роста.

Пустозерскъ, находясь подъ 67° сѣверной широты, отстоитъ въ 1,000 верстахъ отъ Архангельска, въ 650 вер. отъ Колвинскаго Погоста, въ 350 отъ Ижемскаго, въ 300 вер. отъ погоста тиманской земли и въ 250 вер. отъ Устьцылемска.

Почта въ уѣздный городъ изъ Пустозерска отправляется черезъ Усть-Цыльму: лѣтомъ водой по Печорѣ, а зимой, по той же Печорѣ, по льду. Зимній путь по ней крайне труденъ, особенно когда вьюги заносятъ глубокими сугробами едва пробитую въ снѣгу тропу. Товары на ярмарки перевозятъ прямо черезъ Малоземельскую Тундру на оленяхъ; за доставку до Пинеги берутъ около рубля асс. съ пуда. Конный путь въ Пинегу и на Вашку лежитъ черезъ три волока: первый къ Устьцыльмѣ 210, второй до Мезенской Пижмы 230, третій къ Вашкѣ больше 100 верстъ.

Огородничествомъ здѣсь не занимаются. Судя по Колѣ, гдѣ, подъ 69° сѣверной широты, хорошо растетъ рѣпа, я думаю, что здѣсь могли бы съ успѣхомъ разводить рѣпу, рѣдьку и, можетъ быть, картофель: при покупномъ дорогомъ хлѣбѣ овощи были бы большимъ подспорьемъ.

Въ ожиданіи лодки, изложу предположенія мои о торговой компаніи для развитія промышлености въ здѣшнемъ краѣ и открытіи порта на устьѣ Печоры.

Если бы компанія, между другими предпріятіями, приняла на себя развитіе и улучшеніе рыбнаго промысла, то, для засоленія и копченія превосходной печорской семги, должно бы вызвать опытныхъ мастеровъ изъ Риги: тогда рыба, хорошо приготовленная, нашла бы вѣрный сбытъ за хорошую цѣну на многихъ внутреннихъ рынкахъ, особенно же копченая. Въ настоящее время солятъ ее рыболовы, какъ водилось въ старину, безъ умѣнья; иногда, по недостатку соли, солятъ только слегка и привозятъ на ярмарки съ запахомъ, стараясь сбыть по какой-нибудь цѣнѣ. Такъ было въ 1842 году: часть семги самаго поздняго осенняго лова, т. е. самая лучшая, продавалась на Пинежской и Вашкинской ярмаркахъ по рублю серебромъ за пудъ, и дешевле. Чердынцы только недавно начали брать семгу; но они поступаютъ осторожно, а принимая

рыбу, пересматриваютъ ее; нерѣдко пересаливаютъ, и привозимую прямо съ тоней иногда и сами солятъ, употребляя хорошую пермскую соль. Приготовляемая ими семга несравненно лучше отправляемой Пустозерцами въ другія мѣста.

Усиленіе этой отрасли промышлености могло бы значительно увеличить доходы жителей, владѣющихъ богатыми тонями.

Соединяя здѣшній край съ краемъ, лежащимъ за Ураломъ, можно бы обратить вниманіе компаніи на рыбный промыселъ въ низовьяхъ Оби. Извѣстно, какъ обильны рѣки Сибири рыбою разнаго рода; къ сожалѣнію, это все еще непочатые источники богатства дальнаго края, которыхъ еще не коснулась предпріимчивость. Крупная рыба, вылавливаемая въ рѣкахъ Сибири, продается тамъ за безцѣнокъ; на Оби, около Обдорска, цѣна на рыбу крайне дешева; тамъ осетры продаются не вѣсомъ, а счетомъ: за трехпудоваго осетра охотно берутъ 5 р. асс.; но попадаются осетры и пятипудовые.

Если бы компанія устроила соловаренные заводы, то это доставило бы краю большія выгоды, ибо онъ тогда имѣлъ бы въ избыткѣ хорошую и дешевую соль, между-тѣмъ, какъ теперь терпитъ нужду даже въ дурной, которая иногда обходится дорого.

Здѣшняя дичь доставила бы много бульона и пріобрѣла бы настоящую цѣну, между тѣмъ, какъ теперь она отдается почти даромъ.

Съ устройствомъ же портовой торговли въ устьяхъ Печоры всѣ произведенія здѣшняго края пріобрѣли бы значительную цѣнность на мѣстѣ. Отсюда могутъ идти въ русскіе порты или за границу: мясо, шерсть, рога оленей, перья и мясо дичи, кожи, сало и мясо рогатаго скота, сало и кожи морскихъ животныхъ, а изъ обширныхъ лѣсныхъ пространствъ и дебрей — дерево, солома, деготь и поташъ. Развитіе промышлености привлекло бы сюда жителей, которые развили бы еще болѣе промыслы, особенно рыбные, звѣриные и скотоводство. Для рогатаго скота по Печорѣ и Усѣ и по рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ, то же приволье, чтó въ Холмогорахъ, чтó въ Мезени; но нѣтъ цѣнъ ни на мясо, ни на живой скотъ, потому-что некуда ихъ продавать. Если мясо идетъ изъ портовъ петербургскаго и архангельскаго, то пойдетъ и отсюда.

Затѣмъ, если бы состоялось предположеніе объ устройствѣ на счетъ компаніи канала или желѣзной дороги между Усой и Обью, сюда же потекли бы богатства Сибири, неимѣющія настоящей цѣны по недостатку дешеваго и легкаго провоза. Теперь скотъ изъ степей Сиби-

ри гонится тысячи верстъ, пока достигнетъ Петропавловска, въ Тобольской Губерніи, откуда, по продажѣ, перегоняется въ Екатеринбургъ и Шадринскъ, гдѣ его бьютъ и сало перевозятъ на чусовскія пристани для сплава по Чусовой, Камѣ и Волгѣ къ Рыбинску, откуда судоходными системами маріинской и тихвинской оно идетъ въ Петербургъ. На пригонъ скота, а доставку товара надобно около двухъ лѣтъ, и несмотря на то, сибирскаго сала идетъ до 600 тысячъ пудъ ежегодно; но при этомъ сколько утрачивается и мяса и сала, потому-что скотъ худѣетъ при прогонѣ черезъ такія пространства! Нынѣ сало вывозится изъ дальнѣйшихъ предѣловъ Сибири гужомъ, а не перегонкою стадъ, и провозъ стоитъ въ Петербургъ изъ Шадринска и Екатеринбурга отъ 40 до 43 коп. сер., изъ Тобольскка и Петропавловска отъ 60 до 63 коп., изъ Томской Губерніи отъ 90 к. до 1 р. сер.; средняя цѣна со всѣхъ пунктовъ т. е. самыхъ ближайшихъ и нѣсколько отдаленныхъ, отъ 60 до 65 к. сер.; сплавнымъ же путемъ по Оби къ Устью Печоры доставка съ пуда можетъ стóить не дороже 12 и 15 к. сер. Цѣна фрахта отъ печорскаго порта къ иностраннымъ портамъ будетъ, конечно, немногимъ дороже, чѣмъ теперешній изъ С. Петербурга. Полагая эту передачу въ 5 и 10 к. на пудъ, доставленіе грузовъ съ верховьевъ Оби и Иртыша къ устью Печоры, съ передачею во фрахтѣ, обходилось бы около 23 к. сер. на пудъ, т. е. около 40 к. сереб. дешевле настоящаго, не считая выигрыша во времени. Полагая цѣнность сала безъ провоза въ 2 р. 30 к. серебромъ пудъ, сбереженіе 40 к. сер. на пудъ простирается до 17%, чтó въ торговлѣ на большіе капиталы составляетъ огромное сбереженіе. Но передача въ .провозѣ на дорогой товаръ не дѣлаетъ еще его недоступнымъ для сбыта. Другія же произведенія, менѣе цѣнныя и потому недоступныя къ перевозкѣ въ настоящее время, выиграли бы болѣе, потому-что и для нихъ открылся бы сбытъ. Край, сопредѣленный Оби, обширенъ. Обь, начинаясь изъ Алтайскаго Хребта, протекаетъ около 4000 верстъ до впаденія въ Обскую Губу, принимая на пути много большихъ рѣкъ и, въ томъ числѣ, Иртышъ, вытекающій изъ степей средней Азіи. Воды Оби, Иртыша и побочныхъ рѣкъ орошаютъ губерніи: Томскую, Тобольскую, зауральскіе уѣзды Пермской, Оренбургской, часть Енисейской Губерній и Киргизской Степи, на пространствѣ болѣе 90 тысячъ квадр. миль, на которомъ раскинуты плодоносныя долины южной Сибири съ безчисленными

стадами рогатаго скота и овецъ; здѣсь же богатство минераловъ хребта Уральскаго; народонаселеніе этого края простирается до 3 милліоновъ.

Одинъ путешественникъ въ Киргизскихъ Степяхъ сказалъ: «Стада овецъ изумляютъ здѣсь своею многочисленностью, и едва ли есть въ мірѣ такая страна, гдѣ было бы ихъ болѣе. Многіе изъ Киргизовъ имѣютъ до 20 тыс. овецъ, а другіе не знаютъ числа своихъ стадъ». Другой путешественникъ изъявилъ удивленіе слѣдующими словами: «Кто исчислитъ огромныя стада, которыми владѣютъ народы Азіатской Россіи?»

Важность сообщенія сего края съ моремъ понятна сама собою, и средства къ тому представляетъ сама природа близостью боковыхъ истоковъ Усы и Оби и удобствами устьевъ Печоры. Я сказалъ уже, что, для промѣра ихъ, въ 1821 году снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ штурмана Иванова; промѣръ и описаніе береговъ производились до 1826 года. Г. Ивановъ измѣрялъ фарватеръ самой Печоры отъ деревни Куи до Болвановскаго Носа. Глубина фарватера въ рѣкѣ оказалась отъ 20 до 45 футовъ и больше; не доплывая Болвановскаго Носа, фарватеръ, или, какъ говорятъ Пустозерцы, сувой, раздѣляется на два: малый идетъ къ Болвановскому Носу, а отъ него къ Двойничному; по малому встрѣчаются въ рѣкѣ мели, на которыхъ вода не болѣе 8 футовъ, а въ Болвановской Губѣ около 11 футовъ. Главный фарватеръ идетъ прямо въ губу въ направленіи къ русскому завороту. Отойдя довольно-далеко отъ носа въ губу, встрѣчается мель; глубина на ней, во время отлива доходитъ до 12, 13 и 14 футовъ; обыновенный приливъ $2^1/_2$ фута, но при вѣтрахъ отъ NW возвышается отъ 4 до 6 футовъ; пройдя эту мель, фарватеръ идетъ направо, въ направленіи нѣсколько сѣвернѣе Двойничнаго Носа; дойдя же до устья рѣки Каменки, надобно поворотить прямо къ сѣверу; по фарватеру между Гуляевыми Кошками глубина вездѣ достаточная — отъ 20 до 45 футовъ; но этотъ путь, особенно между Кошками, должно означить баканами, вѣхами и даже нужно нѣсколько маяковъ.

Промышленики ходятъ малымъ сувоемъ, мимо самаго Болвановскаго Носа, черезъ губу того же имени; къ Двойничному Носу идутъ, придерживаясь берега, до выхода въ море.

Разумѣется, еслибъ здѣсь когда-либо открытъ былъ портъ, то необходимы будутъ пароходы для буксированія судовъ изъ

гавани до Сѣвернаго Океана, особенно во время неблагопріятныхъ вѣтровъ.

Въ Пустозерскѣ Печора вскрывается въ маѣ, а иногда въ началѣ іюня, но свободный путь въ море открывается съ половины іюня и продолжается до 1 октября; слѣдовательно навигація отъ 3 до $3^1/_2$ мѣсяцовъ, и въ это время нѣтъ ни малѣйшихъ препятствій отъ льдовъ.*)

Ходъ съ устья Печоры въ западные порты Европы нисколько неотдаленнѣе архангельскаго, а еще удобнѣе, потому-что можно идти однимъ вѣтромъ до Сѣвернаго Мыса, или Нордъ-Капа, тогдакакъ для хода изъ Архангельска Бѣлымъ Моремъ и Сѣвернымъ Океаномъ нужно два вѣтра, что́ нерѣдко замедляетъ плаваніе кораблей. Можетъ быть, встрѣтится вопросъ: поѣдутъ ли сюда иностранцы? Въ этомъ, кажется, сомнѣваться нельзя; но зачѣмъ же намъ не пожелать развитія собственнаго мореплаванія, почему намъ не ѣхать къ нимъ самимъ? Этотъ край изобилуетъ корабельнымъ лѣсомъ, неимѣющимъ никакого употребленія, и отличными моряками, которые тратятъ жизнь въ опасностяхъ мелкаго морскаго промысла на утлыхъ карбасахъ. Я говорю не объ однихъ Пустозерцахъ, но и о Бѣломорцахъ. Тѣ и другіе съ дѣтства знакомятся съ ремесломъ моряковъ, тѣ и другіе знакомы съ опасностями и лишеніями, привыкли бороться съ бурями моря среди льдовъ полярныхъ. Многіе будутъ ходить въ Англію и другія страны. Это положило бы, можетъ быть, начало къ развитію русскаго торговаго мореплаванія, которое существуетъ и быстро развивается у всѣхъ другихъ народовъ. Тамъ купеческіе флоты растутъ, крѣпнутъ, усиливаются сотнями, тысячами кораблей; а у насъ, на сѣверѣ, ихъ почти вовсе нѣтъ, потому-что небольшое число кораблей нашихъ торговцевъ, выходящихъ изъ архангельскаго порта, нельзя назвать торговымъ флотомъ. Въ старину, бывало, и у насъ дѣятельно работали на купеческихъ верфяхъ; каждый годъ являлись новые корабли; были даже годы, когда на русскихъ верфяхъ, именно вавчугской, на Двинѣ, въ 80 верстахъ отъ Ар-

*) Мнѣ сказывалъ Павловъ, что однажды — это было ужь довольно-давно и едва ли не въ 1812 году—Печора покрылась льдомъ такъ рано, что 8 сентября черезъ рѣку ѣздили по льду; но это единственный примѣръ на памяти здѣшнихъ старожиловъ.

хангельска, принадлежащей издавна холмогорскимъ купцамъ гостиной сотни, Бажениньмъ, строили корабли Голландцамъ. Петръ Великій удостоивалъ эту верфь неоднократно своимъ посѣщеніемъ, а Бажениныхъ — милостію за ихъ кораблестроительную дѣятельность. Онъ любилъ мореплаваніе и не даромъ говорилъ иногда, что «за каждый квадратный футъ моря, пріобрѣтенный для моего государства, я готовъ отдать цѣлую квадратную милю земли.» Онъ зналъ, что мореплаваніе однимъ годомъ не подвинешь, нѣтъ; для этого нужны многіе годы и терпѣніе.... Великій Государь, поощряя мореплаваніе, старался возбудить торговлю на своихъ корабляхъ. Примѣръ былъ хорошъ, да послѣдователей оказалось мало; правда, и были послѣдователи, да дѣло что-то не поладилось — такъ и перестали; а развитіе мореплаванія содѣйствовало бы развитію нашей внѣшней торговли, познакомило бы производителей съ торговлею заграничною. А что̀ всего болѣе развиваетъ умъ, предпріимчивость и дѣятельность, какъ не сближеніе одного народа съ другимъ, какъ не размѣнъ мыслей, наблюденій и опытовъ.

Посмотрите, что̀ дѣлается въ торговомъ мірѣ.

Еще въ 1840 году, напримѣръ, французскій купеческій флотъ состоялъ изъ 15,600 судовъ (въ 662,500 тоннъ), конечно, большею частью мелкихъ, для каботажнаго мореплаванія, но частью и большихъ, для дальнихъ поѣздковъ.*) Въ томъ же 1840 году, прусскій купеческій флотъ состоялъ изъ 695 кораблей, въ 90 тыс. ластовъ, а въ 1842 году число это возрасло до 790, въ 106,152 ласта, и быстро увеличивается отъ поощреній. Австрія, почти неморская держава, имѣла въ 1841 году до 3,231 мореходныхъ судовъ, въ 186,000 тонновъ. Подъ флагомъ Голландіи находилось купеческихъ кораблей въ исходѣ 1839 года до 6,179 въ 949,000 тоннъ, въ томъ же году построено вновь 123 корабля. Каждый изъ торговыхъ городовъ Германіи имѣетъ свои корабли: Гамбургъ имѣлъ въ 1840 году 200, Бременъ 180, Любекъ около 100 кораблей; Швеція, Норвегія и Данія, государства небольшія, слѣдуютъ общему стремленію и дѣятельно занимаются перевозною промышленостью. Въ 1839 году Швеція имѣла купеческихъ кораблей 912, въ 59,000 ластовъ, а въ 1840 году уже больше тысячи въ 87,537 ластовъ. Въ Норвегіи, еще въ 1838 году было 2,165 судовъ въ 71,900

*) 11,948 судовъ отъ 30 до 60 тоннъ и 3,652 судна отъ 60 до 800 тоннъ.

ластовъ; въ Даніи въ 1839 году купеческій флотъ состоялъ изъ 3,854 кораблей, въ 68,700 ластовъ. Даже въ Финляндіи, въ 1826 году было около 250 кораблей, въ 17,000 тоннъ, а въ 1834 году число ихъ увеличилось до 365, въ 29,000 тоннъ; теперь ихъ еще больше. А говорить ли объ Англіи? Тамъ мореплаваніе составляетъ жизнь народа; тамъ въ исходѣ XVII столѣтія считалось кораблей только на 95,000 тоннъ, въ половинѣ XVIII возрасло на 600,000 тоннъ, а въ концѣ этого столѣтія до $1\frac{1}{2}$ милліона; въ 1838 году купечестій флотъ простирался до 25,000 кораблей въ 2.700,000 тоннъ, а въ 1842 году состоялъ уже изъ 28,000 кораблей съ двумя стами пятидесятью тысячами матросовъ, 130,000 каботажныхъ судовъ и изъ 940 пароходовъ; въ одномъ 1840 году построено въ Англіи и ея колоніяхъ 2,001 корабль въ 330,000 тоннъ. Для улучшенія и для удобства этой промышлености, Англія не жалѣла капиталовъ: посмотрите на ея пять доковъ въ Лондонѣ, на построеніе которыхъ съ огромными магазинами компаніи капиталистовъ употребили 7.271,000 ф. с. (больше 50 мил. руб. сер.). Эти великолѣпные доки занимаютъ пространство до 73 десятинъ; сколько кораблей находятъ въ нихъ безопасное помѣщеніе и удобную погрузку товаровъ! Зато въ порты Ливерпуля и Лондона приходятъ ежегодно десятки тысячъ кораблей.

Кто жъ и угоняется за Англіею? Но примѣръ, достойный подражанія, и Сѣверо-американские Соединенные Штаты. Въ концѣ минувшаго столѣтія они имѣли кораблей на 300,000 тоннъ; въ 1825 году число ихъ увеличилось на 1.700,000 тоннъ, а теперь корабли Сѣверо-американскихъ Штатовъ вмѣщаютъ груза больше чѣмъ на два милліона тоннъ.*) На мореплаваніе тамъ обращено бдительное вниманіе и, подкрѣпляемое поощреніями, оно быстро усиливается. Въ 1811 году первый пароходъ началъ свое плаваніе по Миссиссипи, а около 1842 года было уже до 600 пароходовъ на этой рѣкѣ.

Обозрѣніе состоянія въ настоящее время торговаго мореплаванія европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ Америки доказываютъ, какъ быстро стремятся они къ усиленію этой

*) Всѣ эти свѣдѣнія собраны въ 1843 году. Теперь ужь вездѣ большія перемѣны къ лучшему. Я не подкрѣпляю доводы мои новыми, потому-что результатъ будетъ тотъ же, что хорошо имѣть торговой флотъ!

промышлености, содѣйствующей движенію внѣшней торговли и благосостоянію народному.

Со времен великаго Преобразователя Россіи многіе изъ архангельскихъ купцовъ производили торговлю на собственныхъ корабляхъ: коммерціи совѣтникъ В. А. Поповъ имѣлъ 27 кораблей; г. Брандтъ до 16, въ числѣ которыхъ нѣкоторые были въ 1,000 тоннъ. А давно ли еще Великая Императрица Екатерина II въ Высочайшемъ Манифестѣ, 15 іюня 1781 года, изъявила свое удовольствіе, что «русское купеческое мореплаваніе усилилось и что торговый флагъ нашъ находится въ уваженіи у всѣхъ народовъ». Въ концѣ минувшаго столѣтія въ Архангельскѣ, въ числѣ 48 торговыхъ домовъ, въ одно время было болѣе половины русскихъ негоціантовъ. Теперь торговлю заграничную производятъ почти одни иностранцы. Въ настоящее время если наши соотечественники и имѣютъ нѣсколько кораблей,*) то большею частью покупаютъ ихъ съ чужеземныхъ верфей.

Польза отъ мореплаванія очевидна: построеніе кораблей, заготовленіе для нихъ лѣса и другихъ матеріаловъ займетъ тысячи рукъ; между предпринимателями явится соревнованіе; оно будетъ споспѣшествовать улучшенію въ построеніи судовъ, завлекать въ отдаленныя плаванія, возбудитъ любознательность, охоту къ путешествіямъ, а наконецъ выгода—этотъ могучій двигатель во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ—довершитъ остальное. Тогда молодые люди коммерческаго сословія образованіе, начатое въ училищахъ, будутъ оканчивать въ путешествіяхъ, въ мореплаваніи, въ сближеніи съ другими образованными народами, пріобрѣтутъ практическую опытность въ дѣлахъ торговыхъ, будутъ гордиться своими путешествіями въ отдаленныя страны всѣхъ частей свѣта и такимъ образомъ приготовятся у насъ свои предпріимчивые опытные негоціанты и банкиры. Усилившись коммерческимъ флотомъ, мы безъ участія иностранцевъ будемъ вывозить свои товары туда, гдѣ замѣтимъ для нихъ выгодный сбытъ; чрезъ это увеличится отпускъ нашихъ произведеній, чѣмъ будетъ поощряться и внутренняя промышленость; тогда выгоды отъ мореплаванія, коммиссіонныя за трудъ исполненія порученій будутъ переходить къ

*) Сколько русскихъ кораблей — я не знаю; но, не считая финляндскихъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ Моряхъ, ихъ очень мало.

намъ изъ рукъ иностранцевъ;*) духъ торговой предпріимчивости возбудится дальними плаваніями, сближеніемъ съ другими странами, а производители русской коммерціи, ознакомившись практически съ дѣлами торговли всемірной, займутся улучшеніемъ всѣхъ отраслей отечественной промышлености, упрочатъ кредитъ своихъ заграничныхъ пріятелей и пріобрѣтутъ уваженіе согражданъ.

Мореходовъ у насъ, какъ я сказалъ уже, много въ архангельскомъ поморьѣ. Они, въ случаѣ устройства судоходнаго или дорожно-желѣзнаго сообщенія съ Сибирью, охотно бы стали перевозить грузы съ устья Печоры въ екатерининскую гавань, которая находит ся близъ города Колы, въ Архангельской Губерніи, и представляетъ много удобствъ. Она закрыта со всѣхъ сторонъ высокими горами, имѣетъ достаточную глубину, хотя бы для линейныхъ кораблей, удобные берега для выгрузки и погрузки товаровъ и, что̀ всего важнѣе, открыта по-крайней-мѣрѣ въ продолженіе семи или восьми мѣсяцевъ, иногда и больше. Устроить здѣсь складочное мѣсто чрезвычайно удобно; только съ устья Печоры надобно спѣшить доставить грузы въ екатерининскую гавань, а оттуда, когда угодно, можно отпускать ихъ. Въ екатерининскую гавань охотно будутъ приходить и иностранные корабли, потому-то она находится на пути къ Архангельску, а заходить въ Бѣлое Море, и особенно осенью, и далеко и опасно; поэтому, избѣгая излишняго и опаснаго плаванія, они уступятъ треть фрахта, теперь существующаго, изъ Архангельска, тѣмъ болѣе, что и въ нагрузкѣ, въ расходахъ, во времени и въ страхованіи товаровъ тамъ будетъ значительная экономія.**)

Теперешній (1843 г.) фрахтъ на помѣстительные товары въ порты Англіи изъ Петербурга отъ 12 до 22 шил.; изъ Архангельска отъ 18 до 28 шил. за тоннъ; средняя цѣна изъ Петербурга 17 шил.; изъ Архангельска 23: значитъ, петербургскій фрахтъ дешевле на 6 шиллинговъ, что̀ составляетъ около 3 к. сер. на пудъ.***) Если

*) Плата за фрахтъ съ отпускаемыхъ изъ Россіи товаровъ, въ общей сложности, простирается едвали не болѣе 10 милліоновъ рублей серебромъ въ годъ.

**) Подробное описаніе екатерининской гавани находится въ «Путешествіяхъ въ Сѣверный Ледовитый Океанъ» г. адмирала Литке, стр. 291. Длина гавани $1\frac{2}{3}$ мили, ширина отъ 200 до 350, а глубина отъ 9 до 28 саж. По мнѣнію его, трудно найдти стоянку спокойнѣе и безопаснѣе, какъ въ этой гавани.

***) Свѣдѣнія эти собраны и соображеніе составлено въ 1843 году.

съ печорскаго порта фрахтъ будетъ еще дороже, хотя бы на 6—7 к. сер., то дешевизна и скорость доставки Обью и Печорою дастъ возможность уступать товары гораздо дешевле, почему должно ожидать, что здѣсь торговля можетъ быть не менѣе дѣятельна и выгодна.

Слѣдовательно, къ открытію порта на устьѣ Печоры нѣтъ такихъ препятствій, которыя бы дѣлали это предпріятіе невыгоднымъ. Конечно, отдаленность этихъ мѣстъ отъ путей, гдѣ теперь дѣятельно производится промышленость, холодъ сѣвера, почти безлюдье возбудятъ сомнѣніе въ успѣхѣ; но развѣ Канада не была холодной лѣсной пустыней, пока ее не оживила торговля? Это же самое можно сказать и о другихъ пустыняхъ Америки. Гдѣбы ни устроивали пути сообщеній, содѣйствующія мѣнѣ произведеній мѣстныхъ на произведенія другихъ странъ, тамъ немедленно являлись дѣятели; масса произведеній и сумма оборотовъ быстро увеличивались, и кругъ дѣйствій коммерціи расширялся. Могутъ сказать, что этотъ путь далеко: у Ледовитаго Океана; что навигація продолжается тамъ не болѣе трехъ или трехъ съ половиною мѣсяцевъ—это и правда; а потому скажутъ, трудно доставить въ одну навигацію произведенія Сибири къ печорскому порту чрезъ такое огромное пространство. Въ опроверженіе этого замѣчу, что навигація и по Волгѣ, главнѣйшей торговой артеріи нашего отечества, продолжается съ мая до октября, не болѣе пяти мѣсяцевъ, и главнѣйшія партіи товаровъ проходятъ съ низовья Волги и отъ Урала къ петербургскому порту въ теченіе трехъ - четырехъ мѣсяцевъ. Слѣдованіе этой огромной массы грузовъ производится большею частью противъ воды, нерѣдко замедляется мелководіемъ, такъ - что ходъ судовъ, среднимъ числомъ, нельзя полагать болѣе 30 верстъ въ сутки,*) а по каналамъ и коноводными машинами по Волгѣ иногда и менѣе. Но эта перевозка грузовъ на сотни милліоновъ рублей оканчивается тѣмъ, что значительная часть ихъ успѣетъ погрузиться въ корабли и отправляется въ море. Изъ Сибири же, напротивъ, съ верховьевъ Оби и Иртыша къ печорскому порту путь сплавной 200 верстъ хода по Оби и предполагаемому каналу, а потому въ благопріятное

*) Съ устья Камы до Рыбинска разстояніе до 900 верстъ. Коноводныя машины идутъ около 50 дней; по вышневолоцкой и маріинской системамъ отъ 1,000 до 1,300 вер. суда идутъ два и три мѣсяца.

время можно разсчитывать, что суда по теченію воды могутъ проплыть въ сутки, среднимъ числомъ, до 80 верстъ, слѣдовательно путь къ печорскому порту, по поспѣшности доставленія грузовъ сплавомъ по теченію рѣкъ несравненно ближе, чѣмъ съ низовья Волги или съ Чусовой къ С. Петербургу. Трехмѣсячной навигаціи было бы весьма достаточно для отпуска сибирскихъ товаровъ за границу, тѣмъ-болѣе, что въ верховьяхъ Оби и Иртыша весна начинается въ началѣ мая и раньше, и грузы, слѣдующіе оттуда, могутъ достигнуть къ устью Соби въ началѣ іюня, къ самому вскрытію рѣкъ, слѣдовательно и короткой сѣверной навигаціи достанетъ на сплавъ товаровъ отъ устья Соби до Усы и печорскаго порта. Предположимъ, что сибирскіе грузы приплывутъ къ устью Соби въ началѣ іюня; на подъемъ по Соби и на ходъ шлюзный до Усы нужно будетъ не болѣе 10 дней, на сплавъ по Усѣ и Печорѣ на разстояніи 1,250 верстъ не больше 15 дней, а весь этотъ путь можно будетъ совершить въ 25 или, много уже, 30 дней; значитъ, сибирскіе грузы могутъ приходить къ устью Печоры не позже первыхъ чиселъ іюля.

Возможностью сплавлять грузы изъ Сибири, какъ я сказалъ уже, откроется путь для вывоза самыхъ дешевыхъ произведеній этого обширнаго края; тогда будутъ доступны съ береговъ Оби и ея истоковъ превосходные лиственничные и сосновые (мачтовые) лѣса (которыхъ, впрочемъ, и на берегахъ Печоры не мало), на построеніе при устьѣ Печоры кораблей, чѣмъ много обдешевится построеніе судовъ для нашего флота, не говоря уже о лѣсной торговлѣ съ береговъ Печоры, Вычегды и Сысолы, въ чемъ состоятъ первоначальныя предположенія Печорской Компаніи. Корабельные лѣса и съ этихъ рѣкъ доставили бы значительную выгоду.

Торговля лѣсами и отпускъ ихъ въ Англію и другія государства Европы въ доскахъ и въ издѣліяхъ, кромѣ выгодъ правительству, принесла бы величайшую пользу жителямъ края работами. Печорская Компанія предполагала отпускать съ Печоры, Вычегды, Сысолы и ихъ истоковъ до 150,000 дюжинъ*) лѣсовъ, что составляетъ

*) Численная дюжина состоитъ изъ трехъ досокъ, длины 24 фута, ширины 11 и толщины 3 дюйма, что составитъ 12 кубическихъ футовъ, вѣсомъ отъ 13 до 14 пудъ; доски изъ Россіи отпускаются большею частью длины 21 футъ и меньше; но разсчетъ производится по вышеписанному размѣру.

по цѣнамъ, существующимъ въ настоящее время въ Архангельскѣ, болѣе чѣмъ на 450,000 руб. сер. Эта промышленость оживила бы край, доставя жителямъ постоянную работу; въ сбытѣ же лѣсовъ нельзя сомнѣваться.

Въ настоящее время перевозка иностранныхъ товаровъ въ Сибирь производится изъ С. Петербурга, черезъ Москву, или судами до Перми, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и обходится отъ 2 до 3 р. серебромъ за пудъ и дороже;*) эти же товары, будучи отправлены съ устья Печоры, положимъ, хоть въ концѣ іюня, или въ первыхъ числахъ іюля, могли бы, съ помощью гребныхъ пароходовъ, доходить до Тобольска въ 40 или 50, до Томска въ 55 или 60, до**) Красноярска въ 80 или 90 дней, особенно если принять за образецъ въ ихъ устройствѣ татариновскіе кабестанные пароходы, которые буксируютъ противъ воды, по двѣ и по три тысячи пудъ на каждую силу паровой машины, по 40 верстъ въ сутки и болѣе. Буксированіе пароходами Татаринова обходится по Волгѣ на сто верстъ около ½ к. сер. на пудъ; полагая на расходы доставленія по Печорѣ, Оби и Иртышу втрое, потому-что здѣсь недостаточно было бы грузовъ для буксировки большими пароходами т. е. по 1½ к. сер. на сто верстъ, доставка обходилась бы до Тобольска не дороже 40 к., до Томска 50 к., до Красноярска 90 к. сер. съ пуда.

По устроеніи этого пути не возбудится ли дѣятельность нашей торговли въ Сибири и чрезъ это не успѣшнѣе ли проникнетъ она въ предѣлы средней Азіи: въ Бухару, Туркестанъ, Хухеноръ и другія ханства? Однимъ словомъ, открытіе порта на устьѣ Печоры и устроеніе къ нему судоходнаго пути отъ Оби доставитъ огромныя выгоды краю и произведетъ послѣдствія весьма важныя. Но довольно, я заговорился о моихъ предположеніяхъ.

*) Лѣтняя перевозка въ Красноярскъ обходится до 4 р. сер. пудъ.

**) Разстояніе отъ устья Печоры до Тобольска около 2,300, до Томска до 3,500, до устья рѣки Кети около 3,000 отсюда до Маковскаго Острога 500 верстъ. Далѣе товары могли бы перевозиться сухопутно на кемскую пристань или въ Енисейскъ, на разстояніи 90 или 100 верстъ, откуда судами можно поднимать до Красноярска около 400 или 500 верстъ, хотя теперь и нѣтъ на этомъ разстояніи судоходства.

V.

Возвращеніе по Печорѣ. — Деревня Оксина. — Село Великовисочное. — Лѣсъ подъ 66° сѣверной широты. — Медвѣди у лодки ночью. — Путь по Цыльмѣ. — Деревня Филиппова. — Горный заводъ на Цыльмѣ. — Проводникъ Бабкинъ. — Рѣка Пижма. — Скитъ въ верховьѣ Пижмы. — Промышленость Усть-Цылемцевъ. — Бытъ Усть-Цылемцевъ; нравственность; сравненіе съ Ижемцами и Пустозерцами. — Оленеводъ Каневъ.

17 августа. Утро, въ лодкѣ.

Вчера, около полудня, приплыла моя лодка: волнами ее не разъ чуть не залило; однажды люди едва спаслись у берега. Къ-вечеру стало тише, и мы немедля отправились въ путь по Verединному Протоку. Деревня Куя есть крайній сѣверный пунктъ, до котораго я былъ по Печорѣ. Отъ Троицкаго Погоста до Пустозерска считаютъ 1,200 верстъ, слѣдовательно, до Куи водой 1,300 по Усѣ и Ельцѣ впередъ и обратно больше 1,000, по Ижмѣ 1,300 верстъ, слѣдственно доселѣ по системѣ водъ Печоры я проплылъ уже около 2,400 верстъ; но впереди еще путь далекъ, особенно если обстоятельства заставятъ ѣхать по Печорѣ черезъ Троицкій Погостъ.

Недавно прошли мимо деревни Голубковской; 5 домовъ этого поселенія расположены на небольшомъ песчаномъ холмѣ праваго берега. Въ весеннюю воду всѣ деревни пустозерскія среди широкаго пространства водъ представляютъ небольшіе островки, а въ иныхъ видны одни домы, чуть не до половины затопленные. Не могу надивиться смѣлости здѣшнихъ жителей.

Недалеко до деревни Оксиной; впереди ужь виденъ высокій материкъ Малоземельской Тундры.

Полдень.

Останавливались въ деревнѣ Оксиной. Это одно изъ богатыхъ усть-печорскихъ поселеній: 36 домовъ его тоже на правомъ, крайне-низменномъ берегу Серединнаго Пролива. Въ нынѣшнюю весну вода стояла въ деревнѣ на $2^1/_2$ аршина глубины; одинъ домъ подмыло и онъ развалился. Еще хорошо, что льду мало несло по этому острову, а то могло бы случиться много несчастій. Несмотря на это, жители Оксина выпросили позволеніе построить церковь, хотя у нихъ и есть просторная часовня во имя Святителя Николая. Лѣсъ готовъ, и скоро начнутся работы.

Я зашелъ къ 90-лѣтнему старику Воропаеву, и съ нимъ ходилъ въ часовню. Въ ней, на мѣстѣ царскихъ вратъ, поставленъ образъ Угодника въ богатой серебряной, позолоченной ризѣ; на лѣвой сторонѣ, тоже въ дорогой ризѣ, образъ Благовѣщенія; предъ иконостасомъ много большихъ лампадъ и въ срединѣ прекрасное паникадило. Наружность зданія не соотвѣтствуетъ богатству внутренней утвари. Убѣждаюсь еще больше, что Пустозерцы очень усердны къ храмамъ Божіимъ.

Воропаевъ проводилъ меня до лодки. Онъ проворенъ и ловокъ не по лѣтамъ, а такихъ стариковъ нѣсколько въ этой деревнѣ.

Изъ Оксина ѣздятъ на островъ Калгуевъ, на гусиный промыселъ. Путь туда лежитъ черезъ Малоземельскую Тундру на оленяхъ; тамъ садятся въ карбасы и переѣзжаютъ на островъ. Мнѣ сказывали, что противъ Оксина, въ Малоземельской Тундрѣ, гдѣ-то есть соленый ключъ, но ни кто не объяснилъ, гдѣ онъ находится; есть также слухъ, что и въ верховьяхъ рѣки Куи соляной источникъ.

Утромъ былъ дождь, но теперь выяснѣло и тихо; идемъ ужь по Большой Печорѣ.

18 августа. Утро.

Вчера вечеромъ останавливались въ деревнѣ Пылемецъ. Я посѣтилъ мою знакомую слѣпую: ея хижинка была набита малолѣтнимъ народомъ; дѣти ея съ бабушкой недавно еще пришли съ сѣнокоса и отдыхаютъ. Ночлегъ мы имѣли противъ деревни Лабазской, и около 9 часовъ утра сегодня остановились противъ села Великовисочнаго. Оно построено на широкой, низменной долинѣ,

на лѣвомъ берегу Печоры, подлѣ узкаго протока. Это самое многолюдное селеніе въ Пустозерскомъ Краѣ; въ немъ 51 домъ и недавно построена здѣшними богатыми крестьянами, Дитятевыми, небольшая деревянная церковь на каменномъ фундаментѣ; она еще не освящена и внутреннія украшенія не всѣ кончены. Я былъ у В. П. Дитятева. У него большой новый домъ на каменномъ фундаментѣ; ежегодно отправляетъ онъ на звѣриный промыселъ одинъ, а иногда и два карбаса на Новую Землю и островъ Калгуевъ; у него есть одинъ большой карбасъ, построенный на Двинѣ и поднимающій грузу до 700 пудъ. По словамъ Дитятева, на Калгуевѣ гусей бываетъ такъ много, что иногда загоняютъ въ сѣти тысячъ по пяти въ день и, наловивши сколько нужно, занимаются другими промыслами.

Въ Вискѣ, какъ называютъ село Великовисочное, ловятъ силками очень много куропатокъ, подманивая ихъ къ ловушкамъ чучелами: куропатки подлетаютъ къ своимъ мнимымъ землякамъ и попадаютъ въ силки. Въ Пустозерскомъ Краѣ куропатки очень легко ловятся: нѣкоторыя семьи налавливаютъ до двухъ, а иногда до трехъ тысячъ штукъ; цѣна на эту дичь при изобиліи та же, что́ и въ Праскавѣ,*) отъ 1 до 2 к. сер. Хотя здѣшнія куропатки крупнѣе и жирнѣе верховыхъ и вѣсятъ около 2 фун.; но какъ покупщики не ѣздятъ такъ далеко за ними, то цѣна на нихъ низка и промыселъ куропаточный не прибыленъ, и немногіе занимаются имъ. По берегамъ Печоры, и особенно въ Вискѣ, я видѣлъ множество пѣтушковъ, называемыхъ здѣсь зуями. Пустозерцы ихъ не стрѣляютъ, а потому они не боятся людей. Мы шли около огромнаго стада зуевъ и не потревожили его. Говорятъ, ближе къ морю ихъ безчисленное множество. И здѣсь я вздумалъ явиться распространителемъ посѣвовъ картофеля, но, увы! краснорѣчіе мое было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Крестьяне не понимаютъ, какъ можно питаться кортофелемъ, когда есть хлѣбъ; тому, что и богатые люди любятъ этотъ овощъ, они не вѣрили: «Мы не ѣдимъ кортофъ; что намъ изъ нея! — отвѣчали они на мои совѣты — да и кто добрый человѣкъ будетъ ѣсть его? Коли ужь сѣять, такъ лучше же рѣпу.» Думаю, что ближайшій способъ для распространенія здѣсь картофеля — примѣръ священниковъ.

*) Деревня на заворотѣ Печоры къ юго-западу.

Нѣсколько выше села Виски впадаетъ въ Печору рѣчка Сула. Есть преданіе, что въ старину на берегахъ ея были найдены мѣдныя руды и былъ построенъ мѣдиплавиленный заводъ.

19 августа.

Вчера вечеръ былъ довольно холоденъ. Въ 10 часовъ мы остановились на ночлегѣ, пройдя отъ Виски около 50 верстъ. Сегодня я слышалъ, что проплыли печорскіе путешественники г. К. и Кр.; видно, мы разъѣхались въ островахъ.

Сегодня тепло и тихо; немного было такихъ прекрасныхъ дней во все лѣто, и я начинаю жалѣть, что поторопился въ обратный путь.

Въ полдень мы заѣзжали въ новое поселеніе крестьянина Дуркина изъ Усть-Цыльмы; оно на правомъ берегу Печоры, въ 70 верстахъ отъ деревни Великовисочной. Дуркинъ недавно еще построилъ себѣ домъ и переѣхалъ сюда съ большимъ семействомъ. Имѣя порядочное скотоводство, онъ заготовляетъ до 200 возовъ сѣна. Хорошій сосновый лѣсъ на постройку дома нашелся по рѣчкѣ Созьвѣ, впадающей въ Печору изъ Большеземельской Тундры, въ восьми верстахъ отъ его поселенія. Рѣчка Созьва должна быть подъ 68° сѣверной широты: вотъ доказательство, какъ далеко къ сѣверу есть строевые лѣса. Что скажутъ на это гг. теоретики, полагающіе, что у насъ, какъ въ Америкѣ, растительность строевыхъ лѣсовъ оканчивается 61°? Впрочемъ, пусть съѣздятъ они только на рѣку Мезень, гдѣ, подъ 65 и 66°, они найдутъ превосходные лиственничные лѣса, употребляемые для строенія линейныхъ кораблей въ Архангельскѣ.

Пройдя верстъ десять отъ поселенія Дуркина, мы увидѣли рыбаковъ. Ловъ семги идетъ порядочно; нѣсколько очередныхъ лодокъ плаваютъ, другіе отдыхаютъ. Одни рыболовы сварили въ изрядномъ котлѣ свѣжей семги и начинаютъ обѣдать. Эту рыбу они варятъ, разрѣзавъ на мелкіе кусочки, и потомъ, когда она порядкомъ уварится, вынимаютъ на лотокъ, солятъ и расхолаживаютъ, а въ уху прибавляютъ нѣсколько горстей муки и снова варятъ. Непроваренная семга нездорова, свѣжая же скоро пріѣдается.

Теперь прошли мимо устья рѣчки Енвы, отъ которой 110 верстъ до Усть-Цыльмы. Эта рѣчка течетъ изъ обширнаго озера, крайне

обильнаго рыбой. Говорятъ, озеро чрезвычайно глубоко, окружено высокими песчаными холмами, поросшими здоровыми, большими лиственями.

Постоянно идемъ мимо острововъ, покрытыхъ густой травою; Чѣмъ пропадать этой травѣ даромъ, не лучше ли бы обращать ее въ мясо, сало и кожи, и отправлять за море?

20 августа.

Вчера поздно остановились на ночлегъ; сегодня встали рано; постоянно идемъ подлѣ лѣваго берега.

До Усть-Цыльмы осталось около 90 верстъ. На берегу мы видѣли свѣжіе слѣды трехъ медвѣдей; одинъ изъ этихъ слѣдовъ принадлежалъ повидимому медвѣдю необыкновенной величины: ширина слѣда его была пять вершковъ; онъ глубоко прорывалъ сырой, прибрежный песокъ. Много здѣсь чаекъ и гагаръ; утромъ только и слышенъ ихъ крикъ. Около полудня переправились къ правому берегу и шли мимо прекраснаго бора.

Вчера на ночлегъ остановились тоже довольно поздно; утромъ прошли мимо деревни Быковской; она на правомъ берегу Печоры и состоитъ изъ трехъ домовъ.

Поутру мы увидѣли около мѣста, гдѣ ночевали, слѣды большаго медвѣдя и двухъ медвѣжатъ: видно, запахъ мяса привлекъ ихъ къ лодкѣ; они ночью долго ходили около нея, но не рѣшились на похищеніе — а надѣлали бы намъ суматохи эти косматые непрошенные гости въ темную осеннюю ночь, забравшись въ лодку, куда попасть имъ было нетрудно.

Въ полдень прошли устье рѣчки Незевы; она впадаетъ съ правой стороны; отъ нея до села 25 верстъ.

По всей Печорѣ производится уже ловъ семги поплавнями; на иной тонѣ 10, на другой до 25 лодокъ и больше; рыбаки наловили уже отъ 12 до 16 пудъ на поплавню. Пройдя верстъ пять отъ рѣки Незевы, увидѣли послѣднюю зимовую избу, отъ которой тянется лиственничный боръ.

Въ 8 часовъ вечера приплыли въ село Усть-Цыльму; завтра отправляюсь вверхъ по Цыльмѣ. Мой проводникъ по этой рѣкѣ, крестьянинъ Бабкинъ, довольно замѣчательный человѣкъ по своимъ путешествіямъ; онъ ходилъ въ море на какомъ-то иностранномъ

кораблѣ, былъ въ Данцигѣ и въ другихъ балтійскихъ портахъ; онъ также усердный рудоискатель, но до-сихъ-поръ не нашелъ еще ничего; знаетъ названія разныхъ породъ минераловъ и, кромѣ того, смѣлый промышленикъ.

22 августа.

Въ три часа пополудни переѣхали мы Печору и при попутномъ вѣтрѣ парусомъ вошли въ Цыльму. Пройдя верстъ 12, остановились на ночлегъ. Цыльма, при впаденіи въ Печору, соединясь съ рѣкою Пижмою, довольно-широка и имѣетъ видъ большой рѣки; въ нее вливаются, какъ говорятъ мѣстные жители, до восьми притоковъ.

23 августа.

Мѣстами бѣжали на парусѣ. По Цыльмѣ мало длинныхъ плёсъ; къ тому же частые завороты не вездѣ позволяютъ пользоваться благопріятнымъ вѣтромъ; идемъ больше въ направленіи къ SW; берега рѣки довольно-высоки, покрыты еловымъ лѣсомъ; есть и боровыя мѣста. Въ 25 верстахъ отъ устья направо впадаетъ рѣчка Усица; невдалекѣ отъ нея, въ красивомъ мѣстоположеніи лѣваго берега, расположена деревня Рочева; въ ней всего шесть домовъ. жители преимущественно занимаются скотоводствомъ и держатъ иные по 20 и больше коровъ.

Въ полдень пришли къ деревнѣ Меговой, на лѣвомъ берегу рѣки, въ 40 верстахъ отъ устья. Она состоитъ изъ четырехъ домовъ. Крестьяне всѣ на сѣнокосѣ; время самое благопріятное для работы: тепло и ясно.

Къ вечеру подошли къ деревнѣ Трусовой. Шесть домовъ этого поселенія построены на очень красивомъ мысу лѣваго берега, среди лиственничной рощи. Отъ Трусовой считаютъ до устья около 50 верстъ; но едва ли вѣрно опредѣлены разстоянія; по моему мнѣнію, мы прошли по-крайней-мѣрѣ 80 верстъ, или даже больше. Близъ деревни Филипповой, куда мы добрались къ ночлегу, съ правой стороны впадаетъ рѣчка Уса, по берегамъ которой, говорятъ, есть порядочный лѣсъ. Деревня Филиппова на лѣвомъ берегу, названа по имени перваго поселенца, переѣхавшаго сюда назадъ тому около

60 лѣтъ. Старикъ умеръ недавно. По словамъ его семьи, онъ былъ большой чудакъ: вырастилъ пять дочерей и ни одной не хотѣлъ отдать замужъ, употребляя ихъ въ работу вмѣсто работниковъ. Онѣ пахали землю, рубили лѣсъ и дрова, возили сѣно, ловили рыбу и дѣлали все, что было нужно при первомъ обзаведеніи хозяйствомъ въ темномъ лѣсу. Старикъ неусыпно смотрѣлъ за ними, но одна ускользнула отъ надзора и обвѣнчалась съ знакомымъ парнемъ. Филиппъ гнался за ней, но не настигъ: сестры были въ заговорѣ съ бѣглецами, дали старику худую лошадь, запрягали ее медленно, и онъ кое-какъ дотащился до села. Долго упрямый старикъ не хотѣлъ видѣть дочь; но прошелъ годъ или два, и онъ простилъ зятя и дозволилъ построить домъ въ его поселеніи. Теперь эти двѣ семьи благоденствуютъ; у нихъ довольно хлѣба, много скота, есть въ тундрѣ олени, домы построены хорошіе, въ избахъ чистота и порядокъ — недостаетъ одного: у сына Филиппова нѣтъ дѣтей; у зятя одна дочь — наслѣдница всего имѣнія. Остальныя дочери старика Филиппа еще живы, но завяли въ дѣвствѣ, уже старухи; одной больше 60 лѣтъ. Вспоминая молодые годы, онѣ скорбятъ, что не видали до старости красныхъ дней, не бывали ни на посидѣлкахъ, ни на игрищахъ, а всю жизнь только работали.

24 августа.

Погода перемѣнилась; льетъ дождь. Немного выше деревни Филипповой есть еще одно поселеніе, состоящее изъ одного двора и носитъ названіе деревни Артемьевой; это послѣднее селеніе на берегахъ Цыльмы. Верстахъ въ пятнадцати отъ этой деревни впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Тобышъ; по ней лодки идутъ вверхъ верстъ на сто; берега боровые съ сосновымъ лѣсомъ. Отсюда Цыльма становится уже небольшою рѣкой; безпрерывно каменистыя мели препятствуютъ успѣшному ходу.

Отъ устья рѣки Тобышъ я шелъ пѣшкомъ по лѣвому берегу Цыльмы; на скалистой крутизнѣ его видѣлъ тонкія прослойки мѣдной руды, мѣстами много сѣрнаго колчедана и разноцвѣтной глины: желтой, зеленоватой, бѣлой и черной.

Въ полдень прошли мимо устья рѣки Мылы, впадающей въ Цыльму съ лѣвой стороны; на Мылѣ въ трехъ верстахъ отъ устья есть деревня, состоящая изъ четырехъ домовъ. Это поселеніе со-

ставилось изъ одной раздѣлившейся семьи. Дальше около ста верстъ, въ дикой пустынѣ, на берегу этой рѣчки еще живетъ одна семья давно поселившагося тамъ Устьцылемца Саввы.

На рѣкѣ Цыльмѣ, противъ устья Мылы, довольно-большой порогъ и отъ него пошли глубокіе плёсы.

Здѣсь ужь нѣтъ ни луговъ, ни низменностей; берега покрыты лѣсомъ и только подлѣ рѣки неширокіе ласты, какъ называютъ здѣсь береговыя луговины; траву на нихъ выкашиваютъ Мыльскіе жители.

Поднявшись верстъ восемь отъ рѣки Мылы, прошли мимо высокихъ крутыхъ горъ, называемыхъ Красная Щелья, а къ 5 час. вечера подошли къ горѣ Щитовитая Щелья, которая тянется около версты подлѣ рѣки, въ направленіи къ NW, возвышаясь надъ ней отвѣсной скалой; на ней сосновый лѣсъ, а на низменности хорошія лиственничныя деревья. Въ 20 верстахъ отъ Мылы впадаетъ въ Цыльму съ правой стороны рѣчка Номбуръ; немного далѣе съ лѣвой стороны рѣчка Черная, которая течетъ изъ озера Чернаго. Цыльма становится болѣе и болѣе мелководной, мѣстами еще довольно-широка, но едва можно пробраться на лодкѣ между каменьями, которыми устлано все ея русло; часто надобно подниматься черезъ пороги, гдѣ теченіе очень быстро. Въ двухъ мѣстахъ Цыльма раздѣляется на два и на три русла большими островами изъ мельчайшей гальки. Берега рѣки вездѣ лѣсисты, луговъ нѣтъ, а потому она похожа болѣе на прекрасный каналъ, проведенный въ этой пустынѣ.

Сегодня шли больше по направленію къ западу; уже довольно поздно остановились на ночлегѣ и, при свѣтѣ луны, расположились ужинать на берегу вокругъ артельнаго котла; усталые рабочіе скоро уснули. Ночь была прекрасная.

25 августа.

Сегодня до полудня поднимались крайне-медленно: воды въ Цыльмѣ необыкновенно-мало; почти нѣтъ возможности ѣхать дальше даже на нашей маленькой лодкѣ; мѣстами по обоимъ берегамъ высокія каменныя скалы темнозеленаго цвѣта.

Я шелъ по берегу и замѣтилъ въ скалахъ тонкія жилы мѣдной руды; можетъ быть, при тщательныхъ поискахъ, открылись бы рудни-

ки металловъ. Въ этомъ мѣстѣ проходитъ черезъ рѣку отрасль горнаго хребта; можетъ быть, это отрасль Тиманскаго или Чайчина Камня. Здѣсь вовсе не видать никакихъ птицъ; по Печорѣ безпрерывно слышны крики гагаръ и чаекъ, а по Цыльмѣ только изрѣдка въ полночную пору нарушаетъ пустынное безмолвіе этого лѣснаго края дикій крикъ филина. До мѣста, гдѣ былъ прежде мѣдиплавильный заводъ, осталось около 20 верстъ; но едва ли можно дойти до него на лодкѣ: надобно идти пѣшкомъ. Сегодня все утро льетъ дождь и я рѣшился возвратиться, хотя и сожалѣю, что не доѣхалъ до развалинъ перваго горнаго завода въ Россіи.

Вотъ прежнія свѣдѣнія объ этомъ заводѣ.

Въ Двинскомъ Лѣтописцѣ сказано, что еще въ 6936 году (1428 г.) Грекъ Манойла Ларіевъ съ товарищами ѣздилъ нарочно къ Печорѣ и нашелъ около рѣки Пылмы или Шилмы мѣдную руду. Неизвѣстно, Цыльма, или другая какая рѣка называлась Пылмою; теперь я не слыхалъ ничего о Пылмѣ, а потому думаю, что такъ называли тогда Цыльму.

Въ 1491 году Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ III послалъ въ Печорскій Край двухъ Нѣмцевъ, Ивана и Виктора съ Андреемъ Петровымъ и Васильемъ Болтинымъ искать серебряную руду. Чрезъ семь мѣсяцевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли мѣдную руду на пространствѣ 10 верстъ, на берегу рѣки Цыльмы, въ 20 верстахъ отъ рѣки Космы, въ 300 отъ Печоры. «Это открытіе сдѣлало Государю величайшее удовольствіе.» *) Немедленно началась разработка мѣди, а также, вѣроятно, и серебра, ибо, по словамъ историка, съ того времени начали чеканить монету изъ своего серебра.

Я ужъ сказалъ въ описаніи Пустозерска, что для разработки здѣшнихъ рудъ взяты были рабочіе изъ Устюжанъ, Двинянъ и Пинежанъ 240 человѣкъ.

Въ путешествіи Лепехина, въ статьѣ о минералахъ въ Мезенскомъ Краѣ, есть свѣдѣнія, что въ началѣ XVIII столѣтія устроивался какимъ-то пріѣзжимъ Нѣмцемъ въ окрестностяхъ Печоры мѣдный заводъ; но жители, въ опасеніи, что попадутъ въ число заводскихъ крестьянъ, старались скрыть отыскиваемую руду, а потому со смертью заводчика производство было оставлено: это свѣ-

*) Исторія Государ. Российск. Карамзина. Часть VI стр. 265.

дѣніе не о заводѣ ли близъ Великовисочной деревни? О заводѣ Цыльменскомъ есть преданіе, что въ старину, отъ неосторожности заводчика, шахты провалились и землей завалило до 30 человѣкъ рабочихъ, и что, въ слѣдствіе этого несчастія, работы были прекращены. Другіе говорятъ, что шахты залило водой и продолжать работы не было возможности. Вообще неизвѣстно, когда оставлена разработка металловъ по Цыльмѣ и долго ли продолжалось производство. Около 1840 года повѣренный вятскаго купца Рязанцова Калашниковъ искалъ по Цыльмѣ мѣдной руды; главнѣйшіе поиски онъ произвелъ на мѣстѣ стараго завода, гдѣ еще видны прежнія копи и развалины строеній. Онъ нашелъ образчики богатѣйшей руды, но въ небольшомъ количествѣ. Если находили выгоднымъ разработку мѣди, а можетъ быть, и серебра на Цыльмѣ въ XV столѣтіи, когда горное искусство было еще неусовершенствовано, то почему бы не испытать теперь, когда находятъ выгоды въ разработкѣ даже и небогатыхъ рудъ?

Вверхъ по Цыльмѣ ходятъ на маленькихъ лодкахъ верстъ за 400.

По Цыльмѣ лежитъ лѣтній путь въ городъ Мезень. Сегодня мы встрѣтили почту. Отставные солдаты по найму замѣняютъ почтальоновъ. Встрѣтившійся намъ плылъ въ маленькой лодкѣ, изъ экономіи, только съ однимъ рабочимъ. Почтовый путь по Цыльмѣ лежитъ до устья рѣки Пезы; по ней поднимаются до волока, и чрезъ него переходятъ въ другую рѣку, Пезу, впадающую въ рѣку Мезень; путь отъ Усть-Цыльмы продолжается отъ 15 до 20 дней. Почту отправляетъ становой приставъ, иногда чрезъ двѣ недѣли, иногда чрезъ три и даже четыре, смотря по важности представляемыхъ имъ дѣлъ.

Сегодня при сплавѣ лодки безпрерывно стучали дномъ о камни особенно въ быстрыхъ мѣстахъ; порой лодка получала такіе толчки, что я иногда невольно думалъ, выдержитъ ли она подобные въ дальнѣйшемъ плаваніи, тѣмъ болѣе, что она ужь много потерпѣла по Усѣ и Ижмѣ. Мѣстами ходилъ я въ прибрежныя сосновыя рощи, въ которыхъ есть порядочныя деревья. Говорятъ, что по рр. Тобашу, Усицѣ и въ верховьяхъ Цыльмы лѣса лучше.

Сегодня ненастный день, безпрерывно идетъ дождь, бушуетъ сильный вѣтеръ, такъ-что и по водѣ часто тянемся бечевой.

Вечеромъ мы спустились черезъ два порога; особенно быстръ

одинъ, между низкими островами изъ гальки: лодка стрѣлой неслась по узкому каналу мимо отдѣльныхъ камней; въ одномъ мѣстѣ едва не случилась бѣда: носъ лодки попалъ на камень, корму быстро заворотило и насъ чуть не опрокинуло.

Сегодня одинъ изъ жителей, Бабкинъ, разсказывалъ мнѣ о борьбѣ своей съ медвѣдемъ. Въ лѣсахъ Цыльмы ихъ особенно много. Въ прошломъ году онъ плылъ; товарищемъ его былъ мальчикъ лѣтъ 13. Медвѣдя они подмѣтили невдалекѣ отъ берега. Бабкинъ смѣло пошелъ бороться съ нимъ, подкрался изъ-за лѣса и выстрѣлилъ изъ винтовки, но только ранилъ медвѣдя. Звѣрь заревѣлъ и сталъ озираться. Бабкинъ поспѣшилъ зарядить ружье, но пороху едва достало на зарядъ; подойдя ближе, онъ сдѣлалъ другой удачный выстрѣлъ, попалъ въ голову медвѣдя и убилъ его. Бабкинъ увѣряетъ, что онъ никогда не видывалъ такого огромнаго медвѣдя; но немного выручилъ за его шкуру съ рѣдкою, короткою и рыжеватою шерстью. Медвѣдь былъ старикъ. Отецъ Бабкина убилъ на своемъ вѣку много медвѣдей. На охоту онъ всегда ходилъ одинъ. Въ послѣднiй разъ, услышавъ о звѣрѣ, онъ будто предчувствовалъ, что не воротится, печально простился съ семьей, пошелъ и не воротился: чрезъ нѣсколько времени нашли убитаго медвѣдя и невдалекѣ отъ него сидѣлъ подъ деревомъ мертвый звѣроловъ; вѣроятно, онъ померъ отъ ранъ и изнеможенiя.

26 августа.

Вчера плыли до 12 часовъ ночи. Было ужь очень темно, а потому часто попадали на мель и наконецъ принуждены были избрать мѣсто ночлега. Сегодня цѣлый день плыли безостановочно; въ 9 часовъ вечера благополучно спустились черезъ Поповскiй Порогъ, откуда до устья Цыльмы только 9 верстъ. Здѣсь по берегу выстроено нѣсколько избъ, занимаемыхъ только лѣтомъ сѣнокосцами и пастухами. На здѣшнiе прекрасные луга многiе пригоняютъ скотъ изъ-за Печоры. Въ 11 часовъ мы приплыли къ устью Пижмы. Ночь была чудесная, свѣтлая и тихая.

Въ полноводье сплавъ по Цыльмѣ долженъ быть весьма удобенъ: повсюду довольно-высокiе берега; разливамъ быть не гдѣ; островов мало, однимъ словомъ, это прекрасный каналъ; но теперь въ немъ мало воды.

Пижма тоже довольно большая рѣка: теченіе ея больше 300 верстъ; насчитываютъ до 10 притоковъ, вливающихся въ эту рѣку. По ней разсыпано нѣсколько селеній.

Отъ устья Цыльмы до мѣднаго завода считаютъ 250 верстъ; я не доходилъ до него около 25 верстъ, слѣдовательно, поднимался по Цыльмѣ больше 200 верстъ.

27 августа.

Въ Усть-Цыльмѣ я опять остановился у добраго князя Палавандова. Вотъ свѣдѣнія, составленныя мною о промышлености Устьцылемской Волости на основаніи показаній крестьянъ. Выше сказано, что въ деревняхъ Усть-Цылемской Волости считается 397 дворовъ, въ которыхъ живетъ 1,261 душа мужскаго и 1,394 женскаго пола.

Въ 1842 году они промыслили лѣсныхъ птицъ до
3000 паръ на. 450 р. сер.
звѣря 3,914 штукъ, на. 1,962 « *)
рыбы 2,870 пудъ, на. 2,392 « **).

288 домохозяевъ имѣютъ рогатаго скота 2,850
головъ, изъ которыхъ продано 100 цѣною отъ 10
до 33 р. сер., на. 2,150 р. сер.
коровьяго масла 150 пудъ по 2 р. 50 к. 3 р. за пудъ, на 386 « «

Изъ 2,395 овецъ продано 250 головъ по 50 к.
сер., на. 100 « «
Овечей шерсти продано 8 п. по 5-6 р. за пудъ, на. . 40 « «

Выдѣлано и продано изъ овечей шерсти чулковъ,
головокъ и перчатокъ 1,350 паръ по 10—30 к. пара, на. 165 « «

Изъ 966 лошадей продано 16, на. 230 « «
Изъ 3,543 оленей продано и убито 175, по 1 р. 70
к. — 2 р. 30 к., на. 350 « «

Всего же въ 1842 году выручено Устьцылемцами 8,145 р. сер.

*) Въ томъ числѣ:

16 медвѣдей	цѣна отъ	5	до	10	р. сер.
23 волка	«	« 2	«	3	« «
155 лисицъ	«	« 2	«	7	« «
3,000 зайцевъ	«	« 3	«	5	к. «
200 горностаевъ	«	« 8	«	12	« «
550 бѣлокъ	«	« 3	«	5	« «

**) 100 пудъ семги цѣна отъ 1 до 1 р. 20 к. за пудъ.
1,870 « бѣлой рыбы « « 30 « 90 к. за пудъ.

Вѣрность этихъ данныхъ, однакожъ, подвержена большому сомнѣнію. Напримѣръ, по недостатку собственнаго хлѣба, котораго, при очень хорошемъ урожаѣ, собрано въ 1842 году 1,427 четвертей, но и за всѣмъ тѣмъ прикуплено, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, 7,450 пудъ по 71 к. сер., на 5,390 р. сер., а при неурожаѣ хлѣба покупается несравненно-больше. Употребивъ такую сумму на одинъ хлѣбъ, осталось бы отъ всего промысла 1842 года 2,855 р. сер., тогда-какъ нужна значительная сумма на право посѣщенія домика съ ёлкой, куда очень любятъ заходить Устьцылемцы и гдѣ пропивается въ годъ отъ 5 до 6,000 р. сер.; а откуда же Устьцылемцы берутъ деньги на уплату податей, на одежду, домашнія надобности, орудія, порохъ, соль и т. п.? Многіе изъ нихъ зажиточны; у многихъ есть крупнаго скота отъ 20 до 40 головъ; на зиму оставляютъ по нѣскольку десятковъ овецъ: а у нѣкоторыхъ на дворѣ около сотни.*) Тотъ, у кого три, четыре или пять коровъ и десятокъ овецъ, считается небогатымъ. Изъ этого видно, что показанныя свѣдѣнія о скотѣ и промыслахъ вовсе невѣрны.

Многіе изъ крестьянъ заготовляютъ сѣна до 1,500 копенъ, т. е. до 300 возовъ и больше; здѣшній скотъ довольно-хорошъ, породы, вѣроятно, мезенской; а потому мяса, масла, сала и овечей шерсти должно продаваться на значительную сумму. Руно овецъ довольно-хорошо; въ пастьбищахъ и въ сѣнѣ приволье; лугъ въ 50 копенъ т. е. въ 10 или 12 возовъ сѣна, охотно отдаютъ въ оброкъ до 30 к. сер. въ годъ; овецъ, по вскрытіи рѣки, перевозятъ за рѣку, на острова, и онѣ тамъ пасутся цѣлое лѣто въ лѣсу мягкой травою. Загонъ овецъ осенью бываетъ въ родѣ общественнаго дѣла, охоты, забавы. Женщины и дѣвки здѣшнія отличныя наѣздницы. Одичалыхъ овецъ надобно ловить; дѣвки и бабы садятся на лошадей безъ сѣдла и за овцами пускаются во весь опоръ. Это — бабья кавалерія. На всемъ скаку онѣ захватываютъ овецъ, полуодичалыхъ барановъ, и отводятъ на сборное мѣсто. Я самъ видалъ не разъ этихъ наѣздницъ, когда онѣ во весь галопъ неслись на лошадяхъ по берегу Печоры, мимо квартиры князя. Здѣсь нѣтъ телегъ; если что нужно перевезти, то и лѣтомъ употребляютъ сани или вьюки.

*) Волостной голова разсказывалъ мнѣ, что у него было крупнаго скота до 100 головъ; но въ послѣдніе годы посѣтила бѣда — скотъ выпалъ; теперь осталось только до 30 головъ. Онъ живетъ въ деревнѣ Бугаевой, гдѣ столько луговъ, что достанетъ не на одну тысячу скота; онъ надѣется скоро развести число своего скота до прежней цифры.

Обращаюсь къ промысламъ Устьцылемцевъ.

Занимающихся рыболовствомъ считается больше ста семей, которыя высылаютъ на ловъ семги до ста пятидесяти лодокъ.

Въ 1842 году было наловлено отъ 30 до 40 пудъ, на каждый поплавень; нѣкоторые наловили даже и до 50 пудъ, а потому весьма вѣроятно, какъ мнѣ сказывали, что во всей волости одной семги было наловлено до 5,000 пудъ, а можетъ быть и больше. Цѣна на нее стояла около 1. р. 15 к. сер., слѣдовательно продано на сумму около 5,750 р. сереб. Бѣлой рыбы налавливается здѣсь несравненно больше семги: я говорилъ ужь, что на одномъ Мыльскомъ Озерѣ попадаетъ ея не одна тысяча пудъ. Кромѣ этого, есть много другихъ озеръ. Для лова рыбы отправляются нѣкоторые крестьяне въ верховья Цыльмы и впадающей въ нее рѣки Космы, которая течетъ изъ большихъ рыбныхъ озеръ; а потому тоже весьма вѣроятно, что бѣлой рыбы налавливается ежегодно не менѣе 10,000 пудъ, а иногда и больше; въ лѣто 1842 года однихъ сиговъ было посолено до 5,000 пудъ. Крупная и мелкая рыба продается въ сложности около 58 к. сер. за пудъ, слѣдственно и ее продано тысячъ на шесть рублей серебромъ. Здѣсь рыболовство производится не такъ, какъ въ Пустозерскѣ: нѣтъ ни очереди, ни правилъ, какъ и гдѣ плавать и неводить, ни паевъ, въ которыхъ имѣли бы участіе бѣдные; здѣсь кто можетъ завести поплавни и невода, тотъ и плаваетъ, и неводитъ гдѣ хочетъ; только на тоняхъ есть очереди. Многія большія семейства имѣютъ по три поплавня и ловятъ въ одно время на двухъ тоняхъ; но многіе не имѣютъ никакого участія въ этомъ промыслѣ.

Немало налавливается здѣсь рябчиковъ и особенно куропатокъ, которыхъ одна семья усердныхъ охотниковъ поймаетъ въ иной годъ отъ 500 до 1,500 штукъ и больше. Цѣна на нихъ бываетъ осенью отъ 5 до 10 к. сер. за пару, а зимой и весной отъ 1 до 2 к. Для лова куропатокъ отправляются въ тундру верстъ за сто. Изъ пушнаго звѣря, Устьцылемцы больше бьютъ зайцевъ; нѣкоторые изъ охотниковъ добываютъ до 300 штукъ, а на берегахъ рѣки Пижмы отъ 1,000 до 2,000 штукъ. Тамъ ихъ очень много.

Оленеводство доставляетъ также значительную выгоду; теперь эта часть промысла упадаетъ: число оленей у Устьцылемцовъ простирается только до 4,000 головъ.

Въ послѣднее время начали вывозить отсюда оленью шерсть,

ежегодно до 300 возовъ. Полагая въ каждомъ по 20 пудъ, оказывается, что ее ввозится отъ 5 до 6,000 пудъ; вывозятъ также небольшую партію оленьихъ роговъ.

Многіе изъ Устьцылемцевъ занимаются во время зимы перевозкою товаровъ на ярмарки; путь изъ Пустозерска и Ижмы лежитъ черезъ это село. Цѣна провозовъ отъ Ижмы до Устьцыльмы отъ 4 до 6 к. сер., отсюда до Мезени отъ 10 до 17, на Вашку до 25, до Москвы провозъ разсчитывается по 85 к. сер. съ пуда; разстояніе до Мезени 600, куда путь лежитъ черезъ волокъ до Мезенской Пижмы въ 230 верстъ. На этомъ пространствѣ семь зимовыхъ избъ, гдѣ путешественники и извощики останавливаются на отдыхъ. *) Дорога на Вашку проложена прямо отъ Пижмы еще чрезъ стоверстный волокъ; но здѣсь путь крайне трудный: дорогу дѣлаютъ не съ осени, а только къ ярмаркѣ и едва могутъ проѣзжать по глубокимъ сугробамъ снѣга. Товаровъ на Вашку идетъ много; главнѣйшіе изъ нихъ: разная рыба, мясо, сало, масло, шерсть, рога и языки оленьи, шкуры звѣрей и проч.

По всѣмъ этимъ даннымъ, доходъ устьцылемскихъ крестьянъ простирается до 20 тысячъ руб. сер.; сумма, конечно, порядочная, но она едва достаточна для продовольствія жителей. Хлѣба, и при отличномъ урожаѣ, достаетъ здѣсь только на полгода; хлѣбъ покупной дорогъ и на него, даже при урожаѣ, выходитъ большая часть доходовъ. Бѣдное хлѣбопашество здѣшнихъ жителей выгодно только по дороговизнѣ хлѣба и возможности удобривать землю, а потому и скудный урожай вознаграждаетъ трудъ.

Въ самомъ селѣ пахотной землей надѣлены жители на каждую душу для посѣва 5 пудъ ячменя. Я замѣтилъ поля съ рожью только по Цыльмѣ. Хлѣбъ нерѣдко не дозрѣваетъ: его уничтожаютъ ранніе морозы. Жаль, что жители не увлекаются прекраснымъ примѣромъ лѣсничаго, князя Палавандова, который, для убѣжденія окрестныхъ поселянъ, разводитъ въ своемъ огородѣ разные овощи: свеклу, рѣдьку, морковь, горохъ и, между прочимъ, картофель. Въ поляхъ ячмень еще не созрѣлъ, а картофель и рѣдька уже готовы и употребляются въ пищу. Въ прошломъ же году овощи были

*) Къ будущей (1844 года) зимѣ, по распоряженію мѣстнаго начальства, назначено на каждой станціи имѣть по три лошади для ѣзды на перемѣнныхъ: это укоротитъ время, потребное на переѣздъ черезъ Волокъ.

лучше. Нынѣшнее лѣто началось поздно и было постоянно-холодно. Огородничество, при короткости лѣта, должно быть здѣсь важнѣе хлѣбопашества, потому-что свой хлѣбъ можетъ быть замѣненъ хлѣбомъ покупнымъ; но свѣжихъ овощей и овощей, приготовляемыхъ на зиму, ничѣмъ не замѣнишь. Думаю, однакожъ, что примѣръ уважаемаго начальника подѣйствуетъ, если при этомъ облегчить крестьянамъ покупку сѣмянъ. Въ особенности должно желать распространенія картофеля, который можетъ родиться здѣсь порядочно. Я совѣтовалъ князю на будущее лѣто посѣять картофель въ полѣ и изъ урожая раздать часть поселянамъ; можетъ быть, убѣжденные въ возможности разведенія этого овоща, крестьяне займутся его немудреною обработкою.

Слободка Устьцыльма, основанная въ половинѣ XVI столѣтія Ивашкой новгородскимъ, заселялась сначала родичами колониста. Случайно просматривая ревизскія сказки Устьцыльмы, я немало удивился, когда замѣтилъ, что въ народонаселеніи, въ числѣ 1,261 души мужскаго пола, записано незаконнорожденныхъ 250 душъ одного мужескаго же пола; вѣроятно, и женскаго столько же.

Устьцылемцы рѣзко отличаются отъ другихъ жителей Печоры. У сосѣдей ихъ, Ижемцевъ и Пустозерцевъ, вы не подмѣтите ни пьянства, ни разврата; невыгодное сравненіе пойдетъ дальше, если заглянуть къ нимъ въ домъ и приглядѣться поближе къ ихъ образу жизни. Домы у бо́льшей части Устьцылемцевъ неопрятны, тѣсны; въ нихъ мало слѣдовъ порядочной жизни, служащей вѣрнымъ признакомъ доброй нравственности.

Наблюдая нравы и обычаи печорскихъ жителей этого края, встрѣчаешь рѣзкія особенности въ каждой волости. Печорцы Устьсысольскаго Уѣзда, обитающіе въ верховьяхъ этой рѣки, во многомъ похожи на Устьцылемцевъ, хотя тѣ и другіе принадлежатъ къ двумъ различнымъ племенамъ по происхожденію — одни Зыряне, другіе Русскіе. Тѣ и другіе одинаково негостепріимны, чуждаются сообщенія съ людьми; мѣжду-тѣмъ эти же самые люди удивляютъ Чердынцевъ исправною аккуратностью въ уплатѣ долговъ по простымъ распискамъ; они употребляютъ всѣ усилія къ окончанію разсчетовъ. Но, можетъ быть, не это нравственное ихъ качество, а необходимость заставляетъ заслужить кредитъ на будущее время. Безъ Чердынцевъ у нихъ ничего нѣтъ, что́ нужно каждый день, отъ нитки, которою шьютъ они свое бѣлье изъ гру-

баго привознаго холста, до сукна на праздничный кафтанъ, или ситца на рубашку, на малицу — и все это отпускается на счетъ до уплаты рыбой и другими продуктами. И между этими-то людьми живутъ Ижемцы, дѣятельные, трудолюбивые, бережливые, люди съ хорошею нравственностью, набожные, гостепріимные, предпріимчивые, со всѣми качествами добрыхъ гражданъ, разумѣется, нѣсколько эгоистичные, т. е. думаютъ больше о своихъ пользахъ. Но кто же и не думаетъ объ этомъ въ настоящій вѣкъ? А дальше Устьцылемцевъ Пустозерцы со всѣми тѣми же качествами, какъ Ижемцы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ потомки богатыхъ Новгородцевъ, роскошные, любятъ жить просторно, любятъ полакомиться, угостить радушно. Это, правда, и истощаетъ ихъ средства, но все же лучше тратиться хоть бы и неумѣренно на удовольствія, неунижающія достоинство человѣка, а не какъ Устьцылемцы, которые любятъ посѣщать питейный домъ.

Вѣроятно, безнравственность причиною также, что жители Устьцылемской Волости большею частью малорослы и некрасивы; тамъ рѣдко встрѣтишь порядочное лицо. Въ нарѣчіи ихъ съ Пустозерцами большая разница: Устьцылемцы говорятъ нехорошо, растягиваютъ слова и къ концу рѣчи возвышаютъ голосъ, особенно женщины.

«Зачѣмъ вы не покупаете ленъ, не ткете холстъ: это заняло бы васъ зимой и сберегло бы деньги, которыя вы платите Чердынцамъ?» говорилъ я Устьцылемкамъ. — «Не умѣемъ: матери не учили насъ ни ткать, ни прясть», отвѣтятъ вамъ съ припѣвомъ.

Вотъ зимнее рукодѣлье здѣшнихъ женщинъ: вяжутъ изъ шерсти чулки, перчатки, прядутъ изъ конопля нитки для сѣтей. Первое составляетъ изрядный промыселъ; произведенія изъ шерсти вывозятся изъ Устьцыльмы.

Удивительно, какъ здѣсь все дорого: цѣна соли за пудъ 75 и нерѣдко 85 к. сер.; за порохъ въ тундрѣ охотно платятъ отъ 60 к. до 1 р. сер. за фунтъ, такъ-что иногда за пудъ соли—пудъ муки, пудъ семги, два пуда бѣлой рыбы, и фунтъ пороху платятъ одно количество денегъ.

Печора противъ Устьцыльмы покрывается льдомъ недѣлей позже Пустозерска, около половины октября, и вскрывается недѣлей раньше, около половины, а иногда и въ началѣ мая.

Сегодня утромъ были у князя гости: богатый ижемскій олене-

водъ Каневъ съ товарищами; у него, говорятъ, едва ли не больше 4,000 оленей.*) Теперь онъ ѣдетъ въ тундру на смѣну брата, который находится при стадѣ. Собственный надзоръ за этимъ бродячимъ капиталомъ необходимъ. По словамъ Ижемцевъ, Пустозерцы и Устьцылемцы потеряли стада отъ небрежнаго присмотра. «А отъ чего же потеряли стада Самоѣды? лучше ихъ никто не присмотритъ за оленями» спросилъ я Канева. На этотъ вопросъ, я не получилъ опредѣлительнаго отвѣта отъ Ижемца; да имъ и трудно отвѣчать на него.

У Канева большой крытый карбасъ, наполненный разными припасами, необходимыми для мѣны и для собственнаго продовольствія въ тундрѣ; у него есть и ромъ и добрая водка. Ижемцы отправляются въ сѣверную часть тундры по Печорѣ до устья рѣки Шапкиной и поднимаются по ней до вершинъ, куда на урочное мѣсто въ условное время, прикочевываютъ съ стадами родные и знакомые, въ ожиданіи дорогихъ гостей изъ родины. Каневъ заподчивалъ насъ и мы едва вырвались изъ его лодки.

29 августа.

Всякій день хожу гулять по берегу Печоры. На рѣкѣ дѣятельность замѣчательная: безпрерывно скользятъ по ней рыбачьи лодки, изъ которыхъ одни отправляются на тони, другіе съ неводами, третьи на сѣнокосъ, четвертые возвращаются съ рыбой. Ниже села на тонѣ лодокъ десять ждутъ очереди; около десяти ловко разбрасываютъ поплавни или собираютъ ихъ; въ этомъ плесѣ плаваютъ до 65 лодокъ. Рыбы, говорятъ, мало, а между-тѣмъ многіе привозятъ съ суточной ловли пуда по четыре и больше. Здѣсь стараются скрывать свои доходы.

Здѣшніе лѣса занимаютъ пространства 8.441,425 десятинъ, изъ которыхъ въ дачѣ ижемской считается 4.809,000, въ устьцыльмской 3.112,000 десят., остальныя находятся въ тельвисочной или пустозерской. Разумѣется, не вездѣ хорошіе лѣса, но все же ихъ очень много. Весь Мезенскій Уѣздъ составляетъ площадь болѣе 40 мил. десятинъ, а всѣхъ лѣсовъ считается до 15 милліоновъ. Эти

*) Каневы продаютъ въ иной годъ тысячу и больше оленьихъ кожъ, передѣланныхъ въ замшу или ровдугу, какъ говорятъ здѣсь.

лѣса идутъ только на постройки здѣшнихъ жителей; большая же часть гибнетъ отъ пожаровъ. Еслибы состоялась моя завѣтная мысль о компаніи, то много полезнаго устроилось бы здѣсь и, навѣрное, всѣ стороны т. е. и компанія, и жители, и казна пріобрѣли бы надолго прочныя выгоды.

31 августа.

Сегодня пришли изъ Пустозерска Чердынцы съ рыбой. Опасенія тамошнихъ рыбаковъ сбылись: семга прошла въ рѣку до постановки тоней и потому ловъ въ Болвановской Губѣ былъ неудаченъ: попало на пай отъ 20 до 25 пудъ. Чердынцы закупили семги до 9,000 пудъ; высшая цѣна была 4 р. 50 к. асс. за пудъ.

6 сентября. Утро.

Въ ожиданіи гр. К., я прожилъ здѣсь немало времени. Думаю ѣхать по Ижмѣ, но боюсь, чтобъ гдѣ-нибудь въ мѣстахъ необитаемыхъ не захватилъ холодъ: оттуда трудно выбраться къ селеніямъ. Однажды, осенью, повѣренные питейнаго откупа ѣхали по Мылвѣ; стало морозить, а они не добрались еще до переволока; тихая рѣка въ одно утро покрылась льдомъ; пѣшкомъ идти черезъ лѣсныя дебри, заваленныя поломанными лѣсами, и черезъ незамерзлыя болота такъ трудно, что они едва не умерли съ голоду. Подобные случаи бываютъ нерѣдко; а верховья Ижмы на большое пространство — пустыня.

Полдень. 7 сентября.

Гр. К. здѣсь, и мы завтра отправляемся вмѣстѣ. Пора! Сентябрь — здѣсь уже довольно-поздняя осень. Хотя и тепло еще, но на это тепло въ здѣшнихъ мѣстахъ надѣяться нельзя: я даже опасаюсь, доберемся ли мы до Вычегды. Плохо, если гдѣ захватитъ насъ морозъ: тогда, до возстановленія настоящаго зимняго пути, не попасть въ Устьсысольскъ.

Извѣстія, которыя я получилъ сегодня, подкрѣпили мое предположеніе ѣхать по Ижмѣ.

VI.

Путь изъ Устьцыльмы. — Ижемскій Погостъ, или Слобода. — Первые поселенцы на берегахъ Ижмы. — Число жителей. — Промыслы: земледѣліе. — Оленеводство. — Торговля. — Бытъ жителей. — Храмы ижемскіе. — Князь Палавандовъ. — Слѣдованіе по Ижмѣ. — Деревня Кедвавомъ. — Биваки на берегу Ижмы. — Пороги Ижмы. — Деревня Усть-Ухта. — Путь по Ухтѣ на Вымъ. — Деревня Лачевская. — Деревня Чулки. — Деревня Розь-дынъ. — Рѣчка Черъ — Путь по этой рѣчкѣ. — Волокъ. — Рѣка Черъ-вычегодская. — Порогъ Иджидъ Изъя-костъ. — Рѣка Вычегда. — Деревня Ваполка. — Погостъ Ульяновскій. — Устьсысольскъ.

8 *сентября.*

Вчера послѣ обѣда наконецъ собрались въ дорогу. Князь отправился съ нами до Ижемскаго Погоста. Вечеромъ, не доѣхавъ до устья рѣки Ижмы, остановились на ночлегъ. Кто спалъ въ лодкахъ, а кто въ рыбачей избѣ, которую нашли на правомъ берегу Печоры. Сегодня цѣлый день помогалъ намъ попутный вѣтеръ. Не будь вѣтра, по необыкновенному мелководью Ижмы и по множеству заколовъ въ рѣкѣ, мы не прошли бы половины того, сколько пробѣжали на парусахъ. Порой порывы вѣтры были довольно - сильны. Ужь поздно вечеромъ остановились мы на почлегѣ. Ночь была крайне темна.

Листья на деревьяхъ желтѣютъ, прибрежныя дубравы становятся разноцвѣтными; особенно красивъ видъ листвень: ярко отдѣляются ихъ стройныя группы между темною зеленью еловыхъ лѣсовъ и боровъ сосновыхъ. Одни поля въ окрестностяхъ деревень, засѣянныя озимовой рожью, еще зеленѣютъ среди повсюду блѣднѣющей растительности.

9 сентября. Село Ижма.

Сегодня утромъ мы пріѣхали сюда и, кажется, пробудемъ до завтра. Когда приставали къ берегу, толпа народа встрѣтила насъ: молва о путешественникахъ, небывалыхъ въ здѣшнемъ краѣ, предупредила насъ; здѣсь ужь давно насъ ждали.

Утро было ясное. Г. Кр..... немедля принялся за наблюденія.

Теперь надобно разсказать объ этомъ поселеніи, замѣчательномъ въ здѣшнемъ краѣ какъ промышленною дѣятельностью, такъ и богатствомъ нѣкоторыхъ изъ его жителей. Первыми поселенцами на берегахъ Ижмы были Зыряне, которые перебрались сюда изъ Яренскаго, а частью, можетъ быть, и Устьсысольскаго уѣздовъ; они поселились въ верховьяхъ Ижмы и Ухты. Есть преданіе, что обиды казаковъ, ходившихъ черезъ эти мѣста съ верхотурскою казною, заставили ихъ соединить разбросанныя поселенія и сосредоточиться на мѣстѣ нынѣшняго погоста. Къ нимъ присоединились пришельцы изъ другихъ мѣстъ, а частью крестившіеся Самоѣды. Пришельцы смѣшались съ главнымъ зырянскимъ народонаселеніемъ; впослѣдствіи, когда жителей собралось ужь много и не стало простора ни для хлѣбопашества, ни для скотоводста, то многіе начали селиться ниже и выше по Ижмѣ, а потомъ и по Печорѣ, такъ-что теперь самое дальнее поселеніе Ижемской Волости по Печорѣ — Кожва, въ разстояніи отъ погоста, водой дальше 400, а зимнимъ прямымъ путемъ до 180 верстъ. Есть также преданіе, которое записано въ памятной книжкѣ одного Ижемца,*) что первый поселился здѣсь крестьянинъ изъ деревни Глотовой, Яренскаго Уѣзда, наречіемъ Зырянинъ, и что къ нему присоединились пять человѣкъ, братья Чупровы, изъ Устьцыльмскаго прихода. Полагаютъ, что права, данныя жалованными грамматами Ивашкѣ Ласткѣ, распространялись и на Ижемцевъ. Можетъ быть, первые поселенцы Ижмы были въ вѣдѣніи дѣятельнаго новгородскаго колониста, потомъ мѣстности собственно Ижемцевъ подтверждены грамматами Царей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича и исходатайствованы, первая, Ивашкомъ Бабиновымъ въ 7135 (1627) году, вторая — Филькой Семеновымъ въ 7157 (1649) году.*)

*) Василія Попова.

*) Эти грамматы взяты чиновникомъ губернатора и съ нихъ нѣтъ списка въ Ижмѣ.

Въ Ижемской Волости считается 36 селеній, въ которыхъ 3,140 душъ одного мужескаго пола, а обоего около 6,500. Изъ нихъ по Ижмѣ, въ 24 деревняхъ, считаютъ до 5,000 душъ; прочія деревни по Печорѣ и очень немного по рѣчкѣ Неричь. Главнѣйшія изъ селеній этой волости: 1) деревня Сизябская, или, какъ называютъ Ижемцы, Induced Keresъ,*) въ которой 173 дома, въ семи верстахъ отъ погоста; въ ней предположено построить церковь, на что собрано ужь около 8,500 р. сер.; 2) Ижемскій Погостъ, или Слобода, въ которой 120 домовъ и двѣ церкви — одна каменная друхэтажная, а другая деревянная; 3) село Мокчинское за рѣкой, въ трехъ верстахъ отъ погоста; оно состоитъ изъ 110 домовъ, и въ немъ построена большая каменная церковь; 4) село Красноборское, въ 40 верстахъ ниже погоста, на правомъ берегу; въ немъ 60 домовъ и деревянная церковь.

Столь значительное народонаселеніе въ этомъ уголкѣ Печорскаго Края, вѣроятно, привлечено сюда привольемъ для скотоводства и удобной землей для хлѣбопашества. Хотя послѣднее не обезпечиваетъ ихъ въ продовольствіи на цѣлый годъ и не избавляетъ отъ необходимости покупать привозный хлѣбъ, но, при дороговизнѣ его, все же доставляетъ хорошее вознагражденіе за трудъ. Когда селенія по Ижмѣ были не такъ многолюдны, то земли пахотной и сѣнокосной было достаточно; но теперь приходится ее только отъ 800 до 1,000 квадратныхъ саженъ, а покосовъ отъ 50 до 75 воловыхъ кучъ на ревижскую душу. Пахотныхъ земель считается только 1,211, а сѣнокосныхъ 5,750 десятинъ; это заставляетъ нѣкоторыхъ переселяться съ береговъ Ижмы на привольные берега Печоры.

Вотъ извлеченіе изъ отчета о земледѣліи Ижемцевъ, составленнаго въ Волостномъ Правленіи за 1842 годъ. Посѣяно было

озимаго хлѣба	148	четв.
яроваго	823	«
снято въ томъ же году озимаго	468	«
яроваго	2,809	«

Если полагать, что эти свѣдѣнія хотя приблизительно-вѣрны, и если озимаго въ 1841 году посѣяно столько, какъ въ 1842 году, то урожай ржи оказывается довольно плохъ—небольше какъ самъ-

*) Кересомъ называютъ мѣста возвышенныя.

третей; урожаи яроваго немногимъ выгоднѣе. Рѣпы родилось въ 1840 году 200 ушатовъ (ушатъ вмѣщаетъ около трехъ или четырехъ ведръ), кортофеля выкопано 35 четвертей.

Ижемцы изстари были хорожіе скотоводы. Масло ижемское извѣстно отличнымъ вкусомъ. *) Въ настоящее время Ижемцы имѣютъ рогатаго скота: бѣдные до 5, средніе до 10, богатые до 30 головъ и больше; держатъ также и овецъ десятка по три. Всего скота считается по Ижмѣ:

рогатаго	3,125	головъ.
лошадей	1,220	«
овецъ	2,500	«

Но въ этихъ цифрахъ я сомнѣваюсь: по моему мнѣнію скота на Ижмѣ больше.

Самый прибыльный изъ промысловъ Ижемцевъ—оленеводство; оленей у нихъ считается, какъ я говорилъ уже въ статьѣ о Самоѣдахъ, по свѣдѣніямъ оффиціальнымъ, до 124,000. Полагаютъ, однакожъ, что это число далеко не опредѣляетъ всего числа оленей, которыхъ, вѣроятно, до 200,000. Оленеводствомъ занимаются 244 семейства; иные имѣютъ по сотнѣ, по двѣ и по три; пятьсотъ оленей составляютъ порядочное стадо, но многіе имѣютъ до 1,000; богатыми считаются тѣ, которые насчитываютъ въ своихъ стадахъ отъ 2 до 4,000 и больше. Въ статьѣ о Самоѣдахъ я говорилъ ужь какъ скоро Ижемцы усилились въ оленеводствѣ, эта промышленость обогатила ихъ, и теперь доставляетъ большіе доходы. Въ замшу передѣлывается ежегодно на двѣнадцати заводахъ, отъ 30 до 35,000 оленьихъ кожъ; часть ихъ употребляется на перчатки, которыя вывозятся отсюда на ярмарки; но много еще продается и невыдѣланныхъ кожъ. Оленина въ этой сторонѣ, особенно между Зырянами, составляетъ лучшую постель; много оленьихъ кожъ употребляется на платье и на чумы; малицы продаются на ярмаркахъ цѣной отъ 6 до 10 р, сер. каждая. Судя по этому, я полагаю, что ежегодно, въ разныхъ видахъ, продается оленьихъ кожъ болѣе 50,000. Невыдѣланныя оленьи кожи продаются отъ 8 до 10 р. сер. за десятокъ, а лучшія—и дороже. Выдѣлка стоитъ отъ 2½ до 3 р.; выдѣланныя продаются разными цѣнами, отъ 17 до 20 р. сер. и

*) Молчановъ, описатель Архангельской Губерніи, и другіе, полагаютъ, что здѣсь можно было бы дѣлать сыры, нехуже голландскихъ.

дороже, смотря по добротѣ; впрочемъ, цѣны и на этотъ товаръ непостоянны: иногда цѣна возвышается, иногда падаетъ, смотря по требованію. Замшу покупаютъ преимущественно Галичане и большею частью въ кредитъ. За полученіемъ денегъ и по другимъ торговымъ дѣламъ, Ижемцы ежегодно ѣздятъ на нижегородскую ярмарку.

По собраннымъ мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣніямъ, мяса оленьяго потребляется и поступаетъ въ продажу до 70,000 пудъ; обыкновенная цѣна на него отъ 28 до 43 к. сер. за пудъ.

Рыболовная промышленость жителей Ижмы тоже весьма значительна. Я встрѣчалъ ихъ въ верховьяхъ Усы и на устьѣ Ельцы; они неводятъ на истокахъ рѣкъ Кечь-пели, Лёмвы, Косьи, Сыни и ловятъ во всѣхъ почти рѣкахъ и озерахъ обѣихъ тундръ, а равно на Печорѣ и Ижмѣ. Поэтому доходъ, получаемый ими отъ рыбы, долженъ быть довольно значителенъ. Ижемцы вывозятъ рыбу на Небдинскую ярмарку, въ Устьсысольскомъ Уѣздѣ и на Вашкинскую въ Яренскомъ; сбываютъ и въ другія мѣста: въ Мезень, Пинегу. Вмѣстѣ съ печорскою рыбою, они привозятъ рыбу зауральскую, т. е. обскую, осетровъ и шиповъ (тоже родъ осетрины).

Многіе изъ Ижемцевъ занимаются и звѣроловствомъ.

Зажиточные Ижемцы производятъ значительную торговлю, покупая товары на ярмаркахъ и у Чердынцевъ, и сбывая ихъ въ Слободѣ, въ погостахъ, въ деревняхъ, въ тундрѣ, на устьѣ Лёмвы, въ Устьцыльмѣ и Пустозерскѣ; продаютъ на деньги, размѣниваютъ на произведенія края, ссужаютъ въ долгъ, съ условіемъ заплатить рыбой, шкурами звѣрей, дичью и прочимъ; и въ этой мелкой коммерціи дѣйствуютъ дѣятельно, неутомимо, съ толкомъ и осмотрительностію опытныхъ торгашей. Вѣроятно, самый выгодный ихъ торгъ прежде былъ въ глуши тундры, гдѣ за чарку водки, порой, вымѣнивали шкуру какого-нибудь звѣря.

Въ настоящее время нѣкоторые изъ Ижемцевъ имѣютъ значительные капиталы, живутъ съ избыткомъ, имѣютъ хорошіе домы, съ чистыми комнатами, любятъ пить чай, водку, даже ромъ и виноградныя вина; одѣваются щеголевато; обыкновенное, ежедневное платье ихъ лѣтомъ и зимой большею частью малица, съ ситцевой цвѣтной рубашкой, а въ праздники надѣваютъ сюртуки и кафтаны изъ тонкаго сукна, лисьи и мерлушчатыя шубы. Въ домашнемъ быту у нихъ есть свои особенности: ижемскія женщины не щего-

леваты, какъ пустозерскія, но и не похожи на неопрятныхъ Усть-цылемокъ, а къ тому же очень прилежны къ работѣ. Въ Ижмѣ женщины не допускаются въ дружескую бесѣду мужчинъ, за общее питье чая и т. п. Часто случается, что женщины исправляютъ мужскія полевыя работы съ наемными работниками, вывозятъ на поля навозъ, убираютъ скотъ или заняты другими хозяйственными дѣлами, мѣжду-тѣмъ, какъ мужья ихъ сидятъ за самоваромъ, распивая чай, часто съ надбавкой коньяка или рома. У Пустозерцевъ, напротивъ, работаютъ больше мужья, когда ихъ супруги пьютъ чай. Ижемскія жинщины трудолюбивы и хорошія хозяйки, чему доказательствомъ служитъ отличный порядокъ въ домахъ. Сверхъ того, онѣ отличаются доброю нравственностью и строгостью правилъ. Здѣсь рѣдки примѣры дурнаго поведенія; и только, какъ говорятъ, въ послѣднее время пошли слухи объ этомъ, а прежде было «неслыхано.»

Здѣсь огородничество довольно развито. Ижемцы разводятъ капусту, рѣпу, рѣдьку и лукъ; всѣ эти овощи садятъ въ огородахъ; хоть и немного, но часть идетъ на продажу, довольствуя жителей печорскихъ даже до Колвинскаго Погоста. Между-прочимъ, когда отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ было приглашеніе къ распространенію посѣвовъ картофеля, трои ижемскихъ крестьянъ посылали нарочно въ Устьсысольскъ за картофелемъ, посадили его въ своихъ огородахъ и изъ урожая роздали картофель родственникамъ и знакомымъ, употребя на это доброе дѣло около 150 р. сер. — пожертвованіе не маловажное для деревенскихъ торговцевъ! Это начало имѣло полезныя послѣдстія: хорожій урожай убѣдилъ многихъ, что въ посѣвѣ картофеля труды не пропадаютъ, и потому разведеніе его усилилось.

Дѣятельность Ижемцевъ проникаетъ повсюду: они и фабриканты, и торговцы, и оленеводы, и рыболовы, и хлѣбопашцы, сколько возможно по климату; никакое прибыльное дѣло имъ нечуждо; они разсѣяны въ верховьяхъ рѣкъ и дальныхъ предѣлахъ тундръ, на ярмаркахъ и въ Архангельскѣ; они вездѣ дѣйствуютъ, торгуютъ и промышляютъ. Вотъ еще замѣчательная черта жителей Ижмы — усердіе къ Церкви: ежегодно одинъ, или два карбаса съ богомольцами отправляются по Ижмѣ, Ухтѣ, Выми, Вычегодѣ и Двинѣ въ Архангельскъ и оттуда въ Соловецкій Монастырь. Церки ижемскія хорошо украшены, особенно въ селѣ Мочинскомъ. Въ Слободѣ, въ

каменной церкви во имя Преображенія Господня, есть нѣсколько большихъ образовъ съ дорогими серебряными ризами подъ золотомъ; особенно богата риза на образѣ Иліи Пророка; есть дорогіе сосуды и евангелія; недавно куплены два облаченія для священника и діакона, за которыя заплачено 430 р. сер.; на колокольнѣ въ Слободѣ довольно-большіе колокола; одинъ въ 300 пудъ. Я говорилъ ужь, что жители деревни Кересъ, или Сизабской, несмотря на то, что живутъ вблизи двухъ погостовъ, вознамѣрились построить церковь и собрали ужь на сооруженіе ея значительную сумму.

Давно ли построены здѣсь первыя церкви — свѣдѣній нѣтъ; но сохранились грамматы слѣдующаго содержанія:

1) 1728 года холмогорскаго архіепископа Варнавы на построеніе новой церкви, намѣсто сгорѣвшей, во имя Преображенія Господня съ придѣломъ Иліи Пророка.

2) 1744 года граммата архангельскаго архіепископа Варсонофія на освященіе церкви во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ Святителя Николая.

3) 1774 года архіепископа Веніамина на освященіе новой церкви, намѣсто сгорѣвшей Преображенской.

4) 1791 года его же на построеніе церкви намѣсто сгорѣвшей Успенской.

5) 1803 года епископа Евлампія на построеніе каменной церкви, которая освящена въ 1821 году и существуетъ понынѣ.

Есть также свѣдѣніе, что до 1821 года въ Ижмѣ было послѣдовательно 14 священниковъ. Неизвѣстно, когда пять первые управляли этимъ отдаленнымъ приходомъ, а шесть послѣдніе поступили съ 1730 года. Церковнослужителямъ даны луга на 300 копенъ. Изъ памятной книжки крестьянина Попова я буквально выписалъ слѣдующее оригинальное замѣчаніе:

«Въ 1837 году, мѣсяца сентября 13 числа Поповъ уѣхалъ въ Петербургъ по довѣренности отъ Общества. Головою Правленія былъ тогда Іовъ Никифоровичъ Поповъ. Путешествіе было долгое за распутицей; индѣ шли пѣшкомъ и на лыжахъ; въ Петербургъ пріѣхали ноября 26 дня; товарищемъ былъ Евтропій Ивановъ Филипповъ. Въ 1838 году мѣсяца ноября 26 числа пріѣхали, по нашимъ просьбамъ, слѣдователи, большіе чиновники, которые въ Ижмѣ не бывали отъ начала міра.» Это замѣтки жителя Ижемскаго.

Я говорилъ уже, что своего хлѣба здѣсь никогда не доставало

на годовое продовольствіе; его покупаютъ отъ Чердынцевъ и часть привозятъ съ Вычегды, съ которою этотъ край имѣетъ безпрерывное сношеніе. Ижемцы, отправляясь на Небдинскую ярмарку съ рыбой, привозятъ съ Вычегды рожь и ячмень на сѣмена, а также и муку Въ нынѣшнюю весну одинъ крестьянинъ съ береговъ Вычегды, изъ села Керчемьи, вывезъ къ верховью Ижмы муки до 10,000 пудъ и оттуда сплавилъ ее на плотахъ въ Слободу. Я слышалъ, что къ будущему году подрядили его на поставку муки до 15,000 пудъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, ни откуда выгоднѣе нельзя доставлять сюда хлѣбъ, какъ съ Вычегды, гдѣ иногда излишекъ продать некуда, особенно когда нѣтъ требованія въ Архангельскъ.

Ижемцы говорятъ чистымъ зырянскимъ языкомъ. Я говорю—чистымъ, потому-что они меньше употребляютъ русскихъ словъ, чѣмъ другіе Зыряне; кромѣ того, ихъ выговоръ и произношеніе мягче. Впрочемъ, у нихъ есть слова, которыхъ нѣтъ въ языкѣ Вычегодцевъ. Ижемцы, тоже какъ Устьцылемцы, при окончаніи рѣчи возвышаютъ голосъ; не знаю, кто изъ нихъ у кого перенялъ рѣчь съ припѣвомъ.

Такъ-какъ рѣка Ижма по-зырянски называется Изьва,*) то Ижемцевъ въ Устьсысольскомъ Уѣздѣ называютъ Изь-ватасъ.

Изстари Ижемскую Слободу посѣщали торговцы изъ разныхъ мѣстъ. Говорятъ, что прежде пріѣзжали сюда купцы изъ Мезени, Пинеги, также изъ Холмогоръ, Архангельска и даже Вологды и Москвы; но такъ-какъ теперь Ижемцы находятъ уже сами сбытъ произведеніямъ края, то съѣздъ торговцевъ уменьшился. За всѣмъ тѣмъ число пріѣзжихъ въ продолженіе 1842 года, по свѣдѣніямъ мѣстнымъ, простиралось до 450 человѣкъ; въ числѣ ихъ были: Мезенцы, Пинежане и частью Зыряне изъ Устьсысольскаго Уѣзда.

10 сентября.

Погода удивительно-хороша; тепло какъ въ іюлѣ; вчера вечеромъ было даже много мошекъ.

По наблюденіямъ г. Кр., Ижемская Слобода находится подъ 65° сѣверной широты.

*) Чтó, вѣроятно, произошло отъ слова изъ-ва, т. е. каменная рѣка.

Сегодня принесли намъ оленій рогъ, который былъ вышиною около 5 четвертей и вѣсомъ 12 фунтовъ. Говорятъ, бываютъ рога вышиной до 2 аршинъ. Удивительно, какъ олень — это слабое животное, можетъ носить на головѣ такую тяжесть!

Въ 5 часовъ пополудни мы отправились въ путь. Здѣсь я простился съ добрымъ княземъ Е. О. Палавандовымъ. Нельзя не сказать нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ. Родина его Грузія. Обстоятельства забросили его, жителя юга, сначала въ Прибалтійскій Край, а потомъ на берега Печоры. Проживъ бо́льшую часть жизни подъ небомъ полуденнымъ, онъ нескоро привыкъ къ сѣвернымъ вьюгамъ, къ длиннымъ зимнимъ ночамъ полярнаго края. Но теперь онъ примирился ужъ съ своей судьбой — и тоска по родинѣ меньше тяготитъ его.

Ласковымъ обращеніемъ со всѣми, справедливостью, радушіемъ онъ пріобрѣлъ самое искреннее уваженіе жителей береговъ Печоры; каждый идетъ къ нему за совѣтомъ или разбираться въ спорѣ, и никто не уходитъ ни безъ совѣта, ни безъ пособія; рѣшеніемъ его спорщики всегда остаются довольны. Онъ помогаетъ бѣднымъ въ покупкѣ хлѣба; трудолюбивымъ крестьянамъ и Ижемцамъ у него самый радушный пріемъ; пришелъ, или пріѣхалъ гость — тотчасъ подаютъ чай и иногда съ подбавкой. Всегда спокойный, благоразумный и радушный, онъ пріобрѣлъ искреннюю привязанность и довѣріе. Совѣту князя охотно слѣдуютъ самые грубые изъ жителей края, а тѣмъ болѣе Ижемцы, въ нравахъ которыхъ много добраго и похвальнаго; хорошее находитъ онъ даже и въ Устьцылемцахъ. Всѣ торгующіе по Печорѣ считаютъ обязанностью проѣздомъ завернуть къ князю, увѣренные въ добромъ пріемѣ. Князю около 40 лѣтъ. Много любопытнаго сообщилъ онъ мнѣ о своей гористой родинѣ и о нравахъ жителей своей отчизны. Онъ получилъ азіатское воспитаніе: ловко сидѣть на конѣ, стрѣлять въ цѣль на всемъ скаку, искусно владѣть саблей — было главнымъ упражненіемъ его въ молодости. Для изученія арабскаго языка онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Константинополѣ и, конечно, не воображалъ, чтобъ судьба забросить его когда-нибудь съ береговъ Босфора на пустынные берега Печоры.

11 сентября.

Ночевать остановились мы на пустомъ берегу. Поутру прохо-

дили мимо деревни Мошъ-Ельской и Щельи. Первая въ 16, а вторая въ 18 верстахъ отъ погоста. Теперь ужь мало встрѣчаемъ песчаныхъ мелей; берега становятся каменисты и круты; дно устлано камнемъ. Вдоль рѣки, вмѣсто луговъ, неширокая ласта, а дальше лѣсъ. Идетъ дождь; чрезвычайно темно: нельзя различить русла рѣки въ густомъ мракѣ осенней ночи.

12 сентября.

Останавливались ненадолго въ деревнѣ Карта-Ельской, въ 70 верстахъ отъ погоста. Въ ней 16 домовъ. Сегодня ясно. Вдоль Ижмы постоянно тянется узкая ласта и индѣ довольно высокія боровыя мѣста. Въ половинѣ сентября здѣсь ужь поздняя осень; повсюду обнаженные кустарники, завядшая трава, покрытая ковромъ изъ желтыхъ листьевъ; только лиственничныя рощи ярко отличаются между темною зеленью елей и сосенъ своимъ желтозолотистымъ цвѣтомъ.

Около полудня были при устьѣ рѣчки Очь-ю, гдѣ пробыли довольно-долго. Г. Кр. дѣлалъ наблюденія. Вечеромъ прошли мимо устья рѣчки Кай-ю; эти истоки впадаютъ въ Ижму съ правой стороны. На ночлегъ остановились довольно-поздно.

13 сентярбя.

На ночлегѣ, по неосторожности рабочихъ, моя лодка прошедшею ночью накренилась къ одному борту и начала наполняться водой; хорошо, что холодная вода разбудила рабочихъ; немало перемочили разныхъ вещей, а могло быть еще хуже.

Погода прекрасная. Утромъ прошли мимо устья порядочной рѣчки — Кедвы, впадающей въ Ижму съ лѣваго берега; Ижма больше и больше мелѣетъ и уменьшается съ отходящими притоками, что́ немало замедляетъ нашъ ходъ. На устьѣ Кедвы есть деревня, окруженная лиственничными рощами, или, лучше сказать, деревня находится въ крупномъ лиственничномъ лѣсу. Говорятъ, что въ прошломъ году 14 сентября здѣсь выпалъ снѣгъ больше чѣмъ на поларшина и не сталъ: не весело будетъ, если случится подобное и въ нынѣшнемъ году. Берега однообразны; подлѣ рѣки повсюду тянется кайма ласты. Сегодня проходили мимо значительныхъ возвышенностей, покрытыхъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Въ деревнѣ Кедва-вомъ по-зырянски, или Усть-Кедвинской, крестьяне, вѣроятно, узнавъ отъ рабочихъ, что я ѣздилъ на устье Печоры съ предположеніями о развитіи торговли, наивно обратились ко мнѣ съ просьбою объ устройствѣ канала. «Устрой, пожалуйста, каналъ и вози къ намъ хлѣбъ» — говорили они. Нынѣшній годъ морозъ убилъ у нихъ всѣ посѣвы и они питаются рѣпой, молокомъ и остатками прошлогоднихъ запасовъ; а что будетъ зимой, Богъ знаетъ! Бѣдные — промысловъ здѣсь мало! Я совѣтовалъ имъ разводить картофель, какъ подспорье въ хлѣбѣ, на случай неурожаевъ, но они, покачивая головами, съ видомъ недовѣрчивости отвѣчали: «На картофкѣ не долго проживешь.»

Недалеко еще прошли мы по Ижмѣ отъ погоста, а здѣсь ужь жители бѣднѣе низовыхъ, потому-что мѣстность менѣе выгодна.

Теперь мы на ночлегѣ. Огни на берегу разведены во многихъ мѣстахъ. Ночь темна, хоть глазъ выколи; вокругъ лиственничный боръ; лучи свѣта, падая на ближайшія деревья, ярко освѣщаютъ ихъ; искры несутся къ ихъ вершинамъ, дальше—сумракъ, а еще дальше — темная сѣнь дремучаго лѣса.

Кругомъ пылающихъ костровъ толпятся и хлопочутъ люди; нѣсколько котловъ висятъ на огнѣ; рабочіе сушатъ платье и грѣются; для насъ готовъ самоваръ; скоро испекутся блины; всѣ рады отдыху. Пустыня ожила съ приходомъ людей; огни озарили мракъ осенней ночи; въ глубинѣ же лѣса тѣнь стала еще мрачнѣе; порой слышны заунывная русская пѣсня и говоръ разсказовъ бивачныхъ. Пройдетъ еще часъ — и все умолкнетъ вокругъ потухшихъ огней. Давно ужь всѣ ждутъ покоя. Сегодняшній бивакъ нашъ разнообразится нѣсколькими изъ мѣстныхъ жителей; они пришли къ намъ съ рыбной ловли; внимательно и неподвижно смотрятъ они на пришельцевъ.

Придетъ ли пора, когда жизнь промышленная озаритъ богатства здѣшней пустыни и богатства эти принесутъ пользу человѣчеству? Впрочемъ, на все есть своя пора: рано ли, поздно ли, а придетъ она. Предположенія, кажущіяся теперь инымъ несбыточными, осуществятся, упростятся для понятій, и люди, можетъ быть, возьмутъ на себя трудъ воспользоваться выгодами этого обширнаго края. Вѣдь недавно еще Сибирь имѣла одностороннее значеніе и нога образованнаго человѣка не заходила въ лѣсистыя болота и горы прибрежьевъ средней и верхней Тунгуски; но слу-

чайно нашлось золото — и промышленики оживили страну, явясь въ нее тысячами, пренебрегая жестокимъ климатомъ, недостаткомъ припасовъ, удаленіемъ отъ населенныхъ мѣстъ. Такъ и сюда, можетъ быть, случай привлечетъ промышленость и для края придетъ его счастливая пора.

Въ темную осеннюю ночь видъ огней радуетъ человѣка и какъ-будто озаряетъ и мракъ мыслей. Часть плаванія нашего до этого становища совершилась сегодня въ темнотѣ; безмолвно плыли лодки въ руслѣ темной рѣки, подлѣ береговъ, гдѣ мракъ былъ еще гуще. Одинаково ли дѣйствовали на всѣхъ эти темень и безмолвіе—не знаю; но что касается до меня, то грусть тяжелымъ свинцомъ налегла на мою душу. То казалось мнѣ, что я одинъ въ этой пустынѣ, что изъ нея нѣтъ выхода туда, гдѣ живутъ мои родные и друзья и гдѣ тихо пронеслась моя молодость; то не вѣрилось мнѣ, что я совершилъ полезный трудъ, за который люди скажутъ спасибо; то не довѣрялъ я себѣ въ произведенныхъ изъисканіяхъ, въ основательности предположеній моихъ, или упрекалъ себя, что не обозрѣлъ уральскій притокъ Оби до ея русла, забывая, что недостатокъ припасовъ и отсутствіе проводниковъ воротили меня оттуда; то, наконецъ, думалось, что плоды тѣхъ лишеній, которымъ я добровольно подвергался, созрѣютъ не для меня, или потонутъ въ Летѣ. Но вотъ мы пристали къ берегу; запылали огни и тяжелыя мысли улеглись. Пустыня ожила и трудъ мой представился мнѣ съ благодатными его послѣдствіями; на упреки нашлись извиненія, и наконецъ мечта, разогрѣтая стаканомъ ароматнаго чая и живою картиною дѣятельности людской, радушно рисовала будущее. Пусть же будущее рѣшитъ, кто былъ правъ въ настоящемъ случаѣ: мракъ или свѣтъ являлъ мнѣ истину неизбѣжнаго грядущаго.

14 сентября.

Утромъ прошли мимо деревни Винлинской, въ 150 верстахъ отъ погоста; она на лѣвомъ берегу Ижмы; въ ней всего четыре двора. Здѣсь мы останавливались ненадолго; потомъ, проходя мимо деревни Ужъ-пель, или Порожской, въ 10 верстахъ отъ деревни Винлинской, на лѣвомъ же берегу Ижмы, завернули въ нее ненадолго. Основатель этой деревни восьмидесятилѣтній старикъ

Рачевъ, поселившійся здѣсь, около полувѣка назадъ, живетъ въ ней съ пятью сыновьями въ четырехъ дворахъ. По словамъ его, въ Ижмѣ прежде было много рыбы, но теперь заколы въ устьяхъ рѣки не пускаютъ рыбу къ нимъ въ верховья.

Отсюда начинаются по Ижмѣ пороги, а потому мы взяли одного изъ внуковъ старика въ проводники. Подъемъ между каменьями, по быстринѣ, опасенъ. Первый порогъ называется по-зырянски Ужъ-Пель-Косьтъ. *) Мы поднялись на него съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что удобный проходъ для лодки по серединѣ рѣки, а бичева едва хватила до берега. Мою лодку чуть не залило: стремленіе воды чрезвычайно быстро, и тѣмъ труднѣе подниматься, что проходъ съ извилинами. Черезъ второй порогъ, называемый Гырысь-изъ-Косьтъ (порогъ большіе камни) мы поднялись въ сумерки; большіе камни торчатъ по всему руслу рѣки на довольно большомъ протяженіи. Это множество камней, едва покрытыхъ водой, стѣсняетъ ее, и она стремится между ними съ страшною быстротою.

Уже было темно, когда подходили къ третьему порогу, Селэмъ-косьтъ (Сердечный порогъ). Шумъ отъ него издали доносился къ намъ; Селемъ-Косьтъ главный порогъ по Ижмѣ. Въ сумракѣ вечера мы не рѣшились подниматься черезъ эту кипящую стремнину и расположились ночевать немного ниже его, на правомъ берегу. Когда мы сидѣли у пылавшихъ огней за стаканомъ чая, гр. Кр. дѣлалъ астрономическія наблюденія. Было ясно; яркосіявшія звѣзды на темномъ горизонтѣ привлекли его вниманіе; издали едва видѣнъ свѣтъ фонаря, куда удалился онъ для созерцаній свѣтилъ небесныхъ. Онъ былъ радъ, что удалось ему очень хорошо взять высоты полярной звѣзды. Г. Кр. дорого цѣнитъ успѣхъ своихъ наблюденій; неменѣе того графъ доволенъ находками окаменѣлостей въ этомъ неизслѣдованномъ краѣ; особенно по Ижмѣ мѣстами чрезвычайно много полиповъ, которыхъ въ просторѣчіи называютъ чортовы пальцы, а Зыряне — куль-чунь. Мнѣ кажется, можно было бы нагрузить наши лодки только тѣми полипами, которые лежатъ на поверхности земли — такъ ихъ здѣсь много.

Обширный Печорскій Край — богатая жатва для ученыхъ путешественниковъ.

*) Порогъ — жеребячье ухо: ужъ значитъ жеребецъ, пель — ухо, косьтъ — порогъ.

Дно рѣки — сплошной камень; все показываетъ, что Ижма въ этомъ мѣстѣ прорывается сквозь горный хребетъ.

15 сентября.

Мы встали рано и благополучно поднялись черезъ Сердечный Порогъ; вскорѣ потомъ прошли четвертый порогъ, Бобренокъ, пятой—Эшъ-Горшъ, что̀ значитъ: бычье горло; шестой—Разливной, седьмой — Грива, восьмой — Дресвянка и девятый — Стрѣгаловъ; особенно послѣдній для подъема очень труденъ: работали всѣ до усталости. Берега Ижмы здѣсь возвышенны, особенно въ порогахъ, которые всѣ находятся неболѣе какъ на протяженіи 15 верстъ; повсюду лиственничные лѣса, хотя вездѣ большею частью некрупные.

Немного позже полудня, пройдя всѣ пороги, мы останавливались въ деревнѣ Якимовой, на лѣвомъ берегу рѣки. Первый переселенецъ сюда былъ Якимъ, теперь очень зажиточный крестьянинъ; у него довольно скота, порядочная пашня. Говорятъ, что трудно было сначала обзаводиться на новомъ мѣстѣ, особенно во время неурожайныхъ годовъ, которые сряду семь лѣтъ тяготили этотъ край. На берегу рѣки построена маленькая часовня; въ ней поставлены образа̀, передъ ними виситъ лампада, на полкѣ — свѣчи, курильница, ладанъ. Сюда набожный старикъ ходитъ молиться Богу; здѣсь они встрѣчаютъ всѣмъ семействомъ праздники.

Купили и велѣли зарѣзать барана; припасы начинаютъ истощаться. Недойдя около пяти верстъ до деревни Усть-Ухтинской, принуждены были остановиться на ночлегъ. Ночь необыкновенно темна, и какъ ни старались добраться до этого поселенія, не было возможности; рабочіе падали, идя по неровному берегу. Теперь сильный вѣтеръ шумитъ и качаетъ деревьями; скрипъ и вой раздаются въ глухой пустынѣ дремучаго лѣса; быстро несутся тучи; порой вихри разрываютъ ихъ и тогда видны звѣзды; порой падаютъ крупныя капли дождя; бивачные огни наши нѣсколько озарили мрачную окрестность.

Мы расположились подъ навѣсомъ сѣннаго стога и пьемъ чай. Гр. Кр. страдаетъ отъ нарыва, а въ такомъ пути и въ такую пору это не находка.

Говорили объ Устьсысольскѣ; это теперь завѣтный пунктъ для всѣхъ насъ: мѣсто отдохновенія послѣ неудобствъ и трудовъ дальняго пути; но до этого-то завѣтнаго Устьсысольска еще очень далеко: если Богъ дастъ теплую погоду, то и тогда добрыхъ недѣли двѣ пути, а въ морозы не добраться и въ два мѣсяца; а всѣ желанія и мысли теперь сосредоточиваются на одномъ: какъ бы выбраться изъ пустынь, какъ бы прибыть въ Устьсысольскъ: тамъ ждутъ насъ вѣсти отъ нашихъ ближнихъ, съ которыми мы не имѣли сношеній нѣсколько мѣсяцевъ; мы были совершенно отчуждены отъ нихъ. Трудно имѣть сношенія съ Запечорскимъ Краемъ; ни о комъ и ни о чемъ не знали мы; никто не зналъ и о насъ, какъ-будто цѣлая часть свѣта раздѣляла насъ съ отчизною — положеніе грустное, особенно когда есть заботы о семьѣ, о ближнихъ.

Между-тѣмъ безпокоитъ насъ и позднее время; а пустыня, которую предстоитъ намъ проѣхать, пространства не на одну сотню верстъ; случись заморозы гдѣ-нибудь въ верховьяхъ Ухты, или на истокахъ Выми, а тамъ нѣтъ селеній на пространствѣ 300 верстъ и приведется или жить тамъ, или оставить всю поклажу (которой у насъ довольно) и выбираться налегкѣ, пѣшкомъ, черезъ незамерзлыя болота непроходимыхъ дебрей, а не то, можно умереть съ голоду. Поэтому многіе изъ жителей не совѣтуютъ подниматься по Ухтѣ, которая, говорятъ, очень мелководна и камениста: по ней ходу, по ихъ измѣренію, разумѣется, всегда невѣрному, немного больше ста верстъ, но считаютъ до ста пороговъ; заволочныя рѣчки очень малы, кругомъ широкія болота и нигдѣ нѣтъ селеній. Говорятъ, ближе идти къ верховью Ижмы, потомъ по рѣчкѣ Черѣ, отъ нея волокъ на Черу Вычегодскую; если тамъ рѣка еще меньше, то по-крайней-мѣрѣ есть изрѣдка поселенія, возникшія въ этой пустынѣ недавно больше 200 верстъ. Озабоченные предстоявшимъ путемъ чрезъ истоки маленькихъ рѣкъ и волока въ позднюю пору осени, мы часто говоримъ объ Устьсысольскѣ, откуда уже открытый путь всюду и во всякое время, и этотъ маленькой городокъ теперь цѣль желаній нашихъ, предметъ ожиданій и толковъ; а въ какой дали еще отъ насъ и когда мы доберемся до него!

16 сентября. Деревня Усть-Ухта, по-зырянски Вуква-Вомъ.

Сюда прибыли сегодня утромъ. Это селеніе на лѣвомъ берегу

Ижмы и состоитъ изъ десяти домовъ; до Устья Ухты около версты. Здѣсь встрѣтили крестьянъ Ижемскаго Погоста: они плывутъ съ верховья этой рѣки въ двухъ осиновыхъ стругахъ и везутъ нѣсколько кулей хлѣба съ Вычегды. Совѣтовали и намъ отправиться по этому пути, какъ болѣе удобному; было не мало разсужденій, и потомъ рѣшились: графъ, налегкѣ, въ моей лодкѣ поѣдетъ по Ухтѣ; мы съ гр. Кр. по Ижмѣ и рѣчкѣ Черъ. Сегодня цѣлый день были хлопоты; большая лодка отсылается въ Ижемскій Погостъ; купили новыя три лодки и одинъ стружокъ; крыли берестомъ, перекладывались. На берегу кипитъ необыкновенная дѣятельность: кто работаетъ, кто смотритъ на небывалое многолюдство и увеличиваетъ группу народа. Короткій осенній день незамѣтно прошелъ; остались ночевать въ домѣ двухъ братьевъ, которыхъ довольно-многочисленная семья состоитъ изъ 22 человѣкъ и всѣ они помѣщаются въ одной избѣ, не находя въ этомъ никакого неудобства.

Отъ устья Ухты до Ижемскаго Погоста считаютъ до 200 верстъ, а мнѣ кажется много больше.

17 сентября.

Сегодня встали очень рано; утра уже довольно холодны. Часовъ въ 9 отправился гр.; мы ждали пока испекутъ хлѣбъ и въ 11 часовъ сѣли въ лодки. Наша эскадра состоитъ изъ четырехъ лодокъ съ 13 человѣками экипажа.*) Рѣка Ухта впадаетъ въ Ижму съ лѣвой стороны по направленію отъ N.

Въ полдень прошли мимо устья рѣчки Ай-ю, впадающей съ правой стороны; верстахъ въ восьми отъ нея, на правомъ берегу, поселеніе Пожня, состоящее изъ двухъ домовъ. Эта деревенька находится на границѣ Мезенскаго и Устьсысольскаго Уѣздовъ; отъ нея вступили мы въ Вологодскую Губернію.

Выше устья рѣки Ухты по Ижмѣ поднимаются одни рыболовы и иногда по этому пути Ижемцы ходятъ на Вычегду за хлѣбомъ; а настоящій древній путь лежитъ по Ухтѣ; отъ нея волокъ около восьми верстъ; Нашомъ-Ухту, которая впадаетъ въ рѣчку Яю, а эта — въ Вымь. По этому пути Ижемцы отправляются на богомолье въ Соловки и на нижегородскую ярмарку. Должно полагать,

*) Двѣ лодки, крытыя берестомъ, одна парусомъ, одна вовсе непокрыта.

въ старину была значительная торговая дѣятельность на этихъ рѣкахъ, когда товары Печоры и зауральскіе находили по нимъ единственный путь сбыта на Русь.

Отходящіе истоки Ижмы значительно уменьшаютъ ея воды: Ухта убавила наполовину. Послѣ Ай-ю, на закатѣ солнца прошли мимо устья рѣчки Седъ-ю (Черная Рѣчка). По рѣчкѣ Ай-ю подни-маются рыболовы до 200, а по рѣкѣ Черной до 150 верстъ; по-слѣдняя вливается въ Ижму съ лѣвой стороны, въ четырехъ чем-косахъ отъ Ухты; потомъ съ правой стороны еще выпала безъ-именная Ёль и Ижма превратилась въ небольшую рѣчку, проте-кающую въ темномъ лѣсу по каменному руслу. Чаще и чаще встрѣчаются отмели, но берега ея мало измѣняются; только мѣстами ласта становится у́же и является больше низменностей, покрытыхъ лиственничными деревьями и изрѣдка сосновыми рощами.

На ночлегъ остановились опять у сѣннаго стога и довольно-рано, опасаясь, что впереди, можетъ быть, нескоро найдемъ такое удобное пристанище. Въ лодкахъ спать помѣщаются немногіе, а потому стогъ сѣна необходимъ на нашемъ ночлегѣ; подъ нимъ укрываются рабочіе, особенно во время дождя, который и теперь накрапываетъ порядкомъ. Сегодня мрачная, ненастная и вполнѣ осенняя ночь.

18 сентября.

Утромъ прошли мимо устья рѣкъ Нижней и Верхней Эдасъ, впадающихъ въ Ижму съ правой стороны; между ними два чем-коса, а до Нижней отъ Ухты восемь. Эти два истока значительно уменьшили Ижму. Близъ устья Верхней порядочный порогъ, черезъ который лодки перетаскивали съ большимъ трудомъ; небольшія работы были уже во многихъ мѣстахъ. Берега красивы, преиму-щественно боровые; мѣстами довольно-хорошій лѣсъ, около полу-дня встрѣтили въ лодкѣ двухъ рыболововъ и присоединили ихъ къ каравану, сгрузивъ къ нимъ кое-какую лишнюю кладь; впереди едва ли не приведется и еще увеличить число лодокъ. Разсказы о рѣчкахъ Черахъ, или Топорныхъ, различны: одни говорятъ, что пройдемъ безъ затрудненій, другіе — что наши лодки и порожнія невозможно будетъ протащить; также говорятъ и о разстояніи: одни считаютъ по нимъ около 150, другіе больше 200 верстъ; не знаешь, чему вѣрить.

Къ ночлегу кое-какъ добрались до деревни Лачевской, которая состоитъ изъ двухъ домовъ; въ одномъ живетъ первый переселенецъ съ береговъ рѣки Вишеры, впадающей въ Вычегду, Лука Габовъ. Онъ оставилъ родину назадъ тому лѣтъ десять: приволье для скотоводства привлекло его на пустынные берега Ижмы, и онъ уже обзавелся порядочнымъ хозяйствомъ; до 25 головъ рогатаго скота, до 75 овецъ и до десятка лошадей дѣлаютъ его зажиточнымъ поселяниномъ. Недавно къ нему переселился тоже съ Вишеры другой крестьянинъ. Деревня Лача на правомъ, довольно-высокомъ берегу; близъ домовъ построена небольшая часовня; оба дома порядочные, особенно у Луки, съ горницей, въ которой мы теперь находимся. Семья Луки состоитъ изъ 20 человѣкъ — это все его дѣти и внуки; какъ богатый мужикъ, онъ запасается чаемъ; самовара нѣтъ, но чай варятъ, постаринному, въ мѣдномъ чайникѣ.

Не доходя около версты до поселенія, мы поднимались на длинный, чрезвычайно крутой порогъ, называемый Лачь-Косьтъ; это былъ бы самый большой изъ всѣхъ ижемскихъ пороговъ, еслибы здѣсь текла такая же масса воды, какъ въ низовыхъ порогахъ; рѣка стремится тутъ по довольно-крутому скату, заваленному большими каменьями, между которыми съ трудомъ проходили лодки. Когда въ рѣкѣ больше воды, то плыть здѣсь очень опасно.

Гр. Кр. страдаетъ отъ нарыва; здѣшніе мужички-медики посовѣтовали ему прикладывать листы лапушника, которыми они лечатся въ подобныхъ случаяхъ. Совѣтъ этотъ принятъ съ благодарностью; лапушникъ отысканъ и приложенъ къ нарыву.

19 сентября. Деревня Чулки.

Лишь только заря занялась, мы, простясь съ Лукой, отправились въ путь. Ночь была холодная; мы опасались мороза, но къ утру пошелъ дождь, а потомъ выяснѣло и день былъ какъ лѣтній — это даетъ намъ надежду выбраться на Вычегду. Утромъ видѣли много тетеревей; нѣсколько изъ нихъ застрѣлили. Пройдя два чемкоса, остановились для обѣда рабочихъ. За рѣкой, на высокой лиственн, видно было большое орлиное гнѣзда—это дворецъ царя птицъ.

Утромъ шли подлѣ широкихъ луговъ, накоторыхъ наставлены большіе стоги сѣна: это были еще владѣнія богатаго Лу-

ки, которыя довольно-далеко простираются по Ижмѣ. Ему здѣсь приволье, особенно для скотоводства. Мѣстами мы шли подлѣ высокихъ горъ, покрытыхъ порядочнымъ лиственничнымъ и сосновымъ лѣсомъ; видны уже и кедры, хоть ихъ здѣсь еще немного. Около 10 часовъ утра нѣсколько не доходя до большаго луга, у котораго считаютъ отъ деревни Лачи три чемкоса, мы прошли устье рѣчки Буръ-Кэмъ, что́ значитъ: добрая обувь. Она впадаетъ съ правой стороны; потомъ вскорѣ прошли устье маленькой рѣчки Нямэдъ (Онучи), впадающей съ лѣваго берега. Въ три часа пополудни прошли еще рѣчку Лёкъ-кэмъ (дурная обувь), впадающую съ лѣваго берега. Эти истоки еще много убавили воды въ Ижмѣ: дно лодки почти безпрерывно терлось по каменистому руслу рѣки. Уже было поздно и стало темно; рабочіе устали, нѣсколько разъ хотѣли остановиться на ночлегъ, но желаніе добраться до деревни подкрѣпляло насъ, и мы снова принимались за дѣло. На меляхъ весь караванъ собирался въ кучу: шумѣли, перетаскивали лодки съ усиліемъ, между-тѣмъ было довольно-холодно: шесты обмерзли, а мракъ ночи сгущался; время длилось; казалось, прошло нѣсколько часовъ въ этой ночной работѣ; наконецъ издали услышали лай собакъ и едва-едва добрались до деревни Чулки, гдѣ съ удовольствіемъ расположились ночевать. Это поселеніе находится на лѣвомъ берегу Ижмы, состоитъ изъ четырехъ домовъ и называется, по имени маленькой рѣчки, Чулки, впадающей въ Ижму. Жители Чулковъ еще неочень давно переселились сюда съ Вычегды изъ деревни Вэльдынь.

Названіе нѣсколькихъ рѣчекъ произошло здѣсь отъ обуви: то добрая и дурная обувь, то онуча и чулки; это смѣшило насъ, какъ-будто жители этихъ мѣстъ только и думаютъ о томъ, какъ бы что надѣть на ноги и, занимаясь этою заботою, притоки Ижмы назвали именемъ различныхъ ножныхъ надобностей.

Деревня Чулки находится, по примѣрному измѣренію крестьянъ, въ одномъ разстояніи (на два дня пѣшеходнаго пути, или около 90 верстъ) какъ отъ Помоздина, такъ и отъ Печорскаго, или Троицкаго Погоста; а по прямому направленію къ Печорѣ, или къ деревнѣ Петрушиной, лежащей на берегу Печоры, только на одинъ день пути.

Въ деревнѣ Чулки начинаетъ возникать пристань, отъ которой сплавляютъ хлѣбъ, вывозимый зимнимъ путемъ съ Вычегды. Про-

возы зимой очень дешевы—отъ 25 до 30 к. асс. съ пуда изъ села Устькуломскаго; отъ 16 до 20 к. асс. изъ Помоздина, или Вэльдина. Здѣсь дѣлаютъ плоты и на нихъ грузятъ хлѣбъ. Сплавъ по Ижмѣ, когда есть достаточно воды, весьма удобенъ: нѣтъ ни проливовъ, ни острововъ; это прекрасный каналъ. Одно небольшое затрудненіе — въ порогахъ; но весной, въ большую воду, они не такъ опасны.

Въ прошломъ году сюда было вывезено хлѣба до 7000 пудъ. Говорятъ, что Ижемцы и ныньче уже ѣздили на Вычегду закупать хлѣбъ къ будущему году.

Намъ представили такъ много неудобствъ въ ходу по рѣчкѣ Черамъ, что мы было рѣшились идти отсюда на Вычегду пѣшкомъ чрезъ волокъ, а кладь везти съ собой на нартахъ; но перемѣнили намѣреніе; беремъ отсюда, или изъ деревни Розь-динъ, которая еще впереди, маленькія лодки, а между-тѣмъ г. Кр. послалъ нарочнаго въ Помоздинъ, приготовить тамъ лодки для сплава по Вычегдѣ. Насъ тревожитъ опасеніе, что заморозы захватятъ насъ въ этомъ захолустьѣ и заставятъ прожить нѣсколько недѣль въ ожиданіи зимняго пути.

Къ чести зырянскихъ лекарей, лапушникъ помогъ г. Кр.: воспаленіе прекратилось и теперь ему лучше.

Въ деревнѣ Чулки случилось довольно странное происшествіе. Вчера, приближаясь къ ней, издали мы слышали дикое мычаніе быка; потомъ, идучи въ темнотѣ изъ лодки въ деревню, я замѣтилъ, что люди чего-то оберегаются, и мнѣ издали кричали, чтобъ я былъ осторожнѣе. Отчего же этотъ страхъ? думалъ я, и оказалось, что огромный быкъ бѣгалъ по деревнѣ съ страшнымъ ревомъ. Я едва безъ встрѣчи съ нимъ успѣлъ войдти во дворъ, и тамъ мнѣ сказали, что этотъ дикій быкъ прибѣжалъ изъ другаго селенія, что онъ бросается на людей и что ужь нѣсколькихъ порядкомъ ушибъ, но, къ счастію, онъ безъ рогъ, а то произвелъ бы еще больше тревоги. Жители боязливо выходили изъ домовъ и желали, чтобъ кто-нибудь избавилъ ихъ отъ безпокойнаго животнаго. Утромъ быка убили; три большія пули, пущенныя въ него, только усмирили его, а обухъ топора и ножъ закончили дѣло. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ непріятностей: одинъ изъ моихъ товарищей былъ крѣпко ушибенъ; теперь въ нашемъ караванѣ ужь трое больныхъ.

20 сентября. Деревня Розь-дынъ, или Усть-Розская.

Въ деревнѣ Чулки мы взяли еще двѣ небольшія старыя лодки; одна необходимость заставила это сдѣлать — такъ онѣ ненадежны; оставили одну изъ большихъ своихъ лодокъ. Кончивъ перегрузки и хлопоты съ устройствомъ лодокъ, мы отправились дальше. Ходъ до деревни Розь-дынъ, находящейся на правомъ берегу Ижмы, при устьѣ маленькой рѣчки Розь, былъ такъ затруднителенъ, что съ величайшимъ трудомъ прошли восемь верстъ разстоянія между этими двумя поселеніями. Ижма такъ стала мелка, что мѣстами цѣлую версту тянутъ лодку бродомъ; дно рѣки—сплошной камень; берега довольно возвышенны и окаймлены неширокой ластой.

Здѣсь опять остановились на ночлегѣ. День клонится къ вечеру. Беремъ только одну большую лодку, чтобъ самимъ помѣститься въ ней; припасы же всѣ разгружены въ мелкихъ челнокахъ. Хлопотъ много: лодки крайне-плохи; надобно было ихъ поправлять, крыть, потомъ разложить вещи, припасы, которыхъ теперь нужно немало: свита наша увеличивается каждый день. Между-тѣмъ началось ненастье; льетъ дождь и воетъ сильный вѣтеръ во мракѣ темной осенней ночи. Мы теперь въ избѣ одного изъ жителей Розь-дына, Петра Уляшева — и тепло и покойно; завтра съ разсвѣтомъ пустимся въ путь.

Деревня Розь-дынъ на правомъ берегу Ижмы и состоитъ изъ четырехъ домовъ; поселеніе это основано небольше какъ пять или шесть лѣтъ. Жители Розь-дына переселились сюда тоже съ береговъ Вычегды, изъ деревни Вэль-дына, и живутъ довольно-хорошо; занимаются скотоводствомъ, ловятъ въ борахъ много тетеревей, стрѣляютъ бѣлку. Для нихъ въ томъ нѣтъ неудобства, что далеко отъ погоста, что кругомъ ихъ пустыня; для ихъ счастья немногое нужно: было бы въ избѣ тепло, былъ бы кусокъ хлѣба, скотъ въ загонѣ, да пóдать была бы оплачена — и они счастливы въ этой глуши.

21 сентября. 11 часовъ утра. На устьѣ рѣки Черъ.

Сегодня мы отправились съ ночлега въ 7 часовъ утра; караванъ нашъ состоитъ ужь изъ 7 лодокъ. И вотъ наконецъ мы добрались до рѣчки Черъ: она впала въ Ижму съ лѣвой стороны, въ 12 вер-

стахъ отъ деревни Розь-дынъ. На берегахъ Ижмы темный, еловый лѣсъ; сильный вѣтеръ воетъ въ чащѣ этой дебри. Теперь мы остановились для обѣда; рабочіе варятъ кашу, я собираюсь пить чай — чувствую себя несовсѣмъ здоровымъ, а г. Кр. за рѣкой дѣлаетъ наблюденія; какъ-будто нарочно для него, изъ-за облаковъ открылось солнце, и этотъ пунктъ устья рѣки Черъ будетъ опредѣленъ. Рѣчка Черъ одна изъ самыхъ малыхъ протоковъ Ижмы; не знаю, какъ мы пойдемъ по ней и проберемся ли съ нашей большой лодкой?

На ночлегѣ 5 часовъ вечера.

Вскорѣ послѣ полудня оставили русло рѣки Ижмы, по которой поднимались отъ Ижемскаго Погоста 11 дней, и ужъ болѣе четырехъ часовъ тянемся по узкому руслу рѣчки Черъ, а только еще недавно миновали первый чемкосъ—такъ длинны и здѣсь чемкосы, или мы ужъ очень медлено идемъ впередъ; да и нельзя скоро подвигаться: почти треть пути работники тянутъ наши лодки бродомъ. Здѣсь рѣчка стала шире, а это еще хуже; небольшая масса воды тонкимъ слоемъ стелется по каменному дну и не поднимаетъ нашу флотилію. Работники устали, иззябли; у другихъ уже болятъ ноги, потому-что и по Ижмѣ работали немало бродомъ.

Остановились на ночлегѣ. Ужъ темно; пора согрѣться и высушиться тѣмъ, кто цѣлый день бродилъ въ холодной водѣ.

22 сентября. 2 часа пополудни.

Сегодня долго я шелъ по возвышенностямъ, между которыми течетъ рѣка Черъ; онѣ мѣстами покрыты мхомъ, мѣстами мелкимъ еловымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, индѣ холмы сближаются и стѣсняютъ русло рѣчки; въ такихъ мѣстахъ она течетъ подлѣ крутиковъ и скалъ; теченіе вездѣ довольно быстро, потому-что вездѣ пороги. Много хлопотъ съ большой лодкой; мѣстами и мы работаемъ. Накрапываетъ дождь. Жаль было смотрѣть вчера на нашихъ рабочихъ — такъ перезябли они въ мокромъ платьѣ! но лишь только запылали бивачные огни, они согрѣлись, поужинали, и начались толки о быломъ, о минувшемъ; въ толпѣ появился бывалый — и разсказы его полились рѣкой; слушали его, дивились

ему, забыли и трудъ и сонъ. Интересъ разсказываемыхъ событій увлекъ всѣхъ до того, что и я до 11 часовъ слушалъ этого молодца; вскорѣ потомъ всѣ улеглись кто подъ деревомъ, кто около огней, и во мракѣ осенней ночи воцарилось безмолвіе.

До обѣда сегодня прошли мы только два чемкоса, въ теченіе шести часовъ, а третій чемкосъ кончили теперь ужь, въ 2 часа пополудни. Длиненъ, видно, будетъ нашъ путь до Вычегды.

На ночлегѣ 9 часовъ вечера.

Вотъ и другой ночлегъ на берегу рѣчки Черъ, а всего прошли еще четыре чемкоса; здѣсь, однакожь, считается половина пути до волока. Постоянно шли между высокихъ холмовъ. Мнѣ кажется, рѣчка Черъ прорѣзываетъ здѣсь горный кряжъ — не остроги ли это Тиманскаго Камня? Паденіе воды весьма крутое, дно рѣки — сплошной камень; говорятъ, еще немного больше чемкоса идти горами, а тамъ будутъ луга.

Вечеромъ донесся до насъ дымъ; много было догадокъ: кого мы встрѣтимъ здѣсь, въ эту позднюю пору осени? Чрезъ полчаса увидѣли три лодки, въ нихъ восьмеро Вычегжанъ; они отправились на осенній промыселъ въ вершины рѣки Ай-ю и пробудутъ тамъ до ноября; а за весь этотъ трудъ дальняго пути каковъ еще будетъ промыселъ—Богъ-вѣсть. Они добираются въ лѣса Ай-ю по слухамъ, что тамъ хорошъ урожай еловыхъ шишекъ, слѣдовательно, должно быть, и бѣлки много. Кто разноситъ эти слухи и вѣрны ли они? а они ѣдутъ въ надеждѣ на удачу, основываясь на (буръ-ю-Эрѣ) добромъ слухѣ. Ошибаясь, они теряютъ дорогую пору промысла, а это влечетъ за собою горькія послѣдствія и безденежье на всю зиму.

Мы напились чаю; большая часть нашихъ товарищей ужь поужинали и, послѣ обычныхъ разсказовъ и болтовни подлѣ огня, гдѣ бываетъ весело, иные ужь спятъ; другой бивакъ невдалекѣ тухнетъ; недавно тамъ было еще очень шумно. Вчерашній сказочникъ забавлялъ ватагу усталыхъ работниковъ: и царевичи и богатыри и Яги-бабы попеременно дѣйствовали въ его разсказѣ, приправляемомъ прибаутками и русскими словами къ зырянской рѣчи «ну корошо, ну корошо». Картинны и наши немноголюдные биваки среди лѣсовъ, въ глухую пору осенней ночи, кружокъ, оживленной грѣющейся, отдыхающей и слушающей толпы, около

пылающихъ костровъ; порой выраженіе удивленія, порой страха, проявляющіяся на простодушныхъ физіономіяхъ работниковъ; на огнѣ котлы съ ихъ ужиномъ, невдалекѣ наше чаеванье на разостланныхъ коврахъ, и все это въ рамѣ темнаго лѣса.

Нынѣшній нашъ ночлегъ, въ чащѣ крупныхъ елей, подъ ихъ широкими вѣтвями — лучшій пріютъ въ пустынѣ.

23 сентября. 2 часа пополудни.

Сегодня пошли въ путь рано и вскорѣ подошли къ скаламъ, вышиной до шести саженъ; ихъ называютъ Зыряне Изъ, т. е. камень; рѣчка Черъ течетъ между этими скалами недолго; съ полчемкоса далѣе горы оканчиваются, гдѣ и выпала съ праваго берега рѣчка Бадья-ёль; отсюда рѣка Черъ превратилась изъ горнаго потока въ рѣчку, текущую по долинамъ, стала у́же; дно тинистое, берега луговые, теченіе тихое; идемъ успѣшнѣе.

Въ 11 часовъ останавливались для обѣда; здѣсь настигъ насъ крестьянинъ Уляшевъ съ двумя лошадьми, для перетаскиванья лодокъ черезъ волокъ, между вершинами рѣчекъ. Вскорѣ послѣ обѣда прошли мимо устья рѣчки Таръ-Костъ-ёль т. е. рѣчки Тетеретоковище, выпавшей съ правой стороны.

Сегодня встрѣтили еще четыре лодки вычегодскихъ промышлениковъ; двѣ добрыя лодки мы вымѣняли у нихъ; наши уже стали совсѣмъ плохи.

Въ 5 чемкосахъ отъ устья рѣчки Черъ выпала въ нее тоже справа рѣчка Нія-ёль, т. е. лиственничная. Отъ нея три чемкоса до волока. Мы идемъ по такому узкому руслу, что порой едва не задѣваемъ берега бортомъ большой лодки.

Ночлегъ въ вершинѣ рѣки Черъ.

До 2-го часа пополудни мы плыли между еловыми лѣсами, потомъ среди березовыхъ рощъ; въ четыре часа прошли мимо устья рѣчки Парма-ёль, выпавшей съ лѣвой стороны. Теперь проходимъ подлѣ возвышенностей, покрытыхъ лиственничными рощами; онѣ начались отъ рѣчки Нія-ёль.

Рѣчка Черъ прихотливо извивается по долинѣ; мы дѣлаемъ круги, завороты, а впередъ подвигаемся мало.

Завтра остается идти еще два чемкоса; сегодня въ цѣлый день прошли два; а кажется, около 30 верстъ подвинулись впередъ; долго добирались до бивака Уляшева. Онъ уѣхалъ впередъ и устроилъ становье; дымокъ виденъ былъ издали, да добраться до него было нелегко. Трудились изъ всѣхъ силъ. Чера превратилась въ ручей, текущій между крутыми и довольно-высокими берегами. Мѣстами большая лодка не проходила въ русло: должны были срубать дернъ, и опять шли дальше.

Усталые, теперь отдыхаемъ и наслаждаемся. Небо ясно, воздухъ холоденъ. Чтó если будетъ морозъ утромъ и рѣчки замерзнутъ, а особенно рѣка Черъ-Вычегодская? Она, говорятъ, тиха и въ одно утро покрывается льдомъ: не краснó тогда будетъ намъ заосеновать здѣсь; даже и въ селеніяхъ здѣшнихъ небольшая была бы радость прожить дней 30 или 40. Г. Кр. пользуется яснымъ небомъ и навелъ свой секстанъ на полярную звѣзду — и этотъ пунктъ нашего ночлега будетъ опредѣленъ. Какъ не подивиться уму человѣка! Изобрѣсть способъ слѣдить за ходомъ отдаленныхъ свѣтилъ небесныхъ; по ихъ движеніямъ вычисленіями опредѣлять пункты на нашей планетѣ — не дивно ли, не чудно ли это? Недаромъ мужички, не постигая занятій г. Кр., ломаютъ голову, «для чего онъ, удалясь отъ бивачнаго огня, въ мракѣ ночи смотритъ въ трубу и не на небо и не на землю, а на что-то свѣтлое, какъ зеркало (ртутный горизонтъ), чтó онъ увидитъ тутъ и какой будетъ изъ этого толкъ?» а другой его товарищъ собиралъ все камешки по берегу, да везетъ ихъ цѣлые ящики, какъ-будто такихъ камней нигдѣ нѣтъ; да еще сидитъ да разсматриваетъ другой камешекъ чуть не цѣлый день». Какъ объяснить имъ это, что одинъ смотритъ хоть и не на небо, а видитъ очень много на небѣ; что другой, любуясь камешками, находками на берегахъ ихъ родной рѣки, дѣлаетъ выводы объ отдаленномъ быломъ.

Передъ огнемъ играютъ два песченка; они куплены въ тундрѣ; путешественники везутъ съ собой этихъ звѣрьковъ Сѣвера. Разсказываютъ, что матки песцовъ чрезвычайно чадолюбивы; у иной своихъ до 12 дѣтенышей, но бываетъ и этимъ недовольна и, при случаѣ, украдетъ дѣтей у другой матки, такъ-что въ иномъ гнѣздѣ промышленики находятъ отъ 18 до 20 песченковъ. Матка усердно заботится о продовольствіи своей большой семьи, ловитъ гусей, утокъ и всего больше мышей, которыхъ много въ тундрѣ; но всего

удивительнѣе, что матка, радѣя о дѣтяхъ, собираетъ множество яицъ изъ гнѣздъ гусей и утокъ: говорятъ, иногда, даже больше тысячи находятъ ихъ въ логовищѣ песцовъ, и ими-то лакомитъ она своихъ и прiемныхъ дѣтенышей. Около двухъ градусовъ холода — это озабочиваетъ насъ.

24 сентября 8 часовъ вечера. На берегу рѣки Черъ-Вычегодской.

Сегодня мы трудились много; вслѣдствiе этого труда теперь на берегу рѣки Черъ-Вычегодской. Мы перебрались черезъ волокъ съ системы водъ Печоры на систему водъ Сѣверной Двины. Мы рѣшились съ мѣста почлега везти по сушѣ нашу большую лодку; въ ночь воды въ рѣкѣ стало еще меньше. Рано утромъ началась работа: одни дѣлали сани изъ еловыхъ корней для большой лодки; другiе выгружали ее и вытягивали на берегъ; послѣ окончанiя этой роботы, позавтракали и отправили караванъ мелкихъ лодокъ рѣкой, а большую потащили лошадьми, при пособiи 15 человѣкъ. До волока надобно было тащить лодку около восьми верстъ; путь лежитъ по довольно-возвышеннымъ мѣстамъ лѣваго берега рѣчки, потомъ по правому и наконецъ мы добрались до Черскаго Волока. Отсюда переволокъ до Вычегодской Черы, около 1800 шаговъ или около 600 саж. Достигнувъ этого желаннаго пункта, людей отправили къ каравану, который съ трудомъ пробирался по рѣчкѣ, потомъ начали перевозить лодки съ кладью, а это продолжалось долго; послѣ починивали лодки, грузили ихъ, укрывали грузъ: только въ позднiя сумерки вечера кончили всю работу и остались ночевать. Такой караванъ и такое многолюдство едва ли было когда на пустынныхъ берегахъ рѣчки Черъ. Четыре бивака широко освѣщаютъ лѣсныя окрестности; раздаются веселыя пѣсни работниковъ. Да и мы всѣ потрудились сегодня порядочно, каждый словомъ и дѣломъ содѣйствовалъ успѣшнѣйшему ходу перевозки. Сначала съ трудомъ подвигалась наша лодка и мы не думали перебраться чрезъ волокъ раньше двухъ дней; но потомъ какъ-то работа пошла лучше, и хотя не безъ усилiя, но лодка подвигалась успѣшнѣе. Между верховьями рѣчекъ, на мѣстности, называемой «Волокомъ,» довольно-большая возвышенность: вотъ тутъ-то было трудно подвигаться впередъ; но шагъ за шагомъ, и мы добрались до вершины горы, а спускаться было ужь и легко и весело.

Такимъ образомъ мы наконецъ перешагнули черезъ Черскій Волокъ, и теперь ужь путь нашъ идетъ по теченію водъ. Рѣка Черъ довольно-значительный притокъ Вычегды, и больше рѣки Черъ Печорской; истокъ ея, вѣроятно, неближе ста верстъ, и чѣмъ далѣе будемъ подвигаться, тѣмъ безопаснѣе будемъ мы отъ заморозовъ; большія рѣки нескоро замерзнутъ.

25 сентября, 8 часовъ утра.

Около двухъ часовъ мы ужь въ пути и оканчиваемъ по рѣкѣ Черъ отъ переволока первый чемкосъ, который считается при устьѣ рѣчки Чемкоса-ёль; она выпала съ лѣвой стороны; проплыть чемкосъ въ два часа, уже довольно-успѣшное слѣдованіе. Здѣсь рѣка Черъ около трехъ саженъ ширины; есть мели, и лодки черезъ нихъ тащимъ бродомъ; но тащить лодки по теченію рѣки труда несравненно меньше.

Сегодня сильный сѣверный вѣтеръ и довольно-холодно, едва можно писать; порой льетъ дождь; порой порошитъ снѣжокъ — ужь поздняя осень.

7 часовъ вечера. На ночлегѣ.

Остановились на ночлегъ, чтобъ дать рабочимъ обсушиться; всѣ перемокли и перезябли. Выясниваетъ. Полная луна порой выходитъ изъ-за облаковъ и наводитъ чудный свѣтъ на мрачную пустыню; сквозь сѣнь елей проникаютъ ея лучи въ глушь темнаго лѣса, гдѣ мы находимся; рабочіе рубятъ дрова и мѣстами ужь пылаютъ огни; дымъ долго не могъ пробиться сквозь сгустившійся воздухъ въ чащѣ вѣтвей вѣковыхъ деревъ; а ка́къ бываетъ весело, когда темная сѣнь пустыни озарится бивачнымъ огнемъ и распространятся въ ней струи тепла! какъ-будто оживетъ тогда мертвая дебрь лѣсной глуши; мракъ отступитъ въ глубь лѣса предъ пламенемъ костровъ, безмолвіе огласится рѣчью человѣка и пустыня заживетъ на эту пору!

Отъ волока плыли между довольно-широкихъ луговъ; на второмъ чемкосѣ начались горы и иногда довольно-высокія, скалистыя, покрытыя погорѣлымъ и изсохшимъ лѣсомъ. Въ такихъ мѣстахъ были пороги, дно рѣки каменисто и теченіе ея быстрѣе. На вер-

шинѣ одного обрыва, въ трехъ чемкосахъ отъ волока, увидѣли мы промысловую избу, завернули въ нее, нашли въ ней звѣроловъ и купили у нихъ тетеревей и рябчиковъ. Въ этихъ горахъ выпала съ праваго берега рѣчка Чепакъ-ю; отсюда рѣка Черъ стала нѣсколько глубже и даже шире; потомъ вплыли въ темные еловые лѣса; невдалекѣ отсюда выпала изъ скалистыхъ береговъ рѣчка Иджидъ-шоръ (большой ручей). До становья сегодня подвинулись пять чемкосовъ. На разостланной лосинной кожѣ и коврахъ лежимъ теперь близъ бивачнаго огня; самоваръ кипитъ и мы съ наслажденіемъ пьемъ чай.

Барометръ успокоиваетъ насъ: ртуть упала, слѣдовательно должно быть ненастье; намъ еще нѣсколько дней — и мы наконецъ въ Устьсысольскѣ, этомъ завѣтномъ пунктѣ нашихъ желаній.

26 сентября. Полдень.

Теперь остановились на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки, въ избѣ промышлениковъ, проплывъ съ ночлега три чемкоса; отсюда остастся до Вычегды еще 6 чемкосовъ, до деревни Вэлдынъ — 10 и до села Помоздина — 12. Промышленики принесли намъ рябчиковъ и семги. Въ рѣку Черъ семги въ иной годъ входитъ много, а теперь начала попадаться тамъ и стерлядь, на удивленье здѣшнимъ рыболовамъ. На Вычегдѣ стерлядь ловится ужь нѣсколько лѣтъ, а сюда дошла только еще въ нынѣшній годъ; однакожь рыболовы скоро поняли, что это добрая рыба, хоть и не умѣютъ еще ловить ее.

По рѣкѣ Черъ мы встрѣтили много лодокъ съ промышлениками, отправившимися въ лѣса Ижмы, и все на Буръ-юэръ (добрый слухъ) о хорошемъ урожаѣ еловыхъ шишекъ. Нелегко же достается имъ копейка!

Сегодня плыли мы большею частью мѣстами мелкими и иногда подлѣ высокихъ горъ; мѣстами спускались съ крутыхъ пороговъ. На седьмомъ чемкосѣ отъ волока есть замѣчательный Иджидъ-изъя-косьтъ (порогъ съ большими каменьями). Около трехъ верстъ спускались мы довольно-замѣтно по скату, гдѣ между камнями течетъ рѣка; смотря назадъ, верховье рѣки казалось незначительной возвышенностью, а впереди теченіе ея виднѣлось въ глубинѣ долины, и мы плыли въ этотъ долъ, гдѣ русло рѣки скрывалось въ

чащѣ темнаго лѣса. Лодка наша быстро неслась стремленіемъ потока; берега, покрытые крупными елями и валежникомъ, какъ будто бѣжали отъ насъ къ вершинѣ рѣки. Послѣ этой замѣчательной мѣстности, на рѣкѣ Черъ больше не было пороговъ; мы плыли ужь въ спокойномъ руслѣ и встрѣчали мало мелей. Близъ порога Иджидъ-изъя-коситъ лежитъ зимній путь изъ Помоздина на Ижму.

Къ обѣду жарятъ намъ на вертелѣ двухъ только-что застрѣленныхъ рябчиковъ.

8 часовъ вечера.

Вотъ, наконецъ, мы и близъ устья рѣки Черъ; послѣдніе шесть чемкосовъ проплыли довольно-успѣшно. До Вычегды одна верста. Остановились для ужина рабочимъ. Порой между облаками проглядываетъ луна; рѣшаемся плыть ночью на двухъ лодкахъ, которыя понадежнѣе. Необходимость спѣшить заставляетъ забывать опасность плаванія во мракѣ ночи по рѣкѣ, наполненной во многихъ мѣстахъ валежами и хламомъ, на которые можно попасть и опрокинуться. Теперь довольно-холодно; кто знаетъ, что̀ будетъ утромъ? Окрестности бѣлѣютъ отъ тонкаго слоя выпавшаго снѣга.

Въ четырехъ чемкосахъ отъ устья рѣки Черъ впала въ нее съ лѣвой стороны рѣчка Яга-черъ; она течетъ черезъ мѣстности, покрытыя лиственничными лѣсами; до вершинъ ея считаютъ около ста верстъ. Ниже ея три чемкоса вытекаетъ рѣчка Вэра-черъ, т. е. Лѣсная Черъ; она течетъ черезъ низменныя мѣста, заросшія темнымъ елевымъ лѣсомъ, а потому и названа Лѣсною.

По берегамъ видѣли нѣсколько избъ промышлениковъ.

27 сентября, 7 часовъ утра. Село Помоздинъ.

Со дня отплытія изъ Ижемскаго Погоста (10 сентября) до прибытія въ первый Вычегодскій Погостъ прошло 15 дней; въ это время мы поднялись до вершинъ Ижмы и Черъ, перебрались черезъ волокъ и проплыли по рѣкамъ Черъ и Вычегдѣ, всего, я думаю, около 700 верстъ. Ночью снѣгу выпало довольно-много; бѣлая пелена зимы покрыла и лѣса и горы. Готовимъ лодки для сплава по Вычегдѣ и сегодня же пустимся дальше. До Устьсысольма изъ Помоздина водой считаютъ около 550 верстъ.

28 сентября, 10 часовъ утра. Деревня Ваполка.

Вчера въ 6 часовъ вечера кончили приготовленія и отправились по Вычегдѣ тремя лодками. За́свѣтло проплыли деревни Скородумскую и Кырнышъ.

Ночь была холодная; выпавшій вчера снѣгъ не стаялъ. Мы еще счастливы, что длится осень. Въ прошломъ году снѣгъ, выпавшій въ первыхъ числахъ сентября, остался до зимы и Вычегда покрылась льдомъ около 20 числа. Плыли ночью часто въ направленіи къ N, а больше къ O и къ SO.

Мимо села Пожегъ проплыли передъ утромъ. Мы теперь грѣемся и отдыхаемъ въ деревнѣ Ваполкѣ, которая отъ Помоздина въ разстояніи около 85 верстъ; деревня Ваполка находится на правомъ высокомъ берегу Вычегды въ 35 верстахъ отъ села Пожега и въ 40 верстахъ отъ села Мыелдинскаго, куда надѣемся приплыть ночью. Въ деревнѣ Ваполкѣ мы остановились у одного изъ жителей, Маркела. Все поселеніе состоитъ теперь изъ трехъ дворовъ, а еще недавно здѣсь было до 17 дворовъ. Въ тяжелые годы неурожаевъ на Вычегдѣ нѣкоторые изъ жителей, доведенные до послѣдней крайности, переселились въ разныя мѣста, другіе умерли — и деревня опустѣла. Маркелъ оставался одинъ съ своей семьей, а по времени отъ него отдѣлились братья; одинъ еще живъ; у другаго остались дѣти — и поселеніе опять начало возрастать. Теперь здѣсь живутъ хорошо, имѣютъ порядочное хлѣбопашество и скотоводство; въ землѣ и лугахъ приволье.

Эта деревня извѣстна во всемъ Зырянскомъ Краѣ по отличнымъ кремнямъ, называемымъ по-зырянски ваполка, бива-изъ (ваполскіе кремни). Ихъ добываютъ изъ кремневой горы по рѣчкѣ Бива-изъ-ю, впадающей въ рѣчку Ваполку. Эта гора отъ Ваполки въ трехъ чемкосахъ. Кремень, добываемый тамъ, отлично огнистъ.

Полночь.

Теперь я записываю румбы; г. Кр. отдыхаетъ.

Ночь свѣтлая; луна во всемъ блескѣ свѣтитъ на ясномъ горизонтѣ, потому только мы и можемъ продолжать наше плаваніе. Во многихъ мѣстахъ рыболовные заколы часто по серединѣ рѣки Каржи, заставили бы остановиться на ночлегъ: плыть въ темнотѣ здѣсь опасно.

Въ 8 часовъ вечера проплыли устье рѣки Мылвы, гдѣ и остановились ненадолго, для ужина работникамъ. Отъ устья Мылвы одинъ чемкосъ до Мыелдинскаго Погоста, мимо котораго проплыли въ 11 часу. Село Мыелдинъ лежитъ на правомъ и красивомъ берегу Вычегды; особенно живописно мѣсто, гдѣ построена церковь.

Совершенная тишина при чудномъ блескѣ луны; безпрерывное измѣненіе береговыхъ видовъ; порой доносится заунывное пѣнье рабочихъ на другихъ лодкахъ и однозвучный всплескъ воды отъ веселъ — все это плаваніе наше въ такую пору, особенно послѣ трудовъ въ прошедшемъ, дѣлаетъ очаровательно-пріятнымъ.

26 сентября.

Въ три часа пополуночи мы проплыли село Усть-немъ. Это село расположено на довольно-высокомъ правомъ берегу Вычегды; старыя деревянныя церкви и новая каменная колокольня построены на самомъ берегу; противъ этого мѣста вливается въ Вычегду рѣка Немъ; она развѣ немного меньше Вычегды; до вершинъ ея поднимаются въ лодкахъ больше восьми дней. Вычегда до впаденія рѣки Немъ неширока, а отсюда дѣлается значительною рѣкою, мѣстами больше 60 саженъ ширины.

Въ 9 часовъ утра проплыли мимо деревни Лебяжной. День сумрачный; поднялся вѣтеръ и мѣшаетъ плыть. По Вычегдѣ много крутиковъ съ торчащими въ нихъ валежниками, много каржей среди рѣки, а въ вѣтеръ нетрудно попасть на нихъ. Останавливались, чтобъ дать отдохнуть рабочимъ.

Въ три часа пополудни проплыли мимо деревни Джежимъ; она на правомъ берегу Вычегды. Отъ этой деревни начинаются возвышенности, называемыя Джежимъ Парма; онѣ видны верстъ за 50 и больше.

30 сентября.

Въ полночь проплыли мимо устья рѣки Кельмы, съ вершинъ которой проведенъ Сѣвероекатерининскій Каналъ, въ часъ пополуночи мимо села Керчемьи; оно лежитъ на лѣвомъ берегу Вычегды, на протяженіи около восьми верстъ. Керчемья одно изъ самыхъ большихъ селеній въ этомъ краѣ.

Въ 8 часу въ селѣ Устькуломѣ останавливались ненадолго; вскорѣ послѣ полудня проплыли мимо деревни Кужъ; она на очень высокой горѣ праваго берега Вычегды.

Въ 4 часа миновали Ульяновскій Погостъ, находящійся тоже на правомъ берегу, въ верстѣ отъ рѣки. Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Вычегодскомъ Краѣ. Святый Стефанъ Великопермскій, управляя вновь-приведенною въ христіанство паствою, основалъ здѣсь мужской монастырь. Два древніе деревянные храма стоятъ на широкой равнинѣ среди пяти или шести домовъ, изъ которыхъ два принадлежатъ священнику и причетникамъ, три или четыре — крестьянамъ, еще недавно сюда переселившимся.

Къ-вечеру вѣтеръ сталъ крѣпче и мы принуждены были остановиться. Теперь полуночной холодный вѣтеръ шумитъ въ вѣтвяхъ вѣковыхъ елей, подъ темною сѣнью которыхъ мы сидимъ близь бивачнаго огня.

1 октября.

Около полуночи вѣтеръ стихъ. Хотя ночь была очень темна, но мы рѣшились продолжать путь. Чрезъ 2 часа миновали село Деревянское, на лѣвомъ берегу Вычегды, въ 5 часу — большое поселеніе Руча, на томъ же берегу, въ 7 часу — деревню Аныбъ и потомъ село Поддѣльское; къ-ночи будемъ въ Небдинѣ. Теперь вѣтеръ опять крѣпчаетъ; мы плывемъ, хотя съ трудомъ.

2 октября, полдень. Село Корткеросъ.

Въ прошедшую ночь принуждены были остановиться; но лишь нѣсколько вѣтеръ сталъ тише, опять поплыли и въ три часа пополуночи миновали деревню Вижкурью, на правомъ берегу Вычегды; въ 8 часу проплыли мимо села Пезмогъ и до полудня остановились здѣсь. Сегодня тепло и ясно, какъ бываетъ рѣдко въ это время въ здѣшнемъ краѣ.

3 октября. Устьсысольскъ.

Цѣлый день довольно-сильный вѣтеръ препятствовалъ плыть, и мы ужь только за полночь приплыли въ Устьсысольскъ. Въ 23

дня совершили путь изъ Ижемскаго Погоста черезъ Черской Волокъ. Желаніе наше исполнилось: заморозы не захватили насъ, и мы достигли Устьсысольска, совершивъ путь довольно-успѣшно и до наступленія зимы. Остается сдѣлать переѣздъ до Петербурга; но этотъ трудъ, хотя путь осенній и не находка, все же не сопряженъ съ такими затрудненіями, какъ странствованіе по Ижмѣ и Черамъ.

Много радостнаго по возвращеніи изъ дальнаго странствованія и въ покоѣ, который ощущаешь, и въ мысли, что затрудненія пути кончились, и въ вѣстяхъ отъ ближнихъ, съ которыми не имѣлъ сношеній нѣсколько мѣсяцевъ и о которыхъ забота тяготила насъ. А грустно быть отчуждену на такой длинный промежутокъ времени отъ родныхъ! привычка слышать о нихъ, получать вѣсти часто — сдѣлана, и намъ тяжело отрѣшаться отъ нея. Чего не могло случиться съ ними въ нѣсколько мѣсяцевъ! Въ Устьсысольскѣ я узналъ, что одного изъ моихъ малютокъ ужь давно нѣтъ на свѣтѣ, а я воображалъ его здоровымъ, развивающимся — печальная ошибка!

12 октября.

Спѣшу выѣхать. Кое-какія затрудненія остановили меня здѣсь на нѣсколько дней; но, слава Богу, все кончилось; скоро сяду въ почтовую кибитку — и въ путь.

14 октября. Станица Слуцкая.

Полное осеннее ненастье; постоянно льетъ дождь, или идетъ слякоть (мокрый снѣгъ); по всей дорогѣ страшная грязь; ночи такъ темны, что, какъ говорится, ни зги не видно; когда садишься въ почтовую повозку, то едва разглядишь лошадей, и потому путешествіе это тоже несовсѣмъ пріятно; но теперь, хоть медленно, да подвигаемся впередъ. Иногда, правда, подумываешь, какъ бы не опрокинуться въ какую-нибудь яму, или глубокую канаву, особенно въ здѣшнихъ горахъ это можетъ случиться; рѣчки всѣ наводнились и шумятъ какъ въ водополье; ручьи бѣгутъ съ горъ по срединѣ дороги и прорыли мѣстами глубокія рытвины; мосты расшевелились; по иному едва можно проѣхать. Пять-шесть часовъ приводится иногда просидѣть въ тѣсной кибиткѣ на осеннемъ дождѣ — и радъ, когда доберешься до станціи. Думаешь отогрѣться, успо-

коиться, а иногда и это неудается. Вотъ и здѣсь въ одной комнатѣ вымораживаютъ тараканов, а потому станціонная квартира въ въ тѣсной избѣ; а для услажденія слуха усталыхъ путешественниковъ, у одной стѣны помѣщается шерстобитъ и брякаетъ безъ милосердія; его и винить нельзя: съ каждымъ ударомъ по струнѣ увеличивается количество перебитой имъ шерсти, слѣдовательно увеличивается и его заработокъ (шерстобиты получаютъ плату съ фунта шерсти); съ каждымъ ударомъ его по струнѣ взлетаетъ столбъ пыли, да и самые звуки его инструмента несовсѣмъ-то усладительны для слуха, особенно кому хотѣлось бы отдохнуть.

18 октября. Устюгъ-Великій. Утро.

Проѣхалъ я и Яренскъ и Сольвычегодскъ — и вотъ уже въ Великомъ Устюгѣ. Теперь слышенъ благовѣстъ къ заутрени; какъ въ Москвѣ бѣлокаменной, гудитъ звонъ колоколовъ въ Великомъ Устюгѣ, и особенно благозвученъ звонъ соборный. Колокола тамъ хорошо подобраны, звонятъ ими искусно и слышишь какой-то мотивъ музыкальный, производимый громаднымъ инструментомъ.

10 часовъ утра. Ст. Попикаровская.

Въ Устюгѣ я пробылъ недолго. Проѣзжая къ первой станціи, я встрѣчалъ много людей, идущихъ и ѣдущихъ на приходскій базаръ. Женщины здѣшнія довольно-красивы; почти каждый изъ мужиковъ шелъ и ѣхалъ съ коротенькой трубкой въ зубахъ: видно, Устюжане большіе охотники до табаку.

20 октября. Ст. Чучковская.

Понемногу двигаюсь впередъ. Вотъ ужь до Вологды осталось только около ста верстъ. Повсюду страшная грязь; колеса повозки тонутъ въ разжиженной землѣ. Мѣстоположеніе здѣшнихъ селеній очень красиво; деревни разбросаны по возвышенностямъ; почти каждый холмъ заселенъ; иногда на небольшомъ пространствѣ, открывающемся предъ глазами, съ какой-нибудь горы видны отъ шести до десяти деревень; вотъ и отсюда въ виду почти вся Мольская Волость; она состоитъ изъ многихъ деревень, съ двумя тыся-

чами душъ жителей, а невдалекѣ видно еще и село Никольское. По скатамъ холмовъ поля, въ глубинѣ долины течетъ рѣчка Мола, а потому мѣстность здѣсь очень живописна; все пространство долины занято полями. «Гдѣ же заготовляете вы сѣно? спросилъ я ямщиковъ: вѣдь лугами-то вы, кажется, неочень богаты» — «Да́, это такъ, отвѣчали мнѣ мужички: — мы косимъ сѣно верстъ за десять, за пятнадцать и дальше; луга достаются намъ нелегко: мы подъ нихъ чистимъ лѣсъ, собираемъ травку около рѣчекъ по косогорамъ и набираемъ изрядно: другой возовъ до ста и больше наставитъ сѣнца.»

Необходимость — лучшій наставникъ, ка́къ, гдѣ и что́ сдѣлать.

На склонахъ холмовъ, подлѣ рѣки, вездѣ построены сараи для складки сѣна, которое достается здѣсь съ трудомъ, а потому и берегутъ его. Сѣно въ стогахъ теряется въ овершьѣ, иногда и стога прогниваютъ, а въ сѣновалахъ сохраняется всё. Цѣна сѣна здѣсь равна труду его приготовленія: въ прошломъ (1842) году продавалось 20 и 23 к. сер. пудъ.

Ст. Воробьевская.

Здѣсь довольно-дѣятельно производится обработка льна. Теперь всѣ женщины заняты уборкой этого растенія: однѣ чешутъ, другія треплютъ ленъ; подъ крыльцомъ каждой избы устроены льнотрепальни; нѣкоторыя семейства приготовляютъ здѣсь льна отъ 25 до 30 пудъ, и продаютъ отъ 1 р. 70 к. до 2 р. серебромъ за пудъ. Пора бы развиться на сѣверѣ этой промышлености даже и въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ теперь; да пора бы усилить тканье полотенъ, чѣмъ здѣсь занимаются еще слабо, и нашъ ленъ возвращается къ намъ дорогимъ полотномъ голландскимъ, тогда-какъ мы сами могли бы цѣлыми грузами отправлять эту ткань во всѣ страны свѣта. И капиталы, которые вывозятся отъ насъ за полотно заграничное, остались бы дома, и промышленость тканья полотенъ заняла бы много рукъ; это дѣло сручное намъ и по положенію нашему на сѣверѣ, и по житью-бытью жителей русскаго сѣвера. Зимою, когда такъ мало дѣла, въ иномъ околоткѣ чѣмъ выгоднѣе могли бы заняться цѣлыя семьи, какъ не прясть ленъ и не ткать полотно? притомъ же теперь изобрѣтены превосходные станки для тканья и шелка и льна, такъ-что нужно только напрясть нитокъ, а полотно ужь само вытчется и ровно и чисто.

25 октября. Ст. Клопузова.

Теперь я середи самой Уломы, какъ называютъ здѣсь прибрежья рѣки Уломы. Вообще Улома извѣстна путешественникамъ какъ мѣсто бѣдное, гдѣ жители нуждаются во всемъ, гдѣ проѣзжему и поѣсть и купить нечего, гдѣ только и знаютъ что куютъ гвозди. Точно, жители прибрежьевъ рѣки Уломы неочень богаты, помѣщаются плохонько, живутъ плохонько; и какъ главный ихъ промыселъ — кузнечество, то и ходятъ въ сажѣ, какъ люди, которые никогда не моются. Кузнечная работа здѣсь состоитъ въ дѣланіи гвоздей, въ чемъ Уломцы навыкли и работаютъ весьма успѣшно. Мнѣ сказывали, что одинъ кузнецъ съ работникомъ можетъ выковать въ день безъ усилія тысячу штукъ гвоздей и даже больше. Въ ковкѣ гвоздей они очень проворны, и, какъ говорятъ, два гвоздя еще красно-горячи, когда готовъ ужь и третій; зато и цѣна гвоздямъ здѣсь невысока: изъ первыхъ рукъ продается тысяча двоетёса около 1 р. 50 к., однотёса — около рубля серебромъ.

Ночи становятся холодны; порой десятиградусный морозъ съ непривычки такъ пробираетъ, что едва доберешься до станціи.

Часто съ думой я возвращаюсь въ край Печорскій, часто воображеніе уноситъ меня въ будущее и вопрошаю я его о грядущемъ для моихъ начинаній! Сомнѣніе въ успѣхѣ уже вкрадывается въ мои думы, и тяготятъ меня эти горькія сомнѣнія!

26 откября. Деревня Кошкино.

Остановились пообѣдать у содержательницы здѣшней харчевни. Это очень толстая и очень добрая баба и ласкова и радушна: откуда берутся у ней привѣтливыя слова для гостей! У ней и обѣдъ сытный, и вкусный, и прекрасныя густыя сливки. Три пребольшие самовара, побольше чѣмъ ведерные, вычищены какъ къ празднику и служатъ украшеніемъ ея харчевни; стѣны исписаны мѣломъ; вездѣ цифры: видно, это счеты на скорую руку въ отпускѣ ямщикамъ овса и сѣна. Въ большомъ углу много образовъ; въ числѣ разныхъ картинъ по стѣнамъ приклеенъ и красный листъ, взятый въ цыбикѣ чая, написанный въ Китаѣ порусски со строкой китайскихъ буквъ; а сколько другаго прочаго хлама, какъ иногда говорятъ здѣсь, не пересчитаешь: и крынки съ молокомъ, и булки

только-что вынутыя изъ печи; а бабка Фіона, какъ извѣстна она кругомъ на много верстъ! бѣгаетъ и угощаетъ, распоряжается и забрасываетъ инымъ гостямъ ласковыя слова. Она такъ хорошо поджарила для меня картофель въ маслѣ, что на любой французской кухнѣ не отказались бы признать это блюдо со своего очага. Спасибо бабкѣ Фіонѣ, ласковой и словоохотливой: привѣтливо угощала она меня и привѣтливо проводила до повозки. «Прощайте батюшка, впередъ заѣзжайте къ бабкѣ. Бабку здѣсь всѣ знаютъ и не проѣзжаютъ ея теплую избу» сказала она мнѣ, пожимая руку. Бабкѣ уже 65 лѣтъ, а трудится; дѣятельна какъ пчела.

27 октября. Сомина.

Едва добрались до Сомины. Ужь давно ѣхали шагомъ, да и тому были рады, что хотя шагомъ идутъ.

Теперь немного позже полночи; постоялой домъ набитъ проходящими и проѣзжими: и на лавкахъ и на полу—вездѣ спятъ люди, а содержатель двора еще жалуется, что мало доходу, что, мало гостей. Говорятъ, иногда ночуютъ у нихъ человѣкъ 70, а въ сутки угостятъ до ста пятидесяти, а иногда и больше; жалуется, что при платѣ за квартиру и за дворъ до 150 р. сер. въ годъ, безъ гостей и оброка не заплатишь; можетъ быть это и правда. Такъ-какъ въ Соминѣ большая пристань тихвинской системы, то это село и походитъ на городъ: здѣсь нѣтъ деревенскаго простора; домы стѣснены, потому-что мѣста дороги. Одинъ мужикъ купилъ мѣсто для двора и для дома въ 400 квад. саженъ и заплатилъ 2,300 р. сер., да домъ обошелся ему до 2,000 р. сер., и это имѣніе въ селѣ стóитъ ему въ 4,300 р. сер., а приноситъ дохода только 350 р. сер. въ годъ.

Село Сомина принадлежитъ нѣсколькимъ владѣльцамъ; каждый дорожитъ мѣстомъ, и потому-то тамъ нѣтъ простора—все сплошь застроено. Бѣда, если случится пожаръ въ Соминѣ: трудно спасти эту груду строеній.

28 октября. Пристань Колчановская на берегу рѣки Сяси.

Какая была сегодня ночь! проливной дождь съ сильнымъ вѣтромъ; темень, глубокая грязь; а что за дорога! о ней и говорить нечего; едва можно ѣхать.

Пристань Колчанова на берегу рѣки Сяси, 15 верстъ выше сясьскихъ рядковъ. Здѣсь не товарная, а народная пристань; рабочіе и служащіе, отправляясь изъ Петербурга на родину, нанимаютъ лодки до пристани Колчановой;*) обыкновенная плата отъ 60 до 70 к. сер. съ человѣка. Отсюда они отправляются въ дальнѣйшій путь большею частью пѣшкомъ, а нѣкоторые нанимаютъ лошадей, потому-то здѣсь всегда стоятъ извощики и ждутъ лодки съ пассажирами; больше охотниковъ ѣхать — плата выше, больше пѣшеходовъ — ямщики берутъ что̀ дадутъ проѣзжіе; за довольно-большую дистанцію плата бываетъ отъ 70 до 85 к. сер. съ человѣка; въ телегу садятся три-четыре, а иногда и пять пассажировъ, смотря по погодѣ и карману проѣзжихъ. Сюда же прибываютъ и отправляющіеся въ Петербургъ съ ярославскаго и вологодскаго края, отсюда путь до Шлиссельбурга или и до Петербурга въ лодкахъ, а потому и дешево и покойно.

Харчевня колчановская стоитъ надъ Сясью, на красивой мѣстности и всегда биткомъ набита народомъ: одни идутъ въ столицу потереться между людьми, нажить копейку; другіе возвращаются на родину, и съ нажитой копейкой, а иные съ нажитыми недугами и пустымъ карманомъ; тутъ и разсказы новостей; тутъ передаются вѣсти и съ родины и изъ столицы; тутъ нерѣдко и встрѣча родныхъ и пріятелей — потолкуютъ, побесѣдуютъ за чашкой чаю — и прощаются, пересылая поклоны и въ ту и въ другую сторону; одни ѣдутъ съ надеждами, другіе уже потеряли надежду и, повѣся носъ, бредутъ домой. Но всѣ прибывающіе въ знаменитую колчановскую харчевню считаютъ необходимымъ напиться чайку. Слѣдуя этому народному обычаю, и я здѣсь пью чай, усталый, измоченный дождемъ, избитый на ярославской дорогѣ, не выходя изъ кибитки полные девять часовъ! Мы подъѣхали къ колчановской харчевнѣ на разсвѣтѣ осенняго туманнаго утра; въ это же время остановились у харчевни лодки съ пассажирами изъ Питера, а въ харчевнѣ и безъ того на ночлегѣ было много и прохожихъ и проѣзжихъ; всѣ комнаты харчевни наполнились армяками и синими кафтанами, нагольными и лисьими шубами; нагромоздились кучи

*) Въ настоящее время изъ Петербурга почти всѣ рабочіе, которымъ нужно идти въ эту сторону, ѣдутъ на пароходѣ, и ужь изъ Шлиссельбурга нанимаютъ до Колчановой.

чемодановъ, котомокъ, тюковъ и вьюковъ съ платьемъ и разнымъ скарбомъ; и забѣгала челядь харчевни въ ситцовыхъ рубашкахъ и передникахъ сомнительнаго цвѣта; столы покрылись чайными приборами и громадными самоварами, а гдѣ недостало ихъ, то чайниками съ кипяткомъ; и началась бесѣда русскаго народа съ игривыми разсказами, въ память добрыхъ и недобрыхъ хозяевъ и подрядчиковъ, съ поговорками, на которыя товарищи порой отвѣчали общимъ хохотомъ. Нерѣдко слышались требованія: «подбавь водицы, прибавь сахарку, да поторопись, любезный».

Между-тѣмъ продавцы кренделей и баранковъ привозныхъ, которыхъ много въ колчановской харчевнѣ, чуть не насильно навязывали свой товаръ проѣзжимъ. «Да возьми ты у меня, добрый человѣкъ, баранковъ свѣжихъ, самыхъ лучшихъ; въ дорогѣ пригодятся и съ чайкомъ покушать хороши». Какъ могли, добрые люди отнѣкивались отъ покупки, а иные убѣждались доводами торгашей и покупали, и торгъ баранками шелъ довольно успѣшно.

Молодежь, ѣхавшая въ Питеръ, обращалась къ опытнымъ дядѣ Степану или къ дядѣ Ивану, тертымъ мужикамъ: тѣ учили молодыхъ ребятъ куда идти въ Питеръ, какъ оберегаться плутовъ на Толкучкѣ; не водиться съ такими-то, не якшаться съ такими-то. Парни слушали дядю Степана, или дядю Ивана, и мотали на усъ, ка́къ жить въ большой многолюдной столицѣ, ка́къ нажить деньгу на черный день и прочіе разные нужные совѣты.

Я забился въ уголокъ съ моими чемоданами и наблюдалъ эту живую картину русскаго быта.

Настоящее названіе Колчановой пристани Рождественско-сясьская. Она основана отцемъ нынѣшняго содержателя харчевни, Соколовымъ. Старикъ, управляя имѣніемъ своего господина, Капустина, замѣтилъ, что рабочіе и судовщики, возвращаясь изъ Петербурга, до этого мѣста идутъ въ лодкахъ, а отсюда отправляются или пѣшкомъ, или нанимаютъ подводы, и въ 1814 году построилъ харчевню. Вскорѣ эта харчевня сдѣлалась центромъ сбора людей, мѣняющихъ путь судоходный на горный; сюда начали съѣзжаться и извощики, чтобъ отвозить путниковъ. Повремени помѣщикъ отказался отъ промысла харчевней и передалъ ее основателю ея, Соколову; Соколовъ принялся за дѣло съ толкомъ: построилъ большой новый домъ надъ самою рѣкою; пять комнатъ отдѣлилъ для посѣтителей и нѣсколько покоевъ устроилъ для себя. Старикъ

Соколовъ уже померъ; теперь промышляетъ сынъ его, толстый, дородный, краснощекій дѣтина, и платитъ своему барину въ годъ 800 р. асс. Когда я вошелъ въ его харчевню, онъ, въ красной рубахѣ, въ короткомъ плисовомъ, поднявшемся на грудь жилетѣ, съ преисправно возвысившимся животомъ, лежалъ на диванѣ и читалъ книгу — и что же онъ читалъ? Ивана Выжигина.» И въ харчевню къ Колчанову дошла литература!

Въ Колчановой, кромѣ путешественниковъ, есть и промышленныя дѣла. Немного выше этой пристани начинаются сясьскіе пороги, а потому тихвинки, слѣдующія по этой рѣкѣ, здѣсь разгруживаются наполовину; если въ суднѣ положено клади 1,000 пудъ, то идутъ отсюда порогами только съ половиной груза, т. е. съ 500 пуд.; сплывающіе же съ верховьевъ Сяси здѣсь догружаются для дальнѣйшаго хода къ Петербургу.

Отсюда ѣду лодкой до Ладоги; надобно плыть по Сяси 15 вер., а тамъ Сясьскимъ Каналомъ.

Чемоданы мои уже сложены въ лодку. Добрые русскіе люди еще чаюютъ и, вѣроятно, прочаюютъ долго; инымъ только-что подбавили и скипятили водицу въ самоварахъ, иные еще только-что раскраснѣлись и поразгладили свои длинныя бороды и выпили чайку по тринадцатой чашкѣ.

2 часа пополудни. Ладога.

Вотъ, наконецъ, я и въ Ладогѣ; какъ-нибудь въ эти сутки доберусь до Шлиссельбурга, а тамъ ужь на пароходѣ три часа пути до Петербурга.

Отъ пристани Колчановой по Сяси мы хоть и по водѣ плыли, но теченіе въ рѣкѣ едва замѣтно, и должны были тянуться бечевой; лошадь шла полнымъ шагомъ и мы хорошо подвигались впередъ.

Мы проходили между прекрасныхъ береговъ рѣки Сяси; по нимъ разбросаны дачи, деревеньки; вездѣ видна дѣятельность; на обоихъ берегахъ сложены десятки тысячъ саженъ дровъ, сплавленныхъ съ верховьевъ рѣки, а отправить въ Питеръ эти дрова не успѣли, и они остаются здѣсь до будущей навигаціи. Тутъ груды и короткихъ семи-вершковыхъ березовыхъ дровъ и длинныя фабричныя дрова и среднія, сосновыя и еловыя; всю эту массу дровъ согрѣвающую петербургскихъ жителей, сплавляютъ не въ плотахъ

и не въ судахъ, а прямо спускаютъ ихъ въ рѣку и дрова плывутъ подъ наблюденіемъ плывущихъ по рѣкѣ рабочихъ и прикащиковъ; когда же дрова подплываютъ къ мѣсту, назначенному для выгрузки ихъ на берегъ, то дѣлаютъ изъ бревенъ плотъ и запруживаютъ дрова, потомъ ихъ вытаскиваютъ и складываютъ въ поленницы. Но странно то, что сплавляются такимъ образомъ дрова многихъ дровоторговцевъ и партіи ихъ не мѣшаются въ рѣкѣ, особенно въ бурю! Говорятъ, что количество каждой партіи дровъ извѣстно и ни одинъ изъ дровопоставщиковъ не рѣшится присвоить себѣ чужой товаръ, потому-что его не дадутъ ему, ибо могутъ усчитать количество его товара, а за несправедливое присвоеніе только пристыдятъ его: такъ барыша было бы немного, а потому-то никто и не пускается въ эту продѣлку.

Полное осеннее ненастье; вѣтеръ верховой и довольно-силенъ, а перевозные карбасы плохи; мы съ трудомъ переѣхали Волховъ: едва не унесло насъ порывами бури въ Ладожское Озеро.

29 октября 7 часовъ утра. Шлиссельбургъ.

Въ ночь я переѣхалъ пространство отъ Ладоги до Шлиссельбурга. Сегодня холодно, льетъ дождь и во всю ночь такъ было. Начинаетъ свѣтать. Пароходъ отходитъ въ 9 часовъ. Я радъ, что нашелъ его здѣсь; по-крайней-мѣрѣ, окончаніе моего странствованія будетъ пріятное — на пароходѣ и по прекрасной рѣкѣ.

Пріѣхавъ сюда, я хотѣлъ-было отдохнуть, но уснёшь ли въ гостинницѣ? Еще было темно, какъ пришли судовщики, а послѣ нихъ, съ легкой руки, начались посѣщенія и требованія чая, «горячей водицы и прибавить сахарку». Половой покорно выслушивалъ приказы гостей и стремглавъ, какъ угорѣлый, каждый разъ бѣжалъ исполнить ихъ — такъ до отдыха ли тутъ усталому путнику! Немного погодя пришли трое молодцовъ; не то, чтобъ они были очень молоды, но и не стары, и расположились пить чай; выпили чашекъ по семнадцати на брата, и, напрощанье, начали оканчивать счетъ; двое плыли по каналу въ лодкѣ третьяго, такъ надо же и расплатиться. Видно, они не нанимали мѣста, а сѣли въ лодку попріятельски, а потому и рядной платы не было. «А что, братуха, вѣдь довольно съ насъ по пятачку?» — и вынули деньги. «Нѣтъ,

Ваня, мало».—«Ну такъ ужь по гривенничку довольно, братуха?»—«Полно, Ваня, маловато; какія деньги гривенникъ!»—«Ну хорошо, дадимъ по пятиалтынному; ужь, братъ, этого-то довольно; не говори».—«Полно ты, маловато; вотъ бы по два двугривенничка надо, сказалъ лодочникъ. Но пассажиры требованіе его нашли несоразмѣрнымъ и оба въ одинъ голосъ сказали: «Что ты! много, много!» однакожь прибавили, и вручивъ по двугривеннику, распростились. Теперь и мнѣ пора на пароходъ.

На пароходѣ. Полдень.

Въ 10 часу утра я нетерпѣливо ждалъ отправленія парохода. Пассажиры сбирались медленно, а въ озерѣ шумѣла буря: зыбь волнъ, проходя мимо крѣпости, доходила до пристани и покачивала пароходъ; но ожиданіе кончилось — пустили пары, колеса завертѣлись и пароходъ двинулся по теченію рѣки. Быстро мы неслись мимо прекрасныхъ береговъ Невы; туманъ и ненастье осени хотя и лишили ихъ многаго, все же глядишь и не наглядишься. Но мнѣ эти три часа казались длинными, очень длинными: ожиданіе встрѣчи съ ближними сердцу растягивало каждую минуту на какой-то длинный періодъ времени. Вотъ миновили и Александровскую Мануфактуру, вотъ, наконецъ, засинѣлъ и дивный куполъ Собора Смольнаго Монастыря, вотъ и пристань, вотъ и конецъ пути моего съ береговъ Печоры и отъ дальней грани Урала въ дикой пустынѣ!

С. Петербургъ.

Чтó за чудное изобрѣтеніе пароходъ! какимъ вѣчнымъ спасибомъ мы, всѣ путешествующіе, обязаны умному Фультону! Вы не сетесь по волнующейся рѣкѣ и морю; васъ не держитъ ни буря, ни противное теченіе: могучая сила паровъ работаетъ для васъ, несетъ васъ къ желанной цѣли — а вы спокойный только зритель, созерцатель мимолетныхъ видовъ; вы требуете только, чтобъ въ извѣстный часъ быть въ опредѣленномъ мѣстѣ—и больше ничего; вамъ ужь все кажется обыкновенно, чтó казалось еще такъ недавно необыкновеннымъ. Дá, пароходъ — дивное изобрѣтеніе ума человѣческаго! передъ вами онъ сократилъ пространства, путь неопре-

дѣленный обратилъ въ опредѣленный, и вы можете сказать, что въ такомъ-то часу вы будете тамъ-то. Благодаря этой штукѣ Фультона, и мы, странствователи, почти въ опредѣленную минуту остановились у пристани Смольнаго Монастыря; я сѣлъ на извощика и чрезъ нѣсколько минутъ былъ ужь въ кругу дорогихъ мнѣ; я нашелъ ихъ здоровыми и только одного малютки не было съ нами: онъ похороненъ на Волковскомъ Кладбищѣ.

Итакъ, 29 октября кончилось мое странствованіе. Возвратясь домой, къ родному очагу, невольно скажешь слова поэта: «когда постранствуешь, воротишься домой — и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.» Да, и для меня, наконецъ, насталъ возврата часъ желанный.

Списки съ жалованныхъ граммать Царя Іоанна IV, данныхъ Ивашкѣ Ласткѣ.

Се Язъ, Князь Великій Иванъ Васильевичь Всея Руссіи, пожаловалъ есми слободчика Ивашка Дмитріева сына Наугородцева по старой его жалованной грамматѣ, что мнѣ билъ челомъ, а сказывалъ, что на Устьцыльмѣ рѣкѣ отъ нижняго конца Чухчины горы отъ островковъ вверхъ по Печоры рѣки по обѣ стороны до Усы рѣки да по обѣ стороны Цыльмы рѣки до Косы рѣки, да по Пижмѣ рѣкѣ, да по Ижмѣ рѣкѣ, по обѣ стороны до великой Пожни, да по Печорѣ рѣкѣ пески рыбные ловища и межъ тѣми рѣками рѣчки малыя и озерки; по тѣмъ мѣстамъ лѣсъ, дичь и мхи, болота, сокольи и кречатьи садбища, а пашенъ, де ни покосовъ и рыбныхъ ловищъ на тѣхъ мѣстахъ изстари нѣтъ ни чьихъ никакихъ и отъ пашенныхъ людей, отъ Двинскихъ и отъ Пинежскихъ, тѣ рѣчки и сокольи садбища отошли далече, верстъ за пятьсотъ и больше, и на тѣ же рѣки и на пески, на рыбьи ловища и на сокольи и кречатьи садбища у того Ивашки граммата слободская копити ему на Меня на Великаго Князя слободу, а съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и съ сокольихъ и съ кречатьихъ садбищъ Мнѣ Великому Князю дастъ згоду на годъ оброку по кречату или по соколу, а не будетъ кречата или сокола, ино за кречата или за сокола оброку рубль, и какъ де тотъ слободчикъ Ивашко съ тѣмъ оброкомъ къ Москвѣ поѣдетъ или съ Москвы, и Наши мытчики и мостовщики и перевощики съ него мытъ и перевозъ и мостовщину емлютъ, а въ той его грамматѣ отъ нашихъ пошлинниковъ мытъ и перевозъ и мостовщина не написаны. А Мнѣ Ивашка пожаловать, коли онъ поѣдетъ къ Москвѣ съ Нашимъ оброкомъ, или съ Москвы къ себѣ поѣдетъ, мыта и иныхъ пошлинъ съ него имати не велѣти и онъ будетъ

такъ какъ мнѣ Ивашка Дмитріевъ билъ челомъ и сказывалъ, что по тѣмъ рѣчкамъ лѣсъ, дичь и пашенъ и покосовъ и рыбныхъ ловищъ изстари нѣтъ ничьихъ и отъ людей далече, и Язъ Князь Великій Ивашка Наугородцева пожаловалъ: велѣлъ есми ему на томъ лѣсу и впредь жити и дворъ ставити и людей призывати, жити и копити на Меня на Великаго Князя слободу, а давати ему Мнѣ Великому Князю съ тѣхъ сокольихъ и кречатьихъ садбищъ згоду на годъ оброку по кречату, а не будетъ кречата, и ему за кречата по рублю, по старой его жалованной граммате, до тѣхъ мѣстъ, чего его впредь нашъ писецъ впишетъ, а намѣстные Наши Пинежскіе и ихъ тіуны, того Ивашка и тѣхъ его слобожанъ не судятъ ни въ чемъ опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ, и кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не высылаютъ къ нимъ ни почто, а придведчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ слобожанъ Ивашко самъ во всемъ, а съ суда у нихъ емлетъ съ виноватаго пять денегъ Новгородскихъ, а случится судъ сместной, и тѣмъ его слобожанамъ съ городскими людьми или съ волостными, становыми и Наши намѣстницы Пинежскіе и ихъ тіуны тѣхъ его слобожанъ судятъ, а Ивашко Дмитріевъ судитъ туто жъ и бережетъ въ судѣ своего, а предь судомъ дѣлятся на полы, а кому будетъ чего искать на Ивашкѣ на самомъ, ино его сужу Язъ Князь Великій или нашъ сокольничій, а коли тотъ Ивашко поѣдетъ къ Москвѣ къ Намъ Великаго Князя съ оброчнымъ кречатомъ или съ Москвы къ себѣ поѣдетъ, и по городамъ таможники и по мѣстамъ Наши мытчики, и по рѣкамъ мостовщики и перевощики съ того Ивашка тамги оброку и мыта и перевозу ни иныхъ ни которыхъ пошлинъ не емлютъ; а кто у того Ивашки въ слободѣ пріѣзжихъ людей учнетъ жить сильно, а ему не явяся, и онъ съ того емлетъ промыты на Меня Великаго Князя рубль Московской, а на коли явитъ сію граммату Нашему Пинежскому намѣстнику и его тіуну одинова при его сидѣнье и онъ съ ее явки даетъ алтынъ. А дана граммата на Москвѣ лѣта ҂з пятьдесятъ третьяго марта въ 61 день.

Копія эта, по резолюціи Правительствующаго Сената 1-го Департамента, и по прошенію архангелогородской провинціи отъ Черносошныхъ крестьянъ депутата, Устьцылемской Слободки жителя, Ивана Чупрова, дана ему съ представленныхъ отъ него въ Пра-

вительствующій Сенатъ при челобитной подлинныхъ жалованныхъ грамматъ, о возобновленіи которыхъ онъ проситъ, а потому оныя и оставлены въ Сенатѣ до собранія о нихъ надлежащихъ свѣдѣній и рѣшительнаго по его прошенію опредѣленія. Января 16 дня 1769 года.

Се Язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь Всея Россіи пожаловалъ есми Ивашка Дмитріева сына Ластку, билъ челомъ, а сказываетъ, что есми пожаловалъ его напредь сего далъ ему на оброкъ на Печорѣ на Устьцыльмѣ лѣсъ черной, а велѣлъ есми ему на томъ мѣстѣ людей зазывати и пашни пахати, а оброку было ему давати въ нашу казну на годъ по рублю, да и граммату Нашу жалованную въ день на Москвѣ предъ Нами положилъ и въ грамматѣ Нашей жалованной пишетъ: пожаловалъ есми слободчика Ивашка Дмитріева сына Наугородцева по старой его жалованной грамматѣ, что Мнѣ билъ челомъ и сказывалъ, что на Усть-цыльмѣ рѣкѣ отъ нижняго конца Чухчины горы отъ островковъ вверхъ Печоры рѣки пески, рыбныя ловища и всякія угодья, и межъ тѣми рѣками рѣчки малыя и озерки и сокольи и кречатьи садбища, а пашенъ въ тѣхъ мѣстахъ верстъ и за пятьсотъ и больше нѣтъ ни чьихъ, да и граммата у него Наша слободская есть, почему ему на Меня на Великаго Князя слобода копити и съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и сокольихъ и кречатьихъ садбищъ мнѣ Великому Князю съ году на годъ оброку давати по кречату или по соколу, а не будетъ кречата или сокола, ино за кречетъ или соколъ оброку рубль; а Ивашка Ластка по той Нашей грамматѣ лѣсъ дичь росчищалъ и въ слободку людей призывалъ и церковь Николѣ Чудотворцу въ той слободѣ поставилъ и попа устроилъ, какъ ему у той церкви мочно прожити и въ томъ ему убытки учинились великіе, и лѣта ҂зч били Мнѣ челомъ Кеврольцы и Чакольцы и Мезенцы Вахрамейко Яковлевъ да Ивашко Семеновъ сынъ Бѣляевъ во всѣхъ крестьянъ мѣсто тѣхъ волостей, а сказывали намъ, что Ивашка Ластка съ слободки даетъ Намъ въ казну съ году на годъ оброку за соколъ по полтинѣ да наддали Намъ надъ Ивашковымъ оброкомъ полтретья рубля и они Насъ тѣмъ оболгали, что Ивашка Ластка даетъ Мнѣ Царю и Великому Князу въ нашу казну на годъ за соколъ по полтинѣ, а тѣ Кеврольцы и Чакольцы и Мезенцы отъ тое слободки и отъ Печоры живутъ болѣе тысячи верстъ, а Ивашка Ластка напередъ сего на тѣхъ Кеврольцевъ, Чакольцевъ и Мезенцевъ къ

Намъ бить челомъ на нихъ пріѣзжалъ же, а ѣхали къ Намъ на Москву съ ними же вмѣстѣ и тѣ Мезенцы, ѣдучи съ нимъ дорогою подкинули его нарядною грамматою, и положили въ колодкѣ въ его сумку, и Мы того сыскавъ здѣсь на Москвѣ, того Ивашка Ластку пожаловали велѣли ему ту слободку вѣдати по его старой грамматѣ, а у Кеврольцевъ, и у Чакольцевъ и у Мезенцевъ граммату есми свою жалованную велѣли взять назадъ, потому что тѣ Кеврольцы и Чакольцы и Мезенцы живутъ отъ той слободки и отъ рѣки отъ Печоры больше тысячи верстъ и лѣта ҂зч втораго Марта били намъ челомъ тѣ же большіе Пинеги, Кеврольцы и Чакольцы и Мезенцы Вахрамейко Яковлевъ да Ивашко Семеновъ сынъ Бѣляевъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто тѣхъ волостей, чтобы Намъ ихъ пожаловати велѣти имъ отдать ихъ жалованную граммату и оброкъ бы на нихъ велѣти взяти въ нашу казну по ихъ жалованной грамматѣ, а про Ивашку про Ластку сказали, что его безвѣсти нѣтъ, и мы ихъ пожаловали ту имъ граммату велѣли отдать и оброкъ нашъ по ихъ грамматѣ Дьяку своему Василью Ступѣ Андрееву сыну на два года на прошлой лѣта ҂зч первой да нынѣшней лѣта ҂зч второй годъ по три рубли денегъ на годъ велѣли взяти. И послѣ того въ Апрѣлѣ пріѣхавъ на Москву Ивашка Дмитріевъ сынъ Ластка, да намъ билъ челомъ о той слободкѣ и о рыбной ловлѣ, о пескахъ по Печорѣ рѣкѣ и о всякихъ угодьяхъ пожалованной нашей грамматѣ на ту слободку, а сказывалъ, что онъ къ намъ на Москву съ нашимъ оброкомъ на срокъ не поспѣлъ, потому что его на Печорѣ на промыслу Вахрамейко да Иванковы Бѣляева товарищи Кеврольцы и Чекольцы и Мезенцы задержали наровечи своимъ товарищамъ, и Мнѣ бы его пожаловати дати ему на ту слободку и на тѣ сокольи мѣста своя жалованная граммата и вѣдати бы ему велѣти по старинѣ та слободка и сокольи и кречатьи садбища и по Печорѣ рѣкѣ рыбные по старинѣ по сей нашей грамматѣ и по старой какъ напредь сего Ивашка Ластка вѣдалъ, а надъ тѣмъ оброкомъ наддалъ въ Нашу казну рубль. И Азъ Царь и Великій Князь Ивашка Ластку пожаловалъ велѣлъ ему ту слободку и сокольи и кречатьи садбища и на Печорѣ рѣки рыбные ловли и по мелкимъ рѣчкамъ и озеркамъ вѣдати по прежней нашей жалованной грамматѣ и по слободской и по сей нашей грамматѣ потому, что насъ тѣ Кеврольцы и Чекольцы и Мезенцы Вахрамейко Яковлевъ съ товарищи оболгали, что Ивашки Ластки безъ вѣсти нѣтъ, и давати ему

оброку Мнѣ Царю и Великому Князю на годъ въ Нашу казну по четыре рубля Московскіе, а привозити ему тотъ оброкъ въ нашу казну на срѣтеньевъ день и дати ему тотъ оброкъ въ первые на срокъ на срѣтеньевъ день лѣта ҂зч третьяго. Писана на Москвѣ лѣта ҂зч втораго Апрѣля въ кн день.

При подлинной грамматѣ при концѣ печать. На подлинной грамматѣ на оборотѣ на главѣ подпись: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Руссіи.

На той же грамматѣ на оборотѣ написано: лѣта ҂зч Марта въ 1 били челомъ Казначеямъ Ѳедору Ивановичу Сукину да хозяину Юрью Юрьевичу Тютину изъ Двинскаго уѣзда Пинежана Староста Куземка Ѳедоровъ сынъ Кудреватой да Михѣйко Терентьевъ, что они платили по жалованной оброчной грамматѣ за рыбную ловлю на Устьцыльмѣ по Печорѣ рѣкѣ на годъ по три рубли съ наддачею, и тѣ ихъ рыбные ловли на оброкъ взялъ Ивашка Ластка Дмитріевъ сынъ, а надъ ихъ оброкомъ наддалъ рубль и они надъ его оброкомъ наддавали два рубли, да сами съ Москвы съѣхали, а граммату свою оброчную оставили на Москвѣ; и послѣ ихъ Апрѣля въ Ѳ. Ивашка Ластка билъ челомъ намъ Казначеямъ, чтобы ему тѣ рыбные ловли на Цыльмѣ по Печорѣ рѣкѣ велѣли дать на оброкъ, по его жалованной грамматѣ на тотъ же оброкъ съ наддачею на шесть рублевъ что давали Пинежане Куземка Ѳедоровъ да Михѣйко Терентьевъ, а про Пинежанъ Ивашка Ластка сказывалъ Казначеемъ, что они отъ Печоры рѣки и отъ Цыльмы живутъ за тысячу верстъ и ловятъ рыбные ловли наѣздомъ, а самъ Ивашка Ластка живетъ на рѣкѣ на Печорѣ противъ Цылемскаго устья и Казначеи велѣли Ивашкѣ Ласткѣ тѣ рыбные ловли на тотъ оброкъ отдать по его жалованной грамматѣ, а дати ему тотъ оброкъ съ наддачею въ первѣе на нынѣшней шестьдесятъ третій годъ, а подписалъ Дьякъ Василій Ступа Андреевъ.

Приказалъ Окольничій Алексѣй Ѳедоровичь Адашевъ.

На подлинной по листамъ скрѣпилъ Секретарь Петръ Ниирахинъ.

Съ подлиннымъ читалъ Канцеляристъ Александръ Брызгаловъ.

Съ подлиннымъ свѣрялъ Регистраторъ Илья Ивановъ.

20 АПР 1944

2007043786